

Д. С. Давыдов

ТАЙНЫ

ПАМЯТОК
ДИПЛОМАТИИ

1939—1941

Предисловие

Нужно быть правдивым во всем, даже в том, что касается родины. Каждый гражданин обязан умереть за свою родину, но никого нельзя обязать лгать во имя родины. Ш.-Л. Монтескье

Случилось это полвека назад. В сентябре 1939 г. фашизм объявил войну человечеству. Зловещая тень германского орла с зажатой в когтях фашистской свастикой нависла над Европой. Преданный мюнхенцами, стонал под сапогом оккупанта народ Чехословакии. В результате сентябрьской катастрофы 1939 г. ночь гитлеровской оккупации опустилась над Польшей. После «перемирия», продиктованного Гитлером в Компьенском лесу в июне 1940 г., испила до дна свою чашу горя свободолюбивая Франция. Солдаты фюрера маршировали по улицам Брюсселя, Гааги, Осло, Копенгагена, Белграда, Афин. Хозяевами чувствовали они себя и в Болгарии, Венгрии, Румынии. Продолжалась «битва за Англию»: когда-то неприступный Альбион с трудом отражал налеты германских люфтваффе. Европа погрузилась во мглу, в которой, казалось, не было просвета. Фюрер торжествовал победу – у его ног лежало одиннадцать стран. 22 июня 1941 г. гитлеровские полчища вторглись на территорию Советского Союза.

2078 дней и ночей продолжалась в Европе вторая мировая война. Начавшись на Вестерплатте в Польше, она завершилась в Берлине. Десятки миллионов погибших и искалеченных людей, еще больше – без крова на пепелищах городов и сел – таков итог этой жестокой войны. В оккупированных странах Европы численность населения уменьшилась от 5 до 25%. Общее число жертв составляет более 50 млн. человек.

Благодаря невероятным героическим усилиям народов гитлеровская Германия была повержена. Решающую роль в этой великой Победе над фашизмом сыграли армии стран антигитлеровской коалиции – Советского Союза, США, Великобритании, Франции и других государств. Вместе с ними, хотя и по разные стороны от линии фронта, героически сражались и участники движения Сопротивления. Долгожданная победа над фашизмом – это результат их совместных действий.

Размышляя об этой самой кровопролитной в истории человечества войне, мы невольно возвращаемся к предвоенному времени, вошедшему в историю как предвоенный политический кризис, с тем чтобы понять ту международную обстановку в которой война готовилась и была развязана. Предвоенный политический кризис – это особое состояние межгосударственных отношений в Европе, характеризующееся обострившимися противоречиями, которые в той ситуации, или позже, могли быть разрешены только военным путем. Он возник в конце 30-х годов в результате подготовки и частичного осуществления нацистской Германией агрессивных экспансионистских планов по завоеванию мирового господства при попустительстве со стороны правящих кругов Англии и Франции, продемонстрированном в Мюнхене.

Как свидетельствует история, каждой войне предшествует более или менее длительный и острый политический кризис в отношениях между странами. Но не каждый такой кризис обязательно перерастает в войну. Военный путь развязки нараставших противоречий может быть отодвинут на неопределенное время или вообще предотвращен дипломатическими, политическими средствами.

В конце 30-х годов такие неагрессивные страны, как Англия, Франция, Советский Союз и некоторые другие, не сумели воспользоваться этими средствами, не создали системы коллективной безопасности, в результате чего они порознь стали жертвами военной мощи гитлеровского режима. Одна из причин сложившейся тогда ситуации состояла во взаимном недоверии неагрессивных государств, в их национальном эгоизме или даже в стремлении столкнуть своего партнера с Германией, надеясь таким путем спасти себя.

Ценность таких императивных принципов международного права, как верность заключенным договорам, уважение суверенитета всех стран, разрешение спорных вопросов только политическим путем и другие, стремительно девальвировалась. Особую опасность для малых стран Европы приобрела тенденция игнорировать их интересы со стороны более крупных держав, тенденция, которая в конце 30-х годов стала, к сожалению, доминирующей в отношениях между некоторыми государствами.

Правда о драматических событиях советской истории в 1939–1941 гг. до последних лет оставалась особо охраняемым секретом. Но в настоящее время, постепенно и с большими усилиями освобождаясь от цензурных ограничений и некоторых идеологизированных догм, советские историки предприняли серьезную попытку проанализировать не только советско-германский договор 1939 г., но и весь комплекс событий в период предвоенного политического кризиса, место и роль действовавших тогда на международной арене политических сил. Эта работа принесла определенные результаты, особенно в своеобразном «юбилейном» 1989 году, когда были обнародованы некоторые секретные документы. Исследователям стали более доступны труды зарубежных специалистов, прошел ряд международных и национальных научных форумов.

Советские историки (В. А. Анфилов, Л. А. Безыменский, В. М. Бережков, Ю. Н. Зоря, В. Л. Израэлян, В. И. Дашичев, Н. А. Кирсанов, Ф. Н. Ковалев, В. М. Кулиш, Г. А. Куманев, Н. С. Лебедева, А. Н. Мерцалов, Р. А. Мюллерсон, А. С. Орлов, Д. М. Проэктор, О. А. Ржешевский, А. М. Самсонов, П. П. Севостьянов, В. Я. Сиполс, Н. Д. Смирнова, С. З. Случ, С. А. Тюшкевич, В. М. Фалин, А. О. Чубарьян, А. С. Якушевский и другие) в журналах и газетах опубликовали интересные, хотя в ряде случаев и спорные статьи.

Принципиальное значение для оценки событий 1939 г. имеет сообщение Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г., сделанное ее председателем А. Н. Яковлевым на II Съезде народных депутатов СССР[1], и соответствующее постановление Съезда, а также статья первого заместителя министра иностранных дел СССР А. Г. Ковалева, убедительно подтвердившая существование секретного протокола к советско-германскому договору от 23 августа 1939 г.[2]

В последние годы историки В. Г. Федоров, Н. И. Барышников, В. Н. Барышников, А. Г. Донгаров, А. С. Орлов опубликовали интересные исследования по истории советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Благодаря работам В. К. Абарина, Ю. Н. Зори, Н. С. Лебедевой, А. С. Парсадановой, А. С. Прокопенко стали проясняться обстоятельства преступления в Катыни. Важное значение имеют изданные Министерством иностранных дел СССР в 1990 г. документы и материалы о кризисе в 1938–1939 гг. и сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией по сообщениям советских полпредов в этих странах. В итоге вырисовываются четкие контуры картины реальных событий того сложного и противоречивого периода, хотя, конечно, далеко не все тайны раскрыты и еще немало белых пятен. Нас по-прежнему волнуют вопросы: почему провалились англо-франко-советские

переговоры; была ли альтернатива советско-германскому договору о ненападении; какую войну вели Англия и Франция; кто и зачем делил Польшу в сентябре 1939 г.; какие интересы преследовал Советский Союз в Прибалтике и Бессарабии; кому нужна была советско-финляндская война; преступление в Катыни; как Гитлер готовил войну против СССР.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы, опираясь на имеющиеся источники, показать, как вписывалась сталинская внешнеполитическая концепция в предвоенный политический кризис и как она соотносилась с политикой Англии, Франции и Германии. Разумеется, не хотелось бы терять надежды на то, что в скором времени объединенными усилиями специалистов удастся все же провести всесторонний и глубокий анализ «советского фактора» в событиях того далекого предвоенного времени. Предлагаемые исторические очерки по своему содержанию несколько выходят за рамки названия. Не ко всем описанным в них событиям имел непосредственное отношение рабочий орган советской внешней политики – дипломатическое ведомство.

Часть очерков в 1988–1990 гг. была опубликована в советской и зарубежной печати. Данной работой автор намерен внести свой скромный вклад в благородное дело научного освещения событий, предшествовавших Великой Отечественной войне советского народа, 50-летие начала которой отмечается в этом году.

Глава I. Двойная игра

1. У истоков

Начало предвоенному политическому кризису положил сговор Англии и Франции с фашистскими странами – Германией и Италией в Мюнхене в сентябре 1938 г. Мюнхен поставил мир перед серьезной угрозой, объективно поощрял агрессора выдвигать все новые требования. Даже в правительственных кругах Англии и Франции не все однозначно приняли Мюнхенское соглашение. Опытные политики предостерегали о его возможных опасных последствиях. Так, постоянный заместитель иностранных дел Великобритании А. Кадоган заявил советскому полпреду И. М. Майскому, что «результатом Мюнхена, по всей вероятности, будут новые и гораздо более серьезные европейские осложнения в ближайшем будущем»[3]. И. Риббентроп, недавно назначенный министром иностранных дел Германии, был недалек от истины, когда, комментируя итоги мюнхенской сделки, заявил: Чемберлен «сегодня подписал смертный приговор Британской империи и предоставил нам проставить дату приведения этого приговора в исполнение»[4].

Что же касается Советского государства, то к середине 30-х годов оно, хотя и не всегда последовательно, демонстрировало свое миролюбие и заинтересованность в мирном сосуществовании с капиталистическими странами. Однако набиравшие силу в эти годы террористические методы руководства во внутривнутриполитической жизни Советского Союза находили отражение и в его международной политике. Особый «сталинский» почерк все более проявлялся во внешнеполитических шагах советского правительства. В принципиальном плане это выражалось прежде всего в том, что советское руководство давало одностороннюю оценку расстановки и соотношения политических сил в мире. Утверждалось, например, что в центре мировой политики стояла борьба двух систем – капиталистической и социалистической. Отсюда формулировался тезис о том, что СССР

является крепостью, осажденной врагами, одиноким островком в бушующем океане империализма, который только и выжидает случая, чтобы смыть этот островок с лица земли. Из этого тезиса вытекал вывод, который настойчиво навязывался советскому народу Сталиным, чтобы оправдать его внутреннюю политику: необходимо усиливать эту крепость (т. е. сталинский режим) и всячески поддерживать закрытый характер советского общества.

В области внешней политики допускалось решать возникающие проблемы наступательными военными средствами. Таким образом, возрождалась концепция насаждения мировой социалистической революции, которая была популярной в политических и военных кругах Советского Союза еще в 20-е годы. Тогда это рассматривалось с точки зрения создания больших возможностей для расширения «социалистического базиса войны», потому что занятая территория неизбежно должна была стать советской территорией, где бы осуществлялась власть рабочих и крестьян. Таким образом, считалось, что занятием территории Красная Армия расширяет не только «базис войны», но и «социалистический базис» вообще.

Может быть, политическое и военное руководство в конце 30-х годов, исходя из приобретенного опыта и решений VII конгресса Коминтерна, отказалось от подобных авантюристических планов, по существу, связанных с экспортом революции? К сожалению, это не совсем так. Как следует из высказываний партийного теоретика А. А. Жданова и начальника Главного политуправления РККА Л. З. Мехлиса, подобные взгляды сохранялись, а произошедшее в августе 1939 г. сближение СССР с гитлеровской Германией вовсе не означало полного отказа советского руководства от «наступательной стратегии»[5]. Наоборот, такое «сближение» (или, точнее, сговор двух диктаторов) создало благоприятные условия для ее успешной и безопасной реализации, о чем свидетельствовали советские акции в Польше, против Финляндии, в Прибалтике и Бессарабии. По вопросу о заинтересованности Сталина в наступательной войне заслуживают внимания следующие рассуждения Троцкого. В 1939 г. он писал, что Сталину такая война не нужна, ибо в случае вовлечения в нее СССР вся «ложь официальной системы вызовет неизбежно глубокую реакцию со стороны народа, который совершил в этом столетии три революции. Никто не знает этого лучше, чем Сталин. Основная идея его внешней политики – избежать войны»[6]. Но в следующем, 1940 году (13 марта), когда вторая мировая война была в разгаре, Троцкий уточняет свою позицию следующим образом: «...временно Сталин может получить поддержку извне: для этого нужно было бы, чтобы союзники вступили в войну с СССР. Такая война поставила бы перед народами СССР вопрос не о судьбе сталинской диктатуры, а о судьбе страны. Защита от иностранной интервенции неизбежно укрепила бы позиции бюрократии. В оборонительной войне Красная Армия действовала бы, несомненно, успешнее, чем в наступательной. В порядке самообороны Кремль оказался бы даже способен на революционные меры. Но и в этом случае дело шло бы только об отсрочке. Несостоятельность сталинской диктатуры слишком обнаружилась за последние 15 недель, что народы, сдавленные тоталитарным обручем, теряют способность наблюдать и рассуждать. Они делают свои выводы медленнее, но тем тверже и глубже»[7]. Советская пропаганда постоянно твердила о том, что государству передового революционного класса по самой его природе свойственна наступательная стратегия сокрушения. Советским людям внушалось, что «от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее».

Сталинизм игнорировал важный гуманистический принцип приоритетности в международных отношениях общечеловеческих интересов. Да и как Сталин мог уважать этот принцип, если в 1937 г. сам выдвинул концепцию обострения классовой борьбы в советском обществе, а в международных делах не учитывал классовую и политическую разнородности сил, действовавших тогда на мировой арене! Сталин и его окружение, прежде всего Молотов, внесли свой субъективный подход в советскую внешнеполитическую стратегию. Созданный искусственно Сталиным конфронтационный дух так пронизывал действия советского руководства, что мешал трезво оценить ситуацию и реально определить, где враги, а где

силы, могущие стать союзниками СССР. Этому препятствовал прежде всего антифранко-английский синдром Сталина. Верх брали эмоции и стереотипы, а не рассудок.

Командно-административные методы и идеологизированный подход Сталина ко многим внешнеполитическим проблемам довели над советской дипломатией. Процесс принятия важных, внешнеполитических решений имел узкоэлитарный характер, народ же вообще был отстранен от участия в формировании внешней политики. Авторитарная практика во внешней политике СССР, особенно в период 1939–1941 гг., не отражала и не учитывала адекватно протекавшие в мире сложные и противоречивые процессы и объективно не соответствовала коренным интересам Советского государства и народа.

Не подлежит сомнению (и это еще раз было документально доказано в ходе заседаний Нюрнбергского международного трибунала), что главными виновниками предвоенного политического кризиса, а затем и мировой войны были Германия, Италия и Япония, которым содействовали их сателлиты. Немалая доля ответственности за возникновение предвоенного политического кризиса ложится и на правящие круги Англии и Франции. Та осторожность, а то и просто недоверие к внешнеполитическому курсу СССР, которые демонстрировали правительства Великобритании, Франции, США и других стран, вызывались многими причинами. Но одна из них несомненно состояла в определенном повороте общественного мнения этих стран от уважения к Советскому Союзу как светочу новой жизни и оплоту борьбы с фашизмом к страху перед непредсказуемыми решениями советского руководства во внешней политике и террористическим режимом, установленным Сталиным внутри страны. Трудно уйти от вывода, что именно в этот сложный момент советских руководителей покинуло также чувство реализма и выдержки. Видимо, к данной позиции Сталина и его окружения вполне применимы слова А. Н. Яковлева, сказанные на II Съезде народных депутатов СССР: «Оправдывать собственные падения грехами других – путь не к честному самопознанию и обновлению, а к историческому беспамятству»[8].

Советское руководство не могло не знать, что мюнхенский сговор – не последний внешнеполитический шаг западных держав. Оно было осведомлено о глобальных планах Гитлера. Поэтому наряду с политикой Англии и Франции сталинизм стал одной из основных причин, по которой Советский Союз не был готов к соглашению с этими странами о совместных действиях против фашизма. Сталинский режим в политическом, да и в моральном плане был больше подготовлен к сговору именно с Гитлером.

Попытаемся же реконструировать в хронологическом порядке важнейшие шаги как Советского Союза, так и Германии с осени 1938 г.

Германское посольство в Москве уже в первые дни после заключения Мюнхенского соглашения предвидело возможность пересмотра внешней политики СССР и связанные с ним персональные перемещения в Наркомате иностранных дел. Так, 3 октября 1938 г. советник германского посольства в Москве В. фон Типпельскирх докладывал в Берлин: «Обращаясь к области политического прогноза, нельзя отказываться от мысли, что Советский Союз пересмотрит свою внешнюю политику. В этой связи надо иметь в виду прежде всего отношения с Германией, Францией и Японией... Я не считаю невероятной гипотезу, что современное положение открывает благоприятные возможности для нового и более широкого экономического соглашения Германии с СССР»[9].

В Берлине этими возможностями стремились максимально воспользоваться. В октябре 1938 г. между германским послом в Москве Ф. фон Шуленбургом и М. М. Литвиновым была достигнута договоренность о прекращении нападок по радио и в прессе на руководящих деятелей обеих стран. Затем последовало заключение взаимовыгодного торгового соглашения[10]. На дипломатическом приеме 12 января 1939 г. Гитлер демонстративно в течение нескольких минут беседовал с советским полпредом А. Ф. Мерекаловым, чего раньше никогда не делал. В речах Гитлера от 30 января и 28 апреля 1939 г. не содержалось

обычных в прошлом нападок на Советский Союз и его внешнюю политику[11].

Длительное время отношения между Германией и СССР осуществлялись в виде эпизодических контактов дипломатических представителей обеих стран. Так, советский полпред в Берлине А. Ф. Мерекалов после своего назначения на эту должность 6 мая 1938 г. и затем вручения верительных грамот Гитлеру 13 июля того же года впервые посетил министерство иностранных дел Германии с деловым визитом лишь 17 апреля 1939 г. Как записал в своем служебном дневнике статс-секретарь Э. фон Вайцеккер, этот визит стал хорошим предзнаменованием в советско-германских отношениях[12].

С весны 1939 г. контакты советских дипломатических представителей с немецкими приобрели такой же активный характер, как с английскими и французскими. Руководители Германии заявляли о своем желании «возродить дух Рапалло», напомнили о договоре, который в 1922 г. стал историческим в судьбах этой побежденной страны и молодой Советской России.

Контакты, в ходе которых осуществлялся взаимный зондаж о путях улучшения отношений между обеими странами, приобрели постоянный характер. Начались они с успешного разрешения простого вопроса: советская сторона получила согласие на продолжение выполнения военного заказа чешскими заводами «Шкода», которые с марта 1939 г. стали собственностью Германии[13]. Чем они закончились, будет сказано ниже.

Так была предпринята пресловутая двойная игра сталинского руководства, воспользовавшегося сложившейся ситуацией, когда СССР оказался в положении «богатой невесты», ухажеры которой повернули курс от полного игнорирования до страстного желания овладеть ею.

Обе стороны медленно, но настойчиво расчищали накопившиеся в их отношениях «завалы». Немецкая пропаганда не акцентировала более внимания на том, что врагом номер один Германии является Советский Союз. Огонь пропагандистской войны был перенесен на Рузвельта и «других западных плутократов».

Сталин, особенно в период до мая 1939 г., когда наркомом иностранных дел был Литвинов, не терял надежды и на сотрудничество с противниками миротворцев в Лондоне и Париже. Не возражал он и против реанимации системы коллективной безопасности. Одновременно он давал понять, что не исключена и возможность улучшения отношений с Германией, поскольку по-прежнему испытывал недоверие к политике Англии и Франции, обострившееся после Мюнхена, когда эти страны небезуспешно стремились изолировать СССР на международной арене и свели практически на нет усилия советской дипломатии по созданию системы коллективной безопасности.

В отчетном докладе на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 г. Сталин заявил, что советская дипломатия будет проводить политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами, в то же время соблюдая осторожность и не давая провокаторам войны втянуть Советский Союз в конфликт. Отдав должное критике антисоветской политики мирового империализма и выразив свое негативное отношение к тому, что «три агрессивных государства и начатая ими новая империалистическая война опрокинули вверх дном всю... систему послевоенного мирного режима», Сталин, по существу, пытался выгородить планы фашистских руководителей Германии в отношении Украины. Он обвинил англо-французскую и американскую прессу в том, что она напрасно подняла этот «подозрительный шум», а стремление присоединить Советскую Украину к Карпатской Украине приписал только имеющимся в Германии «сумасбродам», но никак не официальной политике Гитлера. После этого докладчик сделал вывод: «Этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований»[14].

Эти слова Сталина поняли в Берлине как приглашение к диалогу[15].

2. В особняке на Спиридоновке

Это было время, когда произошло новое резкое усиление военной угрозы в Европе. Германия захватила Чешские земли, а Словакии предоставила призрачную независимость. Агрессивные действия Германии вызвали озабоченность во многих странах, однако пути обеспечения своей собственной безопасности там видели неодинаково.

Политика западных держав, направленная на умиротворение Гитлера, закончилась тем, что Гитлер захватил Чехословакию. С марта 1939 г. Англия и Франция, не прекратив попыток сотрудничества с Гитлером и Муссолини, решили установить союзные отношения с СССР[16].

Оккупация Чехословакии значительно активизировала деятельность противников Мюнхена в Англии и Франции. Общественность этих и других стран требовала принять решительные меры против усиливавшейся фашистской агрессии. Так, если осенью 1938 г. общественное мнение Франции одобрило Мюнхенское соглашение (за него высказалось 53% опрошенных, против – только 37%), то летом 1939 г. уже 76% опрошенных высказалось за применение силы в случае германской агрессии против Польши.

Об эволюции общественного мнения Великобритании в течение 1939 г. свидетельствуют следующие данные проведенных опросов: в апреле 83% опрошенных одобрили данные Англией гарантии некоторым странам. В мае 57% опрошенных считали, что опасность войны с осени прошлого года уменьшилась. В июне 61% считали, что созыв всемирной конференции за предотвращение войны был бы полезен, а в августе 76% опрошенных выступали за то, чтобы Великобритания вступила в войну, если Германия захватит Данциг[17]. Против Н. Чемберлена и его сторонников продолжали выступать У. Черчилль, А. Иден, Д. Ллойд Джордж и другие видные политические деятели страны, осуждавшие политику умиротворения агрессора.

15 апреля 1939 г. президент Рузвельт обратился с посланием к Гитлеру и Муссолини, в котором предлагал им дать заверения в том, что они не нападут на перечисленную в послании 31 страну в Европе, Азии и Африке, в том числе и на СССР. Взамен этого заверения американский президент соглашался помочь Германии и Италии в открытии путей для международной торговли. В письме председателю Президиума Верховного Совета Союза ССР М. И. Калинину Рузвельт передал содержание этого обращения.

Какова же была реакция Гитлера? Выступая в рейхстаге 28 апреля, он заявил о расторжении Германией договора о ненападении с Польшей и морского соглашения с Англией. В беседе с Э. Бенешом в мае 1939 г. Рузвельт заявил, что аннексия чешских земель – крупнейшая ошибка Гитлера, ибо он «проглотил динамит», восстановил против себя всех честных людей в мире и нанес удар по Чемберлену, который до сих пор не может от него оправиться. Далее Рузвельт выразил надежду, что народы заставят Даладье и Чемберлена заключить соглашение с Советским Союзом[18].

Усиливавшаяся агрессивность Германии, которая уже непосредственно угрожала интересам Великобритании и Франции в Европе, и нараставшее недовольство общественности политикой умиротворения Гитлера в определенной мере оказали влияние не некоторую эволюцию внешнеполитической линии Н. Чемберлена и Э. Даладье. Правда, их позиция менялись непоследовательно, но все же это не был тактический прием, за которым могло скрываться сознательное продолжение прежнего курса.

Изменение проявилось в следующем. Во-первых, 31 марта 1939 г., т. е. через несколько дней после вступления германских войск в Прагу, Чемберлен заявил в парламенте, что в случае возникновения угрозы независимости Польши и если Польша окажет сопротивление агрессору, английское правительство «будет считать себя связанным немедленно оказать польскому правительству всю находящуюся в его силах помощь»[20]. Эти односторонние гарантии вскоре приобрели взаимный характер, что было зафиксировано в англо-польском коммюнике от 6 апреля 1939 г.[20]. Несколько позднее подобное заявление сделало и французское правительство. Летом того же года эти документы были оформлены в международно-правовые обязательства о гарантиях. Все эти факты были хорошо известны Сталину из донесений советских полпредов в Англии и Франции. «Случилось то, чего больше всего старался избежать Чемберлен, – телеграфировал в Москву И. М. Майский 20 марта 1939 г. – Между Англией и Германией пролегла глубокая политическая и морально-психологическая борозда, которую заровнять будет нелегко. Какие-либо переговоры между Лондоном и Берлином в ближайшем будущем невозможны»[21].

26 марта полпред СССР во Франции Я. З. Суриц также докладывал: «Акт 15 марта замыкает целую полосу германских захватов, но все предшествующие захваты имели в глазах обывателя все же некоторую видимость оправдания. Они либо касались областей, оторванных от Германии Версальским договором (Саарская область), либо касались областей, сплошь населенных немецким населением (Австрия, Судеты)... Если в согласии с расистской теорией Гитлер действительно хочет объединить под своим «скипетром» только одних немцев и заранее отвергает всех, которые принадлежат к иной расе, то французам беспокоиться нет особых оснований, особенно после того, как достигнуто соглашение относительно Эльзаса и Лотарингии. Не может быть никакого сомнения, что это соображение сыграло и значительную роль при разрешении судетского вопроса и облегчило Чемберлену и Даладьё заключить Мюнхенское соглашение. Акт 15 марта убил и эти наивные иллюзии и дал новый и поучительный урок политической грамоты»[22].

Во-вторых, тогда же, в марте 1939 г., когда Чемберлена и Даладьё постигло горькое разочарование, потому что Гитлер пошел дальше того предела, за которым лежали уже непосредственно их интересы, они предприняли шаги к началу переговоров с Советским Союзом как по политическим, так и по военным вопросам. Так, министр иностранных дел Франции Ж. Бонне 29 апреля 1939 г. передал следующий проект соглашения Франции, Великобритании и СССР, текст которого сильно отличался в лучшую сторону от предыдущих проектов: «В случае если бы Франция и Великобритания оказались в состоянии войны с Германией в результате действий, предпринятых ими с целью предупредить всякое насильственное изменение положения, существующего в Центральной или Восточной Европе, СССР оказал бы им немедленно помощь и поддержку.

В случае если бы СССР оказался в состоянии войны с Германией в результате действий, предпринятых им с целью предупредить всякое насильственное изменение положения, существующего в Центральной или Восточной Европе, Франция и Великобритания оказали бы ему немедленно помощь и поддержку.

Три правительства согласуют между собой без промедления формы оказания этой помощи в том и другом из предусматриваемых случаев и предпримут все меры к тому, чтобы обеспечить ей полную эффективность»[23].

Это реалистичное и уравновешенное предложение Франции, к сожалению, не нашло поддержки в Лондоне. Английское правительство по-прежнему настаивало на том, чтобы СССР оказывал Англии помощь в случае ее вовлечения в войну, но не изъявляло готовности оказывать помощь Советскому Союзу, если он окажется в аналогичной ситуации. Важно при этом подчеркнуть, что в военных кругах Лондона настаивали на соглашении с Советским Союзом. Так, в меморандуме начальников штабов вооруженных сил, направленном правительству 16 мая 1939 г., отмечалось, что тройственный союз Англии, Франции и СССР

«будет представлять собой солидный фронт внушительной силы против агрессии». Авторы меморандума одновременно предупреждали, что отсутствие Соглашения о взаимопомощи между этими странами явится «дипломатическим поражением, которое повлечет за собой серьезные военные последствия»[24].

Подобное развитие событий недооценивать нельзя, ибо оно свидетельствовало о том, что Англия и Франция понимали роль Советского Союза в европейской политике и вынуждены были считаться с ним как с важным политическим фактором в Европе. Об этом свидетельствуют и более поздние телеграммы Сурица – от 14 и 15 апреля, Майского от 14 апреля, а также беседы Литвинова с британским послом в СССР У. Сидсом 15, 16 и 17 апреля[25].

Изменившуюся международную обстановку отмечали в то время «Известия». В статье «К международному положению» (11 мая 1939 г.) отмечалось, что после выступления Гитлера в рейхстаге исчезли два серьезнейших договора, регулировавших отношения с Англией и Польшей. Был морской договор, заключенный между Германией и Англией, – сейчас его не стало. Был пакт о ненападении между Германией и Польшей – его тоже не стало. И далее газета констатирует, что все это внесло существенные изменения в международное положение. Поэтому, заключает газета, Советский Союз считал и считает, что для успешного противодействия агрессии нужно создать единый фронт взаимопомощи между четырьмя главными державами в Европе – Англией, Францией, СССР и Польшей – или по крайней мере между тремя – Англией, Францией и СССР.

Казалось, Сталину следовало бы воспользоваться сложившейся ситуацией для углубления контактов с Лондоном и Парижем на основе взаимных компромиссов в целях внешнеполитической изоляции Берлина. Осуществляя свою двойную игру, он в какой-то мере так и поступал, но от своего недоверия к политике Англии и Франции не избавился. Поэтому он счел возможным продолжать улучшать отношения и с Германией, игнорируя то, что Гитлер с помощью Советского Союза явно стремился разрушить наметившиеся англо-франко-советские переговоры. Одновременно германский диктатор заигрывал и с Великобританией.

Некоторое время Литвинову еще удавалось склонять чашу весов советской внешней политики в пользу более активного сотрудничества с Англией и Францией. После приема английского посла У. Сидса Литвинов 21 марта 1939 г. записал в служебном дневнике, что правительство Великобритании крайне озабочено агрессивной акцией Гитлера и разработало проект четырехсторонней декларации (Англия, СССР, Франция и Польша). В нем не отвергаются советские предложения, но, по мнению Галифакса, декларация произведет отрезвляющее впечатление на Германию[26].

15 апреля 1939 г. в докладе Сталину Литвинов сообщал о предложении английского правительства об односторонней декларации с нашей стороны и более конкретном французском предложении о расширении советско-французского пакта о взаимной помощи. Далее он сформулировал четыре хорошо аргументированных пункта в качестве условий для сотрудничества с Англией и Францией[27].

Какова была реакция Сталина на эти предложения, неизвестно. Но ясно одно: 3 мая Литвинов внезапно был снят с поста наркома и на его место назначен председатель СНК В. М. Молотов. Об обстоятельствах и причинах опалы Литвинова Л. Д. Троцкий писал следующее: «Литвинов не был самостоятельной политической фигурой. Но он слишком мозолил глаза Сталину одним тем, что говорил на четырех языках, знал жизнь европейских столиц и во время докладов в Политбюро раздражал невежественных бюрократов ссылками на не доступные им источники. Все ухватились за счастливый повод, чтобы избавиться от слишком просвещенного министра»[28]. Как позже стало известно, Сталин прямо признавал, что он принудил Литвинова уйти в отставку потому, что концепция внешнеполитического

курса наркома иностранных дел не совпадала с позицией сталинского руководства.

После устранения Литвинова в аппарате наркомата была предпринята новая чистка: большинство из тех дипломатов, которые поддерживали наркома в его усилиях по нормализации отношений с Англией и Францией для создания единого антигитлеровского фронта, были репрессированы, многие погибли в тюрьмах и лагерях. Если в период с 1936 по 1938 г., по некоторым данным, было уволено 62% ответственных работников наркомата, то при Молотове – уже 90%. Многие освободившиеся места заняли работники НКВД[29]. Как рассказал в своих воспоминаниях бывший начальник отдела печати наркомата Е. Гнедин, позднее арестованный, в тюрьме он узнал от своего следователя, что после заключения советско-германского договора о ненападении между органами НКВД и гестапо было установлено тесное сотрудничество для борьбы с противниками советско-германского сближения[30].

Из переписки Шуленбурга с министром иностранных дел Германии И. Риббентропом явствует, что в германском посольстве и в Берлине были весьма обрадованы снятием Литвинова[31].

Отвечая на вопрос Сидса, означает ли уход Литвинова какие-либо перемены во внешней политике СССР, Молотов сказал, что позиция СССР в переговорах с Англией остается прежней, если не произойдут изменения в международной обстановке и в позиции других держав[32]. Но Молотов не был искренен с послом. Несколько дней спустя У. Сидс заявил заместителю наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкину, что, по его мнению, налицо факт несомненного сближения позиций английского и советского правительств в вопросе об основах предполагаемого соглашения о противодействии агрессии в Европе. Далее посол проинформировал, что Чемберлен, выступая в палате общин, заявил, что имеется надежда на соглашение с СССР по всем основным вопросам[33]. Действительно, несмотря на трудности, стороны вели политические переговоры не только по дипломатическим каналам, но и с 15 июня продолжали их в Москве. Советскую сторону представлял Молотов. Его французский и британский коллеги отказались прибыть в Москву. Вести переговоры было поручено британскому послу У. Сидсу и французскому послу П. Наджиару.

В течение полутора месяцев (с 15 июня по 2 августа 1939 г.) состоялось 12 заседаний. Обращает на себя внимание засекреченность этих переговоров – на них не присутствовали ни стенографистки, ни переводчики. Роль переводчика выполнял сам В. П. Потемкин. Кстати, в беседе с главнокомандующим вооруженными силами Эстонии генералом И. Лайдонером 11–12 декабря 1939 г. Сталин заявил, что подлинный ход переговоров с англичанами и французами «нами полностью стенографирован и документирован»[34]. Тем более не ясно, почему же эти материалы до сих пор полностью не опубликованы, а советским ученым предлагается соглашаться с официальной точкой зрения на советско-французские переговоры только на основании отдельных выдержек из этой стенограммы.

Проект соглашения, представленный Англией и Францией в первый же день переговоров, в основном повторял их предыдущие предложения. Новым моментом, в частности, британского проекта соглашения было, во-первых, то, что взаимопомощь между тремя сторонами не должна действовать ни против получивших гарантии стран, ни против гарантов, и во-вторых, другие страны Центральной и Восточной Европы могут получить гарантии только добровольно. Такие условия ставили Советский Союз, по мнению Молотова, в униженное положение, так как Эстония, Латвия и Финляндия отказывались от гарантии со стороны любого государства, в том числе и Советского Союза[35].

10 июля 1939 г. Великобритания решила отклонить предложения Советского Союза об одновременном подписании политического и военного соглашений. 24 июля 1939 г. в телеграмме в НКВД И. М. Майский высказал мнение, что через своих неофициальных эмиссаров Чемберлен зондирует возможность «урегулировать» с Гитлером данцигскую

проблему. «Если ему это удастся, – считает полпред, – отпадет необходимость в быстром завершении англо-советских переговоров». Далее Майский сообщает, что если месяца два назад коллеги Чемберлена по консервативной партии не рекомендовали ему идти на очередные выборы без «русского пакта», то теперь они считают, что для победы достаточно «соглашения о Данциге»[36].

Действительно, в конце июля 1939 г. кабинет Чемберлена вырабатывал позицию британской делегации на предстоящих военных переговорах в Москве, сводившуюся к принципу: тянуть время. Чемберлен находил, что в тот период военное сотрудничество с СССР было невозможным[37]. Это означает, что переговоры были нужны Великобритании для того, чтобы помешать возможному советско-германскому сближению и не допустить, чтобы СССР оставался в стороне от возможного конфликта на Западе[38].

Несговорчивым оказалось и правительство Польши. Несмотря на неоднократные предложения Англии и Франции, оно отвергало возможность сотрудничества с Советским Союзом. Поэтому военное руководство СССР считало, что советские войска в случае войны с Германией не могли бы войти в боевое соприкосновение с фашистским вермахтом.

Что же касается позиции советского правительства, то, испытав первые затруднения во время политических переговоров с западными державами, оно стало терять веру и в возможность серьезного военного сотрудничества с ними. Задолго до начала военных переговоров депутат Верховного Совета СССР А. А. Жданов в статье «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР» поспешил заявить, что затягивание переговоров вызывает сомнение в искренности их подлинных намерений[39].

На Западе это заявление вызвало озабоченность. 4 июля 1939 г. Рузвельт попросил советского полпреда в США К. А. Уманского предупредить Сталина, что если он заключит союз с Гитлером, тот нападет на Россию, как только завоюет Францию[40].

Но в сложившейся ситуации переговоры с Англией и Францией уже не имели столь важного, как прежде, значения, так как Сталин и Молотов с мая 1939 г. все более склонялись к тому, чтобы делать ставку преимущественно на германскую карту: с одной стороны, политические переговоры с Англией и Францией шли медленно, а с другой – из Берлина настойчиво предлагали Советскому Союзу всевозможные блага, если всестороннее улучшение советско-германских отношений будет продолжаться.

В эти дни в советской печати можно было встретить заявления, из которых вытекало, что советское руководство без энтузиазма относилось к переговорам с Англией и Францией. Так, в июне 1939 г. в передовой «Известий», резко критиковавшей Англию и Францию за срыв создания системы коллективной безопасности в Европе, содержалась фраза: «У нас нет договоров о взаимной помощи ни с Францией, ни с Англией», хотя в действительности советско-французский договор, заключенный в 1935 г., не был денонсирован. Бывший сотрудник НКВД СССР А. А. Рощин вспоминает, что «такая формулировка в статье могла преследовать определенные цели и была выбрана специально, по неизвестным мне тогда соображениям»[41].

В свете последующих событий можно более определенно высказать предположение, что статья была своеобразным маневром. Она как бы приглашала Гитлера к более активным действиям с определенной гарантией успеха. Ссылаясь на непоследовательность позиции Англии и Франции, Сталин и Молотов склонялись к мысли, что сотрудничество с Германией было бы для СССР более выгодным, если бы в Берлине отказались от антисоветской политики. По мнению некоторых дипломатов, это была игра дилетантов в области внешней политики. В мае 1939 г. английский посол Сидс после первой встречи с новым наркомом иностранных дел Молотовым сообщал в Лондон: «...судьбе было угодно, чтобы я имел дело с человеком, который по внешнеполитическим вопросам не имеет никакого понятия»[42].

Анализируя сложные взаимоотношения ведущих европейских держав летом 1939 г., нельзя согласиться с мнением о том, что переговоры между ними шли по трем равноценным направлениям: продолжались советско-германские контакты, велись активные британско-немецкие переговоры и шли переговоры между СССР, Англией и Францией. Эти переговоры не были равнозначны. На наш взгляд, британско-немецкий зондаж все же не имел реальных шансов на успех.

В течение июня–июля отношения между СССР и Германией носили характер выжидания с обеих сторон[43]. Сталин готов был их углублять, но он опасался, что Англия и Франция перехватят инициативу и совместно с Германией создадут единый антисоветский фронт. Вместе с тем Гитлер был крайне заинтересован в скорейшем выяснении позиции Советского Союза, ибо начало агрессии против Польши в принципе было определено. 3 апреля 1939 г. начальник штаба верховного командования вермахта В. Кейтель подписал распоряжение об изготовке войск к нападению на Польшу по плану «Вайс» в любое время начиная с 1 сентября 1939 г. Через несколько дней, 11 апреля, Гитлер утвердил оперативный план «польской кампании» – «план Вайс»[44].

В дальнейшем сроки нападения на Польшу менялись неоднократно. Так, 23 мая 1939 г. на одном из совещаний Гитлер объявил о своем решении напасть на Польшу при первом удобном случае. В середине августа он сообщил министру иностранных дел Италии графу Г. Чиано, что война против Польши начнется не позднее конца этого месяца. 23 августа после подписания советско-германского пакта наступление на Польшу было назначено на утро 26 августа. Затем 25 августа оно было отложено, потому что стало известно о подписании англо-польского договора. Лишь 31 августа Гитлер принял окончательное решение – выступить утром следующего дня[45].

В своих попытках ускорить сближение Германии с Советским Союзом по широкому фронту немцы с конца июля 1939 г. зашли так далеко, что поставили вопрос о возможности контактов не только по государственной, но и по партийной линии. Как сообщал 27 июля 1939 г. временный поверенный в делах СССР в Германии Г. А. Астахов, через одну-полторы недели будет получено приглашение на очередной партийный съезд нацистов в Нюрнберге. В связи с этим Астахов напомнил, что раньше посольство отказывалось от подобных приглашений. «Будем ли мы продолжать эту тактику теперь, когда выступлений против нас и травли ожидать не приходится (если, конечно, обстановка к тому времени не изменится)?» Затем Астахов привел аргументы в пользу принятия такого приглашения. Вместе с тем он предупредил, что «наше появление впервые за все время существования режима вызовет, конечно, немало толков в англо-французской печати»[46].

Через два дня Молотов ответил, что при улучшении экономических отношений могут улучшаться и политические. Советское правительство будет приветствовать такое развитие событий, но в чем оно конкретно должно выразиться, пусть решают сами немцы, рекомендовал советский нарком[47]. Вскоре Астахов присутствовал на мюнхенском празднике немецкого искусства, а советская сторона, в свою очередь, пригласила германских специалистов на открытие сельскохозяйственной выставки в Москве[48].

Информируя далее о предложении заведующего восточноевропейской рефертурой МИД Германии К. Ю. Шнурре коренным образом улучшить советско-германские отношения, Астахов все же напоминал, что политические переговоры между СССР и Германией, по мнению германской стороны, будут возможны только при условии, если не будет подписано англо-франко-советское военно-политическое соглашение. Астахов высказал сомнение, будут ли немцы соблюдать свои эвентуальные обязательства, так как они намерены «этой ценой нейтрализовать нас в случае своей войны с Польшей».

Астахов хорошо уловил коварный характер предложений германской стороны и в донесении в Москву предупреждал об их возможных опасных последствиях для СССР. Однако Сталин и

Молотов это предупреждение не принял во внимание. Их привлекли щедрые обещания Берлина предоставить свободу рук Советскому Союзу в зоне Восточной Европы, особенно в Прибалтике, т. е. то, чего не обещали, да и не могли обещать Англия и Франция.

Несмотря на неверие в успех переговоров с Англией и Францией, которое существовало в высшем политическом эшелоне Советского Союза, военные круги еще не потеряли надежды на успех. Об этом свидетельствует документ под названием «Соображения советской стороны по переговорам с военными миссиями Великобритании и Франции», разработанный 4 августа 1939 г. начальником советского генштаба командармом 1 ранга Б. М. Шапошниковым. В нем детально давался расчет сил и средств и освещались несколько вариантов возможного вооруженного выступления Красной Армии[49].

Ворошилов на протяжении нескольких дней переговоров добивался того, чтобы представители Англии и Франции в максимально полной мере раскрыли свой военный потенциал, и только в последний день переговоров были доложены данные о возможностях и планах Советского Союза.

Подобная тактика, разумеется, была бы допустима, если бы речь шла только о выявлении союзоспособности своего партнера и серьезности его намерений. Но дело в том, что на основании этих данных Сталин через несколько дней в ночной беседе с Риббентропом сообщил ему свои выводы о военной слабости Англии и Франции[50].

Представители Англии и Франции с интересом восприняли выступление Шапошникова с изложением стратегических планов советского верховного командования. Поэтому странным выглядит ответ Ворошилова на вопрос корреспондента газеты «Дейли геральд», готов ли был СССР «немедленно после начала войны оккупировать Вильно и Новогрудек на северо-востоке, а также Львовское, Тернопольское и Станиславское воеводства на юго-востоке», чтобы из этих районов «оказать полякам военную помощь».

«Это заявление, – подчеркнул советский нарком, – является от начала до конца лживым, автор его – наглым лжецом, а газета, поместившая это лживое заявление своего дипломатического обозревателя, – клеветнической газетой»[51]. Трудно понять подобную тональность ответа советского представителя на вполне обоснованный вопрос корреспондента.

Несмотря на трудности в отношениях между СССР и Англией и Францией, все же удалось договориться о начале военных переговоров. Для участия в них были назначены соответствующие делегации. Советскую возглавлял нарком обороны маршал Ворошилов. Во главе британской делегации был главный адъютант короля по морским делам адмирал П. Дракс, во главе французской – член высшего военного совета армии генерал Ж. Думенк. Как позже вспоминал Дракс, 2 августа он получил от лорда Галифакса инструкцию затягивать переговоры до осенней распутицы, когда Гитлер не сможет начать военные действия против Польши[52]. Французская делегация получила такие же указания, но с тем обоснованием, что сам факт военных переговоров может произвести соответствующий психологический эффект на Гитлера.

Начавшиеся 12 августа в особняке НКВД на Спиридоновке переговоры к 17 августа зашли в тупик, а еще через неделю и вовсе были прекращены. Ответственность за это несли обе стороны: Советский Союз, имея альтернативу в виде секретных переговоров с германскими представителями, не проявлял готовности к компромиссу; Англия и Франция не верили в способность Красной Армии выполнить возложенные на нее задачи по ведению боевых действий против вермахта. К тому же Польша по-прежнему категорически отказывала советским войскам в проходе через свою территорию для боевого соприкосновения с немецкими войсками.

Предвидя такую позицию поляков, советский генштаб предусмотрел действия Красной Армии не в центре Польши, а через Виленский коридор на севере и через Галицию – на юге. Такое решение: не усложнять отношения с Польшей из-за прохода советских войск через ее территорию – вызвало одобрение военной миссии Франции. Генерал Ж. Думенк сообщил 15 августа 1939 г. своему военному министерству: «Отмечаю большое значение, которое с точки зрения устранения опасения поляков имеет тот факт, что русские очень строго ограничивают зоны вступления [советских войск], становясь исключительно на стратегическую точку зрения»[53].

Непоследовательность позиции советской военной делегации заключалась в том, что если в начале переговоров она была готова к компромиссу, то в последующие дни не проявила подобной готовности. Позиция Польши стала для Ворошилова удобным поводом к тому, чтобы, сославшись на нее, прервать переговоры. Именно поводом, потому что раньше, когда германская опасность нависла над Чехословакией, советское правительство столкнулось с той же польской проблемой. Однако тогда оно заявило, что позиция Польши и Румынии не будет помехой для оказания непосредственной военной помощи Чехословакии. Странно, что год спустя эта позиция стала непреодолимым препятствием для заключения военной конвенции против агрессора. Не потому ли, что появилась германская альтернатива, отсутствовавшая в 1938 г.? Маловероятно, чтобы польское руководство настаивало бы на своей прежней позиции, если бы переговоры с его участием после 22 августа были продолжены и оно было бы информировано, что советское верховное командование не направит свои основные силы в центральные районы Польши.

Таким образом, всем участникам тройственных переговоров недоставало должной ответственности перед своими народами и в целом народами Европы, недоставало такой государственной мудрости, которая позволила бы объединиться, чтобы преградить путь к войне или хотя бы отодвинуть ее и изменить соотношение сил в свою пользу. Между тем существовало несколько вариантов решения проблемы. Одним из таких вариантов при должной выдержке и настойчивости могло бы все же быть заключение военного соглашения с западными державами. Но тут сработали по крайней мере два фактора: во-первых, убежденность западных держав в том, что после массовых репрессий Сталина против политических, хозяйственно-технических и военных кадров Советский Союз потерял союзоспособность, т. е. способность взаимодействовать с другими государствами; во-вторых, заостренный антифранко-английский синдром Сталина, которым умело воспользовался другой диктатор – Гитлер. Поведение обоих диктаторов в сложившейся ситуации было похоже на действия азартных игроков, идущих на обман народов и своего же партнера, на любой риск развязать или содействовать развязыванию мирового пожара ради достижения поставленной эгоистической великодержавной цели. Цена этого риска не принималась в расчет.

Как следствие подобной государственно-эгоистической логики «каждый за себя» подписание тройственного англо-франко-советского договора было сорвано. Черчилль уже в качестве премьер-министра Великобритании в своем первом послании Сталину 25 июня 1940 г. с горечью констатировал: «...Германия стала Вашим другом почти в тот самый момент, когда она стала нашим врагом»[54]. Хотя правительство его величества тоже было небезгрешным, но в адрес советского руководства это был, увы, справедливый упрек.

Не зная о планах советского руководства, в Берлине с тревогой ждали вестей из Москвы о ходе советско-англо-французских переговоров. 2 августа 1939 г. Астахов докладывал Молотову, что его вызвал Риббентроп и в течение часа с лишним развивал свою точку зрения на советско-германские взаимоотношения. Он заявил, что основной предпосылкой для их нормализации должно стать обязательство не вмешиваться во внутренние дела другой стороны. «В остальном, – сказал Риббентроп, – мы считаем, что противоречий между нашими странами нет на протяжении всего пространства от Черного моря до Балтийского»[55], – докладывал Астахов.

На следующий день Шуленбург посетил Молотова и прямо посоветовал, в каком направлении должен действовать Советский Союз; Германия же, заверил он, не стала бы мешать в реализации его интересов в Прибалтийских странах и в Польше. При этом, однако, Шуленбург подчеркнул, что вхождение СССР в какую-либо комбинацию держав в Европе может создать затруднения для улучшения отношений между Германией и СССР[56]. Имелись, конечно, в виду ведшиеся тогда переговоры Советского Союза с Англией и Францией.

10 августа К. Ю. Шнурре без обиняков заявил Астахову, что война Германии с Польшей, «возможно, начнется» и он желал бы знать, какова в этом случае будет позиция Советского Союза[57]. Через два дня советский поверенный в делах уточнил, что немцы готовы «непосредственно приступить к разговорам на темы территориально-политического порядка, чтобы развязать себе руки на случай конфликта с Польшей, назревающего в усиленном темпе». Далее Астахов пришел к выводу, что немцы хотят во что бы то ни стало предотвратить эвентуальное военное соглашение СССР с западными державами и ради этого они готовы на такие декларации и жесты, какие полгода тому назад могли казаться совершенно исключенными. Как минимум немцы заявляют об отказе от Прибалтики, Бессарабии, Восточной Польши, не говоря уже об Украине, «лишь бы получить от нас обещание невмешательства в конфликт с Польшей»[58].

Подобные выводы Астахова, основанные на беседах с Риббентропом и Шнурре, представляют для историков исключительную ценность, ибо они подтверждают тезис о том, что без пакта о ненападении с СССР Германия в это время вероятнее всего не рискнула бы напасть на Польшу.

13 августа 1939 г. от имени Риббентропа Шнурре высказал пожелание, чтобы переговоры состоялись в Берлине, но он готов направить ближайших доверенных лиц и в Москву. Отметив, что посол Шуленбург не обладает необходимыми качествами для ведения переговоров, Шнурре предложил руководителя Академии права рейхс-министра без портфеля Г. Франка[59]. Но чтобы ускорить принятие советско-германских договоренностей в связи с надвигавшейся войной против Польши, уже через день Шуленбург сообщил Молотову, что Гитлер согласен не только вести переговоры в Москве, но и направить туда своего министра иностранных дел[60]. Причем важно, что Шуленбург в ответе на соответствующий вопрос Молотова заявил, что по поводу заключения пакта о ненападении германское правительство не занимает «ни положительной, ни отрицательной позиции»[61]. Очевидно, это была попытка набить цену своему предложению.

14 августа Астахов передал Шнурре принципиальное согласие Сталина не только обсудить экономические отношения, но и установить сотрудничество по линии прессы и культуры, а также рассмотреть польскую проблему и «прежние политические советско-германские соглашения». На следующий день встречей Молотова и Шуленбурга начались официальные советско-германские переговоры. Поначалу обсуждались обычные проблемы, решение которых привело бы к нормализации германо-советских отношений, а именно: о совместных гарантиях независимости Прибалтийских республик, о посредничестве Берлина в нормализации отношений между СССР и Японией, в частности о прекращении боев на Халхин-Голе, о развитии советско-германских торговых отношений и некоторые другие. Однако вопросы, связанные с территориальными изменениями, в то время не поднимались. Правда, как докладывал в Берлин Шуленбург, Молотов с интересом выслушал предложение о краткосрочном приезде в Москву Риббентропа и осведомился относительно идеи заключения договора о ненападении[62].

Во время встречи 17 августа, когда Шуленбург передал положительный ответ Берлина на поставленные советским наркомом вопросы, Молотов заявил, что первым шагом к улучшению отношений могло бы быть заключение торгово-кредитного соглашения. Вторым шагом через короткий срок могло бы быть заключение пакта о ненападении или

подтверждение пакта о нейтралитете 1926 г. с одновременным принятием специального протокола о заинтересованности договаривающихся сторон в тех или иных вопросах внешней политики. Этот протокол должен был представлять органическую часть пакта.

В этом высказывании Молотова, как и в предыдущих, особое внимание обращают на себя два важных момента. Первый состоит в том, что советский нарком проявил инициативу в заключении пакта о ненападении; второй – он предложил принять специальный протокол, в котором, очевидно, предполагалось согласовать особо деликатные вопросы в советско-германских отношениях. Характер этих вопросов Молотов не раскрывал. Но это подсказал ему Шуленбург, заявивший, что протокол должен содержать главную суть пакта – гарантии Прибалтийским странам и территориальные вопросы, о которых уже упоминалось в памятной записке Шуленбурга от 15 августа 1939 г.[63]

Судя по донесению Астахова от 8 августа 1939 г., Молотову было известно, что немцы хотели бы включить в договор следующие положения: объявление Германией ее незаинтересованности в судьбе Прибалтики (кроме Литвы), Бессарабии, «русской Польши» и готовность немцев «отмежеваться от аспирации на Украину». Но взамен они желали бы, чтобы Советский Союз подтвердил свою незаинтересованность в судьбе Данцига, бывшей немецкой Польши, быть может, с прибавкой до территории реки Варты или даже реки Вислы, а также в порядке дискуссии – Галиции[64].

3. Шуленбург торопит

Таким образом, дело шло к драматической развязке образовавшегося узла политических отношений между СССР и Германией. В беседе с Молотовым, которая состоялась 19 августа, Шуленбург по поручению Риббентропа подтвердил, что еще до возникновения конфликта с Польшей необходимо выяснить взаимоотношения СССР и Германии. Затем он категорически заявил, что Риббентроп готов идти навстречу всем пожеланиям советского правительства.

В ходе той же беседы Молотов вручил Шуленбургу проект советско-германского пакта без указания полного его наименования. В нем содержались следующие основные положения: стороны обязуются воздерживаться от агрессии друг против друга; они будут воздерживаться от поддержки третьей державы, которая совершит агрессию против одной из договаривающихся сторон; возможные конфликты между сторонами будут разрешаться мирным путем; договор заключается сроком на пять лет. Наконец, в последней, пятой статье говорилось, что настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок, после чего он вступает в силу. Важнейшее значение в этом проекте имел постскриптум, в котором говорилось следующее: «Настоящий пакт действителен лишь при одновременном подписании особого протокола по пунктам заинтересованности Договаривающихся сторон в области внешней политики. Протокол составляет органическую часть пакта»[65].

При анализе заключенного 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении, о чем пойдет речь в следующей главе, нетрудно будет заметить, что его текст отличается от упомянутого советского проекта, причем далеко не в пользу Советского Союза. Сталин одобрил принципиальные договоренности между Молотовым и Шуленбургом, и таким образом судьба советско-англо-французских переговоров была предрешена.

19 августа заместитель советского торгпреда в Берлине Е. И. Бабарин и К. Ю. Шнурре подписали торгово-кредитное соглашение, в соответствии с которым Германия предоставила СССР кредит в размере 200 млн. германских марок сроком на семь лет на условии 5% годовых для размещения в германских фирмах добавочных заказов. Речь шла прежде всего о промышленном оборудовании, машинах, станках, изделиях электротехнической

промышленности, транспортных средствах, судах, измерительных приборах и оборудовании для лабораторий. Одновременно был утвержден список товаров на общую сумму в 180 млн. марок, подлежащих поставке из СССР на основе подписанного соглашения. Среди этих товаров важное место занимали кормовые хлеба (22 млн. марок), лес (74 млн. марок), платина (2 млн. марок), марганцевая руда (3,80 тыс. марок), хлопок-сырец (12,30 млн. марок), фосфаты (13 млн. марок) и др.[66]

21 августа в советской печати было опубликовано сообщение о заключении торгово-кредитного соглашения между СССР и Германией. В тот же день произошло еще одно неординарное событие. Впервые с 1933 г. Гитлер направил Сталину телеграмму, содержащую предложение возвратиться «к политической линии, которая в течение столетий была полезна обоим государствам». Он официально принял предложенный Молотовым проект пакта о ненападении, а также заявил о готовности обсудить и дополнительный протокол. Фюрер не удержался от шантажа: поскольку, мол, польский кризис может разразиться со дня на день, он предлагает Сталину принять Риббентропа не позднее 23 августа.

Примечательно, что текст телеграммы Гитлера Шуленбург передал Молотову в 15 часов, а ответ «секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина рейхсканцлеру Германии А. Гитлеру» был вручен германскому послу в тот же день в 17 часов. В нем были приняты все условия фюрера[67].

Если советско-германские переговоры стремительно продвигались вперед, то ход переговоров советско-англо-французских военных делегаций снова серьезно застопорился. 19 августа еще раз был подтвержден непримиримый характер позиции правительства Польши. Но появилось и нечто новое, что стало известно из телеграммы французского военного атташе в Варшаве Ф. Мюсса. Министр иностранных дел Польши Ю. Бек предоставил французской делегации право маневрировать так, «как если бы перед поляками не ставилось никакого вопроса». Это означало, что польское правительство отошло от завещания маршала Ю. Пилсудского, жестко запрещавшего даже рассматривать вопрос о вступлении иностранных войск на польскую территорию. Это правило могло подвергнуться смягчению только во время военных действий. Подобное высказывание Бека подтвердил и посол Франции в Варшаве Л. Ноэль. Кроме того, он привел слова начальника генерального штаба вооруженных сил Польши генерала В. Стахевича о том, что принцип Пилсудского был противопоставлен немцам и, как только начнутся военные действия, он не будет иметь первоначального значения[68].

В конечном счете 23 августа за несколько часов до подписания советско-германского пакта о ненападении и секретных протоколов к нему Л. Ноэль направил французской военной миссии следующее заявление Бека: «Польское правительство согласно с тем, чтобы генерал Думенк сказал следующее: «Уверены, что в случае общих действий против немецкой агрессии, сотрудничество между Польшей и СССР на технических условиях, подлежащих согласованию, не исключается...»[69].

По предложению Сталина советская делегация во главе с К. Е. Ворошиловым прервала переговоры, хотя и заявила, что заключение советско-германского договора вполне совместимо с подписанием тройственного пакта между СССР, Англией и Францией. Французскому послу Наджиару Молотов также заявил, что переговоры с англо-французской делегацией могли бы быть продолжены через неделю после заключения советско-германского договора[70]. Ворошилов и другие высокопоставленные военные уехали, как пишет в своих воспоминаниях Н. С. Хрущев, на охоту в Завидово[71].

Но, во-первых, подобные заявления были сделаны для того, чтобы успокоить общественное мнение. Народу трудно было понять, как руководитель социалистического государства мог пойти на соглашение с фашистским диктатором, а о существовании одиозного секретного протокола советские люди тогда вообще не знали. Во-вторых, это был элементарный блеф,

ибо нельзя было быть одновременно союзником как агрессора, так и его жертвы. Ведь когда Советский Союз участвовал в военных переговорах с Англией и Францией, он знал, что эти переговоры были направлены не против какого-то мифического, а против конкретного агрессора – Германии.

Некоторые советские исследователи, например В. М. Бережков, считают, что даже в августе 1939 г. еще были условия для сговора Германии с западными державами, т. е. для возникновения нового Мюнхена. Причем, ссылаясь на мифические источники, некоторые авторы указывают, что в Берлине в двадцатых числах августа стоял наготове самолет, который должен был доставить в Лондон Геринга в случае неудачи миссии Риббентропа в Москве[72].

Для опровержения этого предположения достаточно вспомнить случай, происшедший в мае 1941 г., когда Гесс прилетел в Англию с целью выяснения возможности сговора с ее правительством «на антисоветской основе». Известно, что хотя именно в это время над Англией нависла смертельная опасность, но она не пошла на этот сговор. Трудно допустить, чтобы в августе 1939 г., пребывая в гораздо лучшей ситуации, она сделала бы такой рискованный шаг.

Невозможно согласиться с профессором В. Я. Сиполсом, утверждавшим, что в середине августа 1939 г. «в обстановке жестких реалий советскому руководству не оставалось ничего иного, как обратиться к альтернативе – германскому предложению о нормализации отношений между двумя странами»[73]. Выступая с таким тезисом в 1990 г., когда мы признали наличие советско-германских протоколов, автор явно игнорирует тот факт, что эта «нормализация» проходила в условиях германской агрессии против Польши, ее расчленения и раздела на сферы влияния всего пространства Восточной Европы от Баренцева до Черного моря.

Не соответствует действительности утверждение, что Сталин пошел на сближение с Германией будто лишь за несколько дней до 23 августа, находясь в безвыходной и опасной ситуации. Приведенные выше факты подтверждают, что советско-германский договор не был плодом экспромта. Он стал итогом эволюции советской внешнеполитической линии на протяжении предыдущих нескольких месяцев, энергично подталкивавшейся немецкими инициативами. 22 августа, выступая перед высшим командным составом вермахта, Гитлер заявил, что именно с осени 1938 г. он принял решение идти со Сталиным.

Когда из передачи советского радио 21 августа стало известно, что в Москву прибывает Риббентроп для переговоров о пакте о ненападении, это, как сообщал Майский, вызвало величайшее волнение в политических и правительственных кругах Лондона. Но уже на следующий день наблюдалось известное успокоение, а к вечеру стало преобладать мнение, что в конце концов никакой катастрофы не произошло. В Лондоне с удовлетворением вспомнили, что «все советские пакты о ненападении содержат статью, предусматривающую возможность их немедленного аннулирования в случае совершения акта агрессии против третьей стороны одной из подписавших держав»[74].

Если говорить о прошлом, то это соответствовало действительности. Но в данном документе ничего подобного не содержалось и в этом состоял грубейший политический просчет советского руководства.

На этом завершился важный этап предвоенного политического кризиса. Он был насыщен событиями, которые в значительной мере предопределили характер дальнейших отношений Советского Союза с другими странами. Важно отметить, что эти отношения развивались в напряженное, но все же мирное время. Советское руководство, не связанное никакими обязательствами, располагало свободой действий, которой оно широко пользовалось, маневрируя между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией – с другой. Однако

Сталин и Молотов, определявшие тогда советскую внешнюю политику, предпочли сближение с фашистской Германией продолжению трудных, но крайне необходимых политических и военных переговоров с Англией и Францией.

Глава II. Сговор диктаторов

1. «Тайная вечеря» в Кремле

В среду 23 августа 1939 г. в Москве стоял обычный для такой поры жаркий день. У кромки летного поля столичного аэропорта на высоких флагштоках полыхали государственные знамена: красный со свастикой – фашистской Германии и такого же цвета, но с серпом и молотом – Советского Союза. Даже для видавшего виды аэропорта это было необычное зрелище. Здесь же стояла группа представителей Наркомата иностранных дел СССР во главе с заместителем наркома В. П. Потемкиным, ожидавшая прибытия высокого гостя – министра иностранных дел Германии Иоахима фон Риббентропа.

Специальный самолет Фокке-Вульф 200 «Кондор», на фюзеляже которого красовалась эмблема с надписью «Grenzmark», что означало «пограничная земля», с Риббентропом и сопровождавшими его несколькими экспертами на борту приземлился ровно в час дня. Можно было бы считать, что полет прошел нормально, если бы не одно досадное обстоятельство – при перелете через границу советские зенитчики обстреляли самолет. Видимо, они не были заблаговременно извещены, так как гость и его хозяева слишком торопились встретиться. А может быть, командир зенитной батареи специально приказал открыть огонь по немецкому самолету, чтобы продемонстрировать свое негативное отношение к немцам?

Маршал Советского Союза А. М. Василевский в беседе с Константином Симоновым в 1967 г. рассказал следующее: «Я знаю всю эту историю, потому что был направлен с комиссией для расследования этого дела на месте. Но самое интересное, что, хотя мы ждали заявления от немцев, их протеста, ни заявления, ни протеста с их стороны не последовало. Ни Риббентроп, ни сопровождающие его лица, ни сотрудники германского посольства в Москве никому не сообщили ни одного слова об этом факте». К. Симонов, в свою очередь, комментирует это высказывание Василевского так: «Видимо, они решили добиться заключения договора во что бы то ни стало, невзирая ни на что, именно поэтому не заявили протеста, который мог хотя бы в какой-то мере помешать намеченному»[75].

После короткого отдыха в 15 часов 30 минут в Кремле началась первая встреча немцев с В. М. Молотовым и другими членами советской делегации. В переговорах принял участие лично Сталин. После трехчасовой беседы был объявлен перерыв. Затем в 22 часа переговоры возобновились и продолжались еще три часа. Ночью они завершились подписанием документа, который официально стал именоваться советско-германским договором о ненападении. Иногда его называют пактом Молотова – Риббентропа.

Партнеры так спешили, что в тексте договора даже допустили несколько грамматических и смысловых ошибок. Например, в статье, где говорится об обязательствах «обоих правительств», слово «обоих» было пропущено и впоследствии дописано над строкой; в слове «ungefahr» что означает «примерно», была допущена опечатка – «ungefahrt»[76].

Текст договора был до предела лаконичен. Договор состоял из семи статей. Статья I устанавливала, что обе стороны обязуются воздерживаться от агрессивных действий и от нападения в отношении друг друга. В случае нападения третьей державы на одну из сторон другая сторона не будет поддерживать нападающую державу (статьи II и IV). Стороны обязались также консультироваться друг с другом по вопросам, затрагивающим их общие интересы (статья III). Могущие возникнуть споры стороны обязались разрешать мирным путем (статья V). Договор заключался сроком на 10 лет и вступал в силу немедленно после его подписания (статьи VI и VII)[77].

Договор был ратифицирован 31 августа 1939 г. одновременно Верховным Советом СССР и рейхстагом Германии. Обмен ратификационными грамотами, как и было предусмотрено, произведен 24 сентября 1939 г. в Берлине.

Итак, договор был заключен, и обе стороны остались довольны, ибо каждая из них считала его своей победой. Но как же было в действительности? Для этого сравним тексты проекта, предложенного Молотовым 19 августа, и принятого сторонами варианта 23 августа 1939 г.

Прежде всего договор стал объемнее по количеству статей – вместо пяти их стало семь. В статье II советского проекта предусматривалось не только военное нападение со стороны третьей державы, но даже любая форма насилия. Но в соответствующей статье принятого документа предусмотрен лишь случай, когда одна сторона окажется объектом только «военных действий». Подписанный договор включал обязательство сторон не участвовать в какой-нибудь «группировке» держав, чего не было предусмотрено в советском проекте. Нетрудно понять, что эта статья ставила перед Советским Союзом барьер на пути к продолжению, если бы он этого пожелал, переговоров с Англией и Францией в любой форме.

Далее было согласовано, что споры будут разрешаться в порядке «дружественного» обмена мнениями, что отсутствовало в предложенном советской стороной документе. Если проект предусматривал пятилетний срок действия договора, то принятый сторонами вариант увеличивал этот срок вдвое. Наконец, советский проект предусматривал вступление договора в силу только после его ратификации. Но принятый документ не без давления немцев устанавливал вступление его в силу немедленно после его подписания. Это и понятно: Гитлеру накануне агрессии против Польши нужна была абсолютная гарантия того, что Советский Союз будет соблюдать благожелательный нейтралитет.

Вот как в мемуарах описал Н. С. Хрущев свои впечатления от беседы со Сталиным в тот вечер, когда был подписан договор: «Сталин был в очень хорошем настроении, говорил: вот, мол, завтра англичане и французы узнают об этом и уедут ни с чем. Они в то время еще были в Москве. Сталин правильно оценивал значение этого договора с Германией. Он понимал, что Гитлер хочет нас обмануть, просто перехитрить. Но полагал, что это мы, СССР, перехитрили Гитлера, подписав договор. Тут же Сталин рассказал, что по договору к нам фактически отходят Эстония, Латвия, Литва, Бессарабия и Финляндия. Таким образом, мы сами будем решать с этими государствами вопрос о судьбе их территорий, а гитлеровская Германия при сем как бы не присутствует, это будет сугубо наш вопрос. Относительно Польши Сталин сказал, что Гитлер нападет на нее, захватит и сделает своим протекторатом. Восточная часть Польши, населенная белорусами и украинцами, отойдет к Советскому Союзу. Естественно, что мы стояли за последнее, хотя чувства испытывали смешанные, Сталин это понимал. Он говорил нам: «Тут идет игра, кто кого перехитрит и обманет»[78].

Давая оценку договору в выступлении по радио 3 июля 1941 г., И. В. Сталин говорил: «Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 г. Могло ли Советское

правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии – если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом»[79].

Подобная высокая, даже восторженная оценка договора, данная одним из его вдохновителей и творцов, была бы справедлива, если бы не одна важная «деталь»: Сталин «забыл» упомянуть, что суть договора содержится не столько в его опубликованных статьях, сколько в предложенном им дополнительном секретном протоколе.

Вот его содержание:

«При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению к Виленской области признаются обеими сторонами.
2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть исключительно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете»[80].

2. Пирог поделен. Что же дальше?

Чтобы понять сущность и дать должную оценку этому договору, необходимо иметь в виду еще и то, что он был «головным» в системе последующих политических, экономических и торговых договоров и соглашений, заключенных между СССР и Германией. Среди них своей особой одиозностью, о чем свидетельствует даже его название, выделяется договор о дружбе и границе между СССР и Германией, заключенный в Москве 28 сентября 1939 г. и также вступивший в силу с момента его подписания, хотя и предусматривавший соответствующую ратификацию.

Переговоры 28 сентября, посвященные установлению на территории Польши границы

государственных интересов СССР и Германии, начались по инициативе Германии, о чем Риббентроп сообщил Молотову 23 сентября. Причем он одобрил «русскую точку зрения о прохождении будущей границы по четырем рекам», включая и Писсу[81]. Об атмосфере, в которой проходили переговоры в Москве, свидетельствовал сам Риббентроп, заявивший, что в Кремле он «себя чувствовал как среди старых партайгеноссен»[82]. Эти и другие подобные факты подтверждают, что речь шла, по существу, о попытке Риббентропа представить фашистскую партию близкой по духу к коммунистической партии.

В принятом документе устанавливалась граница между государственными интересами обеих стран на территории Польши, хотя в германо-советском коммюнике от 22 сентября 1939 г. она еще именовалась «демаркационной линией между германской и советской армиями» и должна была проходить гораздо восточнее линии, согласованной 23 августа 1939 г., т. е. по рекам Нарев – Буг – Висла – Сан до ее истоков[83]. Далее отмечалось, что эта граница признается окончательной и будет устранено всякое вмешательство третьих держав в это решение, причем необходимое государственное переустройство стороны производят каждая в своей зоне (статьи II и III). Наконец, договаривающиеся стороны пришли к выводу, что это «переустройство станет надежным фундаментом для дальнейшего развития дружественных отношений между их народами» (статья IV)[84].

Небезынтересно заметить, что оба текста договора – на немецком и русском языках – были признаны аутентичными. Но при грамматическом толковании становится непонятным, почему в названии договора на немецком языке слово «дружба» поставлено после слова «граница», а в тексте на русском языке – наоборот. Действительно ли это объясняется различием в стилистике обоих языков или здесь скрывается политический смысл, т. е. что Сталин был более заинтересован в предложенной им «дружбе», чем Гитлер? Название документа, как справедливо указывается в тезисах Комиссии ученых СССР и ПНР «Канун и начало второй мировой войны», «фактически обеляло фашизм, деформировало классовые установки в общественном и индивидуальном сознании, имело тяжелые последствия как для Польши, так и для СССР...»[85].

В одном конфиденциальном и двух секретных протоколах, приложенных к договору от 28 сентября, были уточнены некоторые территориальные изменения в полосе от Балтийского до Черного моря. В частности, территория Литвы была включена в область государственных интересов СССР, а территория Люблинского воеводства и часть Варшавского отходили к сфере государственных интересов Германии. Стороны согласились в том, что они будут пресекать всякую агитацию польского населения, направленную против другой стороны[86].

Тогда же и в последующий период была достигнута договоренность о взаимном переселении из СССР лиц немецкой национальности и из области государственных интересов Германии – лиц украинской, белорусской и литовской национальностей[87]. В середине октября 1939 г. была создана советско-германская смешанная комиссия по переселению. С немецкой стороны ее возглавлял советник посольства Германии в СССР Ф. Твардовский, с советской – М. М. Литвинов. Ее первое заседание состоялось 21 октября 1939 г. в Москве[88]. Судя по отчету немецкой части комиссии, член советской части комиссии заместитель наркома внутренних дел комдив И. И. Масленников заявил на заседании 7 ноября 1939 г., что Советский Союз «не нуждается в состоятельных переселенцах белорусах и украинцах, а лишь в пролетариате и широких народных массах». Немцы сделали также вывод, что советская делегация «не интересуется судьбой евреев»[89].

В развитие идей договора 23 августа 1939 г. между Советским Союзом и Германией был заключен ряд новых соглашений экономического и торгово-кредитного характера. Здесь также не обошлось без конфиденциального протокола, в котором излагались условия предоставления кредита[90]. При анализе заключенных тогда кредитных соглашений важно обратить внимание на довольно высокие процентные ставки, установленные Германией[91].

В рамках кредитного соглашения от 19 августа 1939 г. к 22 июня 1941 г. СССР поставил Германии товаров на сумму более 142 млн. марок, а Германия – Советскому Союзу на сумму около 107 млн. марок, в том числе по военным заказам – на 721,6 тыс. марок из 58,4 млн. марок, предусмотренных кредитным соглашением.

По хозяйственному соглашению, подписанному 11 февраля 1940 г., стороны обязались дополнительно осуществить взаимные поставки на сумму 640–660 млн. марок каждая. Стоимость советских военных заказов должна была составить более 133 млн. марок. К 22 июня 1941 г. по этому соглашению Советский Союз поставил в Германию товаров на сумму 310,3 млн. марок, а Германия в СССР – на 287,6 млн. марок, в том числе по военным заказам – на 81,57 млн. марок. К 1 августа 1940 г. в Советский Союз были поставлены образцы военных самолетов, авиационного оборудования, артиллерийских орудий, зенитных пушек, среднего танка Т-III, различных видов стрелкового оружия, недостроенный крейсер «Лютцов».

Важно отметить, что тогда же стороны подписали и секретный протокол, который закреплял согласие советских организаций перепродать фирмам Германии с оплатой в иностранной валюте закупленные в третьих странах металлы и другие товары[92].

10 января 1941 г. было заключено соглашение о взаимных поставках товаров на сумму 620–640 млн. марок, в том числе более чем на 141 млн. марок по советским военным заказам. По этому соглашению к 22 июня 1941 г. СССР поставил Германии товаров на 185,3 млн. марок, а Германия Советскому Союзу – на 14,8 млн. марок, в том числе по военным заказам – на 210,7 тыс. марок[93].

В течение года после подписанного 11 февраля 1940 г. хозяйственного соглашения с Германией СССР обязывался поставить ей 1 млн. т зерна, 900 тыс. т сырой нефти, 100 тыс. т хлопка, 500 тыс. т фосфатов, 100 тыс. т хрома, 500 тыс. т железной руды, 2 400 кг платины, лес, каучук и др.[94] К началу Великой Отечественной войны Германия рассчиталась с Советским Союзом за поставки лишь на 50–60%[95].

Шнурре, который вел с советскими представителями все экономические переговоры после 23 августа 1939 г., в докладе своему шефу Риббентропу отмечал, что советские поставки имеют важное значение для германского военного производства и ведения войны[96]. Но одновременно он сообщал, что его «партнеры по переговорам в своей армяно-кавказской манере (намек на Микояна. –

М. С.) пытаются использовать возникающие вопросы для того, чтобы приобрести нужные им преимущества». С целью давления на советскую сторону Шнурре предложил использовать тогда еще нерешенный вопрос об окончательном определении границы на литовском участке[97].

В своем инструктивном письме от 11 января 1941 г., направленном всем германским представительствам за рубежом, кроме Москвы, один из влиятельных чиновников министерства иностранных дел Риттер предлагал через все средства массовой информации и в беседах с официальными лицами обращать внимание на важное значение новых экономических соглашений, заключенных с Советским Союзом. Аргументация при этом была следующей: благодаря соглашениям окончательно устраняется английская блокада и Германия в состоянии развивать свою военную экономику даже без советских поставок, хотя некоторые виды сырья и продовольствия имеют для нее особое значение; Советский Союз выполнил все свои обязательства перед Германией, а по некоторым видам даже перевыполнил; Англии и США не удастся нарушить политическую дружбу и экономическое сотрудничество СССР и Германии[98].

Как утверждает Черчилль, начальник экономического отдела верховного командования

вермахта (ОКВ) генерал Г. Томас впоследствии писал, что «русские выполняли свои поставки до самого кануна нападения и в последние дни доставка каучука с Дальнего Востока производилась русскими курьерскими поездами»[99].

Другие советско-германские договоренности, в том числе и те, которые затрагивали правовые проблемы, как, например, договор о пограничных правовых отношениях от 31 августа 1940 г.[100], по своей сути также были противоправными, ибо они, как и предыдущие, кроме торгово-экономических, основывались на насилии в отношении третьих стран.

Некоторые авторы и поныне считают, что секретные протоколы, принятые 23 августа и 28 сентября, не составляют определенную целостность с подписанными тогда же договорами, а посему не могут превращать эти договоры в недействительные с самого начала. Для такого превращения требуется оговорка либо в самих договорах, либо в секретных протоколах, и утверждается, будто таких оговорок не существует[101].

Секретные протоколы к упомянутым выше договорам были не просто второстепенными приложениями, а их органическими составными частями. Не ясно лишь, почему именно Молотов настаивал на этом. Подобные предложения содержатся в его высказываниях во время беседы с Шуленбургом и во врученной им германскому послу памятной записке от 17 августа. Об этом же говорится в «Постскриптуме» к советскому проекту договора от 19 августа. На желание советского руководства иметь дополнительный протокол к договору ссылался и Гитлер в его письме к Сталину от 21 августа[102].

Таким образом, упомянутые документы составили тот фундамент, на котором строились в 1939–июне 1941 г. политические и экономические отношения между Советским Союзом и Германией. Анализ содержания и особенно действий по претворению в жизнь положений этих документов не оставляет сомнений в том, что правительства обоих государств допустили серьезные нарушения принципов как своего внутригосударственного, так и международного права.

Как известно, в международном праве предусматриваются два вида договоров – межправительственные, а по особенно важным проблемам – межгосударственные. В угоду германской стороне, чтобы ускорить их ратификацию, договоры 23 августа и 28 сентября 1939 г., несмотря на их важное государственное значение, были снижены до категории межправительственных документов. Партнеры слишком торопились. Они не желали тратить время на обременительную процедуру парламентского обсуждения, которая может произойти в ходе их ратификации. Почему спешил Гитлер – понятно. Но что же вынуждало Сталина вводить их в действие немедленно после подписания? Ведь подписанные Советским Союзом несколько позднее такие государственные акты, как пакты о взаимопомощи с Прибалтийскими странами, Договор о дружбе и ненападении между СССР и Югославией от 6 апреля 1941 г., Пакт о нейтралитете между СССР и Японией от 13 апреля 1941 г. и ряд других, принимались на уровне Президиума Верховного Совета Союза ССР, а не правительства. А пакты с Прибалтийскими странами и Пакт с Японией вступали в силу только после их ратификации.

Вокруг советско-германских договоренностей тех лет вот уже на протяжении полувека ведутся острые дискуссии. Трудно вспомнить, чтобы за это время какое-либо другое событие привлекло столь большое внимание и имело такой широкий диапазон мнений и оценок, как советско-германский договор. Большой международный и с годами усиливающийся интерес к договору кроме всего прочего вызван еще и тем, что этот документ касался не только двух подписавших его стран. Он задевал жизненно важные интересы целого ряда других государств, и прежде всего так называемых лимитрофов СССР в полосе от Балтийского до Черного моря.

Советская и мировая общественность, правительства и политические партии восприняли

весть о заключении советско-германского договора далеко не однозначно. Официальная пропаганда в СССР, естественно, преподносила его как мудрый шаг Сталина, который сыграет историческую роль в советско-германских отношениях. Советская пропаганда в международном плане до конца августа 1939 г. была ориентирована на разоблачение гитлеровской агрессии против Австрии и Чехословакии, а итальянской – против Абиссинии и Албании и гораздо скромнее выступала с требованиями освобождения Индии и других британских колоний. После августа 1939 г. основным объектом «разоблачений» в советской печати стали колониальные режимы Англии и Франции и даже «ограничение свобод» в Канаде, но почти ничего не говорилось о человеконенавистническом «новом порядке», устанавливаемом Гитлером в Чехии и Польше.

Массированная пропагандистская кампания по поводу договора оказала свое влияние на общественное сознание некоторых слоев советского народа. Наиболее убедительным им казался аргумент, что договор обеспечил нейтралитет Советского Союза в начавшейся второй мировой войне и предоставил стране дополнительное время для подготовки обороны, как будто СССР являлся одиноким островком в огромном океане, а не одним из островов архипелага, состоящего из многих стран. Отголоски подобных пропагандистских штампов, к сожалению, ощущаются в сознании людей старшего поколения и в некоторых научных работах до сих пор.

В речи на сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. Молотов признавал, что и в СССР «были некоторые близорукие люди, которые, увлекшись упрощенной антифашистской агитацией», забывали о провокаторской работе западноевропейских политиков, стремившихся столкнуть лбами Германию и Советский Союз. И теперь, когда договор подписан, некоторые «с наивным видом спрашивают: как Советский Союз мог пойти на улучшение политических отношений с государством фашистского типа? Разве это возможно?»[103].

Действительно, подобный вопрос тогда был весьма распространенным, но многие все же считали: раз Сталин так поступил, значит так надо.

Определенный интерес в связи с настроениями советских граждан вызывает оценка советского общественного мнения, данная Шуленбургом. В донесении от 6 сентября он писал, что в последние годы в Советском Союзе нагнетался страх перед германской агрессией. Поэтому заключение пакта о ненападении вызвало у населения чувство облегчения. В настоящее время советское правительство делает все, чтобы представить политику Германии в более благоприятном виде. Нападки практически прекращены[104].

По-своему размышляла в связи с договором другая часть советского общества, преимущественно интеллигенция. Ее настроения выразил в своих воспоминаниях Константин Симонов. Он рассказывает: пакт с немцами, приезд Риббентропа в Москву и все с этим связанное «психологически, особенно после всего, что произошло в Испании, после открытой схватки с фашизмом, которая была там, потрянуло меня так же, как и моих сверстников, – многих, наверное, довольно сильно. Что-то тут невозможно было понять чувствами. Может быть, умом – да, а чувствами – нет. Что-то перевернулось и в окружающем нас мире, и в нас самих. Вроде бы мы стали кем-то не тем, чем были; вроде бы нам надо было продолжать жить с другим самоощущением после этого пакта»[105].

Симонов находился в то время на Халхин-Голе и, естественно, ощущал, что вместе с этим пактом отодвинулась опасность удара в спину, с Запада, со стороны Германии – союзницы Японии. «И вот, – пишет он, – вдруг наступила странная, неожиданная, оглушающая своей новизной эра предстоящего относительного спокойствия: был заключен пакт о ненападении – с кем? – с фашистской Германией»[106].

При оценке советско-германского договора резкое размежевание произошло в

коммунистических партиях многих стран. Несмотря на некоторые сомнения, большинство из них по предложению Коминтерна все же выступило с одобрением этого договора. Однако коммунистические партии, мировая общественность не были информированы в полной мере ни об обстоятельствах, вызвавших появление этого договора, особенно договора о дружбе и границе, заключенного между СССР и Германией 28 сентября 1939 г., ни о секретных протоколах к этим договорам. Им не были известны подлинные причины тех территориальных изменений, которые произошли в результате принятия этих документов. Вот почему в первые дни войны коммунистические партии действовали в духе решений VII конгресса Коминтерна. Они резко критиковали агрессивный характер фашизма, выступали за коллективную безопасность, разоблачали национальных предателей, защищали национальную независимость своих стран. Затем, следуя требованиям Исполкома Коминтерна, они безоговорочно одобрили договор СССР с Германией. Но значительная часть активистов колебалась. Некоторые же руководящие деятели компартий США, Великобритании, Германии решительно выступили против сговора с Гитлером, за что были отстранены от руководства партиями или исключены из их рядов. В ряде компартий сомнения и негативное отношение к договору, отмеченные в первые дни после его заключения, постоянно уступали место новой волне просоветских настроений и доверия к ВКП(б)[107].

Видный деятель Французской коммунистической партии (ФКП) и французского Сопротивления Шарль Тийон в своих воспоминаниях рассказывал, что советско-германский договор вызвал «панику» у некоторых руководителей ФКП и депутатов Национального собрания от коммунистической партии. Они не поняли, что договор «был только тактическим и временным соглашением между двумя государствами, антагонистическими по своей природе». Однако, уточняет автор, то, что стало ясно после войны, в 1940 г. было труднообъяснимым. «Партия подвергалась тогда жесткому давлению догматизма, в особенности если речь шла о том, что исходило от Сталина, в ту пору, когда о методах его руководства и о режиме личной власти ничего не было известно»[108].

Участник антифашистского движения и ветеран компартии Болгарии Ганчо Ганев рассказывал: болгарских коммунистов беспокоила опасность того, что Англия и Франция вместе с Германией могут выступить против Советского Союза. Поэтому коммунисты полагали, что советско-германский договор блокировал эту возможность. Это был тактический ход советского руководства, стремившегося отодвинуть начало войны[109].

«Когда было заключено соглашение о ненападении между Советским Союзом и Германией, – вспоминал в 1975 г. И. Броз Тито, – я находился в Москве. У нас тогда была встреча всех секретариатов в Коминтерне, на которой мы дискутировали о том, что в такой обстановке следовало бы предпринять. Мы, разумеется, считали, что это тактика Советского Союза с целью как можно больше выиграть во времени. Я верю, что и сам Сталин думал, что такую опасность можно на определенное время устранить, пока Советский Союз лучше подготовится и упрочит свои ряды. К сожалению, оказалось, что это была иллюзия. Фашистам нельзя было верить».

Подготовка и заключение договора вызвали на первых порах неоднозначную оценку и среди союзников Германии. Так, итальянский военный атташе в Токио сообщал 23 августа 1939 г., что предстоящее заключение договора «вызвало в Японии глубокое возмущение против Германии. Это означает, как было сказано военному атташе, предательство германо-японской дружбы и идеи антикоминтерновского пакта, тем более что Японию даже не уведомили заблаговременно о таких планах»[110].

На следующий день после заключения договора аналогичную информацию прислал в Москву и советский временный поверенный в делах в Токио Н. И. Генералов. Он писал: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь»[111]. Далее сообщалось, что в японской печати идет обсуждение возможности

заключения подобного договора между СССР и Японией, в чем, как утверждалось, Риббентроп перед отъездом в Москву убеждал японского посла в Берлине Осима. Японский кабинет во главе с К. Хиранума, являвшийся сторонником жесткой политики в отношении Советского Союза, 28 августа 1939 г. подал в отставку. Премьер при этом заявил, что советско-германский договор делает необходимой совершенно новую внешнеполитическую ориентацию Японии[112].

Правительство Муссолини также высказало свое недоумение этим беспрецедентным шагом Германии, который мог ослабить германо-итальянский союз. Но после соответствующих разъяснений Гитлера и Риббентропа в Риме было установлено спокойствие. Так, в письме к Муссолини от 25 августа 1939 г. фюрер сообщал: «Могу сказать вам, дуче, что благодаря этим соглашениям гарантируется благожелательное отношение России на случай любого конфликта и то, что уже более не существует возможности участия в подобном конфликте Румынии!.. Румыния уже не находится в положении, когда она могла бы принять участие в выступлении против Оси!..» Благодаря переговорам с СССР, писал Гитлер, возникла ситуация, которая «должна принести Оси величайший из возможных выигрышей»[113].

В Англии, Франции и США представители правительств обвиняли Советский Союз в срыве тройственных переговоров и в поощрении Гитлера. Однако некоторые политические деятели из оппозиции и просоветски настроенная часть интеллигенции одобряла договор СССР и Германии, считая его шагом на пути предотвращения войны. К таким деятелям относился и известный английский писатель Бернард Шоу. При всех обстоятельствах он защищал внешнюю и внутреннюю политику Сталина в 30-е годы, за что Троцкий в 1940 г. назвал его «неутомимым паладином Кремля»[114].

Позиция Китая была изложена в беседе с заместителем наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовским специального полномочного посла Сунь Фо, состоявшейся в Москве 27 августа 1939 г. Посол сообщил, что недовольство Японии договором означает несомненный выигрыш для Китая. Но вместе с тем он выразил беспокойство по поводу слухов о возможном заключении пакта о ненападении между СССР и Японией и соглашении между Японией и Англией, что привело бы к ослаблению помощи СССР Китаю[115].

Настроение, царившее в Финляндии, Эстонии и других странах Прибалтики после подписания советско-германского договора, было отражено в донесении германского посла в Хельсинки В. Блюхера. Он писал, что пакт здесь воспринимается как гарант мира в бассейне Балтийского моря. Но в правительственных кругах опасаются, что Германия может предоставить России свободу рук в этом регионе и цена за этот пакт будет оплачена из кармана Прибалтийских государств. Не исключено, как пророчески заявили послу в министерстве иностранных дел Финляндии, что Россия позже, прикрывшись пактом, выступит против стран этого региона[116].

Далеко не однозначно выражало свое отношение к договору население Германии. Как отметил в служебном дневнике 24 августа временный поверенный в делах СССР в Германии Н. В. Иванов, «звонки в полпредство не прекращаются, начали поступать различные письма и с угрозами, и выражающие чувство радости, и «возмущенные» от так называемых «обманутых коммунистов»[117].

Хотя автор берет слова «обманутые коммунисты» в кавычки, многие немецкие коммунисты действительно почувствовали себя обманутыми. С одной стороны, они были рады, что Германия устанавливает хорошие отношения с Советским Союзом, за что они постоянно выступали. С другой же стороны, в заключенном договоре они усмотрели усиление позиции Гитлера и его партии, что осложнит деятельность коммунистов и других левых сил.

Договор о ненападении готовился советской стороной в строжайшем секрете. О нем не знали даже некоторые члены Политбюро ЦК партии. Аппарат Наркомата иностранных дел СССР

принимал весьма скромное участие в его подготовке. МИД Германии также потребовал, чтобы все его сотрудники, имевшие отношение к секретному протоколу 23 августа, дали письменное обязательство о неразглашении каких-либо сведений об этом документе[118]. Между тем текст этого протокола благодаря агентуре стал известен на Западе уже через несколько часов после его заключения. Например, газета «Дейли экспресс» сообщила о нем 26 августа 1939 г. Правда, телеграфное агентство Германии опровергло эти сведения.

Чем же была вызвана столь строгая засекреченность этого документа, который, если верить утверждению его авторов, должен был служить делу мира, а не войны? Не тем ли, что «мира» для своих стран партнеры по советско-германским переговорам стремились добиться такими средствами и такой ценой, которые не вытекали из интересов их народов, а сами соглашения являлись нарушением элементарных норм международного права, если не сказать более определенно – были преступными актами? Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что, подписывая договор, советская сторона доподлинно знала: агрессия Германии против Польши – дело нескольких дней.

Следует вообще отметить, что в своей закулисной игре правительства обеих стран придавали польской карте решающее значение. Сталин и Молотов пошли на переговоры, заведомо зная, что их партнером является потенциальный агрессор, которому они обязались содействовать. Разве это не дает основания квалифицировать данный документ как союзнический договор?

Выступая на сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г., Молотов высказал недовольство теми критиками советско-германского договора, которые отмечали отсутствие в нем пункта о возможной денонсации договора. «Но при этом почему-то забывают, – говорил он, – что такого пункта и такой оговорки нет ни в польско-германском договоре о ненападении, подписанном в 1934 году и аннулированном Германией в 1939 году вопреки желанию Польши, ни в англо-германской декларации о ненападении, подписанной всего несколько месяцев тому назад. Спрашивается, почему СССР не может позволить себе того, что давно уже позволили себе и Польша, и Англия?»[119]. Однако на заданный Молотовым вопрос можно поставить контрвопрос: почему отсутствие в советско-германском договоре такого крайне важного для СССР пункта, как возможность его аннулирования, должно обязательно обосновываться отсутствием такового в других договорах, заключенных Германией?

Действительно, в предыдущие годы как СССР, так и Германия имели богатый опыт заключения пактов о ненападении с другими странами. В период между двумя мировыми войнами ими было подписано 15 таких документов. Но в большинстве из них, особенно заключенных в период с 1925 по 1933 год, содержались обязательства о соблюдении нейтралитета при конфликтах одной из сторон с третьими странами и предусматривалась возможность денонсации пакта.

Еще в июне 1939 г., как упоминалось выше, советское руководство располагало достоверной агентурной информацией о планах Германии на последующие месяцы. Так, ему стало известно, что в конце августа – начале сентября Гитлер намеревался уничтожить польское государство и если дело дойдет до войны, то вермахт «будет действовать жестоко и беспощадно, хуже гуннов». Из этих высказываний советника бюро МИД Германии П. Клейста, полученных вскоре в Москве, также вытекало, что ни Гитлер, ни Риббентроп не верили, что СССР примет участие в войне Англии и Франции против Германии. «Это мнение выработалось у руководства рейха, – говорил Клейст, – не только ходом англо-франко-русских переговоров, но и прежде всего поведением за последнее время Москвы по отношению к Берлину. Москва дала нам понять, что она хочет вести с нами переговоры, что она не заинтересована в конфликте с Германией и что она не заинтересована также в том, чтобы сражаться за Англию и Францию»[120].

Сам Молотов в одном из инструктивных писем советскому послу в Лондоне И. М. Майскому указывал, что никакое ответственное правительство не будет заключать договор с правительством, готовящим нападение на третью страну. Но именно вопреки этому тезису и поступило советское руководство, когда подписало, по существу, договор о взаимопомощи с государством, которое через несколько дней совершило агрессию против Польши. Даже беглое ознакомление со статьями договора, а особенно с секретным протоколом, неизбежно приводит к выводу, что этот документ в определенной мере выходит за рамки только «ненападения». Поскольку его статья II предусматривала обязательство сторон не оказывать поддержки нападающей державе, то для Советского Союза это означало, что он не мог поддерживать объявивших войну Германии Англию и Францию и, стало быть, объективно должен был стать на сторону Германии как «жертвы агрессии». Таким образом, приведенная статья, не обеспечивая подлинно нейтральный статус СССР, довольно крепко связывала ему руки и ограничивала гибкость его внешнеполитической деятельности. Нетрудно представить, какими опасными последствиями для СССР была чревата сложившаяся ситуация.

Выступая на заседании Президиума Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. при ратификации договора, Молотов заявил: искусство внешней политики состоит в том, чтобы число врагов своей страны сокращать и вчерашних врагов делать хорошими соседями[121]. Однако нет веских оснований утверждать, что внешняя политика СССР отличалась тогда подобным искусством, ибо в это время за счет приобретения одного «друга» Советский Союз заимел намного больше врагов, и прежде всего в лице соседей от Баренцева до Черного моря. Ведь такие модные в 30-е годы понятия, как «санитарный кордон» или «буферная зона», выражали стремление стран Западной Европы отгородиться от Советского Союза и обезопасить себя от «советской экспансии». Но советское руководство также могло использовать этот «кордон» для того, чтобы отгородиться от агрессивной Германии. В этом смысле стабильность стран, входящих в эту зону, соответствовала жизненным интересам Советского Союза.

Таким образом, не подлежит сомнению, что советско-германские договоренности не только не снимали прямой угрозы гитлеровской агрессии, нависшей над Советским Союзом, но, «напротив, обостряли эту опасность, способствовали изоляции Советского Союза и толкали Советское правительство подчас на недостаточно обдуманые и опрометчивые шаги»[122].

Анализ политической линии и практических действий советского руководства в период с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. неизбежно приводит к выводу, что Советский Союз в бурных событиях того времени не был нейтрален. Как известно, нейтралитет в войне – это особый правовой статус государства, не участвующего в происходящей войне и воздерживающегося от оказания помощи и содействия как одной, так и другой воюющей стороне. Поскольку международное право не предусматривает ни условного или безусловного, ни полного или неполного нейтралитета, то в соответствии с этим принципом оказание любой военной помощи одному из воюющих государств несовместимо со статусом нейтрального государства.

В апреле 1921 г. на конференции в Барселоне была принята конвенция, в которой предусматривался принцип «свободы транзита». Предоставляя свободу транзита для Германии, Советский Союз формально не нарушал установления этой конференции, поскольку не являлся ее участником. Но так как речь шла о транзите стратегического сырья для одной из воюющих стран, то он, к сожалению, не воспользовался содержащимися в этой конвенции и имеющими моральную силу оговорками, на основании которых транзит мог бы быть сильно ограничен только сырьем для мирных целей. Этот факт лишний раз подтверждает, что советско-германский договор от 23 августа 1939 г. по своему содержанию стоит ближе к типу договоров о взаимопомощи, чем договоров о ненападении.

Нейтральные государства могут предоставлять убежище войскам, военным кораблям и самолетам воюющих стран, но обязательно с последующим их интернированием, если их

срок пребывания превышает одни сутки. Этих важных условий советские власти не придерживались. Так, например, никакими обстоятельствами нельзя оправдать преступное согласие советского руководства обслуживать немецко-фашистские военные корабли в советских портах в бассейне Баренцева моря, а также согласие на перегрузку товаров немецких торговых судов, прибывавших в Мурманск, на поезда, следовавшие в Ленинград, откуда они направлялись далее в Германию.

Характерна следующая деталь. В ноябре 1939 г. Шуленбург напомнил Молотову просьбу, чтобы находившимся в Мурманске германским морякам предоставить теплую одежду, необходимую им при несении зимней вахты. Молотов оперативно распорядился выполнить эту просьбу, за что через несколько дней удостоился из Берлина благодарности[123].

В начале февраля 1940 г. советское правительство в нарушение своего объявленного нейтралитета разрешило проход по Северному морскому пути с помощью советского ледокола немецкого вспомогательного крейсера (под кодовым названием «торговое судно №45»). В августе 1940 г. он прибыл в район Тихого океана и потопил несколько британских торговых судов[124].

9 мая 1940 г. гроссадмирал Э. Редер предложил Гитлеру разрешить Советскому Союзу участвовать в оккупации Норвегии, для чего передать ему порт Тремсе. Но Гитлер отверг это предложение, заявив, что пока он желает держать русских от себя подальше[125].

В нарушение норм международного права советское правительство разрешило воюющей Германии транзит стратегического сырья из Ирана, Афганистана и стран Дальнего Востока с использованием советских железных дорог и портов Одессы, Ленинграда и некоторых других[126]. Более того, цинк и каучук, закупленные Советским Союзом в Англии, и хлопок, купленный в США, также частично переправлялись в Германию. Причем по требованию советского правительства сохранялась строгая секретность этих акций. Однако это был, по существу, «секрет полишинеля», поэтому правительство Великобритании 6 и 11 сентября 1939 г. направило протест правительству СССР и еще больше усилило экономическую блокаду Германии. Молотов вопреки очевидным фактам в свою очередь выразил протест Великобритании, военные корабли которой препятствовали торговле «нейтральных» стран[127].

В условиях усилившейся экономической блокады 27 ноября 1939 г. Риббентроп обратился к Молотову с новой просьбой, чтобы тот еще раз выразил протест Великобритании в связи с тем, что ее военные корабли «конфисковывают грузы немецкого происхождения, направляемые в нейтральные страны на их судах», нарушая тем самым международное право. Благодаря этим акциям, утверждал Риббентроп, Советский Союз предстанет как «хранитель и защитник международного права». Через несколько дней Шуленбург известил Риббентропа, что Молотов выполнил его просьбу и 10 декабря 1939 г. направил ноту протеста в Лондон по поводу введения блокады[128].

Советское правительство разрешило многочисленным группам немецких разведчиков под предлогом организации переселения этнических немцев из Прибалтийских республик, западных областей Украины и Белоруссии в Германию и поисков могил немецких солдат, погибших в годы первой мировой войны, беспрепятственно объезжать западные районы нашей страны. Даже накануне агрессии против СССР Сталин запрещал пресекать полеты немецких самолетов над советской территорией и т. д. Это благодушие позже обошлось советскому народу весьма дорого.

В начале декабря 1939 г. Шуленбург предложил советскому руководству осуществить еще одну провокационную затею. Он сообщил Молотову, что германская авиация имеет намерение подвергнуть бомбардировке не только восточное побережье Англии, но и западное. Но поскольку немцы не располагали сведениями о состоянии погоды в этом районе

Атлантики, германский посол обратился к советскому наркому с предложением послать на два месяца в район, отстоящий от Англии на 150–300 км, советское судно с задачей регулярно передавать по радио соответствующие сведения.

Шуленбург подготовил и подходящий предлог: спасение ледокола «Седов», который через 5–6 недель должен выйти из ледяных объятий в указанный район. Можно также, говорил Шуленбург, обосновать эту операцию и научным интересом к течению Гольфстрим. Все расходы, заверил посол, Германия берет на себя. Молотов не отверг сразу это предложение, лишь заметил, что англичане могут потопить судно и предложил дополнительно обсудить этот план[129].

Как сообщило 3 сентября 1939 г. агентство Ассошиэйтед Пресс, 2 сентября «в Берлин через Стокгольм прибыла советская военная миссия в составе пяти офицеров во главе с генералом Максимом Пуркаевым». Вместе с ней прибыл новый советский посол в Берлине А. А. Шкварцев. В аэропорту их встречали заместитель статс-секретаря МИД Германии Э. Ворман и офицеры во главе с военным комендантом Берлина генералом Зейфертом. Была выстроена рота почетного караула. Подобная огласка, свидетельствующая о военном сотрудничестве обеих стран, была крайне неприятной для советского руководства, которое еще накануне сообщило Шуленбургу, чтобы «из-за соображений безопасности» германская печать не сообщала о прибытии советской военной миссии и чтобы не называла ее «миссией, а лишь группой офицеров, прибывшей в Берлин в связи с назначением нового советского военного атташе» комкора М. А. Пуркаева. При этом было сказано, что советская пресса уже получила соответствующее указание[130].

С 1 сентября 1939 г. до июня 1941 г. советско-германские отношения развивались в духе договора о ненападении. Но с весны 1940 г. они характеризовались охлаждением отношений и взаимным недоверием.

Что же касается договора от 28 сентября и особенно секретных протоколов к нему, то они еще больше усугубили грубое нарушение норм международного права по следующим направлениям. Во-первых, правительства договаривавшихся сторон произвольно делили территорию Польши, потерпевшей поражение в войне. Но в соответствии с буквой и духом Гаагской конвенции от 1907 г. Польша не потеряла автоматически своего суверенитета, так как ее правительство выехало за пределы страны, не подписав акта о государственной и военной капитуляции.

Во-вторых, территория суверенной Литвы, не находившейся в состоянии войны ни с одной из договаривавшихся сторон, также изменялась без согласия правительства и народа этой страны.

В-третьих, обязательства сторон не только не терпеть польскую агитацию, направленную против одной из них, но и пресекать подобные попытки означают, что обе стороны договорились ввести в побежденной стране оккупационный режим. С советской стороны такая позиция означала забвение ленинских принципов интернационализма. Она нанесла удар по зарождавшемуся тогда антифашистскому освободительному движению польского народа, связав руки его левым силам и дав возможность перехватить инициативу сопротивления оккупантам буржуазным кругам, а также по международному коммунистическому и рабочему движению в целом.

Наконец, в-четвертых, принятое правительствами СССР и Германии решение о переселении граждан в связи с территориальными изменениями в Польше хотя и декларировалось как добровольное, однако фактически происходило насильственно, что также противоречило соответствующим международным договоренностям.

Крайне негативное впечатление, а то и просто осуждение нашел среди народов и

правительств подавляющего большинства стран упоминавшийся выше совместный призыв СССР и Германии к Англии и Франции от 28 сентября 1939 г. о прекращении войны[131]. В то же время печать и радио Советского Союза характеризовали этот документ как еще одно усилие советского и германского правительств приостановить кровопролитие и восстановить мир.

Внешнее обрамление этого призыва выглядело действительно привлекательно и могло ввести в заблуждение многих. Но, судя по букве и духу этого документа, он не отвечал «интересам всех народов», ибо его реализация означала бы возврат к Мюнхену и новому «умиротворению» Гитлера, но теперь уже за счет Польши. Попытка возложить ответственность за продолжение войны на Англию и Францию не имеет под собой никакого основания, ибо обе эти страны, их правительства и народы вели оборонительную войну в интересах разгрома гитлеровской Германии и защиты своей свободы и национальной независимости. Что же касается предупреждения о том, что СССР и Германия будут консультироваться о принятии «необходимых мер», то оно носило провокационный характер. Советское руководство в обстановке продолжающейся войны совместно с одной из воюющих стран шло на прямую конфронтацию с другой стороной, подвергая тем самым свою страну реальной угрозе быть вовлеченной в войну. Этот документ являлся еще одним свидетельством того, что Советский Союз фактически вступил в военно-политический союз с Германией.

Годы спустя на Нюрнбергском процессе в своем последнем слове Риббентроп заявил: «Когда я приехал в Москву в 1939 году к маршалу Сталину, он обсуждал со мной не возможность мирного урегулирования германо-польского конфликта в рамках пакта Бриана – Келлога, а дал понять, что если он не получит половины Польши и Прибалтийские страны еще без Литвы с портом Либавы, то я могу сразу же вылетать назад. Ведение войны, видимо, не считалось там в 1939 году преступлением против мира...»[132]. Кстати, этот абзац не вошел в семитомное русское издание материалов Нюрнбергского процесса.

Советско-германские переговоры, а затем и подписание секретных протоколов к соответствующим договорам в августе – сентябре 1939 г. велись Сталиным и Молотовым втайне от советского народа, партии и ее Центрального Комитета, втайне от депутатов Верховного Совета СССР. Это означает, что они не отражают волю советского народа и политическую, правовую и моральную ответственность за них с советской стороны несет только узкий круг советских руководителей.

Заклученный советско-германский договор нанес большой ущерб международному престижу Советского Союза. Он лег черным пятном на советскую внешнюю политику, подорвал доверие к ней. Обычным явлением с тех пор стала непредсказуемость многих советских внешнеполитических акций, которая за рубежом ассоциировалась с агрессивностью и враждебностью СССР. Внешнеполитические шаги советского руководства, которые следовали после заключения советско-германского договора и под его непосредственным влиянием, как правило, приводили Советский Союз к дальнейшей изоляции.

Мог ли кто-либо предвидеть, что по инициативе Сталина будут прерваны дипломатические отношения с эмигрантскими правительствами ряда оккупированных стран (Чехословакии, Польши, Бельгии, Нидерландов, Дании, Норвегии, Греции). Причем отношения с некоторыми из них были прекращены за месяц, даже за две недели до начала Великой Отечественной войны. В то же время эти правительства нашли приют в Англии.

Своеобразный характер представляли собой в то время советско-югославские отношения. После эвакуации в начале апреля 1941 г. югославского правительства Симовича из Белграда советская миссия оставалась в столице. 8 мая 1941 г. заместитель наркома иностранных дел СССР Вышинский пригласил к себе югославского посланника Гавриловича и объявил ему о решении советского правительства прервать отношения с Югославией, поскольку

неизвестно, где находится ее правительство. В первых числах июня 1941 г. члены советской миссии в Белграде покинули страну и через Турцию вернулись в Советский Союз[133]. Послам же Бельгии и Норвегии советское правительство 9 мая 1941 г. просто послало по почте соответствующие уведомления. Позднее оно так же поступило с послом Греции.

Защита главных военных преступников на Нюрнбергском процессе пыталась обосновывать так называемую доктрину покорения. Ее суть состояла в том, что поскольку в годы войны оккупированные вермахтом страны были инкорпорированы в состав Германской империи, то установленный в них террористический режим стал якобы уже внутренним делом Германии, не связанным нормами международного права. В связи с этим прецедентом возникает вопрос: если советское правительство прекратило отношения с названными странами, то не означает ли это, что оно признало правомерной установленную в них германскую оккупационную систему, а заодно и порочную «доктрину покорения», на которой она основывалась?

Прекратив дипломатические отношения с эмигрантскими правительствами этих стран, советское правительство вместе с тем сочло возможным поддерживать и развивать политические и экономические отношения с марионеточными правительствами некоторых стран, признавая тем самым «законность» германской оккупации. Так, оно поспешило установить дипломатические отношения с «правительством Независимого Словацкого государства», а 6 декабря 1940 г., с ним были подписаны договор о торговле и судоходстве и соглашение о товарообороте и платежах. 18 сентября 1940 г., когда датский народ еще не оправился от страшного потрясения, вызванного вторжением в страну германских войск, советское правительство подписало с марионеточным правительством Дании соглашение о товарообороте и платежах. 21 мая 1941 г. был подписан дополнительный протокол к этому соглашению. Несколько позднее, 4 апреля 1941 г., было подписано аналогичное соглашение с оккупированной Бельгией, точнее, с германскими оккупационными властями в этой стране, ибо переговоры вел советник германского посольства в Москве Хильгер, и, как сказано в коммюнике, «при участии генерального директора по внешней торговле и девизам министерства хозяйства Бельгии Жерара». Соглашение о товарооборотах и платежах, заключенное 10 апреля с Норвегией, также подписал Хильгер «при участии и. о. министра торговли, промышленности, ремесла и рыболовства С. Иоганнеса»[134]. Подобные экономические соглашения являлись каналами, по которым под видом установления равноправного и взаимовыгодного товарооборота с указанными странами Советский Союз направлял им стратегическое сырье, попадавшее прямо в руки Германии. Сталин поторопился признать дружественное Германии правительство Виши во Франции, а 12 мая – прогерманское правительство Ирака. Даже турецкий посол в Москве доносил в Анкару, что, по его мнению, «Сталин стал слепым орудием Германии»[135].

Порочная внешнеполитическая концепция советского правительства в предвоенный период, ориентированная лишь на Германию, убедительно подтверждает ту истину, что любая попытка обеспечить свою безопасность за счет пренебрежения безопасностью других стран неизбежно ведет к непредсказуемым последствиям.

Нарушение национальных законов и международного права со стороны как Германии, так и Советского Союза в один из самых напряженных периодов в новейшей истории было не случайным. Что касается гитлеровской Германии, то этот принцип вытекал из самой сущности теории и практики фашизма. В Советском Союзе его теоретической платформой являлась концепция полного игнорирования правовых норм, что нашло свое особенно яркое выражение в области международных отношений. Немалые усилия для обоснования этой преступной антинаучной концепции приложил Вышинский, который вообще игнорировал примат международной законности. Под его административным давлением советская юридическая наука и практика не видели необходимости в выявлении соотношения международного и внутреннего законодательства. Логическим следствием подобной ситуации было то, что органы государственной власти СССР в своей практической

деятельности нередко нарушали и то, и другое.

Подписание советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г. и секретного протокола к нему стало одним из самых крупных политических просчетов Сталина, хотя он сам считал этот договор своей «победой», так как, мол, ему удалось обмануть Гитлера. В свою очередь, гитлеровская верхушка, и, кстати сказать, с большим основанием, рассматривала договор как свою великую победу. Гитлер заявил тогда, что отныне весь мир находится в его кармане. А Риббентроп, по свидетельству германского военного атташе в Москве генерала Э. Кестринга, был весьма удовлетворен тем, что встретился «лично с великим человеком Сталиным и услышал его ясную и не вызывающую никаких сомнений постановку вопроса»[136].

«Произошло поразительное событие, – отмечает известный швейцарский профессор В. Хофер, – договор заключили между собой антифашист №1 Сталин и антибольшевик №1 Гитлер. Причем оба они предали свою идеологию: Сталин изменил мировому коммунистическому движению и создал ему большие трудности, а Гитлер вел себя так, как будто он отказался от своего замысла по завоеванию жизненного пространства на Востоке»[137].

Действительно, советско-германские договоренности наряду с волной террора, которая прокатилась по стране в 1937–1938 гг., нанесли еще один серьезный удар по Коминтерну, международному коммунистическому движению, оказали негативное влияние на все прогрессивные силы в мире. Более того, сталинский террор после августа 1939 г. был направлен, кроме всего прочего, и на физическую расправу со многими зарубежными техническими специалистами и эмигрантами, проживавшими в Советском Союзе, включая коммунистов и социалистов из разных стран. Часть из них к этому времени уже стала советскими гражданами. Это делалось не только путем репрессий в СССР, но и выдворением их за пределы страны с передачей, если речь шла о немцах и австрийцах, органам гестапо. Такая договоренность между правительствами СССР и Германии была достигнута в октябре – ноябре 1939 г. Это касалось, по неполным данным, 900 арестованных в СССР за период с 1937 по 1941 г. немцев и австрийцев, которые были выданы гестапо непосредственно в период действия пакта Молотова – Риббентропа.

Более того, И. Эренбург рассказывал о человеке, арестованном весной 1941 г. за антигерманские настроения и приговоренном за это к тюремному заключению уже тогда, когда война с Германией была в самом разгаре.

Какими же причинами было вызвано согласие Сталина пойти на сговор с гитлеровской Германией? Как он сам утверждал, у него было опасение, что Англия и Франция совместно с Германией образуют объединенный антисоветский фронт. Действительно, Советскому Союзу нужно было проявлять бдительность и быть начеку. Однако трезвая оценка международной ситуации в тот период приводит к выводу, что в центре европейской и в конечном счете мировой политики все же стояли противоречия между англо-французским блоком и Германией. Их острота и непримиримость делали маловероятной возможность создания единого антисоветского фронта. Даже Черчилль, не отличавшийся, как известно, симпатиями к Советскому Союзу, неоднократно заявлял, что цели Германии остались неизменными – мировое господство – и что они ставят под угрозу интересы США и Британской империи. Россия же не представляет реальной опасности[138].

Некоторые советские авторы, например Робертас Жюгджа, утверждают, что, «только убедившись, что обеспечение безопасности Советского государства и сохранение мира в сотрудничестве с Англией и Францией невозможно, и стремясь сорвать антисоветские планы реакционных кругов этих стран, правительство СССР принимает предложение Германии, чтобы устранить нависшую угрозу войны»[139]. Но дело в том, что этим шагом не было достигнуто сохранение мира. В конечном счете не была устранена и нависшая над СССР

угроза войны. Наоборот, со временем она приобрела более опасный характер.

В постановлении второго Съезда народных депутатов СССР «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года» сказано: «Съезд народных депутатов СССР соглашается с мнением комиссии, что договор с Германией о ненападении заключался в критической международной ситуации, в условиях нарастания опасности агрессии фашизма в Европе и японского милитаризма в Азии имел одной из целей – отвести от СССР угрозу надвигавшейся войны. В конечном счете эта цель не была достигнута, а просчеты, связанные с наличием обязательств Германии перед СССР, усугубили последствия вероломной нацистской агрессии. В это время страна стояла перед трудным выбором»[140].

Разумеется, заключая договор, на выигрыш рассчитывали как Сталин, так и Гитлер. Советское руководство хотело отодвинуть угрозу войны подальше от своей границы и одновременно воспользоваться столкновением в смертельной схватке Германии с ее западными империалистическими соперниками, что обессилило бы обе стороны и создало бы в Европе благоприятные условия для возникновения революционной ситуации.

Гитлер также имел свои виды, а именно: разрушить складывавшийся антигерманский блок в составе СССР, Англии и Франции, временно удержать Советский Союз от участия в войне, поочередно разгромить Польшу, затем западные страны и Советский Союз. Во имя такой цели Гитлер и проявил инициативу.

Принципиальный вопрос о том, кому же был более выгоден советско-германский договор, крайне важно выяснить, так как в исторической литературе на протяжении почти полувека он рассматривался крайне односторонне и только в плане выигрыша для Советского Союза без сопоставления с выигрышем для Германии. Такой методологически неверный подход не воспроизводил полной картины.

Советский Союз, как утверждалось, «выиграл» полтора года времени, хотя в силу существовавших тогда в стране командно-административных методов управления экономикой и сложной обстановки террора и страха этот «выигрыш» использовался далеко неэффективно. Тем не менее все же удалось довести численность Вооруженных Сил СССР до 5 млн. человек, сформировать 125 новых дивизий, произвести частичную реорганизацию армии. Однако к началу агрессии многие другие запланированные мероприятия по объективным, но преимущественно по субъективным причинам не были завершены. Было также расширено военное производство, поднята, правда террористическими методами, трудовая дисциплина, улучшена профессиональная подготовка рабочего класса, начато производство ряда новых типов вооружения и боевой техники. Определенное значение имели и немецкие поставки машин, станков, оборудования и некоторых видов боевой техники.

До сих пор не утихают споры о том, имел ли перенос советской границы на 200–250 км на запад какое-либо стратегическое значение для событий начального периода Великой Отечественной войны. Факты подтверждают: просчет Сталина привел к тому, что эта война началась на линии Брест – Львов при полной неподготовленности новых оборонительных рубежей, что способствовало внезапности вражеского нападения. Это означает, что мы не выиграли 200–250 км, а, наоборот, потеряли польский буфер, который при иных условиях явился бы благоприятным фактором для действий Красной Армии. Совместно с польской армией она могла бы войти в боевое соприкосновение с вермахтом на более выгодных и более отдаленных рубежах.

По вопросу о «стратегическом выигрыше» Сталина благодаря передвигке границы на 200–250 км Л. Д. Троцкий еще в 1940 г. высказал такое суждение: «Гитлер разрешает свою задачу по этапам. Сейчас в порядке дня стоит разрушение Великобританской Империи. Ради

этой цели можно кое-чем поступиться. Путь на Восток предполагает новую большую войну между Германией и СССР. Когда очередь дойдет до нее, то вопрос о том, на какой черте начнется столкновение, будет иметь второстепенное значение»[141]. В конечном итоге автор пришел к следующему выводу: «Выгоды, полученные Москвой, несомненно, значительны. Но окончательный счет еще не подведен. Гитлер начал борьбу мирового масштаба. Из этой борьбы Германия выйдет либо хозяином Европы и всех ее колоний, либо раздавленной. Обеспечить свою восточную границу накануне такой войны являлось для Гитлера вопросом жизни и смерти. Он заплатил за это Кремлю частями бывшей царской империи. Неужели это дорогая плата?»[142].

Что же выиграла гитлеровская Германия? Как подтвердили последующие события, она действительно сполна использовала благоприятные возможности, открытые ей договором. Предпринимая агрессию против западных стран, Гитлер был спокоен за свой стратегический тыл на Востоке. Давая оценку развитию советско-германских отношений к началу 1940 г., статс-секретарь МИД Вайцзеккер сказал, что «безопасный тыл на Востоке означает для нас в настоящее время очень много»[143].

К июню 1941 г. вермахт оккупировал или подчинил своему влиянию 11 стран, т. е. практически всю континентальную Европу за пределами СССР, на территории которой проживало 283 млн. человек. Это означало, что разрыв в таком важном стратегическом факторе, как численность населения между Германией и СССР, изменился в пользу Германии. Кроме того, благодаря этим территориальным захватам Германия значительно смягчила негативные последствия экономической блокады со стороны Франции (до июня 1940 г.) и Великобритании и, используя поставки стратегического сырья из Советского Союза, смогла в полную меру развернуть свой военно-промышленный потенциал. Как справедливо указывают германские историки, советские поставки зерна, нефти, цветных металлов и хлопка прибывали в Германию аккуратно и представляли собой ценный вклад в военный потенциал Германии. Да и сам Гитлер говорил своим генералам 22 августа 1939 г., что «Восток нам присылает все, в чем мы нуждаемся». С сентября 1939 г. до середины 1941 г. Германия резко увеличила за счет ограбления оккупированных стран свои запасы сырья и материалов: по углю – в 2 раза, железной руде – в 7,7, медной руде – 3,2, по зерновым культурам – в 4, по количеству крупного рогатого скота – в 3,7, а нефти – в 20 раз. Это означало, что к июню 1941 г. по экономической мощи Германия превосходила Советский Союз в несколько раз[144].

По данным Л. Д. Троцкого, уже к весне 1940 г. Советский Союз уменьшил тяжесть экономической блокады Германии не менее чем на 25%, а может быть, и значительно больше[145].

Германия сумела существенно увеличить свои вооруженные силы, коренным образом реорганизовать и оснастить их достаточным количеством боевой техники и вооружения. В ходе военных кампаний 1939–1941 гг. гитлеровский вермахт приобрел немалый боевой опыт. Были проверены и уточнены военно-теоретические концепции, испытаны новые образцы оружия и боевой техники, принципы организации и боевого использования различных видов вооруженных сил и родов войск. В этот период вермахт вел боевые действия в разнообразных географических и климатических условиях от Норвегии до Греции. Красная Армия подобным опытом не располагала, а специфические театры военных действий – на реке Халхин-Гол, в советско-финляндской войне и в гражданской войне в Испании – совершенно не походили на тот театр, на котором позже развернулись сражения Великой Отечественной войны. Кроме того, там действовали ограниченные контингенты войск или просто небольшие группы военных советников.

Что касается самой Германии, то опасность ее нападения на СССР в 1939 г. Сталиным сильно преувеличивалась. К такой войне она не была готова и, подчеркиваю, в то время не имела против СССР никаких разработанных агрессивных оперативных планов. Известны

слова заместителя начальника оперативного управления ОКВ генерала В. Варлимонта о том, что германская армия никогда не была так плохо подготовлена к войне, как в 1939 г.: не хватало боеприпасов, тяжелых танков, автомашин, средств связи и железнодорожных войск. Было плохо с подготовленными резервами, особенно среди офицерского состава[146]. В 1938–1939 гг. Гитлеру удавалось добиваться успеха в своих внешнеполитических авантюрах преимущественно шантажом. Это, кстати, признавали и его генералы. Лишь позднее Германия обрела реальную военную силу.

Германия в 1939 г. не в состоянии была вести войну на два фронта, что оказалось бы неизбежным, если бы Гитлеру не удалось обеспечить благожелательную позицию Советского Союза[147]. Утверждается, что от авантюриста Гитлера можно было всего ожидать, что показала агрессия против СССР в 1941 г., когда Англия продолжала сопротивление. Но, во-первых, любой авантюризм имеет какие-то свои пределы, за которыми начинается безумие, и германские милитаристы вряд ли пошли бы на этот самоубийственный шаг. И во-вторых, вооруженную борьбу с июня 1941 г. и по крайней мере до осени 1942 г. применительно к Германии вряд ли можно назвать войной на два фронта: ведь Англия, по существу, на некоторое время прекратила борьбу на континенте и находилась в крайне тяжелом положении.

А. Н. Яковлев, выступая на втором Съезде народных депутатов СССР, справедливо отмечал, что всесторонний анализ этой проблемы пока отсутствует, но «все же документы говорят, что советская политика строилась тогда чаще на оперативных сообщениях, нежели на глубоких стратегических выкладках».

В некоторых статьях советских историков встречаются утверждения, будто независимо от наличия советско-германского договора Германия все равно напала бы на Польшу и разгромила бы ее и вермахт оказался бы непосредственно у границ Советского Союза, который находился бы к тому же в международной изоляции[148]. Утверждается также, что в подготовке агрессии Гитлер зашел слишком далеко, чтобы без политического риска отказаться от своих планов. Однако предыдущие и последующие события подтверждают, что фашистский диктатор не всегда жестко связывал себя с заранее принятыми решениями, если для их осуществления не было благоприятных условий. Так, приняв решение о наступлении на западном фронте сразу же после поражения Польши, т. е. 12 ноября 1939 г., он откладывал его 29 раз и оно началось лишь в мае 1940 г. Несколько раз откладывалась агрессия против Югославии и Советского Союза[149].

Обосновывая неизбежность советско-германского договора о ненападении, некоторые авторы ссылаются на тот факт, что Англия и Франция еще раньше заключили с Германией аналогичные «договоры о ненападении». Комиссия по политической и правовой оценке советско-германского договора, к сожалению, также пришла к такому же выводу: если бы обе страны подписали только один договор без секретных протоколов, то он, по мнению Комиссии, только пополнил бы обширный каталог аналогичных договоров, которыми Германия была связана с Польшей (1934), с Англией и Францией (1938), с Литвой, Латвией и Эстонией (1939)[150].

Действительно, в январе 1934 г. было заключено германо-польское соглашение о мирном разрешении споров. Англо-германская декларация была подписана 30 сентября 1938 г. Чемберленом перед его отъездом из Мюнхена и аналогичная ей германо-французская декларация – 6 декабря 1938 г.[151]

Однако подобное сравнение неправомерно по ряду причин. Во-первых, общая военно-политическая обстановка осенью 1939 г. несопоставима с тем же периодом предыдущего года. Во-вторых, правительства Англии и Франции договорились с Германией о развитии добрососедских отношений, признавали отсутствие каких-либо территориальных споров и установили, что существующие границы между ними являются окончательными.

Можно ли эту договоренность считать предосудительной? Почему она должна была вести к дестабилизации обстановки и вызывать какую-либо подозрительность советского правительства? В-третьих (и это представляется особенно важным), декларации имели открытый характер и не содержали секретных протоколов, направленных против интересов третьих стран. Наконец, в-четвертых, это были декларации, которые, как известно, отличаются от других договорных документов тем, что представляют собой заявление двух и более государств, устанавливающее их взгляды по определенным крупным проблемам и излагающее общие принципы отношений между этими странами. Поэтому они ни в правовом, ни в политическом отношении не имели характера договоров о ненападении. Декларации соответствовали принципам международного права и не могли быть источником международной напряженности, чего нельзя сказать о советско-германских договорах, подписанных в 1939–1940 гг.

3. Была ли альтернатива?

Был ли неизбежен советско-германский договор? Некоторые авторы отвечают, «что в момент принятия решения – заключать или нет договор о ненападении с Германией (19–20 августа 1939 г.) – у Сталина выбора уже не существовало. Все шансы на достижение соглашений с Англией и Францией были полностью исчерпаны, что лишало альтернативы». Сторонники этой точки зрения так и назвали свою статью: «Пакт 1939 года: альтернативы не было»[152].

Если исходить из того, вытекал ли договор объективно из сложившейся в то время международной обстановки, то на этот вопрос следовало бы дать отрицательный ответ. Нет, он не был неизбежен, ибо все-таки существовала многовариантная альтернатива.

Вопрос об альтернативе в такой же степени важен, как и сложен. Его важность не нуждается в обосновании, ибо в ответе на него уже содержится, по существу, принципиальная оценка решения советского руководства и самого договора. Сложность определяется тем, что речь может идти только о построении гипотезы, некой модели вероятного хода событий, хотя и базирующейся на конкретных реальных фактах предыдущего периода.

В каком же направлении могло пойти развитие событий, если бы советское руководство отказалось подписать договор с Германией?

Первый путь. Советский Союз отвергает предложение Германии как неприемлемое или затягивает переговоры с ней. Одновременно терпеливо, но упорно, с готовностью к компромиссу он добивается заключения военного соглашения с Англией и Францией.

Второй путь. Если будет отсутствовать готовность Англии и Франции, а также Польши пойти на необходимый компромисс, Советскому Союзу можно было бы заключить договор с Германией, но включить в него статью, которая давала бы право его аннулировать, если Германия начнет агрессивную войну против третьих стран. Одновременно Советскому Союзу необходимо было продолжать осуществлять давление на западных партнеров по переговорам с тем, чтобы добиться от них более гибкой линии поведения.

Третий путь. Не заключать договор ни с Германией (по политическим и моральным соображениям), но при этом поддерживая с ней нормальные экономические отношения, ни с Англией и Францией, если они будут настаивать на совершенно неприемлемых для Советского Союза условиях. Это означало, что Советский Союз сохранял бы подлинный нейтральный статус, выигрывая максимально возможное время для лучшей подготовки к будущей неизбежной войне. Время работало на Советский Союз, а не на Германию.

Конечно, рассчитывать на подобные альтернативные решения можно было только в случае уверенности в том, что Германия при отсутствии договора с СССР не нападет на Польшу.

Таким образом, по нашему убеждению, альтернатива договору была. Но договор все же был подписан. Почему? Это оказалось неизбежным по другой причине: имея в руках неограниченную власть и считая свои решения безошибочными, Сталин воспользовался подходящим случаем для демонстрации своего политического нрава. «Сталин и Молотов заключали соглашение о сотрудничестве с фашистской Германией не потому, что иного выхода уже не было в сложившейся международной обстановке, а потому, что это был тот выход из сложившейся ситуации, которого они давно желали»[153]. Такого убедительно обоснованное мнение по этому вопросу Е. Гнедина, бывшего в те годы ответственным работником НКВД СССР и имевшего личное отношение к упомянутым событиям. К такому же выводу пришли историки В. М. Кулиш и А. О. Чубарьян: «Альтернатива была, но осталась нереализованной. Это важно сегодня с точки зрения нового мышления»[154]. Да, альтернатива была, но отсутствовало желание. Как говорили древние, желание – это тысяча возможностей, а нежелание – это тысяча причин.

При анализе вопроса о «вынужденной необходимости» заключения договора о ненападении неизбежно возникает контрвопрос: а кто же мог загнать Сталина в угол, из которого не было выхода, и вообще возможно ли было кому-либо произвести эту операцию? Загнать в угол Сталина мог только сам Сталин, и только в этом смысле можно трактовать договор как «вынужденную» меру[155]. Да, никто не принуждал Сталина идти на сговор с Гитлером, политический и моральный облик которого был хорошо известен. Но добровольно сделав этот шаг, Сталин по законам логики уже обязан был сделать второй и последующие шаги. Прав был великий мудрец Гете, воскликнувший: «Свободный – первый шаг, но мы рабы второго».

Некоторые исследователи справедливо утверждают, что договор 23 августа 1939 г. нельзя вычленять из предыдущей истории переговоров, в частности отрезать его от мюнхенского сговора, англо-германской и француско-германской деклараций и от некоторых других документов. Но с еще большим основанием мы не можем изолировать этот договор от последовавших за ним советско-германских договоренностей, имевших место вплоть до июня 1941 г. И все они в той или иной мере нанесли интересам Советского Союза серьезный ущерб. Правда, не все советские историки согласны с такой жесткой оценкой. Например, В. Александров, один из высококвалифицированных специалистов в области истории советской внешней политики рассматриваемого периода, положительно оценивает текст договора о ненападении. Он считает, что в нем «нет ни слова, ранящего кого-либо в Советском Союзе или за рубежом». Другое дело – «дополнительный секретный протокол», в котором нет ни одного пункта, не вызывающего протеста и сейчас, полвека спустя». И далее автор раскрывает причину: потому что «одно – результат советской, другое – результат сталинской политики»[156].

Подобная концепция вызывает по крайней мере три возражения. Во-первых, неправомерно рассматривать секретный протокол в отрыве от договора, так же как и зародыша от матки, в которой он развивается. Секретный протокол, как уже отмечалось выше, – это органическая часть договора. Во-вторых, думаю, что советского гражданина и особенно гражданина Польши больно ранило осознание того, что Советский Союз заключил договор о ненападении с государством – потенциальным агрессором, ибо Сталин определенно знал о намерении Гитлера в ближайшее время разгромить Польшу. И в-третьих, трудно представить, как автор понимает разницу между понятиями «советский» и «сталинский» применительно к тому времени. Можно ли серьезно считать, чтобы Сталин допустил подобное «двоевластие»?

Видимо, чувствуя уязвимость своей позиции, особенно по последнему пункту, автор уточняет, что «Сталину, наверное, хотелось бы переделать и государство, и партию полностью по своему подобию. Но они были сильнее тирана, и стоило свершиться XX съезду партии, как

стала распрямляться подлинно советская политика»[157]. Но и это уточнение само нуждается в уточнении. К сожалению, в тот период все, что автор рассматривает в сослагательном наклонении, Сталину удалось осуществить, ибо тиран, пока он еще тиран, всегда сильнее и государства, и партии, и даже общества. Что же касается роли XX съезда, то подлинное «распрямление» советской политики произошло лишь через несколько десятилетий после этого безусловно исторического съезда.

В дискуссиях по вопросу о политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении иногда высказываются мнения, что, заключив этот договор, оба государства несут одинаковую ответственность за вспыхнувшую вскоре вторую мировую войну. При этом некоторые авторы ссылаются на одинаковый, т. е. тоталитарный, характер общественного и государственного строя в обеих странах. Признавая органическую связь внутренней и внешней политики в любом государстве, все же полностью отождествлять их нет основания. Каждая из них тем не менее функционирует и в условиях относительной самостоятельности. Этот же тезис можно распространить и на меру ответственности государства за те или иные международные акции.

Исходя из этого, утверждение о равной ответственности СССР и Германии за развязывание второй мировой войны только потому, что в них существовал «одинаковый тоталитарный режим», нельзя считать убедительным. Главную ответственность за это международное преступление все же несет правящая верхушка гитлеровской Германии. Свою долю ответственности советское руководство несет за то, что подписанием договора о ненападении с Германией оно создало определенные условия, способствовавшие развязыванию войны Гитлером.

Особую значимость для обеспечения интересов Советского Союза его внешняя политика приобрела после начала второй мировой войны. В новой ситуации Сталин придерживался прежней линии на сближение с зачинщицей этой войны фашистской Германией. Он сыграл решающую роль и в том, что секретариат Исполкома Коминтерна извращенно истолковывал политический характер этой войны и позиции участвовавших в ней сторон.

8 сентября секциям Коминтерна была разослана директива с указанием считать войну со стороны всех воюющих стран империалистической и несправедливой и соответственно изменить политическую линию своего поведения, т. е. бороться за прекращение войны, разоблачать ее виновников, и в первую очередь в собственной стране. В этом документе подчеркивалось, что ни в одной стране рабочий класс, а тем более коммунистические партии не должны поддерживать эту войну. Международный рабочий класс ни в коем случае не должен защищать фашистскую Польшу, «которая отвергла помощь СССР и угнетает другие национальности». Деление стран на фашистские и демократические отвергалось как устаревшее. Директива требовала, чтобы все коммунистические партии перешли в решительное наступление против предательской политики социал-демократии. «Коммунистические партии, особенно Франции, Англии, Бельгии и Соединенных Штатов Америки, – говорилось в ней, – которые выступали вопреки этой позиции, должны немедленно откорректировать свою политическую линию»[158].

В последующие дни такая позиция секретариата Исполкома Коминтерна, которая, кстати, не соответствовала принципиальным решениям VII конгресса Коминтерна, активно пропагандировалась в печати, в выступлениях руководителей коммунистических партий, государственных деятелей Советского Союза. Так, выступая на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 г., Молотов при определении политического характера войны со стороны Англии и Франции поставил все точки над «i». «Теперь, если говорить о великих державах Европы, – заявил он, – Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира. Роли, как видите, меняются»[159]. Далее Молотов осудил такую цель войны Англии и Франции

против Германии, как «уничтожение гитлеризма», ибо «идеология гитлеризма» имеет такое же право на существование, как и любая другая идеология, и ее, мол, «нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной».

Начавшаяся война расценивалась как империалистическая, но подчеркивалось, что «политику разжигания войны против Германии» ведут именно правящие круги Англии и Франции. Таким образом, получилось, что эти страны проводили не политику «умиротворения» Гитлера, а политику продолжения борьбы против него до победы. Докладчик сформулировал следующий вывод о причине начавшейся войны в Европе: оказывается, Германия стремилась всего-навсего «разбить путы Версальского договора, творцами которого были Англия и Франция при активном участии Соединенных Штатов Америки». Утверждалось также, что, мол, «сильная Германия является необходимым условием прочного мира в Европе»[160].

Ошибочность концепции об империалистическом характере войны со стороны Англии и Франции в 1939–1941 гг. состоит в том, что ее авторы невольно ставят на одну доску политические цели фашизма и цели буржуазных демократий, недооценивают варварскую сущность фашизма, что уже тогда мешало его разоблачению.

В действительности же, независимо от политики правящих кругов Англии и Франции, агрессия гитлеризма являлась серьезной угрозой для физического и национального существования народов этих стран, для их государственной независимости, угрозой всему человечеству. Поэтому позиция правительств в основном совпадала с жизненными интересами народов и война, в которую они вступили, не могла не иметь с самого начала освободительного характера.

История войн подтверждает, что объективный характер той или иной из них нередко складывается так, что он может совпадать, но может и не совпадать с субъективными устремлениями отдельных участвующих в ней сил. В данном случае устремления реакционных сил Англии и Франции и их внутренняя политика в первый период войны накладывали определенный негативный отпечаток на объективно сложившийся справедливый характер войны в большей степени, чем со второй половины 1941 г. Вступление в войну Советского Союза не изменило политического характера второй мировой войны, но существенно усилило ее освободительные черты.

Предлагаемая, как нам представляется, сбалансированная оценка политического характера войны со стороны Англии, Франции и других стран антигитлеровской коалиции отражает сложность и противоречивость этой войны, предоставляет широкую возможность как для аргументированного разоблачения реакционных кругов в некоторых странах антигитлеровской коалиции, так и для показа вклада народных масс, в том числе Англии и Франции, в борьбу против фашизма на всех этапах войны. Вместе с тем реалистическая оценка политического характера этой войны со стороны всех ее участников вооружает защитников мира уже имеющимся историческим опытом.

В этом смысле вывод Комиссии Съезда народных депутатов СССР о том, что Сталин не видел в предстоящей войне никаких различий между целями двух соперничавших группировок держав в Европе и что эта концепция в роковые дни августа 1939 г. сыграла немалую роль, совершенно обоснован.

4. Визит в Берлин

Это было время, когда советские люди стали уже привыкать ко всякого рода неожиданным и

непредсказуемым новостям. Вот и на сей раз в газете «Известия» 10 ноября 1940 г. появилась очередная сенсация: «По приглашению Германского правительства и в ответ на прошлогодние поездки Германского Министра Иностранных дел фон Риббентропа в Москву Председатель Совета Народных Комиссаров СССР и Народный Комиссар Иностранных дел Молотов в ближайшее время посетит Берлин, чтобы в рамках дружественных отношений, существующих между обеими странами, путем возобновления личного контакта продолжить и углубить текущий обмен мнениями»[161].

Названное в утреннем сообщении «ближайшее время» наступило в тот же день, через несколько часов, о чем официально 11 ноября было сообщено следующее: «10 ноября с. г. в 18 час. 45 мин. выехал из Москвы в Берлин Председатель Совнаркома СССР и Народный Комиссар Иностранных дел тов. В. М. Молотов в сопровождении Народного Комиссара черной металлургии тов. Тевосяна И. Т., Заместителя Народного Комиссара Иностранных дел тов. Деканозова В. Г., Заместителя Народного Комиссара Внешней Торговли тов. Крутикова А. Д. и др.»[162]. В сообщении, правда, не уточнялось, что в числе «др.» были один из руководителей госбезопасности Меркулов и 16 его сотрудников, в качестве военных экспертов представители Генерального штаба генералы А. М. Василевский и В. М. Злобин, врач, три сотрудника из персонала личного обслуживания Молотова, референты, советники, переводчики и другие – всего 60 человек. Не было сказано и о том, что в том же поезде делегацию сопровождал германский посол в Москве граф фон Шуленбург.

Что же касается утверждения «Известий» о наличии между СССР и Германией «дружественных отношений», то желание поддерживать такие отношения действительно имелось у обеих сторон. Так, на протяжении 1940 года между СССР и Германией продолжалась практика взаимной информации о предстоящих шагах сторон. Шуленбург, например, по поручению Риббентропа весной 1940 г. проинформировал Молотова о предстоящем вторжении вермахта в страны Северной Европы, а позже – в Бельгию и Нидерланды, на что глава советского правительства ответил, что он с пониманием относится к усилиям Германии защищаться от Англии и Франции. 17 мая 1940 г. Сталин через Молотова передал германскому послу «самые горячие поздравления в связи с успехами германских войск во Франции»[163].

Германское командование высоко оценило советскую позицию во время вторжения войск вермахта во Францию. Во время встречи на Бреннерском перевале 18 марта 1940 г. Гитлер убеждал Муссолини в том, что именно благодаря советско-германскому пакту Германия сможет сосредоточить против Франции 60 своих первоклассных дивизий[164].

Об этом же свидетельствует следующее письмо германского военно-воздушного атташе в Москве, направленное 21 мая 1940 г. начальнику отдела внешних сношений НКО полковнику Г. И. Осетрову: «Успех германских войск на Западе обеспечен нашей дружбой с вами. Этого мы никогда не забудем. Перед отъездом в вашу страну я был у Гитлера, который мне сказал: «Помни, что Сталин для нас сделал великое дело, о чем мы никогда и ни при каких обстоятельствах не должны забывать»[165].

Но вместе с тем невооруженным глазом тогда было видно, что в связи с проведенными Советским Союзом акциями на Востоке и Германией – на Западе недоверие между ними заметно нарастало. Вот какую картину советско-германских отношений в тот период образно нарисовал У. Черчилль: «В то время как ничего не знавшим жителям континента и всему внешнему миру наша судьба казалась решенной или в лучшем случае висящей на волоске, взаимоотношения между нацистской Германией и Советской Россией приобрели первостепенное значение в международных делах. Коренные противоречия между двумя деспотическими державами вновь дали о себе знать, как только стало ясно, что Англию удастся сразить и покорить... Две великие тоталитарные империи, в равной мере не знавшие сдерживающих моментов морального свойства, стояли друг против друга вежливые, но неумолимые»[166].

Какие же события привели советское руководство к необходимости принять приглашение Гитлера на встречу в Берлине?

Впервые вопрос о встрече на высшем уровне и о возможном присоединении Советского Союза к заключенному в 1936 г. между Германией и Японией Антикоминтерновскому пакту был поднят Риббентропом на встрече со Сталиным 24 августа 1939 г. Между Сталиным и Риббентропом состоялся тогда следующий диалог (в записи немецкого переводчика Генке): «Имперский министр иностранных дел заметил, что Антикоминтерновский пакт был в общем-то направлен не против Советского Союза, а против западных демократий. Он знал и мог догадаться по тону русской прессы, что советское правительство осознает это полностью. Господин Сталин вставил, что Антикоминтерновский пакт испугал главным образом лондонское Сити и мелких английских торговцев.

Имперский министр иностранных дел согласился и шутливо заметил, что господин Сталин, конечно же, напуган Антикоминтерновским пактом меньше, чем лондонское Сити и мелкие английские торговцы. А то, что думают об этом немцы, явствует из пошедшей от берлинцев, хорошо известных своим остроумием, шутки, ходящей уже несколько месяцев, а именно: «Сталин еще присоединится к Антикоминтерновскому пакту»[167].

Более определенно, но еще не конкретно предложение Сталину и Молотову прибыть в Берлин было сделано Риббентропом 28 сентября 1939 г. и ими обоими в принципе принято. В последующие месяцы Риббентроп, как он писал Шуленбургу 29 марта 1940 г., не расставался с мыслью о визите Молотова в Берлин. В тот же день он поручил германскому послу сделать Сталину и Молотову официальное устное приглашение. На следующий же день германский посол телеграфировал, что «в настоящее время шансы на принятие приглашения представляются ничтожными» по следующим причинам: советское правительство полностью решимости придерживаться нейтралитета в войне и не желает разрыва дипломатических отношений с западными державами, который может последовать в связи с посещением Молотовым Берлина, о чем свидетельствует недавнее жесткое опровержение ТАСС по этому поводу. Визит Молотова может не состояться, как пишет Шуленбург, и еще по одной причине: «Известен тот факт, что Молотов, который никогда не был за границей, испытывает большие затруднения, когда появляется среди чужеземцев. Это в той же степени, если не в большей, относится и к Сталину»[168].

Видимо, Риббентроп учел эти обстоятельства и через несколько дней посол получил указание «дальнейшей инициативы пока не проявлять». Это было весьма кстати, потому что, по данным посла, «наблюдается явно неблагоприятная по отношению к нам перемена со стороны советского правительства». При этом посол привел следующие факты: от советских властей нельзя добиться освобождения этнических немцев, интернированных поляками; неожиданно прекратилась выдача Германии ее граждан, как было согласовано, отбывающих наказание в советских тюрьмах; Советский Союз отказался от обещания предоставить германским военно-морским силам базу около Мурманска; были временно прекращены поставки нефти и зерна. Посол жаловался, что Микоян высказывал ему «недоброжелательную позицию», что объясняется боязнью Москвы быть вовлеченной в большую войну, к которой она не готова. Однако после германской акции в Дании и Норвегии 9 апреля 1940 г. «советское правительство снова сделало полный поворот кругом». Посол объясняет, что успехи вермахта в Скандинавии «принесли советскому правительству большое облегчение и сняли бремя тревоги», о чем свидетельствует и статья в «Известиях» по поводу скандинавской кампании.

В последующие месяцы в связи с такими крупными событиями, как поражение Франции, Бельгии и Голландии, а также германское «освоение» Скандинавии, вопрос о посещении Молотовым Берлина германской стороной не поднимался. Советская сторона также инициативы не проявляла. Лишь 25 сентября 1940 г. Риббентроп предложил поверенному в делах посольства в Москве Типпельскирху сообщить Молотову, что на днях будет заключен

военный союз между Германией, Италией и Японией в качестве ответа на агитацию поджигателей войны в США. Этот союз направлен на то, чтобы привести их в чувство. Министр особо подчеркнул, что союз не затрагивает отношений трех держав с Советским Союзом. Далее было отмечено, что Риббентроп пригласит Молотова в Берлин для выработки совместных политических целей на будущее[169].

В последующее время советско-германские отношения продолжали обостряться. Взаимное недоверие между Сталиным и Гитлером становилось очевидным. Именно тогда, точнее 4 октября 1940 г., во время встречи на Бреннерском перевале Гитлер сказал Муссолини: «Мое отношение к Сталину не превышает его недоверия ко мне»[170].

13 октября 1940 г. Риббентроп направил пространное письмо лично Сталину, в котором дал обзор советско-германских отношений за период после 23 августа 1939 г. Он заявил также о желании фюрера предотвратить распространение военного пожара за пределы Европы. С этой целью 27 сентября 1940 г. «с удивительной быстротой» был заключен военный Тройственный пакт («Берлинское Тройственное Соглашение») между Германией, Италией и Японией. Германский министр высказал пожелание фюрера, чтобы отношения Советского Союза с Германией и Японией укреплялись, и внес следующее предложение: «В заключение я хотел бы заявить (в полном соответствии с мнением фюрера), что историческая задача Четырех Держав заключается в том, чтобы согласовать свои долгосрочные политические цели и, разграничив между собой сферы интересов в мировом масштабе, направить по правильному пути будущее своих народов»[171]. Далее следовало официальное приглашение Молотову нанести визит в Берлин. В конце письма Риббентроп предложил: «...я буду счастлив снова лично прибыть в Москву, чтобы совместно с Вами, дорогой господин Сталин, подвести итог обмену мнениями и обсудить, возможно, вместе с представителями Японии и Италии, основы политики, которая сможет всем нам принести практические выгоды»[172].

Таким образом, карты Германии были полностью раскрыты. Цель визита Молотова в Берлин состояла для Германии в том, чтобы втянуть Советский Союз в Тройственный пакт и таким образом создать союз Четырех Держав для раздела теперь уже не только Европы, но и всего мира на сферы интересов.

Как же отреагировал Сталин на это предложение? Может быть, он, как фактический глава социалистического государства, отверг его с презрением? Наоборот, неделю спустя Сталин «искренне» поблагодарил Риббентропа за доверие и согласился с тем, что «дальнейшее улучшение отношений между нашими странами возможно лишь на прочной основе разграничения долгосрочных взаимных интересов». Было дано согласие на прибытие Молотова в Берлин в середине ноября 1940 г. и на обсуждение совместно с Японией и Италией ряда предложенных Германией проблем.

Итак, советская делегация во главе с Молотовым 12 ноября 1940 г. прибыла в Берлин. На Антгальском вокзале ее встречали Риббентроп, фельдмаршал Кейтель, другие высокопоставленные государственные деятели Германии. В честь высокого советского гостя был выставлен почетный караул. Встреча была организована с такой помпезностью, на какую были способны только фашистские правители тогдашней Германии.

Переводчиками были советник германского посольства в Москве Г. Хильгер, с советской стороны – В. Н. Павлов и В. М. Бережков. Подробную запись переговоров, после войны полностью опубликованную, вел П. Шмидт. Поскольку советская запись, как и вся документация переговоров, по-прежнему держится в секрете, то в нижеследующем изложении хода переговоров мы будем опираться на служебную запись Хильгера.

Переговоры начались 12 ноября беседой Молотова и Риббентропа. Глава внешнеполитического ведомства Германии подробно проинформировал гостя о немецкой

точке зрения на общую ситуацию в мире и на советско-германские отношения. Он в самой категоричной форме заверил, что «никакая сила на земле не в состоянии предотвратить падение Британской империи». Англия уже разбита, сказал Риббентроп, и «вопрос о том, когда она признает себя окончательно побежденной, – только вопрос времени». Он также заверил, что Англию не спасет помощь со стороны США, а возможное «вступление США в войну не имеет для Германии никакого значения». Германия и Италия никогда не позволят англосаксам высадиться на Европейском континенте. Затем Риббентроп долго и подробно уверял Молотова в том, что «после окончания французской кампании Германия необычайно сильна», она располагает «необычайно большим числом дивизий», многими подводными лодками и мощными военно-воздушными силами. Поэтому «державы Оси больше думают сейчас не над тем, как выиграть войну, а над тем, как закончить войну, уже выигранную»[173].

Завершая свой продолжительный монолог, германский министр перешел к главной теме переговоров – об отношениях между Тремя Державами и Советским Союзом. Он высказал пожелание, чтобы была достигнута договоренность о разграничении интересов между СССР и Японией в Азии. Ссылаясь на предложение фюрера, министр высказал мнение, что Япония расширяет свое жизненное пространство, продвигаясь на юг. Германия и СССР также уже разграничили свои сферы влияния в Европе, после чего Германия приступит к расширению своего жизненного пространства в южном направлении, т. е. в районах бывших германских колоний в Юго-Западной Африке. Италия продвигается в Северную и Восточную Африку. Советскому Союзу Риббентроп предложил направить свои стратегические устремления на юг через Персидский залив и Аравийское море к Индийскому океану, где Германия не имеет никакого интереса.

Германский министр заверил гостя, что Германия поддержит Советский Союз в его стремлении иметь привилегии в Черном море, понимает его неудовлетворенность конвенцией в Монре́е о Проливах и недовольство деятельностью Дунайской комиссии. Он предложил ликвидировать их и заключить новую конвенцию о Проливах, которая предоставила бы советскому военному флоту и торговым судам СССР более свободный, чем до сих пор, проход к Средиземному морю. Было также высказано пожелание, чтобы Советский Союз, Германия и Италия придерживались единой политики в отношении полного нейтралитета Турции[174].

Оценивая обстановку на Дальнем Востоке, министр выступил за достижение компромисса в китайско-японском конфликте. Молотов с таким мнением согласился и отметил огромную важность Тройственного пакта в решении отмеченных проблем. Он выразил удовлетворение заверением Риббентропа в том, что «великое восточно-азиатское пространство» не имеет «никакого отношения к жизненно важной для России сфере влияния».

Особого внимания заслуживают высказывания Молотова о территориальных разграничениях. Он, в частности, проявил интерес к тому, чтобы в этом вопросе соблюдать точность. «Особая тщательность необходима при разграничении сфер влияния Германии и России, – заявил он. – Установление этих сфер влияния в прошлом году было лишь частичным решением, которое, за исключением финского вопроса, выглядит устарелым и бесполезным на фоне недавних обстоятельств и событий»[175].

Что имел в виду советский народный комиссар иностранных дел, мы узнаем в записи Шмидта переговоров с Гитлером, которые состоялись в тот же день. Гитлер начал беседу, как это он практиковал на встречах с другими иностранными гостями, с длинного монолога, не давая Молотову вставить хотя бы слово. Он долго объяснял гостю, что немецкий и русский народы имеют у кормила государств таких людей, которые обладают достаточной властью, чтобы вести свои страны к развитию в определенном направлении. Гитлер популярно изложил мысль о том, что лучше для обоих народов держаться вместе и сотрудничать, чем воевать. Им были сформулированы следующие цели внешней политики Германии: необходимость

расширения жизненного пространства и освоение тех огромных территорий, которые ею уже приобретены; нужна некоторая колониальная экспансия в Северной Африке (заметим, что во время беседы с Риббентропом речь шла о том, что этот регион Африки будет относиться к сфере влияния Италии. Германия заинтересована только в Центральной Африке, где находились бывшие германские колонии); Германия нуждается в гарантированных поставках определенных видов сырья; она не допустит создания враждебными странами военно-воздушных и военно-морских баз в определенных районах[176].

Документы подтверждают, что идея повернуть стратегические устремления Советского Союза на юг, в сторону Индийского океана, выдвигалась военными кругами Германии еще в начале января 1940 г. Именно тогда по указанию генерала Кейтеля генерал Йодль подготовил аналитическую справку о политике и возможном ведении военных действий советскими войсками в этом регионе и о том, как это соответствует немецким интересам. В документе, в частности, отмечалось, что операция против Индии сопряжена с огромными трудностями. Одновременно ограниченными силами можно будет поднять вооруженные восстания местного населения на границе с Индией, возможно и в Афганистане. Эти восстания свяжут английские войска и воспрепятствуют их переброске в Европу, что соответствует интересам Германии.

Продвижение советских войск с Кавказа в сторону Передней Азии будет связывать англо-французские войска, дислоцированные в Сирии. При этом Советский Союз может преследовать следующие цели: попытаться через Моссул–Багдад–Басру прервать английские коммуникации с Индией и нанести решающий удар по влиянию Англии в этом районе; захватить и использовать нефтеносный район Моссула; вернуть район южнее Батуми, отторгнутый от России в 1921 г. Захватом этого региона Советский Союз обеспечит безопасность района Баку от воздушных налетов со стороны английских ВВС, дислоцированных в Передней Азии.

Вместе с тем в справке утверждается, что современное состояние Красной Армии не позволит ей выполнить эту задачу. С точки зрения немецких интересов важно сковать в этом обширном регионе советские войска и отвлечь их от Балкан.

В документе анализировался также вариант, при котором Красной Армии удастся легко оккупировать Бессарабию. Отмечается, что Румыния не будет сопротивляться и отведет свои войска за Прут. В итоге эта русская акция может вызвать нежелательные для Германии волнения на Балканах. Если Россия попытается проникнуть в глубь Балкан и достигнет Проливов, то столкновение с Италией станет неизбежным[177].

Гитлер, конечно же, был в курсе дел своих генштабистов, когда в ходе дальнейшей беседы с Молотовым милостиво предложил Советскому Союзу, назвав его «Российской империей», принять участие в этом дележе мира, обратив свои взоры к Индийскому океану. Затем он оценил мировую ситуацию в таком же духе, как это утром сделал Риббентроп. Наконец, после часовой тирады хозяин позволил включиться в разговор и гостю.

Молотов от имени Сталина заявил, что оба партнера извлекли значительные выгоды из советско-германского договора, но назвал только те из них, которые относились к Германии, а именно: она получила безопасный тыл. «Общеизвестно, что это имело большое значение для хода событий в течение года войны», – продолжал Молотов. Германия получила также существенные экономические выгоды в Польше. «Благодаря обмену Литвы на Люблинское воеводство (советский нарком произносил эти слова так, как игрок обменивает фигуры на шахматной доске) были предотвращены какие-либо трения между Россией и Германией». Далее Молотов отметил, что «германо-русское соглашение от прошлого года можно, таким образом, считать выполненным во всех пунктах, кроме одного, а именно Финляндии. Финский вопрос до сих пор остается неразрешенным»[178].

Затем советский гость поднял следующие проблемы: о значении Тройственного пакта, о «новом порядке» в Европе, о «великом восточноазиатском пространстве» в Азии и о той роли, которая отводится Советскому Союзу в их решении. Он предложил учесть интересы Советского Союза на Балканах, в районе Черного моря, в частности в Румынии, Болгарии и Турции. Отвечая на поставленные вопросы, фюрер заявил, что Советский Союз должен сам высказать свое мнение относительно интересующих его районов, а в Азии он будет участвовать в деле определения «великого восточноазиатского пространства» и заявит о своих притязаниях. По вопросу о Черном море, Балканах и Турции должно быть заключено соглашение между Германией, Францией, Италией и СССР. Фюрер подверг критике «империалистическую политику» Великобритании и США, причем относительно Соединенных Штатов он заявил, что у них «не должно быть деловых интересов ни в Европе, ни в Африке, ни в Азии» и что нужно воспрепятствовать их попыткам «зарабатывать на Европе деньги». «Молотов, – отмечается в записи, – выразил свое согласие с заявлением фюрера относительно роли Америки и Англии. Участие России в Тройственном пакте представляется ему в принципе абсолютно приемлемым при условии, что Россия является партнером, а не объектом. В этом случае он не видит никаких сложностей в деле участия Советского Союза в общих усилиях»[179].

После вынужденного перерыва в беседе, вызванного ожидавшимся налетом британской авиации на Берлин, переговоры были продолжены. По инициативе советской стороны обсуждались финский вопрос и вопрос о Балканах. Молотов отметил, что в соответствии с секретным протоколом к советско-германскому договору о ненападении Финляндия относится к сфере советских интересов и что Советский Союз не имеет причин для критики позиции Германии во время советско-финляндского военного конфликта. Далее советский нарком настаивал на «окончательном урегулировании финского вопроса», не уточняя, что под этим «урегулированием» понимается. На прямой вопрос Гитлера, идет ли речь о новой войне. Молотов «уклончиво ответил заявлением, что все будет в порядке, если финское правительство откажется от своего двусмысленного отношения к СССР и если агитация населения против России... будет прекращена». На вопрос Гитлера, может ли Советский Союз с реализацией своих намерений в отношении Финляндии подождать полгода или год, когда война в Европе закончится полной победой Германии, Молотов, как гласит запись, ответил, что «он не понимает, почему Россия должна откладывать реализацию своих планов на шесть месяцев или на год. В конце концов германо-русское соглашение не содержало каких-либо ограничений во времени и в пределах своих сфер влияния ни у одной из сторон руки не связаны».

После настойчивой просьбы Гитлера изложить все-таки, как Советский Союз мыслит решение «финского вопроса», Молотов заявил, «что он представляет себе урегулирование в тех же рамках, что и в Бессарабии и в соседних странах», т. е. в Эстонии, Латвии и Литве. Гитлер, однако, возражал против такого «урегулирования», ибо оно неизбежно откроет новый театр войны в районе Балтийского моря, в чем Германия совершенно не заинтересована. Кроме того, Германия не сможет получать из Финляндии ценное сырье – никель и лес. Чтобы успокоить советского гостя, фюрер сказал, что он признает Финляндию в качестве сферы влияния России и что «все стратегические требования России были удовлетворены ее мирным договором с Финляндией»[180].

Затем фюрер предложил прекратить дискуссию на эту тему, поскольку она приобретает «исключительно теоретический характер», и предложил перейти к главной для Германии проблеме – созданию «всемирной коалиции заинтересованных держав, в которую войдут Испания, Франция, Италия, Германия, Советская Россия и Япония и которая охватит пространство от Северной Африки до Восточной Азии». Он заявил далее, что эта коалиция объединит всех тех, кто хочет получить выгоду за счет «обанкротившегося британского хозяйства».

При обсуждении проблемы Балкан Молотов, ссылаясь на Крымскую войну и события

1918–1922 гг., назвал Проливы «историческими воротами Англии для нападения на Советский Союз». Он предложил гарантии Болгарии с сохранением существующего в ней внутреннего режима на тех же условиях, на которых Германия и Италия дали их Румынии. После небольшой паузы Гитлер ответил, что ему неизвестно, чтобы Болгария просила Советский Союз о таких гарантиях. Кроме того, ему необходимо знать мнение Италии. Но Германия согласна, чтобы советские военные корабли имели право прохода через Дарданеллы, тогда как для военных кораблей других стран они должны быть закрыты.

Решив, что этот вопрос можно считать закрытым, фюрер снова перешел, по его мнению, к главному вопросу переговоров с Молотовым – о судьбе «обанкротившегося хозяйства Британской империи». Он предложил в предварительном порядке обсудить его по дипломатическим каналам, с тем чтобы затем «еще раз рассмотреть в Москве министрами иностранных дел Германии, Италии и Японии совместно с господином Молотовым»[181].

На этом беседа Молотова с Гитлером завершилась. Вечером 13 ноября 1940 г. по предложению Риббентропа в его бункере переговоры были продолжены. В заключение министр иностранных дел Германии приготовил советскому гостю «бомбу крупного калибра» – проект соглашения между державами Тройственного пакта и Советским Союзом, состоящий из трех статей. В проекте содержались внешне совершенно неуязвимые положения. Утверждалось, например, что цель Тройственного пакта, заключенного между Германией, Италией и Японией 27 сентября 1940 г., состоит в том, чтобы всеми возможными средствами противостоять превращению войны в мировой конфликт и совместно сотрудничать в деле скорейшего восстановления мира во всем мире. Советскому Союзу предлагалось заявить, что он одобряет эти цели и решает совместно с тремя державами выработать общую политическую линию.

Какой уважающий себя государственный деятель не присоединится к подобным благородным целям?

Но далее следовали самые оголтелые, не прикрытые никакими ширмами, предложения. В проекте отмечалось, что все четыре страны обязуются уважать естественные сферы влияния друг друга, не входить и не поддерживать никаких блоков держав, деятельность которых направлена против одного из четырех государств. Для определения их конкретных территориальных интересов предусмотрены следующие секретные приложения. В первом отмечалось: стороны считают, что центры тяжести территориальных интересов находятся: Германии – кроме европейского региона в Центральной Африке; Италии – тоже кроме определенных районов Европы в Северной и Северо-Восточной Африке; Японии – в регионе южнее Японских островов и Маньчжоу-Го[182]. Что же касается Советского Союза, то его заинтересованность в европейских делах просто отвергалась и ему предлагалось избрать экспансию в направлении Индийского океана.

Второй секретный протокол должен был быть заключен между Германией, Италией и Советским Союзом и содержать требование, чтобы Турция политически сотрудничала с ними и чтобы была аннулирована конвенция Монтрё о Проливах, что даст Советскому Союзу неограниченную возможность прохода его военного флота через Проливы в любое время[183].

Комментируя содержание этого проекта, Риббентроп предложил свое посредничество для нормализации отношений между СССР и Японией. Он допускал, что в случае заключения пакта о ненападении между СССР и Японией последняя, по его мнению, может согласиться на то, чтобы Внешняя Монголия (т. е. МНР) и западная китайская провинция Синцзянь стали сферой влияния Советского Союза, и может пойти навстречу советским пожеланиям в отношении нефтяных и угольных концессий на Сахалине[184].

Как же реагировал на эти предложения советский нарком? Может быть, он встал и в

категорической форме заявил о принципиальной неприемлемости для Советского Союза вести переговоры по подобным проблемам? Ничуть не бывало.

Наряду с выдвинутыми Риббентропом и одобренными Молотовым конструктивными предложениями, в решении которых Советский Союз был действительно заинтересован, таких, как взаимопонимание с Японией, решение вопроса о Проливах, необходимость уважать нейтралитет Швеции, судьба Дунайской комиссии и некоторые другие, советский нарком иностранных дел на прямой вопрос германского коллеги, привлекает ли СССР идея получения выхода к Индийскому океану, в принципе не отверг ее. Он сказал лишь, что «разграничение сфер влияния также должно быть продуманно» и что по этому вопросу он хочет посоветоваться со Сталиным и «другими своими друзьями в Москве». Далее он отметил, что все эти «великие вопросы завтрашнего дня не должны быть отделены от вопросов сегодняшнего дня и от проблемы выполнения существующих соглашений»[185]. Конечно же, Молотов имел в виду прежде всего «финский вопрос», который он по-прежнему рассматривал как не полностью решенный.

На этом переговоры Молотова с Гитлером и Риббентропом были завершены.

Во время пребывания в Берлине, как отмечалось в коммюнике от 15 ноября 1940 г., на приеме в советском посольстве Молотов имел разговор с рейхсмаршалом Г. Герингом и заместителем Гитлера по партии Р. Гессом[186]. К сожалению, автор не знаком с записью этих бесед, которая, наверняка, велась.

Как же развивались события в последующие дни? По возвращении в Москву Молотов действительно посоветовался со «своими друзьями» довольно оперативно, 25 ноября, затем пригласил Шуленбурга и в присутствии Деканозова сделал заявление, которое выражало дух и стиль сталинско-молотовской внешней политики. Он сказал, что советское правительство «готово принять проект Пакта Четырех Держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи», изложенный схематично Риббентропом 13 ноября 1940 г., но выдвинул следующие условия:

1. Германские войска должны немедленно покинуть Финляндию, входящую в советскую зону влияния, а Советский Союз со своей стороны гарантирует мирные отношения с ней и защиту в этой стране германских экономических интересов.
2. Япония отказывается от своих прав на угольные и нефтяные концессии на Северном Сахалине.

Затем Молотов предложил внести уточнения в предлагавшиеся Риббентропом два секретных протокола. Они сводились к тому, что безопасность СССР со стороны Проливов должна гарантироваться как заключением пакта о взаимопомощи с Болгарией, так и путем строительства советских военных баз в районе Босфора и Дарданеллов на условиях долгосрочной аренды. Турция должна присоединиться к Пакту Четырех Держав. В случае ее отказа применить к ней военные и дипломатические санкции. Уточнить также, что зона к югу от Батуми и Баку в направлении Персидского залива признается центром территориальных устремлений[187].

Кроме двух секретных протоколов, намеченных Риббентропом, Молотов предложил согласовать содержание еще трех протоколов между СССР и Германией относительно Финляндии, между Японией и СССР об отказе Японии от концессий на Северном Сахалине и между Германией, Советским Союзом и Италией о признании политической необходимости заключения советско-болгарского договора о взаимопомощи, который ни в коем случае не затронет внутреннего режима Болгарии, ее суверенитета и независимости[188].

Таким образом, вся проблематика, связанная с присоединением Советского Союза к Пакту Трех Держав, по требованию Молотова, должна была быть абсолютно засекречена.

Нетрудно представить себе реакцию Гитлера на выдвинутые Молотовым чрезмерные требования для согласия СССР присоединиться к Пакту Трех Держав. К тому же еще в конце июля 1940 г., приняв принципиальное решение о нападении на СССР и прозондировав его намерение на переговорах в Берлине, он потерял к этим требованиям интерес[189]. Одновременно Гитлер предпринял шаги, призванные продемонстрировать свое недовольство позицией советского правительства. Так, длительное время он не принимал Деканозова для вручения верительной грамоты в качестве нового посла в Германии. Чтобы ускорить это, потребовалось вмешательство лично Молотова.

Какие же планы с учетом итогов переговоров в Берлине в это время строили в Кремле?

Как свидетельствуют документы, Сталин и Молотов отнеслись к итогам переговоров в Берлине: серьезно и рассчитывали на их дальнейшее развитие и конкретизацию по дипломатическим каналам, как и было оговорено с германской стороной. Поэтому в беседе с Шуленбургом 17 января 1941 г. Молотов сказал, что советское правительство рассчитывало на скорый ответ из Берлина на советское заявление и удивлено тем, что ответ до сих пор не получен. Далее он выразил беспокойство советского правительства сосредоточением германских войск в Румынии, готовых оккупировать Болгарию, Грецию и Проливы. Молотов допустил, что Англия попытается предвосхитить немцев и сама в союзе с Турцией превратит Болгарию в театр военных действий. Перед лицом подобных событий и рассматривая Болгарию и Проливы как зону безопасности СССР, советское правительство, заявил Молотов, будет считать появление каких-либо иностранных войск в этом районе нарушением его интересов[190].

Памятная записка аналогичного содержания была одновременно вручена и послом Деканозовым статс-секретарю Вайцзеккеру в Берлине. Однако советскому послу было дано заверение, что Германия ни при каких обстоятельствах не позволит англичанам вступить на землю Греции. Заявление Вайцзеккера касалось только балканского вопроса и не содержало ответа на советское предложение о продолжении политических переговоров. Лишь через несколько дней Риббентроп поручил своему статс-секретарю сообщить устно советскому послу, что по поводу советских контрпредложений от 17 января Германия находится в контакте с Италией и Японией и лишь после получения от них положительного ответа она сможет возобновить политические переговоры с советским правительством[191].

Поскольку это «согласование» могло длиться до греческих календ, то становилась очевидной явная незаинтересованность Гитлера в дальнейшем обсуждении поднятых на переговорах вопросов. Подобное предположение подтверждается, во-первых, директивой ОКВ №18 от 12 ноября 1940 г., в которой, в частности, говорилось: «Политические переговоры с целью выяснить позицию России на ближайшее время начаты. Независимо от того, какие результаты будут иметь эти переговоры, продолжать все приготовления в отношении Востока, приказ о которых уже был отдан ранее устно»[192].

Во-вторых, во всей последующей переписке между Москвой и Берлином вплоть до 22 июня 1941 г. этой теме не было уделено ни единой строчки. Правда, при одном исключении – в меморандуме от 21 июня 1941 г. агрессию против Советского Союза Риббентроп оправдывал советским нарушением договоренностей с Германией. Касаясь переговоров в Берлине, германский министр заявил, что «СССР, вопреки сделанным по заключении договоров декларациям о том, что он не желает большевизировать и аннексировать страны, входящие в его сферы влияния, имел целью расширение своего военного могущества в западном направлении везде, где это только казалось возможным, и проводил дальнейшую большевизацию Европы. Действия СССР против Прибалтийских государств, Финляндии и Румынии, где советские притязания распространились даже на Буковину, продемонстрировали это достаточно ясно. Оккупация и большевизация Советским Союзом предоставленных ему сфер влияния является прямым нарушением московских соглашений, хотя Имперское правительство в течение какого-то времени и смотрело на это сквозь

пальцы». Далее в меморандуме германское правительство обвинило Советский Союз в том, что на переговорах в Берлине он предъявил новые требования, в частности гарантии Болгарии, военные базы в Проливах и «полное поглощение Финляндии», что «не могло быть допущено Германией»[193].

Таким образом, приведенный меморандум, по существу, содержит оценку Германией итогов переговоров в Берлине, состоящую в том, что Советский Союз в своих требованиях намного превысил то, на что могла пойти Германия, а именно, продвинуть еще дальше на запад свои сферы влияния, особенно на северном фланге в Финляндии и на южном фланге на Балканах и в Проливах. Германия же была заинтересована в обеспечении своего безраздельного господства на европейском пространстве, в изоляции СССР от Европы и в направлении его экспансионистских усилий на юг и восток.

Официальная оценка берлинских переговоров советской стороной была дана дважды. В коммюнике, опубликованном в «Правде» 15 ноября 1940 г., в мажорном тоне было сказано, что «обмен мнений протекал в атмосфере взаимного доверия и установил взаимное понимание по всем важнейшим вопросам, интересующим СССР и Германию». Вторая оценка была высказана лишь семь лет спустя в известной исторической справке «Фальсификаторы истории». В ней и в издававшихся затем публикациях некоторых советских авторов вплоть до сегодняшнего дня утверждается, что советскому руководству удалось еще раз дать на высоком государственном уровне твердый отпор германским проискам.

Однако на практике не было заметно реальных результатов этого «отпора». Германия продолжала усиливать свое военное присутствие в Румынии, ввела войска в Болгарию, а весной 1941 г. захватила все Балканские страны. В политическом плане она сумела расширить состав участников Пакта Трех Держав: к нему присоединились Румыния, Венгрия, Болгария и марионеточные правительства Словакии и Хорватии[194].

Вопреки официальному заявлению Советского Союза от 15 ноября 1940 г. доверие сторон было серьезно подорвано и взаимного понимания не было установлено.

Вайцеккер, конечно же, фальшивил, когда в тот же день разослал всем германским посольствам инструктивное письмо, в котором расценил переговоры Молотова и Гитлера как демонстрацию «полного взаимопонимания между обеими странами и их волю координировать политику Советского Союза и Тройственного пакта». Сославшись на опубликованное коммюнике, Вайцеккер отметил, что «обмен мнениями проходил в атмосфере взаимного доверия» и были достигнуты договоренности по всем важнейшим вопросам, в решении которых были заинтересованы оба правительства[195].

Более откровенную оценку переговорам в Берлине дал сам Гитлер. В письме к Муссолини 20 ноября 1940 г. он сообщал, что вопреки его усилиям направить «русские амбиции на восток», в сторону Индийского океана, Молотов проявляет растущий интерес к Балканам, что неприемлемо ни для Германии, ни для Италии[196].

Переводчик Гитлера П. Шмидт вспоминал впоследствии: «После переговоров Гитлера с Чемберленом в ходе судетского кризиса я не наблюдал таких острых разногласий, как во время переговоров Гитлера с Молотовым»[197].

В связи с постоянно ухудшавшимися отношениями между СССР и Германией советское руководство проявило интерес к речи Гитлера, которую он произнес 18 декабря 1940 г. в Спортпаласте перед 5 тыс. офицеров армии, ВВС и слушателей школ войск СС. Эта речь не была опубликована.

Вскоре об этом интересе стало известно Риббентропу, получившему соответствующую информацию от своего агента, работавшего в советском посольстве в Берлине. 30 декабря 1940 г. советник посольства, представлявший ведомство Берии, Б. З. Кобулов поручил этому

агенту выяснить следующие вопросы, к которым проявил интерес лично Сталин: текст речи Гитлера, которая, как стало известно, содержала «антисоветские тенденции»; в каких кругах вращается известная актриса баронесса Эйк; агент должен был проверить возможность своей поездки в Швейцарию и выяснить местожительство одного знакомого Кобулова; какой отклик в немецких кругах нашла последняя речь президента Рузвельта[198].

Из заявлений сторон явствует, что в Берлине оба диктатора предприняли новую попытку прозондировать планы другой стороны и обмануть друг друга. В какой же мере им удалось достигнуть поставленной цели? Меньше это удалось Сталину. Ведь новым для него моментом в намерениях Гитлера была его настойчивая попытка повернуть интерес СССР в сторону Индийского океана. Что же касается глобальных, включая и колониальные, а также европейских проблем, то Сталин должен был ясно представлять, что после победы над Францией и оккупации Норвегии Гитлер не позволит делить с кем-либо свою гегемонию в Европе и еще энергичнее будет добиваться установления мирового господства.

В большей мере удалось выиграть Гитлеру, ибо он смог скомпрометировать Советский Союз в глазах западных стран его тесными связями с Германией. Ему удалось втянуть Молотова в дискуссию о «дележе наследства Британской империи» и к участию в нем Советского Союза, что также в будущем могло помешать сближению СССР с западными державами. Гитлер убедился в намерении Сталина пойти на самый невероятный шаг – на определенных условиях вступить в агрессивный блок трех держав. Ему также стали известны ближайшие стратегические планы Сталина в Финляндии и на Балканах, и он предпринял соответствующие опережающие военные акции.

Хотя берлинские переговоры и стали новым этапом в советско-германских отношениях, свидетельствующим об их охлаждении, последующие опасные для СССР шаги Гитлера так и не заставили опьяненных своими мнимыми успехами Сталина и Молотова сделать в полной мере должные выводы. Да и для внешнеполитического маневра у них оставались теперь крайне ограниченные возможности. Между тем война стояла у порога.

Учитывая сложившуюся ситуацию, советское руководство должно было осознать грозящую Советскому Союзу опасность, исходящую не из каких-то отдаленных, а из ближайших и очевидных намерений Гитлера. Однако это осознание у Сталина как будто отсутствовало, что и заметил Шуленбург. В беседе с Гитлером 28 апреля 1941 г. он заявил: «...я убежден, что Сталин готов пойти на еще большие уступки нам. Нашим дипломатическим представителям уже было указано, что Россия сможет поставлять нам до 5 млн. т зерна»[199].

Когда в начале мая 1941 г. Сталин стал Председателем СНК СССР, советская пропаганда интерпретировала этот факт как необходимость, вызванную сложностью международной обстановки. Но несколько по-иному и более конкретно оценил его тот же Шуленбург в телеграмме в Берлин от 7 мая 1941 г. «Причину этого, – отмечал посол, – можно искать в допущенных за последнее время ошибках во внешней политике, приведших к охлаждению сердечных советско-германских отношений, к установлению и сохранению которых сознательно стремился Сталин»[200].

Итак, подводя итоги вышесказанного, следует особо отметить, что среди политических шагов, определявших характер советско-германских отношений накануне Великой Отечественной войны Советского Союза, важное место занимают ноябрьские 1940 г. переговоры советской делегации во главе с Молотовым в Берлине.

Советское руководство согласилось на приглашение Гитлера, имея намерение выяснить ближайшие цели Берлина и попытаться углубить советско-германские отношения, чтобы продолжать затягивать время хотя бы до середины 1942 г. Однако ни одна из этих задач Молотовым выполнена не была. Цели Гитлера и последовательность их реализации были уже давно известны, ибо фюрер их никогда не скрывал. Однако намерение Гитлера втянуть

Советский Союз в Тройственный пакт и направить его стратегические интересы на юг через Кавказ, Иран к Индийскому океану было даже для Молотова действительно сенсационным.

Что же касается улучшения советско-германских отношений, то к этой задаче Гитлер уже потерял интерес, ибо жребий был брошен: в июле 1940 г. было принято принципиальное решение о нападении на СССР, а в декабре был подписан «план Барбаросса».

Сталин и другие руководители Советского государства до рокового утра 22 июня 1941 г., как это ни странно, или слепо верили в силу советско-германских договоренностей, убаюкивали свой народ, или же фальшивили перед ним.

«Сталин все больше стал сознавать угрожавшую ему опасность и все больше старался выиграть время. Тем не менее весьма знаменательно... какими преимуществами он жертвовал и на какой риск шел ради того, чтобы сохранить дружественные отношения с нацистской Германией. Еще более удивительными были те просчеты и то неведение, которые он проявил относительно ожидавшей его судьбы. В период с сентября 1940 года до того момента, как Гитлер напал на него в июне 1941 года, он был бессердечным, хитрым и плохо информированным гигантом»[201]. Такую оценку позиции Сталина дал Черчилль.

А вот что говорил М. И. Калинин, выступая 5 мая 1941 г. перед выпускниками Военно-политической академии им. В. И. Ленина: «...в момент, когда казалось, что рука агрессора, как думали чемберленовцы, была занесена над Советским Союзом, в это время мы заключили пакт с Германией. Занесенная над нами рука агрессора была отведена рукой товарища Сталина... Договор, заключенный между советским Союзом и Германией, выбил оружие из их рук...»[202].

В подобном же духе было составлено и пресловутое заявление ТАСС от 14 июня 1941 г. В нем, в частности, утверждалось, что слухи о близости войны между СССР и Германией являются «неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил и что Германия не имеет намерения напасть на Советский Союз». Позднее выяснилось, что цель этого заявления якобы состояла в том, чтобы прощупать подлинные намерения Гитлера, однако в действительности оно создало ложное представление о международной ситуации.

Главным итогом советско-германских договоренностей и «дружественного взаимопонимания» между Сталиным и Гитлером были трагедии 1 сентября 1939 г. и 22 июня 1941 г. Несомненно, правы авторы труда «1939 год. Уроки истории», считающие, что помимо ряда других причин к развязыванию второй мировой войны причастна и «шоковая дипломатия» советско-германского пакта от 23 августа 1939 г. и что «перевод стрелки советской политики с бескомпромиссной борьбы против фашизма на сожительство с ним был сопряжен для Советского государства и Коммунистической партии с большими моральными и политическими потерями»[203].

В обстановке острого предвоенного кризиса Германия, обеспечив себе спокойный стратегический тыл на Востоке и свободу рук на Западе, к 1941 г. превратилась в несравненно более опасного противника, нежели в 1939 г. К тому же она теперь имела общую довольно протяженную границу с СССР, чего вообще не было в 1939 г.

Нельзя не согласиться с оценкой, которую дал тем событиям Черчилль. В своих послевоенных мемуарах он писал, что советское правительство проявило «полное безразличие к участию западных держав, хотя это означало уничтожение того самого «второго фронта», открытия которого суждено было вскоре потребовать»[204].

Что же касается прекращения действия советско-германского договора, то бесспорно одно: Германия как одна из договаривавшихся сторон совершила агрессию против другой стороны – Советского Союза. Поэтому на основании Венской конвенции о праве договоров она нарушила договор, что и стало основанием к прекращению его действия 22 июня 1941 г.

Практические плоды советско-германских договоренностей 1939–1941 гг. наш народ пожинал на протяжении четырех кровавых лет Отечественной войны. Воистину прав был древнеримский поэт Гораций: «Какое бы безумие ни совершали цари, расплачиваются ахейцы».

Глава III. Судьба Польши

1. 17 сентября 1939 г.

Германского посла в Москве фон Шуленбурга не удивило, когда в 2 часа ночи 17 сентября 1939 г. он был вызван в Кремль лично к Сталину. Подобные вызовы именно в ночное время были обычными для стиля работы Сталина и его окружения. Более того, германский посол ехал в Кремль с надеждой, что получит наконец от Сталина конкретный ответ, которого он и его правительство ждут уже полмесяца: когда же Красная Армия в соответствии с предварительной договоренностью вступит в Польшу и совместно с вермахтом окончательно «решит польскую проблему». Ведь германские войска успешно продвигаются на Восток, они уже достигли окраин Варшавы и пересекли согласованную линию, разделяющую «государственные интересы СССР и Германии» в Польше по рекам Нарев – Висла – Сан.

Сталин и присутствовавшие в его кабинете Молотов и Ворошилов встретили посла весьма любезно. Ему было заявлено, что сегодня в 6 часов утра советские войска пересекут границу с Польшей на всем ее протяжении от Полоцка до Каменец-Подольского. Посол воспринял эту долгожданную вест с удовлетворением. Далее ему было сообщено, что советские представители, включенные в состав смешанной военной комиссии, придут завтра или послезавтра в Белосток. Сталин предложил, чтобы во избежание инцидентов немецкие самолеты с сегодняшнего дня не перелетали в восточном направлении линию Белосток – Брест-Литовск – Львов. Он также сообщил, что соответствующая нота будет вручена польскому послу этой ночью[205].

Действительно, через несколько часов польский посол В. Гжибовский был вызван к заместителю наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкину, который и вручил ему ноту, подписанную В. М. Молотовым. В ней утверждалось следующее. Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства. Польша потеряла все промышленные районы и культурные центры. Варшава как столица страны больше не существует. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это означает, что польское государство перестало существовать. Ввиду этого Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей, угрожающих Советскому Союзу. Кроме того, советское правительство не может безразлично относиться к судьбе единокровных украинцев и белорусов, проживающих на территории Польши. Далее было заявлено, что Красная Армия получила приказ перейти границу и взять под защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии. Одновременно, как говорилось в ноте, советское правительство намерено «вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью»[206].

Польский посол не мог не обратить внимания на то, что нота содержала ряд неточностей и передержек, и не принял ее. В ответ на соответствующий протест посла Потемкин сказал: «Если нет польского правительства, то и нет польских дипломатов и нет пакта о

ненападении»[207], заключенного между СССР и Польшей еще в июле 1932 г.

Таким образом, с утра 17 сентября 1939 г. на территории Польши в боевом взаимодействии с гитлеровским вермахтом начала действовать и Красная Армия.

С тех пор прошло более полувека. Казалось, времени было достаточно, чтобы максимально полно исследовать эти сложные и противоречивые страницы в истории советско-польских отношений. Но, к сожалению, ни наша, ни польская официальная историография вплоть до последних лет не отrekliсь от застывших стереотипов, которые сформировались в период сталинизма. Советская военная акция в Польше 17 сентября 1939 г. была представлена лишь как освобождение западных украинцев и западных белорусов. Советские и польские историки, к сожалению, оставляли в стороне вопрос о том, что это достигнуто в результате предварительных советско-германских секретных договоренностей, боевого взаимодействия советских и германских войск на территории Польши.

Что же привело нашу армию к такой противоестественной для нее акции? Какие события предшествовали ей, какой политический характер имели действия правительства Польши и советского руководства во главе со Сталиным в те трагические дни?

Конечно, при ответе на эти непростые вопросы нельзя игнорировать тот факт, что русско-польские отношения на протяжении веков развивались весьма сложно. Войны с переменным успехом были обычным явлением в отношениях между нашими странами. После ряда успешных войн с Россией в XVI – XVII вв. в следующем столетии Речь Посполита оказалась в состоянии глубокого упадка, чем не преминули воспользоваться окрепшие и поэтому ставшие беспокойными ее соседи – Пруссия, Австрия и Россия. Во второй половине XVIII и начале XIX в. они трижды делили территорию польского государства. Казалось, Польше пришел конец (*finis Poloniae*). Но в 1918 г. она все же возродилась. Более того, ее реакционные круги развязали войну против молодой Советской России.

В 20–30-е годы советско-польские отношения также не имели стабильного характера – по-прежнему сказывались старые предрассудки и стереотипы. Однако в 1932 г. между СССР и Польшей все же был подписан договор о ненападении, который признавал, что мирный договор 1921 г. по-прежнему остается основой их взаимных отношений и обязательств. Стороны отказывались от войны как орудия национальной политики, обязывались воздерживаться от агрессивных действий или нападения друг на друга отдельно или совместно с другими державами. Такими действиями признавался «всякий акт насилия, нарушающий целостность и неприкосновенность территории или политическую независимость другой стороны»[208].

23 сентября 1938 г. советское правительство вынуждено было сделать польскому правительству предупреждение в связи с подготовкой Польшей акта агрессии против Чехословакии. В тот же день Москва получила следующий ответ: «1. Меры, принимаемые в связи с обороной польского государства, зависят исключительно от правительства Польской Республики, которое ни перед кем не обязано давать объяснения. 2. Правительство Польской Республики точно знает тексты договоров, которые оно заключало»[209].

Вместе с тем в конце 1938 г. оба правительства признали, что основой мирных отношений между их странами является договор о ненападении от 1932 г., продленный до 1945 г. Было достигнуто соглашение о расширении торговых отношений и ликвидации возникших пограничных инцидентов[210]. Несмотря на враждебное отношение к Советскому Союзу, польское правительство все же отвергло предложение Германии присоединиться 25 ноября 1936 г. к Антикоминтерновскому пакту[211].

В начале 1939 г. в очередной раз Гитлер предпринял попытку привлечь Польшу к запланированному им «крестовому походу» против Советского Союза. 5 января 1939 г.

министр иностранных дел Польши И. Бек с большой помпой был принят Гитлером в Берхтесгадене. Беку было сказано, что, мол, существует «единство интересов Германии и Польши в отношении Советского Союза».

Германия заинтересована в сильной Польше, ибо, как заявил Гитлер, каждая использованная против СССР польская дивизия означает экономию одной немецкой дивизии. Но договоренность на антисоветской основе как в Берхтесгадене, так и позже в Варшаве достигнута не была. Гитлеру было лишь сказано, что Польша согласна изъять Данциг из ведения Лиги Наций и передать под совместное немецко-польское управление. Бек не согласился участвовать в какой-либо антисоветской акции[212].

Необходимость существенного улучшения советско-польских отношений приобрела особую актуальность с весны 1939 г. В апреле, как позже стало известно, Гитлер принял решение о военном способе удовлетворения своих агрессивных намерений в отношении Польши. Польское правительство в то время было в целом удовлетворено советско-польскими отношениями. Так, И. Бек 13 мая 1939 г. сообщал польскому послу в Париже, что недавние переговоры Потемкина в Варшаве свидетельствуют о понимании советским правительством точки зрения Польши на характер советско-польских отношений. Бек с удовлетворением отмечал заверение Потемкина в том, что в случае польско-германского вооруженного конфликта Советский Союз будет соблюдать в отношении Польши «благожелательную позицию»[213].

Но в этот роковой для Польши год позиция ее правящих кругов в отношении Советского Союза была не только явно непоследовательной, но и недобрососедской. Это особенно наглядно проявилось в ходе англо-французско-советских военных переговоров, когда Польша категорически воспротивилась возможности прохода советских войск через ее территорию в случае агрессии Германии. Как известно, эта позиция явилась одной из причин срыва трехсторонних переговоров. Подписанные затем в августе – сентябре 1939 г. советско-германские договоренности имели прямое отношение к судьбам польского государства. В них отмечалось, что граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарев – Висла – Сан. А вопрос о существовании независимого польского государства оба правительства будут решать в порядке дружественного обоюдного согласия[214].

Как видно, сказано ясно и недвусмысленно: СССР и Германия присвоили себе право решать судьбу Польши.

Предвоенная республика Польша была крупным европейским государством. Ее территория составляла 389 тыс. кв. км с населением почти 35 млн. человек, из них около 69% составляли поляки[215]. Польский народ, который первым в Европе 1 сентября 1939 г. подвергся вооруженной агрессии гитлеровской Германии и, не получив обещанной поддержки от своих западных союзников, вынужден был в одиночестве и, как сказал английский историк Дж. Фуллер, «мужественно до донкихотства»[216], сражаться за свою свободу и независимость, оказался в особо трудной ситуации. Перед польским государством возникла опасность нового раздела.

Какова же была в эти трагические для польского народа дни позиция Советского Союза?

Как отмечалось выше, воеводства Польши, расположенные восточнее линии рек Нарев – Висла – Сан, в соответствии с секретным протоколом от 23 августа включались в сферу интересов СССР, что, естественно, предполагало вступление на эту территорию советских войск. Дату вступления этих войск определяла советская сторона. Но германская сторона была заинтересована в совместных действиях с войсками Красной Армии с самого начала войны против Польши. В связи с этим приведем один факт для размышлений.

В конце августа 1939 г. в западную прессу просочились сведения о том, что в связи с обострившимся германо-польским конфликтом советские войска отодвигаются от границы с Польшей. Такое сообщение вызвало в Берлине озабоченность и 27 августа Шуленбургу была срочно отправлена телеграмма следующего содержания: «В рамках заключенного договора об обменах нотами в осторожной форме выясните, действительно ли от польской границы отводятся советские войска. Нельзя ли их вернуть, чтобы они максимально связали польские силы на Востоке?»[217].

Шуленбург в Наркомате иностранных дел СССР все выяснил и сообщил, что вскоре будет опубликовано успокоительное заявление о том, что советские войска не собираются уходить от границы с Польшей[218]. Действительно, опровергая сообщение иностранных газет об отводе от своих западных границ войск в количестве 200–300 тыс. человек, советское правительство 30 августа 1939 г. официально заявило, что, наоборот, «ввиду обострения положения в восточных районах Европы и ввиду возможности всяких неожиданностей советское командование решило усилить численный состав гарнизонов западных границ СССР»[219].

Через несколько дней после начала войны было задержано увольнение красноармейцев, срок службы которых к этому времени истек, а 6 сентября началась скрытая мобилизация военнообязанных якобы для очередных маневров. Формировались управления Украинского и Белорусского фронтов, войска семи военных округов были приведены в боевую готовность.

Теперь, после ознакомления с немецкими документами, становится понятным подлинный смысл советского заявления. Гитлер мог быть спокоен: Сталин выполнит его предложение сковать польские силы на востоке, чтобы облегчить действия вермахта на западе. В то же время Сталин не торопился вводить войска на территорию Польши. Почему?

Во-первых, он хотел психологически подготовить советский народ к восприятию этого неожиданного акта в нужном духе. Чтобы обосновать свои намерения в отношении Польши, руководство СССР прибегало к различным манипуляциям. С начала войны обмен телеграммами между Берлином и германским посольством в Москве стал исключительно интенсивным. Шуленбург сообщил в Берлин, что 5 сентября его вызвал Молотов и заверил, что в определенное время советское правительство «начнет конкретные действия», но это время еще не наступило. Далее послу было сказано, что советское правительство допускает, что в «ходе операций одна сторона или обе стороны будут вынуждены временно перейти линию сфер интересов обеих сторон, но эти случаи не будут препятствовать точному осуществлению принятого плана»[220].

Ответ Молотова не удовлетворил Риббентропа, и Шуленбург по его поручению постоянно напоминал о желании Берлина: советское правительство должно быстрее решить вопрос о вводе своих войск в Польшу. Молотов объяснил, что оно ожидает дальнейшего продвижения вермахта и тогда сможет объяснить своему народу, что вследствие немецкой угрозы СССР вынужден прийти на помощь западным украинцам и белорусам. Подобное обоснование, продолжал Молотов, успокоит народ, и Советский Союз в его глазах не предстанет в роли агрессора[221].

Во-вторых, одним из обоснований быстрейшего ввода в Польшу советских войск, по мнению Молотова, мог бы стать факт взятия германскими войсками столицы Польши – Варшавы. Вот почему, как только передовые части вермахта достигли окраин этого города, советский нарком иностранных дел поторопился 9 сентября направить Шуленбургу следующую телефонограмму: «Я получил ваше сообщение о том, что германские войска вошли в Варшаву. Пожалуйста, передайте мои поздравления и приветствия правительству Германской империи. Молотов»[222]. Хотя, как теперь известно, героическая Варшава вынуждена была капитулировать только 27 сентября 1939 г.

В телеграмме Риббентропа Шуленбургу 9 сентября снова подчеркивается, что задержка с выступлением советских войск, конечно, не помешает выполнению общего плана военных операций в Польше. Однако министр иностранных дел Германии просил передать Молотову, что вермахт будет громить польскую армию повсюду. В настоящее время она уже близка к состоянию разгрома. В сложившейся ситуации немецкому руководству крайне важно знать военные намерения Москвы[223].

Через несколько дней, 14 сентября, Шуленбург направил в Берлин следующую телеграмму: Молотов сообщил, что «для политического прикрытия советской акции (разгром Польши и защита русских меньшинств) было бы крайне важно не начинать действовать до того, как падет административный центр Польши – Варшава. Молотов поэтому просит, чтобы ему как можно более точно сообщили, когда можно рассчитывать на захват Варшавы»[224].

И, в-третьих, нельзя не учитывать того обстоятельства, что существовала реальная опасность вмешательства в эти события западных держав. Так, 24 августа, когда Советский Союз и Германия договорились о разделе Польши (хотя в тот день никто еще этого не знал), Чемберлен и Галифакс публично заявили, что Англия будет воевать за Польшу[225]. На следующий день министр иностранных дел Англии Галифакс и польский посол в Лондоне Э. Рачинский подписали пакт, устанавливавший, что стороны будут оказывать друг другу помощь в случае нападения третьей страны. Сталин и Молотов не могли не понимать, чем чревато участие Советского Союза в германо-польском конфликте на стороне Германии. Поэтому советскому руководству необходимо было выдержать время до окончательного выяснения обстановки в Польше.

Возникает вопрос: а знало ли политическое и военное руководство Германии, кроме Гитлера и Риббентропа, о намерении Сталина ввести в Польшу войска и когда это должно было произойти? Вот как отвечает на этот вопрос начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Ф. Гальдер. В своем дневнике от 31 августа 1939 г. он записал: «Россия производит известные переброски войск (состояние боевой готовности по тревоге!). Не исключено, что русские выступят, если наши войска будут успешно продвигаться вперед»[226]. В записи от 7 сентября указывается: «Русские выступят»[227]. Через два дня новая запись: «Ожидается повышенная активность русских в ближайшие дни»[228]. В записи от 12 сентября Гальдер сообщает, что в разговоре главнокомандующего генерала Браухича с Гитлером было высказано мнение, что «русские, очевидно, не хотят выступать. [Они] хотят взять себе Украину (чтобы удержать французов от вмешательства). [Русские] считают, что поляки будут согласны заключить мир»[229].

Наконец, 17 сентября Гальдер отметил, что в 2 часа получено сообщение: «Русские двинули свои армии через границу Польши», – а в 7 часов немецкие войска получили приказ «остановиться на линии Сколе – Львов – Владимир-Волынский – Брест – Белосток»[230].

Таким образом, верховное командование германской армии допускало возможность вступления в Польшу советских войск, но не знало его сроков. Что же касается командиров передовых частей действующей армии, то они совершенно не были ориентированы в общей обстановке и планировали свои действия на глубину до границы с Советским Союзом.

Сталин и Молотов опасались, что вследствие быстрого продвижения германских войск произойдет капитуляция Польши еще до того, как Красная Армия вступит на ее территорию. Таким образом, Советский Союз мог бы опоздать со своим участием в разделе Польши. Эти опасения особенно обострились после того, как 9 сентября германское информационное бюро передало заявление главнокомандующего вермахта генерала Браухича, будто ведение боевых действий в Польше уже не является необходимым. При подобном развитии событий может произойти германо-польское перемирие, после которого Советский Союз не сможет начать «новую войну»[231]. Однако через три дня Риббентроп прислал в Москву успокаивающую телеграмму: германское командование вопрос о перемирии с Польшей не

ставит.

Для осуществления операции советское командование создало довольно крупную группировку войск – 54 стрелковых и 13 кавалерийских дивизий, 18 танковых бригад и 11 артиллерийских полков резерва Главного командования. В двух фронтах насчитывалось более 600 тыс. человек, около 4 тыс. танков, более 5 500 орудий и более 2 тыс. самолетов.

Какие же задачи должны были решать войска в ходе акции в Польше? Командующий войсками Украинского фронта командарм I ранга С. К. Тимошенко в приказе отмечал, что «польское правительство помещиков и генералов втянуло народы Польши в авантюристическую войну». Примерно то же говорилось и в приказе командующего войсками Белорусского фронта командарма II ранга М. П. Ковалева. Они содержали призыв к населению повернуть «свое оружие против помещиков и капиталистов», но в них ничего не говорилось о судьбе западных областей Украины и Белоруссии[232]. Объясняется это, видимо, тем, что после Рижского мирного договора 1921 г. советское правительство никогда не ставило вопроса о необходимости воссоединения западных областей Украины и Белоруссии соответственно с советскими Украиной и Белоруссией.

Но в последующих документах отмечалась такая задача войск, как спасение украинского и белорусского народов, над которыми нависла угроза завоевания врагами, подчеркивалась освободительная миссия советских воинов. Правда, советское командование еще не имело тогда ясного представления о возможном поведении польского командования, и поэтому советские войска должны были быть готовы ко всяким неожиданностям. Тем не менее им было приказано избегать бомбардировок населенных пунктов и не допускать никаких реквизиций и самовольных заготовок продовольствия и фуража в занятых районах[233].

9 сентября Молотов, судя по тексту телеграммы Шуленбурга в Берлин, дал (для будущего советско-германского коммюнике) следующую мотивировку вмешательства Советского Союза в польские дела: «Польша разваливается на куски, и вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым «угрожает» Германия»[234]. Это высказывание Молотова Шуленбург интерпретировал как оправдание советского руководителя перед своим народом за вторжение в Польшу. В «Правде» от 14 сентября была опубликована статья «О внутренних причинах военного поражения Польши», в которой констатировалось, в частности, что угнетение и неравноправие национальных меньшинств стали источником слабости польского государства и внутренней причиной его поражения. Особое внимание обращалось на бесправное положение 11 млн. украинцев и белорусов.

В телеграмме от 15 сентября Риббентроп, однако, выразил неудовольствие утверждением, что Советский Союз защищает украинцев и белорусов от «угрозы Германии». Риббентроп отметил, что подобная мотивация «не соответствует реальным германским устремлениям, которые ограничены исключительно хорошо известными германскими жизненными интересами», и «противоречит соглашениям, достигнутым в Москве». При этом министр иностранных дел Германии предложил свой вариант совместного коммюнике, как было сказано в телеграмме, «с целью политического обоснования акции Советской Армии»: «Ввиду полного распада проживающих в Польше национальностей имперское правительство и правительство СССР сочли необходимым положить конец политически и экономически нетерпимому далее положению, существующему на польских территориях. Они считают своей общей обязанностью восстановление на этих территориях, представляющих для них естественный интерес, спокойствия и порядка и урегулирования с этой точки зрения естественных границ и создания жизнеспособных экономических институтов»[235]. Ознакомившись с предложенным Риббентропом вариантом совместного коммюнике, Молотов признал, что в советском варианте была действительно допущена обидная для немцев формулировка, но просил учесть, что советское правительство оказалось в щекотливой ситуации. Оно, «к сожалению, не видело какого-либо другого предлога, поскольку до сих пор Советский Союз не выражал озабоченности о положении своих национальных меньшинств в

Польше и должен был так или иначе обосновать перед внешним миром свое теперешнее вмешательство»[236].

Далее Молотов заявил, что в совместном коммюнике нет нужды и что советское правительство будет мотивировать свои действия тем, что польское государство распалось и поэтому аннулируются все заключенные с ним договоры. Поскольку третьи державы могут попытаться извлечь выгоду из создавшейся в Польше ситуации, Советский Союз считает своим долгом вмешаться с целью защиты своих украинских и белорусских братьев и дать возможность этому несчастному населению трудиться спокойно[237].

В итоге этих согласований в ночь на 17 сентября советское правительство сформулировало упомянутую выше ноту, врученную польскому послу в Москве. В этом документе важно обратить внимание на следующие моменты, которые отсутствовали в предыдущих советских и немецких вариантах коммюнике. Во-первых, ситуация в Польше могла создать угрозу для СССР; во-вторых, если до сих пор в германо-польской войне Советский Союз оставался нейтральным, то в настоящее время, говорилось в коммюнике, советское правительство больше не может нейтрально относиться к этим фактам; в-третьих, признавалось, что единокровные украинцы и белорусы остались беззащитными, но не указывалось, от кого их надо защищать; и наконец, в-четвертых, была сформулирована новая задача Красной Армии: не только взять под защиту украинцев и белорусов, но и «вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью»[238].

Итак, ранним утром 17 сентября 1939 г. обе стратегические группировки советских войск перешли советско-польскую границу и развернули действия на польской земле, быстро продвигаясь на запад и не встречая сопротивления со стороны польских войск. Как свидетельствует профессор В. М. Бережков, который в составе советских войск 17 сентября 1939 г. вступил на территорию Польши, части Красной Армии заблаговременно получили карты с указанием линии, на которой они должны встретиться с войсками вермахта[239].

В обращении военных советов фронтов говорилось о необходимости защищать местное население от жандармов и осадников, защищать его имущество, лояльно относиться к польским военным служащим и государственным чиновникам, если они не оказывают вооруженного сопротивления Красной Армии. Авиации запрещалось подвергать бомбардировкам населенные пункты. Войскам предлагалось уважать и не переходить границы Латвии, Литвы и Румынии. Советские воины, продвигаясь на запад, оказывали местному населению помощь продовольствием и медикаментами, помогали налаживанию местного самоуправления, созданию крестьянских комитетов.

Подавляющее большинство частей регулярной польской армии, в том числе и офицерских училищ, складывали оружие. Солдаты украинской и белорусской национальностей немедленно распускались по домам. Многие солдаты польской национальности вернулись на территории, занятые немцами, чтобы бороться с захватчиками[240].

Значительная часть населения как на оккупированной немцами, так и на неоккупированной территории, не имея полной информации о положении страны и рассчитывая все же на помощь западных держав, восприняла советскую акцию как удар в спину польским войскам. Однако в Восточной Польше местное население, особенно белорусы и украинцы, как свидетельствуют многочисленные документы и рассказы очевидцев, тепло приветствовало своих советских освободителей. Во многих населенных пунктах проходили митинги, советских воинов встречали хлебом-солью. Среди населения ширились слухи, что советские войска вступили в Польшу, чтобы вместе с поляками, украинцами и белорусами сражаться против немцев. Разумеется, польский народ не знал тогда о секретной советско-германской договоренности, решившей его судьбу.

В оперативно-тактическом плане вступление советских войск в Польшу оказалось для польского руководства неожиданным. Однако оно не объявило состояние войны с Советским Союзом, не сочло возможным рассредоточивать свои силы для борьбы на два фронта и предпочло сражаться только против немецких войск. На границе с СССР, имевшей протяженность 1 400 км, по данным польских военных историков, охрану несли всего 25 батальонов, т. е. на 56 км так называемого фронта приходился один батальон[241].

Приказ верховного командующего маршала Э. Рыдз-Смиглы гласил: «С Советами в бои не вступать, оказывать сопротивление только в случае попыток с их стороны разоружения наших частей, которые вошли в соприкосновение с советскими войсками. С немцами продолжать борьбу. Окруженные города должны сражаться. В случае, если подойдут советские войска, вести с ними переговоры с целью добиться вывода наших гарнизонов в Румынию и Венгрию»[242].

Генерал В. Стахевич, бывший в 1939 г. начальником штаба польской армии, в 1979 г. утверждал, что без вступления в Польшу 17 сентября 1939 г. Красной Армии польские войска могли бы еще длительное время оказывать сопротивление вермахту[243]. Подобное утверждение основано на слишком оптимистической оценке обстановки в Польше в то время. К середине сентября наиболее многочисленные и боеспособные группировки польских войск были, к сожалению, разгромлены. В стране царил разброд и хаос. Нормальное управление войсками было нарушено, и даже без вступления Красной Армии Польша потерпела бы поражение. Анализируя эту проблему, важнее было бы исследовать причины, по которым не удалось предотвратить германскую агрессию против Польши, а не то, сколько дней продержались бы поляки, не будь советской акции 17 сентября.

Как же реагировало население Советского Союза на события в Польше? Из донесений Шуленбурга явствует, что советские люди были ими озабочены. Они с тревогой ожидали, что в войну может быть втянут и Советский Союз. Наблюдения Шуленбурга в целом справедливы, но несколько односторонни. Советские люди высказывали не только опасения, но и были горды своей «доблестной Красной Армией», которая отомстила полякам за поражения в 1920 г. и восстановила справедливую границу.

Царившую тогда обстановку в СССР описал в своих мемуарах К. Симонов, который также, по его признанию, встретил советскую акцию «с чувством безоговорочной радости»: «Надо представить себе атмосферу всех предыдущих лет, советско-польскую войну 1920 года, последующие десятилетия напряженных отношений с Польшей, осадничество, переселение польского кулачества в так называемые восточные коресы (правильнее «кресы» –

М. С.), попытки колонизации украинского и в особенности белорусского населения, белогвардейские банды, действовавшие с территории Польши в двадцатые годы, изучение польского языка среди военных как языка одного из наиболее возможных противников, процессы белорусских коммунистов. В общем, если вспомнить всю эту атмосферу, то почему же мне было тогда не радоваться тому, что мы идем освобождать Западную Украину и Западную Белоруссию? Идем к той линии национального размежевания, которую когда-то, в двадцатом году, считал справедливой, с точки зрения этнической, даже такой недруг нашей страны, как лорд Керзон, и о которой вспоминали как о линии Керзона, но от которой нам пришлось отступить тогда и пойти на мир, отдававший Польшу в руки Западную Украину и Белоруссию, из-за военных поражений, за которыми стояли безграничное истощение сил в годы мировой и гражданской войны, разруха, неприконтинентальный Врангель, предстоящие Кронштадт и антоновщина, – в общем, двадцатый год.

То, что происходило, казалось мне справедливым, и я этому сочувствовал»[244].

Официальные представители и пресса западных стран, особенно Англии и Франции, осудили советскую акцию. Как справедливо определила Комиссия съезда народных депутатов СССР,

Гитлер готовил почву для того, чтобы столкнуть Советский Союз не только с Польшей, но и с Англией и Францией, и «порой наша страна была на волоске от подобного разворота событий, особенно после вступления частей Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину»[245].

В дни вступления советских войск на территорию Польши отношения Англии и Франции с Советским Союзом действительно обострились. Можно утверждать, что в то время, когда между Германией и западными странами шла «горячая» война, между Советским Союзом и западными странами велась, по существу, «психологическая» война. Правда, уже вскоре после 17 сентября всем британским дипломатическим представительствам было дано разъяснение, что Великобритания не только не собирается объявлять войну Советскому Союзу, но, наоборот, должна оставаться в возможно лучших отношениях с ним. Английской прессе было также предложено прекратить всякую антисоветскую пропаганду.

Население Германии не знало, что вступление Красной Армии в Польшу произошло в соответствии с обоюдной предварительной договоренностью, поэтому событие 17 сентября встревожило немцев, опасавшихся столкновения двух армий. Но они были поражены, когда военная кинохроника показала дружеские встречи солдат и рукопожатие офицеров германской и советской армий.

Действия Красной Армии на территории Польши продолжались 12 дней. За это время советские войска продвинулись на 250–300 км и заняли территорию общей площадью свыше 190 тыс. кв. км «с населением более 12 млн. человек, в том числе более 6 млн. украинцев и около 3 млн. белорусов»[246].

Используя благоприятные условия, германские войска также наступали в быстром темпе, и через две недели судьба Польши была фактически решена[247]. К 15 сентября 1939 г. в районе Восточной Польши, т. е. восточнее линии Висла – Сан, скопилось 340 тыс. польских солдат и офицеров. Численность многих воинских частей составляла половину штатной. Эти силы располагали 540 орудиями и минометами, 160 противотанковыми орудиями и более 70 танками. В целом эти силы составляли примерно 7 пехотных дивизий, 2 кавалерийские бригады и танковый батальон[248].

На большинстве направлений германские войска, не дождавшись встречи с советскими войсками на согласованной демаркационной линии, перешли ее и продвинулись далее на восток до 200 км. Так произошло, в частности, в районе Бреста. Здесь 17 сентября 1939 г. танковый корпус генерала Г. Гудериана, сломив сопротивление польских защитников, взял Брест, и лишь тогда войска получили приказ не переходить линию Сувалки, Августов, Белосток, Брест, Сокаль, Львов и Стрый[249].

Бывший начальник оперативного отдела штаба Белорусского Особого военного округа генерал Л. М. Сандалов неверно излагает события в районе Бреста. Так, он пишет: «Комдив Чуйков, армия которого выдвигалась к Бресту, приказал командиру авангардной танковой бригады С. М. Кривошеину занять Брест и заставить немецкие войска отойти за Буг. В Бресте состоялась встреча Кривошеина с Гудерианом. В ней принимал участие и сотрудник Наркоминдела. Наши представители потребовали от немецкого командования немедленно отвести все немецкие части за демаркационную линию, а подготовленное для эвакуации из Бреста в Германию военное и гражданское имущество оставить на месте. Это требование было принято»[250]. В подобных требованиях не было надобности, ибо все было заранее оговорено.

Позднее в связи с упоминавшимся выше обменом территорий Литвы и Люблинского и части Варшавского воеводств был произведен еще один отход немецких войск. Это передвижение к дважды менявшейся линии государственных интересов на территории Польши было завершено лишь 14 октября 1939 г.[251]

Во время движения навстречу друг другу германской и советской армий имели место столкновения между ними. Так, 20 сентября восточнее Львова немецкая артиллерия подбила несколько двигавшихся в колонне советских танков. 23 сентября части немецкой 10-й танковой дивизии генерала Шаала по ошибке вели на протяжении нескольких часов бой с советской кавалерийской частью. В итоге, по некоторым данным, погибло 2 и ранено 23 советских солдата[252].

Части Красной Армии в ряде мест вели бои и с некоторыми польскими подразделениями, которые укрывались в лесах в ожидании столкновений между немецкими и советскими войсками. Так, в районе Лашки Муроване они столкнулись с остатками группировки генерала К. Соснковского, двигавшейся в направлении Львова. Часть из них сдалась советским войскам, другая во главе с командующим перешла в Венгрию. Имели место бои у Красне с группой войск генерала В. Орлик-Рюкермана.

Тяжелые бои 20–21 сентября развернулись с польскими защитниками города Гродно. Утром 20 сентября к городу подошли советские танки, но, встретив сопротивление, вынуждены были отойти. Как сообщала 25 сентября «Правда», в городе упорно сопротивляются «банды» численностью около 3 тыс. польских офицеров и жандармов, засевших в крепости, костеле и казармах. Советская артиллерия вела огонь по этим объектам.

Советские танки были обстреляны польской артиллерией на подступах к Львову. Германское командование рассчитывало, что окруженный польский гарнизон Львова под командованием генерала В. Лангнера капитулирует, как только немецкие войска подойдут к окраинам города. 18 сентября немцы предъявили гарнизону города ультиматум о капитуляции. В случае его непринятия они пригрозили разрушить город. Но командующий гарнизоном отказался капитулировать и выслал часть сил навстречу дивизии генерала К. Соснковского, которая пробивалась на помощь городу. 20 сентября стало известно, что дивизия Соснковского была разгромлена.

В это время к городу с востока подходили танковые части Красной Армии, и генерал Лангнер решил сдать город советскому командованию. На встрече с советскими представителями он заявил: «С немцами мы продолжаем борьбу – в городе мы сражались с ними на протяжении 10 дней. Они – немцы, враги всего славянства. Вы же – славяне»[253].

История сохранила примеры героизма польских солдат и при обороне Брестской крепости. Когда 19-й танковый корпус немцев стремительным броском из Восточной Пруссии 14 сентября 1939 г. захватил Брест, генерал Гудериан не предполагал, что крепость еще будет сопротивляться. Но случилось именно так. На протяжении нескольких дней ее защищали солдаты генерала К. Плисовского. Немцы несли немалые потери. Но в ночь с 16 на 17 сентября поляки оставили крепость и ушли на противоположный берег Буга.

Как рассказывают очевидцы, сразу же после взятия немцами крепости состоялись похороны многих сотен убитых. До весны 1941 г. здесь находилась специальная комиссия, которая отправляла останки немецких солдат в Германию[254].

В течение нескольких дней продолжались бои между советскими и польскими частями в районе Вильно. 30 сентября развернулся бой польского пехотного полка с советскими кавалеристами в районе Кобрина. Дело доходило до применения гранат и штыковых схваток[255]. Ночью 1 октября в районе Влодавы произошло столкновение польской воинской части с советской танковой колонной. Было повреждено 4 танка. В течение двух недель продолжались стычки в районе Сарны. Около Люблина также произошла стычка. Как сообщил В. М. Молотов, в ходе этих боев 773 советских бойцов погибли и 1 862 человека были ранены[256]. Советские войска взяли более 230 тыс. польских военнопленных и интернированных.

Общие потери польских войск в войне составили убитыми около 66 тыс., ранеными – около 133 тыс. человек. В немецком плену оказалось около 350 тыс. солдат и офицеров[257] (по данным верховного командования вермахта, в плен было взято около 600 тыс. польских солдат и офицеров)[258]. Кроме того, многие тысячи польских военнослужащих оказались интернированными в ряде соседних стран. Так, в Румынии на 2 ноября 1939 г. было интернировано более 20 тыс. человек, в том числе 25 генералов, в Венгрии – более 40 тыс. человек, в Латвии и Литве – около 12 тыс.[259]

Начиная с 17 сентября в Советском Союзе была развернута массированная антипольская кампания. С одной стороны, в советской печати подчеркивалось, что польский народ получил право на самостоятельное государственное развитие благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции. Однако правящие круги этой страны установили реакционный режим так называемой санации. Они связали свою судьбу с западными державами, вели антисоветскую политику, отвергали любые предложения с целью создания вместе с СССР и другими странами единого антифашистского фронта. Советские средства массовой информации широко освещали освободительную борьбу польского народа против буржуазно-помещичьего режима в 20–30-е годы.

Но с другой стороны, в публиковавшихся статьях извращались факты, давались неправильные оценки хода боевых действий и поведения польских войск и населения. Так, писатель П. Павленко утверждал, например, будто Польша как государство с 5 сентября «безусловно уже перестала существовать»[260], хотя известно, что польское правительство эвакуировалось вечером 17 сентября, а гарнизоны Варшавы и некоторых городов-крепостей продолжали сопротивляться до конца сентября.

Предпринималась попытка бросить тень на Польшу и ее народ, прибегая к историческим аналогиям и ссылаясь на высказывания Ф. Энгельса. Так, в журнале «Большевик» была опубликована редакционная статья «Сталинская политика мира и дружбы народов». В ней была приведена следующая цитата из письма Ф. Энгельса К. Марксу от 23 мая 1851 г.: «Чем больше я размышляю об истории, тем яснее мне становится, что поляки – *une nation foute* (разложившаяся нация), которая нужна как средство лишь до того момента, пока сама Россия не будет вовлечена в аграрную революцию. С этого момента существование Польши не имеет абсолютно никакого *rason detre* (смысла). Поляки никогда не совершали в истории ничего иного, кроме храбрых драчливых глупостей. Нельзя указать ни одного момента, когда Польша, даже по сравнению с Россией, играла бы прогрессивную роль или вообще совершила что-либо, имеющее историческое значение...»[261]

Далее журнал утверждал, что так же писал и английский государственный деятель, бывший министр иностранных дел Бальфур: польское государство обречено на гибель, ибо поляки никогда не умели самостоятельно управлять государством. Автор статьи ратовал за то, чтобы Англия и Франция согласились прекратить войну против Германии, ибо повод, которым они воспользовались для объявления войны Германии, а именно защита Польши, отпал. «Польское государство разваливалось. И никто, кроме кучки магнатов, об этом не жалеет». Отбросив аргумент о защите Польши, Англия и Франция выдвигают другой – «уничтожение гитлеризма». В статье выражается недовольство тем, что 18 сентября, когда Польша уже фактически перестала существовать, «Таймс» писала в передовой, будто война кончится «поражением гитлеризма, и только этим», так как «Гитлер и гитлеризм... являются непреодолимым барьером для переговоров о заключении подлинного мира», хотя 6 октября Гитлер в речи выдвинул конкретное предложение о созыве мирной конференции для ликвидации войны[262].

Как не вспомнить, что писал тот же журнал за два-три месяца до описываемых событий! В июле 1939 г. он утверждал, что в настоящее время агрессоры ведут «одностороннюю» войну, на спине слабых и малых держав, против таких крупнейших неагрессивных стран, как Соединенные Штаты Америки, Англия, Франция. «В этом заключается коренная разница

нынешней обстановки по сравнению с обстановкой 1914 года, когда войну начали две империалистические коалиции»[263].

2. Новый раздел

Предприняв в сотрудничестве с Гитлером акцию против Польши, сталинское руководство СССР нарушило Рижский мирный договор 1921 г. и советско-польский договор о ненападении 1932 г. Оно нарушило императивный принцип международного права: «Договоры должны соблюдаться» (*pacta sunt servande*), – что квалифицируется как неправомерное деяние. Правда, по международному праву допускается аннулирование договора, если государство-контрагент прекращает существование. Но это же право не признает прекращения существования государства, если его высшие органы продолжают олицетворять его суверенитет в эмиграции, как было с польским правительством.

В соответствии с духом международного права на территорию польского государства не должна была распространяться колониалистская теория так называемого первичного завладения, в соответствии с которой создавалось какое-то подобие правового обоснования включения таких земель в состав территории захватчика. Даже на заре империализма такой захват земель обозначался в науке международного права термином «оккупация»[264]. Принятая СССР и Германией цессия (уступка территории) в Польше и Литве не соответствовала праву наций на самоопределение и другим общепризнанным принципам международного права. Поэтому она юридически не обоснована и носит неправомерный характер.

Расчленение территории Польши в 1939 г. нельзя также оправдать и теорией эффективной оккупации, когда агрессор устанавливал на этой территории реальную власть. Дебелляция в Польше была достигнута силой оружия и без учета воли местного населения. Как известно, советско-польским соглашением от 30 июля 1941 г. советско-германские договоренности, касавшиеся Польши, были аннулированы. В первом пункте этого документа, посвященного территориальным вопросам, было сказано: «Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 года касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу»[265].

Или возьмем утверждение, что вступление советских войск в Польшу вызвано заботой о безопасности Советского Союза, поскольку польская территория могла стать полем для всякого рода случайностей. Но вспомним, что ведь по идее сам советско-германский договор уже «обеспечивал» эту безопасность. Если же наличие непосредственной границы с Германией усиливало угрозу с ее стороны, то зачем же нужно было заключать договор с Германией?

Не в ладах с логикой и объяснение Молотовым призыва воинов запаса в Красную Армию в начале сентября необходимостью принятия «мер предосторожности». Но ведь еще в секретном протоколе предполагалось Польшу расчленить и первоначальную границу установить по Висле. Против кого же были направлены эти меры предосторожности?

Еще дальше в решении «польского вопроса» советское руководство пошло во время переговоров и заключения договора о дружбе и границе 28 сентября 1939 г. В этом документе нет ни слова о праве польского народа иметь свое государство, а объявленное «переустройство» Польши рассматривается только с точки зрения «дальнейшего развития дружественных отношений между народами СССР и Германии». Но мировая история подтверждает, что не может быть настоящего блага для одних народов за счет горя и страдания других.

В Берлине еще в ходе боевых действий возникла идея о возможности создания в качестве буфера где-то в зоне между линиями интересов Германии и СССР «остаточного польского государства». По этому вопросу в своем дневнике генерал Гальдер 7 сентября записал следующее: «Поляки предлагают начать переговоры. Мы к ним готовы на следующих условиях: разрыв Польши с Англией и Францией: остаток Польши будет сохранен; районы от Нарева с Варшавой – Польше; промышленный район – нам; Краков – Польше; северная окраина Бескидов – нам; области (Западной) Украины – самостоятельны»[266]. Как явствует из записи от 10 сентября в указанном дневнике, германское руководство подготовило специальное обращение к населению Западной Украины, в котором обещало ему «независимое государство» под эгидой Германии[267].

О вариантах расчленения Польши 12 сентября говорил и министр иностранных дел Германии И. Риббентроп. Со ссылкой на Гитлера он заявил, что при таком «решении польского вопроса» можно будет в случае необходимости вести переговоры о заключении «восточного мира». Одновременно Риббентроп не исключал варианта, который предусматривал бы расчленение Польши на отдельные составные части, включая и Западную Украину[268].

В последующие дни, особенно после вступления в Польшу советских войск, Гитлер несколько уточнил свою позицию по этому вопросу. Выступая в Данциге 19 сентября 1939 г., он, например, говорил: «Совершенно очевидно, что Польша в том виде, в каком она возникла по Версальскому договору, никогда уже больше не воскреснет. Это гарантирует также Россия». Но Гитлер еще не знал, какова же будет позиция Сталина и Молотова по этому вопросу. Шуленбург выяснил это только на следующий день и сообщил фюреру, что Сталин решительно против сохранения польского «остаточного государства» и за раздел Польши по линии рек Писса – Висла – Сан. Одновременно Молотов выразил недовольство тем, что заместитель начальника оперативного управления ОКВ Германии генерал В. Варлимонт показал советскому военному атташе в Берлине карту, на которой было обозначено, что «имперская граница» Германии должна проходить восточнее Львова. Молотов напомнил, что это противоречит советско-германской договоренности, по которой «линия интересов» должна проходить по реке Сан, т. е. западнее Львова[269].

Во время очередной встречи с Шуленбургом 25 сентября Сталин и Молотов снова отвергли идею польского «остаточного государства», так как в будущем, по их мнению, это «государство» может помешать отношениям между СССР и Германией[270].

Сперва через Шуленбурга, а затем и в ходе переговоров 28 сентября Сталин пытался обосновать свое негативное отношение к идее «остаточного польского государства». Он заявил: расчленение областей с чисто польским населением неизбежно вызовет его стремление к национальному единству (как об этом свидетельствует вся история Польши), что может привести к трениям между СССР и Германией. Поэтому Сталин был готов передать Германии населенные поляками Люблинское и правобережную часть Варшавского воеводств «в обмен» на Литву[271].

Таким образом, Сталин предоставил «право» Гитлеру самому решать проблему польского «остаточного государства». В последующие дни сентября и начала октября правители Германии еще несколько раз упоминали об этом «государстве». Последнее упоминание содержалось в речи Гитлера в рейхстаге 6 октября 1939 г. Но уже 12 октября он подписал декрет об управлении оккупированными польскими областями[272]. Это означало окончательный отказ от идеи «остаточного государства».

Решение германского и советского правительств от 28 сентября о разделе территории Польши вызвало серьезную озабоченность польского народа и польских официальных лиц о судьбе своей родины. Так, польский посол в Париже, по сообщению агентства Гавас, назвал советско-германский договор нарушением права польского государства и народа, нарушением международных обязательств и человеческой морали[273].

Положение польских патриотов усугублялось еще и тем, что существовала советско-германская договоренность о сотрудничестве «в борьбе против польской агитации». Это была не формальная декларация, такое сотрудничество военных властей Германии и СССР в польской кампании, как заявил германский военный атташе в Москве генерал Э. Кестринг, было реальностью и протекало на всех уровнях безукоризненно[274]. Для обсуждения вопроса об установлении линии разграничения германских и советских войск в Польше 19 сентября в Москву прибыла германская военная делегация. С советской стороны в переговорах участвовали Ворошилов и Шапошников.

Генерал Гальдер в своем дневнике от 20 сентября по этому вопросу записал следующее: «Форман [докладывает]: для удовлетворения настойчивых требований Ворошилова фюрер принял решение об окончательной демаркационной линии, о чем сегодня будет официально объявлено. [Она проходит по] р. Писса, р. Нарев, р. Висла, железная дорога вдоль Сана, Перемышль (от Хырова до перевала – неясно). Фюрер хочет, чтобы впереди этой линии не погиб ни один наш солдат»[275]. Было, в частности, установлено, что эвакуация немецких войск будет осуществлена в восемь этапов на протяжении 14 дней и должна быть завершена 4 октября. Между немецкими и советскими войсками был установлен постоянный промежуток в половину дневного перехода[276].

После того как делегации СССР и Германии провели делимитацию границы между их сферами интересов, к середине октября 1939 г. была осуществлена ее демаркация. Таким образом, протяженность границы между обеими странами увеличилась с 1 446 км (граница с Польшей) до 1 952 км, т. е. на 506 км – от села Мариново (южная точка границы СССР с Латвией) до села Казачувка (северная точка на советско-румынской границе)[277]. В итоге Польша была разделена на две части: 48,6% территории (189 тыс. кв. км) с 62,9% населения (20 260 тыс. человек) было оккупировано немцами. Остальная часть – 51,4% территории с 37,1% населения – была присоединена к Советскому Союзу[278].

21 сентября был подписан секретный протокол, по которому немецкое командование было обязано обеспечить сохранность и передачу советским войскам всех оставляемых объектов. Было также согласовано, что «для уничтожения польских банд по пути следования советские и германские войска будут действовать совместно»[279].

Нельзя без горечи вспомнить и еще об одном шаге советского руководства. Он связан с историей исчезновения польской подводной лодки «Орел» в сентябре 1939 г. Построенная в 1938 г., эта подлодка под командованием Г. Клошковского в первые дни войны несла дозорную службу в районе полуострова Хель недалеко от Данцига. В связи с изменившейся обстановкой 14 сентября подлодка ушла в порт Таллинн, чтобы там высадить на берег заболевшего командира. Вскоре 62 члена экипажа были интернированы эстонскими властями. Подлодку разоружили, ее карты и штурманское оборудование реквизировали. 18 сентября подлодка под командованием Я. Грузинского скрытно (и, видимо, не без содействия местных эстонских властей) покинула порт и ушла в неизвестном направлении. Этот случай вызвал необоснованное беспокойство советского правительства, войска которого к этому времени уже действовали на территории Польши. Оно сделало соответствующее представление правительству Эстонии. Объяснения Таллинна были квалифицированы в Москве как «неудовлетворительные», и советское правительство предложило начать переговоры «о мерах обеспечения безопасности советских вод от диверсионных действий со стороны скрывающихся в балтийских водах иностранных подлодок». В сообщении ТАСС от 27 сентября 1939 г. говорилось о возможности того, что «лодку отремонтировали в Таллинне, вероятно, снабдили ее горючим и, таким образом, дали ей возможность бежать». Также допускалось, что «где-то недалеко от эстонских берегов какие-то неизвестные подлодки имеют свою скрытую базу», с которых могут осуществляться диверсионные действия в советских водах[280].

Нетрудно прийти к выводу, что это была попытка нагнетать обстановку в этом регионе в

преддверии ввода советских войск в Прибалтийские республики и еще раз продемонстрировать свою приверженность военному сотрудничеству с Германией.

Мужественному экипажу подлодки в трудных условиях 14 октября удалось добраться до Англии. Подлодка была включена в состав английских ВМС и действовала в Северном море. В мае 1940 г. она патрулировала в районе острова Гельголанд и с задания не вернулась[281].

Наглядным примером взаимодействия вермахта и Красной Армии в то время может служить и тот факт, что в ходе военных действий в Польше советское правительство разрешило использовать радиостанцию, расположенную в Минске, для наведения германских самолетов на объекты в Польше. Через германское посольство в Москве просьба начальника штаба германских ВВС об этом была передана Молотову утром 1 сентября 1939 г. В соответствующем письме говорилось о том, чтобы радиостанция в Минске в свободное от передач время передавала для срочных воздухоплавательных целей непрерывную линию с вкрапленными позывными знаками: «Рихальд Вильгельм 1.0», а кроме того, во время передачи своей программы по возможности часто слово «Минск». Из резолюции Молотова следует, что было дано согласие передавать только слово «Минск».

Нелишне напомнить и о том, что Г. Геринг в знак признательности за боевое взаимодействие в борьбе против общего врага подарил наркому обороны СССР Ворошилову самолет.

Для осуществления договоренности о совместной борьбе против польского подполья было установлено сотрудничество между германским гестапо и советскими органами НКВД. С этой целью в декабре 1939 г. в городе Закопане, т. е. на польской территории, оккупированной Германией, был создан совместный учебный центр[282]. В ходе военных действий командиры передовых частей германской и советской армий обменивались специальными офицерами связи. В Гродно, Бресте, Пинске и в ряде других городов еще до капитуляции Варшавы состоялись совместные парады (немцы их называли «парадами победы») с участием войск обеих стран. Например, в Гродно парад принимал комкор В. И. Чуйков и германский генерал, а в Бресте – генерал Г. Гудериан и комбриг С. М. Кривошеин.

В конце сентября 1939 г. линия максимального продвижения советских войск на запад проходила, по данным польских исследователей, через следующие пункты: Остроленка, Вышкув, Иодов, Мрозы, Сточек, Радзин, Парчев, Лютерские, Фромполь, Сенява, Пшемысль и до границы с Венгрией[283].

При оценке действий Советского Союза в Польше в сентябре 1939 г. нельзя абстрагироваться от сложных и противоречивых процессов и от той политики, которую вели органы советской власти в западных областях Украины и Белоруссии в последующий период.

В Западной Украине и Западной Белоруссии в октябре 1939 г. состоялись «выборы» в народные собрания. В связи с этим хотелось бы еще раз сослаться на К. Симонова, который сразу же после прекращения боев на Халхин-Голе как военный корреспондент был откомандирован в Западную Белоруссию и был очевидцем избирательной кампании, проходившей в октябре 1939 г.: «Я ездил по ней (Белоруссии). –

М. С.) накануне выборов в народное собрание, видел своими глазами народ, действительно освобожденный от ненавистного ему владычества, слышал разговоры, присутствовал в первый день на заседании народного собрания. Я был молод и неопытен, но все-таки в том, как и почему хлопают люди в зале, и почему они встают, и какие у них при этом лица, кажется мне, разбирался и тогда. Для меня не было вопроса: в Западной Белоруссии, где я оказался, белорусское население – а его было огромное большинство – было радо нашему приходу, хотело его»[284].

Симонов честно передает свои впечатления от выборов, которые проходили тогда в Западной Белоруссии. Но ему было, видимо, трудно представить себе, чтобы левые силы из местного населения при активном содействии советских гражданских и военных властей могли провести их на более высоком демократическом уровне, чем «выборы» на территории Советского Союза.

Созданные во Львове и Белостоке организационные комитеты разработали специальное положение о выборах. В этом документе, как и в «сталинской» конституции 1936 г., были сформулированы самые демократические принципы: всеобщие, прямые и равные избирательные права для всех достигших 18-летнего возраста, тайное голосование независимо от пола, образования, национальной и социальной принадлежности, вероисповедания.

Но вместе с тем здесь, как и в Советском Союзе, существовала однопартийная система и отсутствовала альтернативность, имело место то же моральное давление на избирателей, не желавших участвовать в выборах, нередко применялись те же угрозы депортации и раскулачивания, лишение избирательного права «потенциальных противников» советской власти.

Несмотря на эти нарушения провозглашенных демократических принципов избирательной системы, активность населения на выборах была довольно высокой. Так, в Западной Украине в выборах приняли участие 4 433 тыс. (92,8%) избирателей, а не голосовали или голосовали против 400 тыс. человек[285]. В Западной Белоруссии в выборах участвовали 2 672 тыс. (96,7%) избирателей[286]. Более 90% избирателей проголосовали за предложенных кандидатов. Итоги выборов показали, что подавляющее большинство населения этих регионов согласилось с установлением советской власти и присоединением к Советскому Союзу.

В конце октября 1939 г. на своих первых заседаниях народные собрания, естественно, единогласно приняли декларации, провозгласившие установление советской власти. Эти органы вышли с ходатайствами в Верховный Совет СССР о воссоединении этих районов с Украинской и Белорусской Советскими Социалистическими Республиками. Пятая сессия Верховного Совета СССР в ноябре 1939 г. удовлетворила эту просьбу.

При оценке итогов выборов неизбежно возникает вопрос: мыслимо ли, чтобы забитые и малограмотные крестьянские массы, проживавшие в наиболее отсталых регионах Польши и никогда ранее не знавшие подлинно демократических выборов, при слабости левых партий, которые к тому же долгое время действовали в подполье, ровно через месяц после вступления советских войск вдруг продемонстрировали неслыханную организованность и высокую политическую зрелость? Видимо, речь может идти не столько о политической зрелости и о любви к советскому строю, сколько о самых прагматических интересах своего существования. Оказавшись между молотом и наковальней, народы этих территорий решили присоединиться к Советскому Союзу, а не к фашистской Германии. Другого выхода им не было дано.

Исключительно важным, вдохновляющим фактором стала идея восстановления национальной государственности (соборности) украинского и белорусского народов. Вокруг этой идеи сплотились самые широкие политические силы – от националистов до коммунистов, хотя они по-разному представляли себе социально-экономическую и политическую сущность идеи соборности и пути ее достижения.

Не исключено, что часть населения, и прежде всего польского, рассматривала свое положение как временное. Германия будет побеждена, и Советский Союз вынужден будет вернуть эти территории Польше. Эта надежда поддерживалась еще и тем, что созданное на Западе польское эмигрантское правительство генерала В. Сикорского не признало ни

территориальных изменений в Польше, ни решений народного собрания и Верховного Совета СССР об изменении государственного и общественного устройства страны.

Среди бедных слоев населения расчет на какие-то реформы, разумеется, также присутствовал. Вот почему процесс социально-экономических преобразований, подталкиваемый местными органами советской власти и присланными из восточных районов Украины и Белоруссии советскими специалистами, шел довольно быстро. Так, в Западной Украине только за первые восемь месяцев было создано 100 МТС, 155 колхозов и 31 совхоз[287]. В частности, в Тернопольской области по состоянию на 1939 г. имелось 987 помещиков и около 29 тыс. так называемых кулацких хозяйств, которым принадлежало 368 889 га земли, а также 5 тыс. осадничьих (польских переселенцев) хозяйств общей площадью 155 тыс. га. Уже к июню 1941 г. в ходе земельной реформы многие из этих хозяйств были ликвидированы, земля, скот и имущество переданы беднякам. Одновременно, особенно с лета 1940 г., шла и коллективизация, которая по темпам и методам не отличалась от практики начала 30-х годов в Восточной Украине. К 1 июня 1941 г. было создано 38 МТС, 529 колхозов, в которых объединилось 46 525 хозяйств, т. е. около 15% всех хозяйств области[288].

Так же быстро этот процесс протекал в Западной Белоруссии, где за те же первые восемь месяцев советской власти было создано 100 МТС[289].

С первых же дней установления советской власти в этих районах функционировала организованная система репрессий, перекосов в культурной и национальной политике, по отношению к церкви и верующим, диктат партии в духовной сфере. К июню 1941 г. в Западной Украине органы НКВД расстреляли большое количество жителей. После ухода частей Красной Армии только в тюрьмах Львова, Станислава, Дрогобича были найдены тела нескольких сот расстрелянных узников. Массовые казни совершались практически во всех других городах. Жертвой террора пали многие деятели украинской и польской культуры. Преследованиям, моральному и физическому террору подвергались служители греко-католической и украинской автокефальной церкви. Здания храмов закрывались и разрушались. Школьное и высшее образование принимало грубо идеологизированный характер, под предлогом борьбы с украинским буржуазным национализмом из учебных заведений изгонялись многие украинские учителя и преподаватели. Присланные с востока и местные чиновники от культуры проявляли чрезмерное усердие в русификации школ.

Без суда и следствия было депортировано около 10% населения западных районов Украины и Белоруссии. Особенно высокий процент среди депортированных составляли поляки, которых насчитывалось около 1/3 всего населения[290]. 29 декабря 1939 г. СНК СССР утвердил «Положение о спецпоселениях и трудовом устройстве осадников, выселенных из западных областей УССР и БССР». 2 марта 1940 г. СНК СССР принял новое постановление о выселении членов семей осадников. В мае 1941 г. Берия подписал приказ о переселении всех депортированных из западных районов Украины и Белоруссии на 20 лет в Кустанайскую область Казахстана. Только в мае – июне 1941 г. с учетом депортированных из Прибалтики и Молдавии в Алтайский и Красноярский края, Казахстан, Коми АССР и Омскую область было выселено 95 тыс. человек.

Массовая депортация сопровождалась фактическим геноцидом, ибо смертность среди «переселенцев» составляла 16%[291]. В ходе этой нечеловеческой и преступной кампании органы НКВД игнорировали элементарные правовые нормы. Достаточно напомнить, что первые жители западных районов Украины и Белоруссии депортировались на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 17 июля 1937 г. как «неблагонадежный элемент, проживающий в запретных (пограничных) зонах». Применялся также приказ НКВД СССР от 30 июля 1937 г. о переселении «членов семей троцкистов и диверсантов, которые активно участвовали в антисоветской деятельности»[292].

«Многие миллионы поляков шести или семи поколений были гражданами России. Но их исторический опыт не входит ни в какое сравнение с теми ужасными акциями, которые совершали советские власти. Около 1,5 миллионов человек из занятых восточных районов Польши были депортированы в Россию. Это были не только поляки, но и польские евреи и частично не угодные властям украинцы. Особым преследованиям подвергались политически активные деятели независимо от их партийной принадлежности». Такую оценку сложившейся ситуации в Польше дает польский историк Вл. Бартошевский[293].

В свете усиления командно-административных методов управления и прямого террора по отношению к местному населению со стороны органов советской власти уместно выявить, от кого же были освобождены западные украинцы и западные белорусы или кто угрожал их свободе?

Положение этих народов в буржуазной Польше было действительно нелегким. Они страдали от безземелья, многие вынуждены были эмигрировать. Польские правящие круги считали их гражданами второго сорта, не поощряли развития их языка, литературы, национальных обычаев. Польский историк М. Турлейска справедливо указывала, что «земли Западной Белоруссии и Западной Украины, так называемые кресы Восточные, – это была Польша группы Б – отсталая территория с наименьшим количеством промышленных предприятий и с наибольшим количеством неграмотных, настоящая периферия метрополии, лишенная возможности участвовать в определении своей судьбы»[294].

И тем не менее украинские и белорусские демократические организации при поддержке прогрессивных польских деятелей вели успешную борьбу за сохранение национальной самобытности своих народов, в защиту социальных прав трудящихся, за повышение их жизненного уровня, содействовали развитию различных сельскохозяйственных товариществ, культурных обществ. В то же время западные украинцы и белорусы были хорошо информированы о положении своих братьев в Советской Украине и Советской Белоруссии. Они знали о катастрофическом голоде в 1933 г. и даже старались как-то помочь голодающим, но безуспешно. Советские власти не разрешали принимать продовольственные посылки. В Польше, как и в других странах, были хорошо известны методы проведения коллективизации и индустриализации в СССР, массовый сталинский террор, положение церкви, репрессии против деятелей национальных культур. Сравнивая материальное положение и социальные условия жизни западных украинцев и белорусов с жизнью их единокровных братьев по восточную сторону реки Збруч, вряд ли можно прийти к выводу, что они только по этой причине считали Красную Армию своей освободительницей. Речь может идти прежде всего о том, что население западных районов Украины и Белоруссии знало не только обстановку в Советском Союзе, но и было хорошо информировано о политике фашистов в отношении славянских народов, и особенно поляков. Им была известна напряженная обстановка в западных воеводствах страны, оккупированных гитлеровцами в первые две недели войны. В городе Быдгоще и в других крупных польских городах оккупанты устроили настоящий геноцид по отношению к польскому населению. Украинцы и белорусы не сомневались, что с приходом немецких оккупантов их ждет такая же судьба. Неудивительно поэтому, что массовое бегство населения происходило не от русских к немцам, не с востока на запад, а, наоборот, на восток, навстречу наступавшей Красной Армии – ее рассматривали как меньшее зло в сравнении с грубым и откровенным немецко-фашистским оккупационным террором. В этом смысле и следует понимать освободительный характер советской акции в Польше.

Когда мы отмечаем факт освобождения 11 млн. единокровных братьев – украинцев и белорусов, то невольно возникает вопрос: почему же Сталина как «марксиста-ленинца и пролетарского интернационалиста» не беспокоила судьба 23 млн. поляков, которые с его одобрения и поддержки оказались под жестокой гитлеровской оккупацией? Почему до июня 1941 г. мир ни разу не слышал протеста из Москвы по поводу настоящего геноцида, который устроили фашисты в отношении польского народа? Видимо, потому, что советские власти по указанию Сталина и Берии сами применяли к местному населению жестокие командные

методы, проводили массовое «раскулачивание», депортацию целых слоев населения в Сибирь. Все эти меры мало чем отличались от фашистских в оккупированной части Польши[295].

Преступные и бесчеловечные меры, которые применялись органами и войсками НКВД при содействии местных и центральных органов власти против населения Западной Украины и Западной Белоруссии, встретили вполне понятное сопротивление с его стороны. Многие молодые люди разных национальностей уходили в леса, создавали вооруженные отряды и развертывали вооруженную борьбу против советской власти. Так, еще накануне Великой Отечественной войны в этих районах возникли социально-политические условия для массового народного движения, во главе которого стала Организация украинских националистов (ОУН) под руководством Ст. Бандеры. Братоубийственная война приобрела еще более массовый характер с 1944 г., после освобождения западных областей Украины, и завершилась в 1952 г. поражением ОУН и ее вооруженных сил – Украинской повстанческой армии (УПА).

Жестокая гражданская война на Западной Украине продолжалась долгие годы. Она связала в тугой узел политические, исторические и национальные проблемы, искусственно вызванные в этом регионе Украины.

«Нам понятны исторические причины, по которым справедливые национальные требования народа западных областей Украины приобрели форму крайнего радикализма и терроризма. Это – следствие исторического отчаяния и безнадежности... Вполне понятно, что бандеровская эпопея была жестокой братоубийственной войной на западных землях Украины, где каждая из сторон, какими бы мотивами она ни руководствовалась, проявляла беспощадность. Вот почему народ не хочет ни бандеровщины, ни бериевщины... за бандеровщиной, так же как и за бериевщиной, тянется кровавый след»[296]. Такая оценка ситуации на Западной Украине того времени была дана на XXVIII съезде КПУ в декабре 1990 г.

В свете приведенных фактов неизбежно напрашивается вывод о том, что акция Советского Союза в Польше в рассматриваемое время и последующая судьба народов западных районов Украины и Белоруссии имели неоднозначный характер. Была завершена многовековая борьба народов Западной Украины и Западной Белоруссии за объединение (соборность) со своими братьями соответственно в Надднепрянской Украине и Восточной Белоруссии в единую государственность. Этот акт объективно имеет историческое значение для судеб обоих славянских народов.

Но на какой основе он произошел и какими методами осуществлялся?

В данном конкретном случае он произошел на основе образования «социалистической» государственности. Но ведь если бы этот вопрос решился не «единодушным» голосованием депутатов народных собраний, а всенародным референдумом, то не исключено, что народ предпочел бы иную, демократическую основу построения своей государственности. На практике же «социалистический» строй был навязан народам этих областей извне.

Что же касается применявшихся при этом методов, то они были порождением того сталинского террористического режима, который существовал тогда в Советском Союзе. Насилие и террор скомпрометировали саму идею социалистического выбора.

Важно также обратить внимание и на те международные условия, в которых проходил процесс воссоединения. Эти условия определялись прежде всего империалистическим сговором Сталина и Гитлера с целью раздела Восточной Европы на «сферы интересов», проводившегося насильно, без учета свободного волеизъявления народов этого региона.

Нарушения международного права, на которых базировались советско-германские

договоренности, легли также черным пятном и на исторический процесс воссоединения народов Украины и Белоруссии.

Прав советский специалист по международному праву Р. А. Мюллерсон, который при анализе влияния советско-германских договоренностей на судьбу Польши пришел к следующему выводу: «И хотя на территориях, переходящих к СССР, проживало в основном украинское и белорусское население, договор, ставший результатом применения силы против Польши со стороны не только Германии, но и Советского Союза, является как нарушающий императивную норму международного права недействительным с самого начала»[297].

Полтора года спустя после нападения гитлеровской Германии на Польшу очередной ее жертвой стал Советский Союз. Общая беда сделала народы СССР и Польши союзниками. Солдаты наших стран плечом к плечу сражались против общего врага. Но некоторые моменты прошлого, по выражению польского писателя В. Журховского, сидели в памяти, как осколок. Мы «прикрыли» его завесой молчания, вместо того чтобы «прооперировать» и «удалить».

С тех пор прошло уже более полувека. Но проблема политического характера советской акции в Польше в сентябре 1939 г., ее место в советско-польских отношениях и влияние на современные процессы, происходящие в западных районах Украины и Белоруссии, не потеряли своей актуальности и в настоящее время. Действительно, история еще крепко держит современность в своих железных объятиях.

Глава IV. Преступление в Катыни

1. Дорога в небытие

13 апреля 1943 г. берлинское радио передало сообщение о том, что в районе Катыни (12 км западнее Смоленска) германские власти обнаружили захоронения 3 тыс. военнопленных польских офицеров, расстрелянных органами НКВД в 1940 г. Геббельс считал это сообщение сенсацией высшей категории важности, которая способна будет серьезно подорвать доверие к СССР со стороны его союзников по антигитлеровской коалиции.

Однако ожидания гитлеровской верхушки сбылись лишь частично. Отношения между СССР и польским эмигрантским правительством действительно были разорваны. Но ведущие страны антигитлеровской коалиции, будучи уверены, что это преступление совершил сталинский режим, все же не пошли на риск подорвать единство союзников в борьбе против общего врага.

Катынский вопрос снова всплыл после войны, когда антигитлеровская коалиция прекратила существование и начался новый период в послевоенных международных отношениях – «холодная война». А советско-польские отношения этот вопрос отравлял вплоть до 1990 г.

Что же произошло в ставшем ныне печально знаменитом катынском лесу? Чтобы понять и должным образом оценить преступление в Катыни, необходимо напомнить некоторые предшествовавшие ему события.

В ходе советской акции в Польше войска Красной Армии взяли в плен, по данным польского эмигрантского правительства, более 230 тыс. солдат и офицеров польской армии, среди них,

как утверждает польский публицист и историк Ю. Мацкевич, было 10 генералов, 52 полковника, 72 подполковника, 5 131 другой офицер, 40 966 унтер-офицеров, не считая чинов полиции.

В рамках НКВД 19 сентября 1939 г. было учреждено совершенно секретное Управление по делам военнопленных и интернированных во главе с П. К. Сопруненко. Его заместителем стал И. Хохлов, комиссаром – С. В. Нехорошев. Курировал Управление зам. наркома внутренних дел комбриг В. В. Чернышев, подчинявшийся непосредственно Берии.

После прекращения боевых действий советские военные власти освободили только 42,4 тыс. военнопленных – уроженцев западных районов Украины и Белоруссии. Других военнопленных как «преступников» военные власти направили в находившиеся в ведении НКВД 138 «приемных» пунктов и спецлагерей. 42 492 человека были переданы немцам в октябре – ноябре 1939 г., и 562 человека переданы по запросам германского посольства в 1940–1941 гг. Некоторые из них, особенно евреи, категорически отказывались выезжать на оккупированную немцами родину. Что же касается германских властей, то с октября 1939 г. по весну 1941 г. они передали Советскому Союзу 13 757 бывших польских граждан[298].

9 457 офицеров, включая интернированных в Литве и Латвии, преимущественно сыновей состоятельных поляков и представителей интеллигенции, как наиболее «опасный» для Сталина социальный элемент, были сконцентрированы в основном в трех лагерях, находившихся в Осташкове, Старобельске и Козельске[299]. В этих трех спецлагерях, как свидетельствуют данные архива НКВД, обнаруженные Н. С. Лебедевой, были оформлены через 1-й спецотдел НКВД 8 348 офицеров, в том числе 12 генералов (из них 2 кадровых), 567 майоров (356 кадровых), 1 534 капитана (936 кадровых), 1 830 поручиков (480 кадровых), 4 182 других офицера (345 кадровых), 18 капелланов[300]. О трагической судьбе именно этой части большой группы польских офицеров и пойдет речь ниже. Оставшиеся с учетом привезенных из Литвы и Латвии в 1941 г. были сосредоточены в Грязовецком лагере в Вологодской области и оттуда переданы формирующейся осенью 1941 г. польской армии.

До весны 1940 г. родные и близкие польских офицеров по почте еще получали от них письма. Позже переписка прекратилась. Вольнонаемные советские люди, обслуживавшие эти лагеря, вопреки строгим правилам лагерной администрации, делали все возможное, чтобы помочь полякам установить связь со своими семьями, приносили им продукты питания, ободряли как могли[301].

Судьба польских военнопленных уже тогда тревожила их родных и близких, привлекала внимание эмигрантского польского правительства и Международного Красного Креста (МКК), штаб-квартира которого находилась в Швейцарии. 14 марта 1940 г. МКК направил немецкому верховному командованию письмо с просьбой подтвердить или опровергнуть сообщение Итальянского Красного Креста о том, что лагерь в Козельске закрыт, а находившиеся в нем польские военнопленные якобы освобождены. Далее было указано, что какие-либо сообщения из Советского Союза отсутствуют.

21 марта 1940 г. германское верховное командование передало это письмо в ведомство Риббентропа. Одновременно сюда же была направлена телеграмма от Международного Красного Креста. В ней говорилось, что, по некоторым данным, польские военнопленные из лагерей Старобельска, Козельска, Осташкова, Шепетовки и других мест отправлены в Германию. 6 апреля 1940 г. министерство иностранных дел Германии ответило, что лагеря в указанных городах по-прежнему существуют[302]. Но тогда же Главному правлению Польского Красного Креста (ПКК) германские оккупационные власти отдали распоряжение подготовиться к созданию на территории генерал-губернаторства лагерей для большого контингента военнопленных, которые по согласованию с СССР якобы должны вернуться на родину. Вскоре лагеря были готовы, но последовало новое распоряжение немцев: лагеря законсервировать, так как польские офицеры остаются в Советском Союзе[303].

Судьба польских военнопленных в СССР на протяжении года оставалась неясной. Таковой же она оставалась и в течение первого года гитлеровской оккупации Смоленска и окрестных районов. Эта территория была занята 16 июля 1941 г. войсками 9-й полевой армии и 2-й танковой группы, входивших в группу армий «Центр», которой тогда командовал фельдмаршал Ф. фон Бок. В здании дома отдыха НКВД в Катynie разместился 537-й полк связи, которым до сентября 1941 г. командовал подполковник Беденк[304].

С июня 1941 г. в связи с гитлеровской агрессией против Советского Союза в корне изменилась и международная обстановка. В июле Советский Союз признал польское эмигрантское правительство в Лондоне во главе с генералом В. Сикорским. Было заключено соответствующее соглашение о боевом союзе двух стран. На советской территории создавалась польская армия, которая нуждалась в амнистировании польских граждан, военнопленных солдат и офицеров, находившихся, как считал генерал Сикорский, в названных выше лагерях.

Польское эмигрантское правительство осенью 1941 г. стремилось выяснить судьбу польских военнопленных у советского посла при Союзных правительствах в Лондоне А. Е. Богомолова. Однако посол неизменно отвечал, что все они были в свое время освобождены. Тогда же генерал Сикорский поручил своему послу в Москве Ст. Коту поставить этот же вопрос перед Сталиным. Но во время встречи 14 ноября 1941 г. был получен весьма неопределенный ответ[305].

Вопрос о формировании в СССР польской армии под командованием генерала Ст. Андерса и укомплектовании ее офицерскими кадрами стал центральным во время переговоров В. Сикорского с И. В. Сталиным в Москве в декабре 1941 г. Как свидетельствуют участники этих переговоров Ст. Кот и генерал Ст. Андерс, в ответ на их запрос Сталин и Берия категорически отрицали наличие польских офицеров в советских лагерях, заявив, что все они были освобождены и самостоятельно рассеялись неизвестно куда. Возможно, даже в Маньчжурию, с издевкой сказал Сталин[306].

Подобные высказывания советских руководителей давали повод полагать: распространявшиеся в польских эмигрантских кругах слухи о том, что все лагеря весной 1940 г. были ликвидированы, а военнопленные офицеры отправлены в Катynie близ Смоленска и там исчезли, не лишены основания. Но какая-то надежда на то, что они переселены в другие лагеря и остались живы, все еще теплилась. Посол Кот и командование польской армии продолжали представлять советскому правительству все новые и новые списки офицеров, которые, по их данным, находятся в СССР. Было также передано 30 других запросов и нот. В них указывалось не только точное число военнопленных офицеров, но и места их нахождения, в том числе в Якутии, на островах Франца Иосифа и Новой Земли[307]. Однако все попытки вернуть военнопленных поляков не увенчались успехом.

С весны 1942 г. отношения между СССР и польским эмигрантским правительством стали обостряться. До конца 1942 г. армия генерала Андерса распоряжением генерала Сикорского была эвакуирована в Иран. Но проблема военнопленных польских офицеров в связи с этим не перестала быть актуальной, ибо формировавшаяся весной 1943 г. новая польская армия остро нуждалась в офицерских кадрах. Кроме того, судьба военнопленных по-прежнему сохраняла и морально-психологическое значение для польского народа.

Что же произошло с тысячами военнопленных польских офицеров?

В начале 1943 г. стало известно, что еще весной 1942 г. польские рабочие, занятые в германской организации Тодта на строительстве дорог в районе Смоленска, узнали от местного населения о наличии в Катynie захоронений польских офицеров[308]. Одну из могил они сами раскопали, убедились в правдивости сообщенных им сведений, затем засыпали, поставив на ней два деревянных креста[309]. В феврале 1943 г. сведения об этих могилах

дошли до начальника команды №570 германской полевой полиции Л. Фосса, а затем и до командира 537-го полка связи. Через несколько дней за обнаружение этих могил Л. Фосс по ходатайству Геббельса был награжден орденом.

Ведомства Риббентропа и Геббельса, естественно, не преминули воспользоваться этими данными для развертывания широкой пропагандистской кампании. Оккупационные власти, произведя эксгумацию трупов и их идентификацию, как справедливо отмечает польский исследователь проф. Ч. Мадайчик, руководствовались отнюдь не гуманитарными, а сугубо пропагандистскими соображениями[310]: внести разлад между руководством СССР и польским эмигрантским правительством, а также посеять недоверие к Советскому Союзу со стороны его союзников и в конечном счете нанести удар по всей антигитлеровской коалиции.

Раскопки начались 29 марта 1943 г. Одновременно, как доносил Фосс, был допрошен ряд местных жителей, которые показали, что в Катынском лесу находился дом отдыха работников НКВД еще со времени гражданской войны, что и тогда в лесу совершались убийства советских людей, а в течение апреля – мая 1940 г. железнодорожными эшелонами сюда доставлялись польские офицеры, которых здесь же уничтожали[311].

Одновременно фашистские оккупанты развернули широкую антисоветскую пропаганду среди населения Польши. Поляки вначале воспринимали эти сведения с известным недоверием, в связи с чем германский генерал-губернатор Польши Г. Франк решил использовать «тяжелую пропагандистскую артиллерию». Он потребовал, чтобы Польский Красный Крест для участия в расследовании послал в Катынь своих представителей.

На пресс-конференции в Берлине представитель германских властей официально известил о начале раскопок в Катыни, где захоронено, по его данным, 12 тыс. польских офицеров. 13 апреля 1943 г. начальник политико-культурного отдела МИД Ф. А. Сикс в специальном рапорте доложил своему шефу Риббентропу, что, по его данным, взятые русскими в плен 12 тыс. польских офицеров исчезли в России бесследно и что официальные польские круги поддерживали с ними связь лишь до апреля 1940 г. По сведениям, полученным от населения Катыни и окрестных деревень, все они были расстреляны органами ГПУ. В настоящее время проводятся раскопки могил. Ознакомившись с этими материалами, фюрер приказал средствам массовой информации познакомить с ними весь мир[312].

Тогда же руководитель отдела нацистской партии по работе среди немцев за рубежом Э. В. Болле обратился к Гиммлеру, а тот в свою очередь запросил мнение Риббентропа о том, чтобы через посредство Испании пригласить на раскопки в Катынь генерала Сикорского как частное лицо. На это Риббентроп ответил, что с пропагандистской точки зрения реализация этой идеи была бы полезна, но с политической сама мысль о возможности какого-либо контакта с премьером польского эмигрантского правительства была для Германии неприемлема[313].

В поездке в Катынь, предпринятой 10 апреля 1943 г., группу представителей ПКК сопровождали немецкие и польские врачи и журналисты из Варшавы и Кракова, а также журналисты из Швеции, Швейцарии и Испании. По указанию верховного командования сухопутных войск (ОКХ) эксгумацией трупов было поручено руководить известному в Германии профессору университета во Вроцлаве Г. Бутцу.

Польские власти в Лондоне узнали о вылете созданной немцами делегации в Катынь 14 апреля, а официальное сообщение об этом получили от командующего Армией Крайовой (АК) в Польше генерала С. П. Грот-Ровецкого три дня спустя[314].

Официальными документами по катынскому делу, подготовленными в последующем разными ведомствами и опубликованными в течение второй половины 1943 г. и первой половины 1944 г., были следующие.

1. Протокол международной группы экспертов в области судебной медицины и криминалистики, работавшей под руководством шефа службы здравоохранения Германии доктора Л. Конти. Только один из них – Франсуа Навиль – представлял нейтральную Швейцарию, остальные были из 12 зависимых от Германии стран. Документ был опубликован в Берлине в мае 1943 г.

2. Официальный материал о преступлении в Катыни, подготовленный в виде брошюры немецким информационным бюро по поручению Риббентропа и изданный осенью 1943 г. В нем содержится богатый фактический материал и немецкая версия обоснована довольно убедительно.

Вся собранная тогда документация о Катыни вскоре была вывезена в Краков, где находился Институт судебной медицины, а к концу войны ящики с этими материалами оказались в Дрездене. В связи с приближением советских войск эти ящики со всеми документами были сожжены[315].

3. Опубликовано 24 января 1944 г. в Москве сообщение специальной комиссии, созданной советским правительством и состоявшей исключительно из советских граждан, большинство из которых не являлись специалистами – юристами или врачами. Документ не доказывал виновности в катынском злодеянии германских оккупационных властей.

До недавнего времени широкой мировой общественности не был известен еще один ценный исторический источник, содержащий достоверные сведения о работе в Катыни группы представителей Польского Красного Креста, привлеченный немцами к обследованию захоронений. Это секретный отчет генерального секретаря ПКК Казимежа Скаржинского от июня 1943 г. Немцы с ним не были ознакомлены. Документ был обнаружен в 1988 г. в архиве британского министерства иностранных дел известным польским историком профессором Вл. Ковальским и опубликован в органе Патриотического движения по возрождению народа – газете «Возрождение» 18 февраля 1989 г.[316]

В отчете в первую очередь подчеркивается, что германские оккупационные власти настойчиво стремились вовлечь Польский Красный Крест в свою пропагандистскую игру по поводу Катыни. Понимая это намерение, руководители ПКК заявили, что они пошлют в Катынь только техническую группу, которая не будет выходить за рамки гуманитарной деятельности, т. е. примет участие лишь в эксгумации трупов, опознании их и в достоверных случаях будет сообщать об этом родственникам. Группа категорически отвергла предложение немцев публично определить время совершения преступления, понимая, что это было бы равнозначно указанию его реального виновника[317].

Поставив перед собой такую ограниченную задачу, группа ПКК вместе со священником, прибывшим для благословения останков, криминалистом из Кракова в сопровождении трех офицеров немецкой уголовной полиции из Берлина 16 апреля 1943 г. прибыла в Катынь и приступила к работе. Постоянно входя в столкновение с офицером роты пропаганды лейтенантом Г. Словенциком, пытавшимся вовлечь участников группы в различные пропагандистские акции, польские представители работали в Катыни до середины июня 1943 г., когда наступило жаркое время года и эксгумация стала невозможна.

Из документов, найденных в могилах, группа особо отметила дневник майора А. Сольского. В записи от 9 июня 1940 г. содержатся следующие сведения: «Группа польских офицеров из Козельска прибыла в Смоленск в 3.30 утра. За несколько минут до 5 часов был объявлен подъем, нас посадили в автомобили как для преступников, с нами сидела охрана. Мы приехали к лесочку, который выглядел как дачное место. Здесь у нас отобрали обручальные кольца, часы, на которых стояло 6.30 утра, и перочинные ножи. Что с нами будет?..»[318] На этом дневник обрывается.

По возвращении в Варшаву техническая группа ПКК отвергла требование германских властей сделать политические выводы из своей работы в Катыни. Она лишь проинформировала немцев об организационной стороне поездки. Но для Главного правления ПКК в секретном порядке техническая группа доложила следующие выводы:

1. Трудность в работе состояла в том, что останки в могилах находились в состоянии разложения.
2. Причиной смерти каждого офицера был выстрел в нижнее заднее основание черепа.
3. Найденные документы свидетельствуют о том, что убийство происходило в период с конца марта по июнь 1940 г.
4. Работа группы проходила под постоянным наблюдением немецких властей.
5. К работе привлекалось ежедневно по 20–30 человек местного населения, а также команды советских военнопленных.

В отчете ПКК также отмечалось, что германское командование организовало массовое посещение Катыни солдат с фронта, который в то время проходил в 40 км[319].

В первые дни после сообщения германского радио об обнаружении могил в Катыни советская пропаганда утверждала, что это, мол, археологические находки. Затем тон и «доказательства» изменились – сообщалось, что это жертвы фашистских оккупантов. Расчет, видимо, строился на том, что руки захватчиков и так обгажены кровью десятков тысяч, а к весне 1943 г. – уже сотен тысяч поляков. Поэтому их новое злодеяние будет воспринято как вполне возможное.

Через несколько дней ТАСС было заявлено, что польские военнопленные были сосредоточены в специальном лагере в районе Смоленска и использовались на дорожном строительстве. С началом германского наступления из-за невозможности эвакуации пленные были отпущены. Если их нашли убитыми, то это означает, что их убили гитлеровцы, которые с целью замести следы приписывают это преступление советским властям.

16 апреля 1943 г. президент Красного Креста Германии принц Кобургский официально обратился в Международный Красный Крест с предложением принять участие в расследовании преступления в Катыни[320].

Активизировались правые силы среди польской эмиграции в Лондоне, включая и членов правительства генерала В. Сикорского. Под их давлением премьер-министр публично предложил Международному Красному Кресту заняться обследованием захоронений в Катыни. Подстрекательскую статью в это время опубликовал польский министр обороны генерал М. Кукель. С резкими нападками на правительство Сикорского за его пассивность выступила польская оппозиция. Она грозила бунтом в польских войсках и развалом всей польской эмиграции[321].

После обнародования сведений о катынском преступлении польские подпольные органы власти в оккупированной стране, подчинявшиеся эмигрантскому правительству, отреагировали на них двумя декларациями. 30 апреля 1943 г. глава правительственного представительства (делегатуры) Я. Янковский опубликовал заявление, в котором преступление советских властей в Катыни считал доказанным. Вместе с тем он призвал разоблачать и германский террор на польской земле и не допускать, чтобы Катынь использовалась в интересах оккупантов. 9 мая 1943 г. было опубликовано заявление, в котором отвергалось советское обвинение в сговоре польских властей с оккупантами по катынскому вопросу. Для советского правительства, утверждалось далее в заявлении, это был лишь повод для разрыва отношений с Польшей[322].

Катынский вопрос вызвал озабоченность и в Лондоне. В дни боев под Сталинградом один из депутатов британской палаты общин спросил министра иностранных дел А. Идена о позиции правительства по катынскому делу. Удивленный этим вопросом, Иден ответил, что его постановка в британском парламенте является оскорблением правительства Его Величества[323]. Выступая с информацией о Катыни на заседании военного кабинета, Иден заявил, что среди поляков усиливается беспокойство. Но их необходимо убедить в невозможности трактовать катынское дело в духе немецкой пропаганды, что, конечно, не должно означать, что она утверждает неправду. Военный кабинет согласился с тем, что преступление в Катыни не должно отвлекать внимание поляков от того факта, что именно русские дали возможность находившимся в СССР польским солдатам и их семьям выехать на Средний Восток[324].

Черчилль и Иден решительно возражали против обращения Сикорского в Международный Красный Крест, так как этот шаг, по их утверждению, нанесет ущерб единству антигитлеровской коалиции. Одновременно Сталин известил Черчилля, что «правительство г. Сикорского не только не дало отпора подлой фашистской клевете на СССР, но даже не сочло нужным обратиться к Советскому Правительству с какими-либо вопросами или за разъяснениями по этому поводу». Далее Сталин, обвинив Сикорского в сговоре с немцами, сообщил о решении советского правительства прервать отношения с эмигрантским правительством Польши[325].

Под давлением Черчилля генерал Сикорский не настаивал на вмешательстве Международного Красного Креста и фактически отозвал свою просьбу. В последующих своих посланиях Сталину Черчилль назвал решение Сикорского «ошибочным» и настоятельно предлагал Сталину восстановить отношения с Польшей, установленные 30 июля 1941 г. Он обещал «навести порядок» в польской прессе в Англии и оградить ее от полемики по катынскому вопросу во имя единства стран антигитлеровской коалиции. Но в ответной ноте Сталин, обвинив британское правительство в отсутствии противодействия готовящейся антисоветской кампании, заявил, что не верит в возможность «навести дисциплину в польской прессе», и подтвердил свое решение о разрыве отношений с правительством Сикорского. Официально об этом Молотов заявил польскому послу в Москве М. Роммеру 26 апреля 1943 г., и 5 мая посол покинул Советский Союз[326]. Через несколько дней советское правительство разрешило сформировать в СССР новую польскую дивизию под командованием подполковника З. Берлинга.

Администрация президента Фр. Рузвельта также не желала раздувать катынский вопрос, но, учитывая численность и политический вес в США американцев польского происхождения, все же вынуждена была отреагировать на него в осторожной форме. Страсти в Вашингтоне подогревали польское посольство. Американская печать тем не менее считала, что отказ Сикорского от услуг МКК должен был исчерпать проблему.

Гейббельс в дневнике в те дни с удовлетворением отмечал нараставшие разногласия между Черчиллем и польским правительством. Он записал, что ангlosаксы называют поляков в Англии своими врагами. В меморандуме, подготовленном Типпельскирхом 29 апреля 1943 г. для Риббентропа, отмечалось важное значение разрыва советско-польских отношений для ослабления единства коалиции противников Германии. Автор с удовлетворением подчеркивал, что этот разрыв вызван не только Катынью, но и претензиями эмигрантского правительства Польши на земли западных районов Украины и Белоруссии, отошедшие к СССР. А советское правительство использовало этот случай, чтобы «создать новое правительство Польши по образцу финляндского правительства Куусинена»[327].

Чтобы внести разброд в польское общественное мнение, германские власти предприняли еще один шаг. Они пригласили группу польских военнопленных, находившихся в лагере Вольденберг (около города Щецин), посетить Катынь. В этой группе находился и известный польский военный теоретик подполковник Ст. Моссор. После войны он рассказал, как немцы

стремились использовать эту группу для выступлений по радио и в печати, но получили категорический отказ. Риббентроп распорядился, чтобы германские посольства в Швейцарии и Румынии нашли по четыре поляка-эмигранта, которые согласились бы поехать в Катынь и принять участие в соответствующей пропагандистской кампании. Но эта попытка также не увенчалась успехом[328].

Однако немцам в середине мая 1943 г. все же удалось сформировать группу из недавно оказавшихся в плену английских и американских офицеров и направить ее в Катынь. В группе находился американский полковник Джон Г. ван Флит, который после освобождения в мае 1945 г. представил своему командованию рапорт о виденном в Катыни. Другой союзный военнопленный – английский военный врач капитан Стэнли С. Б. Джильдер как-то спросил руководителя польской группы специалистов доктора М. Водзинского, что тот думает о катынском деле. Водзинский ответил, что при всем желании найти какие-либо факты для обвинения немцев он их не нашел и поэтому считает, что злодеяние в Катыни совершили советские власти. На вопрос об отношении польского населения к катынской трагедии Водзинский выразил убеждение в том, что после немецких преступлений в Освенциме и в других концлагерях Катынь не вызвала в польском обществе какой-то особой реакции. Это означает, что не следует ожидать готовности поляков к военному сотрудничеству с немцами[329].

Тема Катыни обсуждалась также среди солдат и офицеров в армии генерала Андерса, находившейся тогда на Среднем Востоке. Некоторые из них рассказывали о своих прежних встречах с высшими чинами Красной Армии и НКВД. Так, в мае 1943 г. полковник Е. Горчинский поделился воспоминаниями о встречах в конце 1941 г. с Берией и его заместителем Меркуловым, на которых обсуждались вопросы формирования польской армии в СССР. Берия сообщил Горчинскому, что все пленные польские офицеры были «переданы немцам», и весьма сожалел об этом. Однако, по словам Горчинского, несколько по-иному интерпретировал беседу в НКВД подполковник З. Берлинг. В своих мемуарах, опубликованных после войны, он рассказывал, что на его вопрос о судьбе польских офицеров в Козельске и Старобельске Меркулов ответил: «Не рассчитывайте на них. Их уже нет на территории Советского Союза. В отношении них мы допустили большую ошибку»[330].

В последующие месяцы пропагандистская кампания гитлеровцев в связи с Катынью еще больше активизировалась. Генерал-губернатор Франк стремился вовлечь в нее не только интеллигенцию, но и польский рабочий класс. С этой целью в середине мая 1943 г. была организована группа рабочих, посетившая Катынь. Ее сопровождали виленский публицист Ю. Мацкевич, после войны издавший монографию «Катынь», и несколько репортеров из стран-сателлитов Германии. Практиковались также «экскурсии» в Катынь групп, составленных из жителей Смоленска и окрестных деревень. Здесь также побывали группы офицеров армий стран, сражавшихся против Советского Союза.

Рассчитывая на негативное отношение польского населения к Советскому Союзу после Катыни, Гиммлер в июне 1943 г. рекомендовал Гитлеру сформировать в составе вермахта польские воинские части для действий на Восточном фронте по образцу дивизии СС «Галичина». Однако Гитлер категорически отверг эту идею, заявив, что создание дивизии из жителей Галиции, «на протяжении 150 лет входившей в состав Австрии, – это совершенно другое дело»[331]. Франк в июне 1943 г. также обратился к Гитлеру с предложением использовать польскую подпольную организацию «Меч и плуг» для вооруженной борьбы против Советского Союза. Вместе с тем он признавал, что «пропаганда вокруг Катыни не находит серьезного отклика среди поляков», и предложил активизировать пропагандистскую кампанию по этому делу[332].

Версии катынского дела, распространявшейся ведомством Геббельса, не доверяли и некоторые представители антигитлеровской оппозиции из буржуазных кругов в самой Германии. Так, один из видных ее деятелей посол У. фон Хассель в дневнике от 20 апреля и

15 мая 1943 г. записал, что Катынь была акцией банды палачей СС, которая, обвиняя русских, пыталась поднять вокруг нее общественное мнение и тем самым отвлечь внимание всего мира от массового террора в Польше[333]. Фон Хассель слишком хорошо знал эту «банду палачей», чтобы не сомневаться, на что она способна. Но он не знал способностей палачей и в других странах.

В фашистской печати проводилась основная мысль о том, что Катынь не только означает ключевую проблему в советско-польском конфликте, но и наглядно демонстрирует, что ожидает Европу, если «большевизм победит». Поэтому Европа не должна забывать Катынь. Одновременно сообщалось, что германскими властями были обнаружены подобные захоронения жертв НКВД в Одессе, Виннице и в ряде других городов[334].

Осенью 1943 г. в Берлине в виде брошюры были изданы большим тиражом официальные результаты расследования преступления в Катыни, причем с целью поощрения ее распространения половину средств, вырученных от продажи, было обещано передать Польскому Красному Кресту. Во всех странах-сателлитах и оккупированных странах, особенно в Польше, систематически публиковались статьи, интервью с медиками, принимавшими участие в эксгумации трупов в Катыни, репортажи журналистов. Однако некоторые из них ограничивались лишь констатацией факта расстрела польских военнопленных без выводов о времени и, стало быть, о виновниках этого преступления. В ноябре 1943 г. немцы выпустили документальный фильм о Катыни.

На этом общем фоне советско-польские отношения продолжали ухудшаться. Они еще более обострились, когда на посту премьер-министра генерала Сикорского, трагически погибшего в июле 1943 г., сменил Ст. Миколайчик.

Новая вспышка интереса к Катыни произошла после освобождения 25 сентября 1943 г. Смоленска войсками 5-й советской армии. В советской пропаганде однозначно назывались виновники преступления – немецко-фашистские оккупанты. Поэтому советское командование у входа в лес установило щит с надписью: «Здесь, в Катынском лесу, осенью 1941 года расстреляны гитлеровскими извергами 11 000 военнопленных польских солдат и офицеров. Воин Красной Армии, отомсти!»[335].

Советское правительство, уверенно объявившее, что преступление в Катыни является делом рук немцев, для подтверждения своей версии все же сочло необходимым провести официальное «расследование». С этой целью в Москве было объявлено об образовании «Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров» во главе с видным хирургом академиком Н. Н. Бурденко. В состав комиссии входили: А. Толстой, митрополит Николай, генерал А. С. Гундоров, В. П. Потемкин, генерал К. И. Смирнов, Р. Е. Мельников и С. А. Колесников.

Комиссия находилась в Катыни с 16 по 23 января 1944 г. В связи с этим фактом возникают по крайней мере три вопроса, требующих выяснения. Во-первых, почему комиссия приступила к работе лишь в середине января 1943 г., т. е. три с половиной месяца спустя после освобождения района Смоленска? Ведь в октябре – ноябре в условиях сравнительно теплой погоды можно было основательнее произвести эксгумацию трупов, чем в морозный январь, когда раскапывать могилы было практически невозможно, и тем не менее было эксгумировано 925 трупов. Во-вторых, есть подозрение, что отчет комиссии был подготовлен заранее, ибо как можно было 23 января завершить работу комиссии, а на следующий день уже опубликовать итоги ее работы? Это подозрение усиливается еще и тем, что членам комиссии был известен текст немецкого отчета, полученного ими от Н. Шверника[336]. И, в-третьих, почему комиссия публиковала сокращенный, а не полный вариант отчета?

В официальном сообщении от 24 января 1944 г. Комиссия категорически заявила, что

польские офицеры в Катыни стали жертвами террора, совершенного немецко-фашистскими захватчиками. Она обосновывала свой вывод следующими аргументами: польские военнопленные офицеры находились в лагерях в районе западнее Смоленска до сентября 1941 г.; осенью 1941 г. они были расстреляны 537-м рабочим батальоном, которым командовал полковник Ф. Арнес (в действительности же его фамилия Аренс и, как было установлено на Нюрнбергском процессе, в то время он не был командиром батальона и не был в Катыни); в 1943 г. немецкая пропаганда обвинила в этом преступлении советские власти, чтобы поссорить польский и советский народы; немцы использовали подставных свидетелей; трупы расстрелянных в другом месте польских военнопленных привезли в Катынь; методы расстрела были характерны для фашистов во время массовых экзекуций в тех местностях; расстрел польских офицеров явился частью геноцида гитлеровцев против славянских народов[337]. В изданной вскоре Союзом польских патриотов в СССР брошюре «Правда о Катыни» выражалось согласие с этими выводами Комиссии.

Методы, применявшиеся Комиссией при расследовании, специалисты из западных стран оценивают не как профессиональные, а как идеологизированные, призванные лишь подтвердить заранее принятую версию. Подчеркивается, например, что в выводах Комиссии не говорится о судьбе тех захоронений, которые были открыты еще немцами. Не упоминается и о братских могилах, в которых польская техническая комиссия еще весной 1943 г. похоронила 4 тыс. эксгумированных останков. Комиссия не указала, какова же судьба останков генералов Б. Богатыревича и М. Сморовиньского. Как отмечал один из канадских корреспондентов, посетивших в январе 1944 г. Катынь, отдельные могилы, перезахороненные польской технической комиссией весной 1943 г., были разрушены советскими властями[338].

По поводу деятельности Комиссии Н. Н. Бурденко советский сопредседатель советско-польской комиссии ученых акад. Г. Л. Смирнов в апреле 1990 г. заявил, что длительное время в распоряжении советских историков кроме выводов комиссии Бурденко никаких других документов не имелось. Лишь в мае 1988 г. от польской стороны была получена экспертиза акта Комиссии Бурденко: «Когда мы ознакомились с ее выводами, у нас появились сомнения в том, что суждения комиссии Бурденко безупречны во всех отношениях. И все-таки это не давало нам оснований коренным образом изменить свою точку зрения»[339].

Комиссия Бурденко действительно обнаружила у некоторых трупов документы, датированные летом 1941 г. Очевидцы объясняют этот факт тем, что гитлеровцы, вступив в Катынь, расстреляли находившиеся там группы польских военнопленных и их советских охранников[340]. Не исключено также, что эти документы были подложены теми, кто раскопал могилы до прибытия Комиссии.

В связи с созданием Комиссии Бурденко недоумение советских людей, польских граждан и общественности других стран антигитлеровской коалиции вызвал и тот факт, что состав ее членов был односторонним. В него не были включены ни представители демократической польской эмиграции, проживавшей в странах антигитлеровской коалиции, ни дипломаты и журналисты стран, с которыми СССР поддерживал нормальные отношения, не говоря уже о Международном Красном Кресте. Правда, 15 января 1944 г. с разрешения советского правительства в Катыни побывала делегация офицеров из новой польской армии в СССР и группа аккредитованных в Москве журналистов из союзных стран во главе с Катлин Гарриман – дочерью американского посла. Польскую газету «Вольна Польша» представлял Е. Борейша. Группа прибыла на место уже после вскрытия советскими властями захоронений. Поэтому, как после войны писал английский журналист А. Верт, корреспонденты были «поставлены в крайне затруднительное положение – они могли рассказать только о том, что им показали. Кроме того, ввиду военного времени нельзя было критиковать советскую версию – важно было не сыграть на руку немцам»[341]. Видимо, эти соображения учитывала и К. Гарриман, когда в Москве, а позже и в Вашингтоне заявляла, что ответственность за

преступление в Катыни несут немецкие власти.

В середине февраля 1944 г. в «Правде» была опубликована большая редакционная статья, направленная на то, чтобы разоблачить «враждебные действия эмигрантского польского правительства, прикрываемые фальшивыми словами о дружбе». В статье подробно освещались различные формы «сотрудничества польских «деятели» с немецкими оккупантами», но ни слова не говорилось о преступлении в Катыни[342].

Последний раз в годы войны к вопросу о Катыни в сентябре 1944 г. обратился Молотов, но уже в связи с Варшавским восстанием. Он заявил тогда, что это восстание является повторением того, что имело место в апреле 1943 г., когда польское эмигрантское правительство выступило с клеветническим обвинением в адрес Советского Союза. С осени 1944 г. и до конца войны в освобожденных Красной Армией странах советские власти подвергли репрессиям тех врачей, которые вместе с немцами участвовали в расследовании катынского дела. Так, в Болгарии после победы революции состоялся судебный процесс над проф. М. Марковым, который входил в созданную немцами международную комиссию врачей по расследованию преступления в Катыни и подписал соответствующий акт, подтверждавший версию немцев. Он был осужден за соучастие в этой «провокации», но после его покаянного заявления, что это, мол, было сделано под немецким давлением, и отказа от своей подписи он был освобожден.

Примерно то же произошло и с профессором судебной медицины Карпова университета в Праге Фр. Гаеком, который также был в составе 12 профессоров-экспертов, совершивших по предложению немцев поездку в Катынь. После освобождения Гаек написал книгу «Катынские доказательства», в которой вынужден был изменить свои первоначальные выводы и заявить, что трупы польских офицеров довольно хорошо сохранились и стало быть они не могли лежать в земле более года. По его мнению, казни происходили где-то в конце 1941—начале 1942 г., т. е. тогда, когда Катынь находилась под немецкой оккупацией[343].

Новую страницу в катынском расследовании составляет Нюрнбергский процесс над главными нацистскими военными преступниками. На заседании военного трибунала летом 1946 г. советское обвинение пыталось доказать виновность гитлеровских властей в катынском преступлении. В проекте обвинительного акта подсудимым вменялось в вину убийство в Катыни до 11 тыс. польских офицеров. Обвинение, предъявленное заместителем главного обвинителя от СССР Ю. В. Покровским, основывалось на материалах Комиссии Н. Н. Бурденко, которые по принятому трибуналом решению не нуждались, в дополнительном обосновании. Однако защита умело парировала это обвинение, и в конечном счете в приговор оно включено не было.

Но главную роль в победе защиты обвиняемых сыграли не ее доводы, которые сами по себе были весьма убедительными, а предварительная договоренность между союзными обвинителями о том, чтобы снимать с обсуждения все то, что могло бы бросить тень на победителей, и не превращать обвинителей в обвиняемых и тем самым косвенно оправдывать террористическую политику гитлеровской верхушки.

В принципиальном плане такое решение было принято еще 9 ноября 1945 г. на заседании Комитета обвинителей, т. е. до начала процесса. Советское руководство энергично поддержало это решение. Для контроля за деятельностью советской делегации в Нюрнберге по распоряжению Сталина была создана правительственная комиссия во главе с Вышинским, выполнявшим все указания Молотова. По решению комиссии в конце ноября 1945 г. был составлен первый перечень вопросов, обсуждение которых на суде не допускалось. В этом перечне был и вопрос о советско-польских отношениях с уточнением, что речь идет о Западной Украине и Западной Белоруссии[344]. Как видно, вопрос о Катыни здесь пока не упоминался. Аналогичные перечни вопросов были представлены также обвинителями от США, Англии и Франции.

Однако на более поздней стадии работы процесса 11 марта 1946 г. советский главный обвинитель Р. А. Руденко, отвечая на письмо американского главного обвинителя Р. Джексона, известил его о пожелании не допускать обсуждения на процессе всего комплекса проблем, касающихся советско-польских отношений[345]. Видимо, подразумевалось и обсуждение катынского вопроса, хотя конкретно о нем и здесь ничего не говорилось.

Одновременно советская сторона тщательно готовилась и к нежелательному для нее варианту, если бы по требованию защиты вопрос о Катыни все же всплыл. В предвидении подобного развития событий правительственная комиссия Вышинского на заседании 21 марта 1946 г. выработала следующую тактику: предложить Абакумову подготовить болгарских свидетелей для выступления на процессе, для чего командировать в Болгарию советского представителя; обязать В. Н. Меркулова подготовить три–пять советских свидетелей и двух медицинских экспертов; Горшенину организовать показания польских свидетелей, а Меркулову – свидетельства немца, который был участником провокации в Катыни; Вышинскому поручалось подготовить документальный фильм о Катыни[346].

Некоторые пункты этого решения удалось выполнить. Так, упоминавшемуся выше проф. Маркову было предложено выступить в Нюрнберге с «покаянием», что он и сделал. Для дачи показаний в Нюрнберг был доставлен и арестованный советскими властями как изменник Родины бывший заместитель бургомистра Смоленска проф. Б. Базилевский. На процессе он излагал такую версию, какую для него разработал Меркулов.

Союзные обвинители твердо придерживались достигнутой договоренности. Так, в своей обвинительной речи Р. Джексон, как и другие обвинители, неоднократно упоминал о многочисленных населенных пунктах в оккупированной Европе, где немцы устраивали казни сотен мирных граждан, но ни разу не упомянул Катынь, где погибли тысячи польских офицеров[347].

В итоге пункт о Катыни в приговоре трибунала не содержался и советская сторона по этому поводу не выразила протеста.

Договоренность между союзниками по ряду проблем, связанных с ходом Нюрнбергского процесса, в то время еще была возможна – ведь «холодная война» только начиналась. Совсем иной оборот катынское дело приняло несколько лет спустя. Западные исследователи нашли убедительные документы, доказывавшие причастность советских властей к этому преступлению. Катынский вопрос использовался как важный фактор «холодной войны».

Так, 18 сентября 1948 г. созданная конгрессом США комиссия Р. Мэддена, состоявшая из демократов и республиканцев, имела задачу расследовать обстоятельства катынского преступления. На одном из ее заседаний были заслушаны и показания К. Скаржинского[348]. Был допрошен и один из американских обвинителей в Нюрнберге Роберт Кемпнер. Его спросили: «Является ли факт, что Советы отказались от обвинения по делу Катыни, однозначным признанием своей вины?» Последовал такой ответ: «Это выглядит весьма примечательно». Затем Кемпнер добавил: «Мы удивились Штамеру, что он принудил тогда Советы отказаться от обвинения по катынскому делу. Это была победа защиты». Бывший главный американский обвинитель в Нюрнберге Джексон сказал, что еще в Нюрнберге он допускал возможность того, что преступление в Катыни совершили советские власти, «поэтому мы и отказались говорить о вине немцев».

Еще более определенно на слушании высказался американский полковник Джон ван Флит, который, как упоминалось выше, будучи в немецком плену, с группой других союзных военнопленных был направлен немцами в Катынь для осмотра могил. Ван Флит сказал: «Я ненавижу немцев, но должен все же констатировать, что они говорили правду». Затем он рассказал, что после возвращения из плена в 1945 г. он передал отчет с этими выводами в американскую контрразведку. Документ был немедленно засекречен «из-за опасения», как

было установлено во время слушания в 1952 г., «что в случае его обнаружения Советский Союз не вступит в войну против Японии и в Организацию Объединенных Наций»[349].

В материалах комиссии имеется и свидетельство смертельно больного Бурденко. В 1946 г. он рассказал своему другу Ольшанскому, бывшему профессору Воронежского университета, уехавшему из СССР на Запад: «Выполняя личное распоряжение Сталина, я отправился в Катынь, где как раз вскрыли могилы... Все тела были погребены четыре года назад. Смерть наступила в 1940 году... Для меня как для врача это очевидный факт, который невозможно поставить под сомнение. Наши товарищи из НКВД совершили большую ошибку»[350].

Завершив работу, в феврале 1952 г. через госдепартамент комиссия направила письмо с принятой резолюцией советскому послу в Вашингтоне А. С. Панюшкину. Подписавший это письмо председатель комиссии Р. Мэдден высказал пожелание получить доказательства относительно преступления в Катыни. Через несколько дней советское посольство вернуло Мэддену его письмо с напоминанием о том, что вопрос был расследован специальной советской комиссией, доказавшей, что Катынь была делом рук гитлеровцев[351]. Спустя год американская комиссия опубликовала полный отчет объемом 2 362 страницы. В нем был детально и убедительно сформулирован вывод: Советский Союз ответствен за гибель тысяч поляков. Делегации всех стран – членов ООН получили по экземпляру этого отчета. Комиссия решила также направить материалы расследования в Международный суд в Гааге. Однако Советский Союз, по данным западных источников, отказался с ним сотрудничать[352].

Дискуссия вокруг катынского вопроса с небольшими перерывами продолжалась и в последующие годы, вплоть до сегодняшнего дня. Так, в Польше предпринимались попытки провести неофициальное расследование катынского дела. Как сообщила в феврале 1948 г. шведская газета «Дагенс ньюхетер», краковский прокурор Р. Мартини в начале 1947 г. представил доклад Министерству юстиции, в котором подтверждалась немецкая версия о виновности органов НКВД. Через некоторое время он был убит при невыясненных обстоятельствах[353].

В 1982 г. был осужден польский гражданин Р. Шереметьев за то, что он и его друзья отправили на проходившую тогда в Мадриде конференцию по сотрудничеству в Европе информацию, в которой критиковали польское правительство за пассивность и необъективность в расследовании катынского дела[354]. Анонимные лица звонили и угрожали расправой Божене Лоек – активистке неформальной организации «Катынские семьи». В 1989 г. был убит ксендз Недзеляк, и поныне печать связывает это преступление с разоблачительной деятельностью ксендза по Катыни[355].

Руководство Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) и польское правительство до 1956 г. безоговорочно поддерживали версию Комиссии Н. Н. Бурденко. После кровавых событий 1956 г. о катынском злодеянии в Польше вообще молчали, т. к. считали, что Советский Союз может расценить это как недружественный акт. Однако ряд польских историков, объективно исследовавших это злодеяние, неизменно приходили к выводу о виновности в нем советских органов НКВД.

Как стало известно из недавно опубликованной книги (интервью-исповеди бывшего в 1970–1980 гг. первого секретаря ЦК ПОРП Эд. Герека), в начале 70-х годов он впервые обратился к Брежневу с целью выяснить катынское дело. Тот, не зная его истоков, проявил к нему живой интерес, но ничего не предпринял по существу. Через 2 года Герек говорил на эту тему и с Громыко. Однако в обстановке постепенной реабилитации Сталина тот ответил, что «точка зрения советской стороны по этому вопросу уже высказана и ему, в сущности, нечего добавить».

Прошло некоторое время, и советским послом в Варшаву вместо А. А. Аристова был назначен С. Т. Пилотович, который по просьбе Герека уже серьезно заинтересовался этой

проблемой, поскольку она мешала развитию нормальных отношений между СССР и Польшей, и обещал через руководство МИД посодействовать ее решению. Однако министр не только ничего не предпринял, но, наоборот, по мнению Герека, отозвал посла в Москву, так как считал неуместным вмешательство в это деликатное дело. Позже Пилотович погиб в результате несчастного случая[356].

2. Общая боль

В настоящее время проблема Катыни привлекает особое внимание польской общественности. Со второй половины 80-х годов ряд интересных статей был опубликован в журналах «Возрождение», «Войсковый пшегленд гисторычны» и в некоторых других[357]. Из монографических работ польских историков по Катыни видное место занимает труд проф. Ч. Мадайчика «Катынская драма»[358]. Всего же катынская библиография с апреля 1943 г. по сентябрь 1989 г., по неполным подсчетам польских историков, во всем мире содержит 635 наименований[359].

Активную деятельность развернули и общественные организации Польши. В апреле 1989 г. была создана неформальная организация «Катынские семьи», в которую входили родственники жертв Катыни. В октябре 1989 г. конституировался Независимый исторический комитет по расследованию катынского преступления («Катынский комитет»). Он объединяет историков, юристов и других представителей польской интеллигенции. Сотрудники Военно-исторического института в Варшаве готовят биографическую справку на узников лагеря в Козельске («Катынскую эпитафию»). Общественные организации требуют установить точное количество польских военнопленных в СССР, выяснить судьбу других тысяч польских офицеров, которые не были направлены в Катынь, но и не вернулись на родину, выступают за установление в Варшаве памятника жертвам Катыни. Родственники погибших требуют от советского правительства компенсации.

Один из немногих оставшихся в живых заключенных Козельского лагеря ксендз Пешковский намерен на свои средства построить в Катыни костел и жить при нем, чтобы рассказывать всем о случившейся здесь трагедии, молиться и до конца своих дней быть хранителем этого мемориала[360].

Польские историки, проживающие в Лондоне, провели после окончания войны определенную работу по установлению общего количества жертв Катыни. Первое издание такого списка вышло в Лондоне в 1949 г. В 1982 г. в четвертом издании содержатся фамилии около 15 тыс. польских офицеров, погибших в разных лагерях Советского Союза. В частности, установлено, что из лагерей Козельска, Осташкова и Старобельска спаслись лишь 450 человек, которые еще до эвакуации в Катынь были переведены в лагерь Грязовец. В сентябре 1941 г. здесь их застала амнистия и 280 человек вступили в формирующуюся тогда в СССР польскую армию генерала Андерса[361].

Что же касается советской общественности, то она длительное время совершенно не была информирована о том, что же на самом деле произошло в Катыни. Органы КГБ саботировали выяснение истины, не предоставляли историкам и публицистам соответствующих документов. А некоторые органы печати до сих пор продолжают навязывать выводы и оценки, содержащиеся в фальсифицированном сообщении Комиссии Н. Н. Бурденко[362]. Жителям находившихся рядом с Катынью деревень было запрещено давать какие-либо сведения о событиях 1940 года. Местный житель И. Кривозерцев, который весной 1943 г. давал немцам наиболее убедительные показания против НКВД, позже, опасаясь репрессий со стороны советских властей, бежал вместе с немецкими войсками. После войны, сменив

фамилию, он оказался в Лондоне. В октябре 1947 г., когда на Нюрнбергском процессе продолжалось обсуждение катынского преступления, Кривозерцев был найден повешенным[363].

Польский исследователь А. Л. Щесняк ссылается на следующий рассказ украинского правозащитника С. Караванского, который в 60-е годы находился во Владимирской тюрьме. Ему стало известно, что в одной из камер отбывал пожизненное заключение лесник из Катыни по фамилии Андреев. Вместе с женой Андреев был осужден за то, что в 1943 г. дал показания немецкой комиссии в пользу версии об ответственности НКВД за катынское преступление. Запись рассказа Андреева была изъята у Караванского при обыске, в результате чего он получил дополнительный срок[364].

С трудностями встретились и некоторые советские журналисты, попытавшиеся внести свою лепту в раскрытие «тайны Катынского леса». Так, на протяжении многих месяцев, начиная с мая 1988 г., редакция «Московских новостей» вела журналистское расследование катынского преступления. К сожалению, оно не получило поддержки тех советских органов, и в первую очередь КГБ, которые должны были быть также заинтересованы в постижении истины о Катыни. По свидетельству журналиста «Московских новостей» Г. Жаворонкова, ему мешали сотрудники УКГБ по Смоленской области, они запугивали карами местных жителей – очевидцев преступления в Катыни – за их рассказы[365].

Даже весной 1990 г. незадолго до встречи М. С. Горбачева с В. Ярузельским заместитель начальника пресс-бюро КГБ СССР в трактовке преступления в Катыни позволил себе придерживаться концепции, направленной на явную дезинформацию. Он заявил: «Что касается трагедии в Катыни, то ее обстоятельства, как известно, были изложены в 1944 году в выводах специальной комиссии»[366].

Однако общественность и научные круги Советского Союза и Польши настойчиво требовали раскрыть правду о злодеянии в Катыни, а также окончательно выяснить другие «белые пятна» в отношениях между нашими странами. После ряда форумов, на которых обсуждались эти проблемы, и особенно после подписания в мае 1987 г. советско-польской Декларации о сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры, для обсуждения «белых пятен» в советско-польских отношениях была создана советско-польская комиссия ученых. Она согласовала ряд нерешенных прежде вопросов, но по катынскому делу из-за незаинтересованности советской стороны не пришла к единому мнению, и весной 1989 г. ее работа была практически прекращена.

Некоторым историкам (Н. С. Лебедевой, Ю. Н. Зоре, В. С. Парсадановой и другим) в 1989–1990 гг. все же удалось обнаружить ценные архивные материалы, некоторые из них впервые опубликовать[367] и тем самым подготовить соответствующие условия для выяснения подлинной картины трагедии, происшедшей в Катыни.

Советское партийное и государственное руководство не было готово в полном объеме признать ответственность органов НКВД СССР за злодеяние в Катыни даже тогда, когда М. С. Горбачев в июле 1988 г. посетил Польшу. На встрече с представителями польской интеллигенции он заявил: «Многие в Польше убеждены, что это дело рук Сталина и Берии. История этой трагедии сейчас тщательно исследуется. По результатам исследования можно будет судить, насколько оправданы те или иные суждения, оценки. В Катыни сейчас рядом два памятника – погибшим полякам и погибшим советским военнопленным, расстрелянным там фашистами. Это также и символ общей беды, постигшей оба наши народа»[368].

Ценным вкладом советских историков в раскрытие «тайны Катынского леса» стала публикация подлинных документов, предпринятая историком Ю. Н. Зорей и директором Центрального государственного архива СССР А. С. Прокопенко. Это директивы, справки, сводки, политдонесения работников НКВД, непосредственно организовывавших

этапирование польских военнопленных в распоряжение управлений НКВД по Смоленской, Харьковской и Калининской областям в апреле – мае 1940 г.[369]

Осенью 1989 г. с приближением 50-й годовщины преступления в Катыни требования правительства Польши и польских общественных организаций выяснить его обстоятельства стали более настойчивыми и значительно активизировались. Так, в середине октября 1989 г. генеральный прокурор Польши в результате депутатского запроса направил генеральному прокурору Советского Союза предложение возбудить следствие по этому делу[370]. Однако на протяжении ряда месяцев никакого ответа не было получено, что вынудило организацию «Катынские семьи» в начале марта 1990 г. устроить у здания посольства СССР в Варшаве демонстрацию протеста. В переданном послу письме представители этой организации потребовали от советского правительства занять официальную позицию по вопросу о Катыни, указать численность, места казни и захоронения польских офицеров, находившихся в лагерях Козельска, Осташкова и Старобельска, осудить виновников этого преступления и объявить моральную компенсацию семьям погибших.

Через несколько дней после этой демонстрации «Катынский комитет» опубликовал заявление, в котором осудил злодеяния органов НКВД в Катыни и предложил день 13 апреля, когда в 1940 г. было впервые объявлено о преступлении в Катыни, считать Днем памяти жертв Катыни. В заявлении подчеркивалось, что, пока не будут выявлены остальные места казни военнопленных из Осташкова и Старобельска, будет трудно говорить о подлинном улучшении отношений между Польшей и СССР. Оглашение правды о катынской трагедии – это пробный камень подлинности перемен, происходящих в Советском Союзе.

7 апреля 1990 г. в Варшавском университете состоялся симпозиум на тему «Катынское преступление», организованный «Катынским комитетом» и комиссией университетского профсоюза «Солидарность». В докладе «Катынь – потеря народа» Энджей Тухольский сообщил, что, по его данным, «общее число польских офицеров – узников Козельска, Осташкова и Старобельска, убитых советским НКВД, составило более 16 тысяч». Среди них, по сведениям Тухольского, были около 8 тыс. кадровых офицеров, а также мобилизованных в начале войны более 800 врачей, не менее 650 учителей, столько же инженеров, 420 юристов и 40 священников различных вероисповеданий.

11 апреля 1990 г. в преддверии визита Президента Республики Польша В. Ярузельского в Москву агентство ПАП распространило заявление организации «Катынские семьи» к народам мира. В нем говорилось: преступление в Катыни не стало в свое время достоянием гласности, потому что страны антигитлеровской коалиции не были заинтересованы в том, чтобы его действительные виновники стали известны всему миру. Советский Союз должен взять на себя ответственность за убийство польских офицеров в Катыни, семьи погибших должны знать, где находятся могилы их близких, а преступники из НКВД должны получить по заслугам.

Все точки над «і» в отношении катынского дела были наконец поставлены весной 1990 г., когда в СССР и Польше возникли благоприятные политические и идеологические условия для поиска и обнаружения необходимых документов. Решающим событием в этом отношении стал государственный визит в СССР Президента Республики Польша В. Ярузельского в апреле 1990 г. Обе стороны признали тот факт, что польские офицеры в Катыни стали жертвами шефа НКВД Берии и его подручных. Вот что по этому поводу заявил Президент СССР М. С. Горбачев: «В последнее время найдены документы, которые косвенно, но убедительно свидетельствуют о том, что тысячи польских граждан, погибших в смоленских лесах ровно полвека назад, стали жертвами Берии и его подручных.

Могилы польских офицеров – рядом с могилами советских людей, павших от той же злой руки»[371].

На важный аспект катынской трагедии обратил внимание В. Ярузельский. Он заявил: «Особенно важным, ценным с нравственной точки зрения для нашего народа является заявление с советской стороны в связи с катынским злодеянием. Это открыло путь к познанию правды о трагической судьбе польских военнослужащих, интернированных после 1939 года.

Для нас это был необычайно болезненный вопрос. Однако ни один здравомыслящий поляк не будет возлагать вину за Катынь и Куропаты, за Лубянку и Колыму на советский народ, который сам стал первой жертвой массовых сталинских репрессий»[372].

Заявление советского руководителя было встречено в Польше с удовлетворением и нашло положительные отклики как в правительственных кругах, так и в среде польской общественности. Было заявлено, что смелый акт советского руководства позитивно повлияет на польско-советские отношения, на которых всегда лежала тень Катыни. А лидер «Солидарности» Л. Валенса оценил тогда признание Советским Союзом ответственности за Катынь как акт моральной справедливости. Он предложил разрешить еще и другие важные вопросы: наказать виновных в геноциде, материально возместить ущерб семьям и близким погибших, разрешить свободный доступ к местам, где похоронены польские офицеры.

Вместе с тем некоторые государственные деятели Польши трагедию Катыни искусственно увязывали с характером последующих советско-польских отношений. В частности, они предлагали пересмотреть оценки послевоенных польско-советских отношений, включая и роль созданного в июле 1944 г. Польского комитета национального освобождения, заключенные с СССР договоры, ибо якобы все они основывались на преступных принципах.

По возвращении в Варшаву В. Ярузельский встретился с представителями общественности и сообщил о ходе переговоров по катынскому делу в Москве. Он, в частности, заявил, что без Горбачева катынский вопрос наверняка ожидал бы своего выяснения еще пятьдесят лет. Выступая на этой же встрече, польский сопредседатель польско-советской комиссии ученых проф. Я. Мацишевский сообщил, что переданные советской стороной списки погибших польских офицеров абсолютно достоверны: в трех лагерях содержались 14 792 офицера. Но еще отсутствуют документы 2-го спецотдела НКВД, где принимались окончательные решения о судьбе военнопленных. Епископ Е. Домбровский заявил, что через правду и память об этом преступлении лежит путь к прощению и примирению.

В принятом сеймом и сенатом Республики Польша 28 апреля 1990 г. постановлении по Катыни отмечалось, что признание властями СССР виновности НКВД за преступления в Катыни является важным шагом в направлении согласия и примирения между польским и советским народами. Вместе с тем предлагалось выяснить обстоятельства других преступлений, совершенных над польскими гражданами, и решить проблему компенсации как семьям погибших, так и польскому государству. Так, сенат считает, что по-прежнему открытым остается вопрос о преступных актах, направленных против польского мирного населения на землях Республики Польша, занятых Красной Армией в 1939 г., а затем в 1944–1945 гг. В постановлении отмечалось, что в те годы в заключении находились сотни тысяч польских граждан, среди них – тысячи солдат Армии Крайовой, 1,5 млн. человек были депортированы в СССР. Что же касается компенсации, то представитель правительства заявил, что переговоры с правительством СССР по этому вопросу ведутся и что в данный момент важно составить список всех претендующих на такого рода выплаты.

23 мая 1990 г. под председательством Президента Республики Польша В. Ярузельского состоялась встреча государственных и политических деятелей, ученых, посвященная дальнейшей судьбе документов о Катыни, переданных М. С. Горбачевым. Было решено создать комиссию по Катыни под председательством проф. С. Киневича, с тем чтобы она занялась научной разработкой полученных документов и исследованием еще неизвестных фактов, касающихся преступления против польских военнопленных, прежде всего в лагерях

Осташкова и Старобельска. Предполагается, что она будет сотрудничать с соответствующими советскими учреждениями.

3. Тайное становится явным

Теперь, после обзора ситуации и событий, происходивших вокруг катынского вопроса, остается восстановить подлинную цепь событий, приведших к трагедии в самой Катыни.

Анализ вещественных доказательств, обнаруженных в захоронениях Катыни комиссией немецких специалистов, при всем возможном недоверии к ним, а также недавно открытых архивных материалов позволяет в общих чертах нарисовать следующую картину того, как готовилось и происходило преступление в Катыни.

На сегодняшний день мы не располагаем конкретным документом, который подтверждал бы наличие официального решения какой-либо инстанции НКВД о физической ликвидации большой группы польских офицеров, привезенных в Катынь из лагеря в Козельске. Это преступное решение формировалось в ряде документов, принятых высшим советским руководством и на разных ступенях всей служебной иерархии НКВД. Среди них можно назвать документ, разработанный при участии А. Я. Вышинского и утвержденный СНК СССР 19 сентября 1939 г., в котором в общем плане формулировались принципы обращения с иностранными военнопленными. Затем последовала директива Берии от 8 октября 1939 г. о создании во всех лагерях «особых отделений по оперативно-чекистскому обслуживанию военнопленных». В их задачу входило выявление «антисоветских элементов» и «контрреволюционеров». Наконец, в директиве от 31 декабря 1939 г. Берия прямо предписывал ускорить работу следователей «по подготовке дел на военнопленных-полицейских бывшей Польши для доклада на Особом совещании НКВД СССР»[373].

28 января 1940 г. было принято предписание председателя военной коллегии Верховного суда СССР В. Ульриха и исполняющего обязанности главного военного прокурора Афанасьева о подсудности дел военнопленных военному трибуналу Красной Армии. 20 февраля 1940 г. майор госбезопасности П. К. Сопруненко докладывал Берии свои соображения по «разгрузке Старобельского и Козельского лагеря». Дела на контрреволюционеров среди военнопленных он предлагал передавать на рассмотрение такого одиозного органа, как Особое совещание при НКВД, которое во внесудебном порядке приговаривало свои жертвы, как правило, к высшей мере наказания. Через несколько дней, согласно директивам Меркулова от 22 февраля и 7 марта 1940 г., началась транспортировка части польских офицеров Козельского лагеря в распоряжение УНКВД по Смоленской области. С 16 марта 1940 г. была запрещена какая-либо связь с внешним миром всем военнопленным в лагерях НКВД[374].

В архиве сохранились и документы штаба 136-го отдельного конвойного батальона майора Межова, который был ответственным за транспортировку военнопленных из Козельска в Катынь. В приказе от 21 мая 1940 г. Межов констатирует, что с 23 марта по 12 мая батальон выполнил одну из ответственных задач по конвоированию, разгрузке лагеря и недопущению побегов. «Оценка проведенной работы представителем Главного управления конвойных войск НКВД СССР полковником Степановым дана хорошая»[375], – писал Межов. Конвоированием пленных занимался и 226-й полк 15-й бригады, которой командовал полковник Попов. всей операцией из Москвы руководил лично Меркулов.

В период с начала апреля до середины мая 1940 г. находившиеся в ведении НКВД лагеря для военнопленных польских офицеров в Козельске, Осташкове и Старобельске были

ликвидированы, а сами военнопленные в закрытых железнодорожных вагонах в течение нескольких дней перевезены к месту расстрела. Из Старобельска отправка началась 5 апреля 1940 г. В течение десяти дней было этапировано (как недавно установлено – в район Харькова) 1717 человек, из них: генералов – 8, полковников – 61, подполковников – 36, майоров – 106, капитанов – 436, других офицеров – 1170 [376].

Руководство НКВД требовало производить этапирование скрытно, чтобы пленные не знали о новом месте назначения, усилить режим охраны, с марта 1940 г. изъять всю корреспонденцию военнопленных и уничтожить на убывших пленных всю их учетно-регистрационную документацию. Это были типичные для деятельности органов НКВД меры в отношении людей, которых отправляли на смерть.

Из Козельска через Ельню до ст. Гнездово было отправлено 30 транспортов по 80–120 человек в каждом. С учетом небольших групп военнопленных из других лагерей, как показал немецкой комиссии один из железнодорожников, в марте – апреле 1940 г. (фактически же с 3 апреля по 17 мая 1940 г.) в Гнездово ежедневно прибывало по 12 таких транспортов, обычно в вечернее время или ночью [377]. Затем на автомашинах люди переправлялись в Катынский лес на Козьи горы. Через 20–25 минут автомашины возвращались на станцию к прибытию очередного эшелона. В это время жители близлежащих деревень (Шигулев, Киселев и другие) слышали из леса выстрелы и душераздирающие крики людей.

Транспортировка и охрана обреченных была так тщательно продумана и осуществлена, что ни одному военнопленному бежать не удалось. Правда, по личному распоряжению Меркулова прямо на ст. Гнездово вернули с этапа польского офицера Ст. Свяневича. Высокое начальство НКВД заинтересовалось этим офицером, видимо, потому, что он был специалистом по экономике как Германии, так и Советского Союза. Вскоре Свяневич был доставлен в Москву. После войны он оказался на Западе. В 1989 г. в Лондоне Свяневич опубликовал мемуары «В тени Катыни», в которых писал, как ему скрытно удалось наблюдать разгрузку вагонов и как переполненные его товарищами автомашины направлялись в сторону Катыни.

В период подготовки массовых казней Катынский лес, прежде открытый для местного населения, был огражден забором из колючей проволоки высотой в 2 м. С начала марта 1940 г. из Смоленска на автомашинах привозились большие группы советских заключенных, которые копали здесь могилы [378].

После вскрытия к 1 июня 1943 г. семи могил и идентификации трупов немецкая комиссия пришла к выводу, что здесь похоронено, видимо, 10–12 тыс. человек. Они лежали на глубине 2 м лицом вниз, слоями. Размеры могил в среднем 8х28 м. В некоторых могилах находилось по 3 тыс. трупов в 12 слоев, многие жертвы со связанными сзади руками. Перочинные ножи, часы, золотые кольца, деньги и другие ценности были изъяты еще до расстрела. Найденные дневники обычно кончались записями от 6 до 20 апреля 1940 г. [379] В тех же местах были обнаружены и могилы с трупами советских граждан. Давность захоронений в одних могилах была определена от 5 до 7 лет, в других – от 10 до 15 лет. Это совпадает с показаниями местных жителей, рассказывавших, что расстрелы совершались здесь еще в 20-е годы [380] и продолжались на протяжении 30-х годов. Их показания подтвердил на допросе в 1939 г. бывший нарком внутренних дел Белоруссии Наседкин, работавший в 1937 г. начальником УНКВД по Смоленской области. Он рассказал, что только «за 1937 год по Смоленской области по первой категории, т. е. к расстрелу, было осуждено 4 500 человек» [381].

Как рассказал во время журналистского расследования преподаватель из Смоленска Л. Котов, в 30-х годах чуть ли не от Минска до Москвы вдоль шоссе были расположены лагеря НКВД. Десятки тысяч узников строили здесь стратегическую автомагистраль. Ослабевших заключенных увозили в Катынский лес, там их следы пропадали. Проживавшая около Козьих гор крестьянка З. Меркуленко также рассказала о расстрелах советских людей, которые до

войны совершались в этом лесу. Крестьянин И. Кривозерцев вспоминал, как жители поселка Гнездово Ив. Андреев и Ф. Куфтинов в 1943 г. показывали немцам те места, где работники НКВД расстреливали поляков и советских граждан[382].

Вместе с тем сохранившийся архив 136-го конвойного полка подтверждает, что 10 июля 1941 г., т. е. буквально за несколько дней до подхода немецких войск, 43 солдатам этого полка было приказано конвоировать большую группу заключенных – советских граждан по маршруту Смоленск – Катынь. Не исключено, что это был их последний путь на этой земле[383].

На 10 июня 1943 г. из извлеченных немецкой комиссией 4 143 трупов было идентифицировано 2 815, в том числе 2 генерала, 12 полковников, 50 подполковников, 165 майоров, 440 капитанов, 542 старших лейтенанта, 930 лейтенантов. Были найдены также трупы одного священника и 221 гражданского лица. Некоторые из членов польской технической комиссии узнали трупы генералов М. Сморовиньского и Б. Богатыревича. По личным монограммам на одежде и сапогах было установлено, что многие офицеры принадлежали к 1-му кавалерийскому полку им. Пилсудского, считавшемуся в польской армии элитарной воинской частью. Из обнаруженных в могилах документов явствовало, что до Козельска некоторые пленные находились в Путивле, Болотове, Павлицем Бору, Шепетовке и Городке.

Расстрелами занималась специальная группа работников НКВД под командованием И. Стельмаха. В эти весенние дни 1940 г. она «работала» в несколько смен[384]. Расстрел совершался, как правило, за пределами могил, после чего трупы сбрасывались в ямы. Ю. Мацкевич допускает, что каждого военнопленного убивали три палача – двое держали за руки, а третий стрелял. Некоторым жертвам рот забивали стружкой, чтобы они не кричали. Палачи стреляли из оружия калибра 7,65 мм. Пули были немецкого производства, что, кстати, смутило даже «архитектора» пропагандистской кампании по Катыни Геббельса. В своем дневнике в те дни он записал: «К несчастью, в катынских могилах были найдены немецкие боеприпасы... Если это станет известно врагу, то все катынское дело будет поставлено под сомнение»[385]. Командование сухопутных войск объяснило этот факт тем, что Германия продавала пистолеты и боеприпасы к ним Советскому Союзу, Польше и Прибалтийским республикам[386]. Это соответствует действительности.

Трупы, находившиеся в первых семи могилах, были в зимнем обмундировании – шинелях, кожаных куртках. Имелись также кофты и шарфы. Сохранились газеты на русском и польском языках, датированные мартом – началом мая 1940 г. Так, газета «Голос Советов», издававшаяся в Киеве для польского населения Украины, была датирована 26 и 28 апреля 1940 г. Она содержала первомайские призывы. Обнаружены также газеты на русском языке от 1 и 6 мая 1940 г.[387] В карманах одежды офицеров были найдены 3 300 писем и открыток. Одни из них были получены пленными, а другие – подготовлены для отправки. Но ни одно из этих писем не датировано позднее апреля 1940 г.

После расстрела для маскировки на могилах были посажены молодые деревца – ко времени вскрытия могил возраст этих деревьев с учетом, что их сажали в двухлетнем возрасте, определялся в 5 лет.

Таким образом, тайна катынского злодеяния, на протяжении полувека омрачавшая отношения между народами СССР и Польши и вообще отравлявшая обстановку в Европе, раскрыта. Время преступления установлено – весна 1940 г. Его вдохновители и исполнители названы. Это Сталин, Берия и их подручные.

Но необходимо еще выяснить по крайней мере два вопроса. Во-первых, какими мотивами руководствовались Сталин и Берия, прибегая к такой бесчеловечной расправе над безоружными военнопленными, вчерашними сугубо гражданскими лицами – профессорами

университетов, учителями, служащими и другими, многие из которых вероятнее всего даже не успели сделать ни одного выстрела по советским войскам в сентябре 1939 г.? В упомянутых выше документах никакая мотивация не упоминается. Это был результат того самого иррационализма мышления, которым руководствовались Сталин и Берия, совершая геноцид в отношении своего собственного народа. Но не лишено основания и другое объяснение. Чувствуя с весны 1940 г. ухудшение советско-германских отношений и надвигавшуюся угрозу агрессии гитлеровской Германии, они опасались, что захваченные противником в лагерях польские офицеры могли бы стать ядром эвентуальной польской армии для войны против Советского Союза.

Во-вторых, до сих пор еще нет достаточно ясного ответа на вопрос о судьбе большинства тех польских офицеров, которые находились в Осташковском и Старобельском лагерях. По сведениям, сообщенным депортированными польскими гражданами, часть находившихся в Осташкове польских офицеров была на барже вывезена в Белое море и там утоплена. Другая же часть расстреляна в районе Твери. Что же касается военнопленных из Старобельского лагеря, то их следы ведут к Харькову, где в настоящее время и ведется расследование.

Итак, более полувека Катынь была общей болью советского и польского народов. Она походила на постоянно открытую рану. Правда о Катыни позволит начать процесс ее заживления.

Остается поставить на этом деле точку, но все же необходимо пофамильно публично назвать всех руководителей и непосредственных исполнителей этой преступной акции. Те из них, кто еще живет среди нас, пусть не оправдываются тем, что они были простыми исполнителями приказа. По нормам международного права они, как совершившие преступление подобного масштаба и характера, подпадающее под юрисдикцию международного права, должны быть, хотя бы в моральном плане, осуждены. Они также должны помнить, что срок давности для таких преступлений не установлен.

Это нелегкий шаг, но его следует сделать, ибо только так можно будет претворить в жизнь совместную Декларацию президентов двух наших стран, принятую в апреле 1990 г. В ней, в частности, подчеркивалось следующее: «Важно довести до конца работу по восстановлению исторической правды о трудных моментах в русско-польских и советско-польских отношениях, всемерно способствовать развертыванию конструктивного советско-польского диалога на всех уровнях, с широким участием представителей общественности, науки и культуры»[388].

Глава V. Ненужная война

1. На северо-западе граница на замке

29 ноября 1939 г. председатель СНК СССР В. М. Молотов заявил по московскому радио, что «враждебная в отношении нашей страны политика нынешнего правительства Финляндии вынуждает нас принять немедленные меры по обеспечению внешней государственной безопасности» Советского Союза[389]. На следующий день ранним утром советские войска на всем протяжении советско-финляндской границы от Балтийского до Баренцева моря предприняли боевые действия против финских войск. Территорию Финляндии начала

обстреливать береговая артиллерия Кронштадта. Самолеты, взлетавшие с баз, только что созданных в Эстонии, совершали налеты на финские города, в том числе и Хельсинки, где в это утреннее время правительство Финляндии обсуждало сложившуюся ситуацию[390].

Так началась советско-финляндская война.

С тех пор прошло полвека, но страсти вокруг причин, характера, хода и исхода этой войны не утихают.

В 20–30-е годы на советско-финляндской границе происходило немало всевозможных инцидентов самого различного характера. Обычно они разрешались дипломатическим путем и до открытых вооруженных столкновений дело не доходило. Каковы же причины, приведшие к войне?

В политическом плане эти причины можно понять только рассматривая войну, во-первых, в рамках общей ситуации, сложившейся к этому времени в международных отношениях. А ситуация была исключительно напряженной. Столкновение групповых интересов на почве разделения сфер влияния в Европе и на Дальнем Востоке создало реальную угрозу конфликта глобального масштаба. Во-вторых, после того, как началась вторая мировая война, главным фактором, предопределившим резкое обострение советско-финляндских отношений, был характер политической обстановки в регионе Северной Европы.

На протяжении почти двух десятилетий, после того как Финляндия в результате Великой Октябрьской социалистической революции в России стала независимым государством, ее отношения с Советским Союзом развивались весьма сложно и противоречиво. Хотя между двумя странами 14 октября 1920 г. был заключен Тартуский мирный договор, а в 1932 г. – пакт о ненападении, который двумя годами позже был продлен на 10 лет, все же взаимное недоверие существовало. Финляндия опасалась возможных великодержавных устремлений со стороны Сталина, поведение которого нередко было непредсказуемо.

Не только в правящих кругах Финляндии, но и среди мировой общественности неприятие вызывали сообщения о массовых репрессиях советских граждан в СССР, о насильственной коллективизации, о голоде. В 1935 г. правительство Финляндии официально осудило советскую депортацию карелов. Эта депортация вызвала и активную реакцию со стороны финских студентов, требовавших прекращения насилия над родственным народом. В Финляндии было известно и о том, что в рамках инспирированного Сталиным и Молотовым нагнетания обстановки и пропагандистской кампании в Советском Союзе усилилась дискриминация лиц финской и карельской национальностей в политической и культурной жизни. Было время (20-е – начало 30-х годов), когда в Ленинграде выходило около десятка финноязычных журналов и газет, работало издательство «Кирья». К 1935 г. в Карелии существовала писательская организация, насчитывавшая 35 членов. Но со второй половины 30-х годов положение резко ухудшилось. В обстановке сталинского произвола финноязычные издания и школы в Ленинграде и в Карелии закрывались, а все, кто выступал в защиту родного языка, обвинялись в «великофинском национализме». Так, «Правда» 11 сентября 1937 г. писала: «С большим удовлетворением встретили коммунисты и все трудящиеся Карелии обзор «Правды», в котором разоблачаются буржуазные националисты – агенты финской и германской разведок и их сообщники из обкома партии и редакции газеты «Красная Карелия».

В 1938 г. положение еще более ухудшилось. Перестал существовать союз писателей Карелии. Употребление спешно созданного путем механического смешения местных диалектов литературного карельского языка в период советско-финляндской войны вообще было запрещено. Он получил право на жизнь только после войны, в связи с образованием Карело-Финской Советской Социалистической Республики.

С другой стороны, некоторые элементы политической ситуации в Финляндии вызывали озабоченность советского руководства. Нередко из Хельсинки слышны были воинственные выпады военизированной фашистской организации шюцкоровцев, в которых выражались претензии на советскую территорию. Разумеется, сама Финляндия не могла напасть на Советский Союз. Однако советское руководство не исключало, что какая-нибудь держава Запада даже без согласия финского руководства попытается использовать финскую территорию в антисоветских агрессивных целях. Одностороннее сближение Финляндии с западными державами, и особенно с Германией, также серьезно влияло на отношения с СССР. Сотрудничество с Германией было логическим следствием внешнеполитических устремлений правящих кругов Финляндии, которые формировались еще в первое десятилетие ее независимости. Финляндия постоянно стремилась обеспечить поддержку других стран в кризисной ситуации, которая может возникнуть прежде всего из-за угрозы с востока.

Советское правительство допускало возможность военного конфликта с Финляндией еще с весны 1936 г. Именно тогда было принято постановление СНК СССР о переселении гражданского населения (речь шла о 3 400 хозяйствах) с Карельского перешейка для строительства здесь полигонов и других военных объектов. В течение 1938 года генштаб по крайней мере трижды ставил вопрос о передаче военному ведомству лесного массива на Карельском перешейке для строительства оборонительных сооружений. 13 апреля 1939 г. нарком обороны К. Е. Ворошилов специально обратился к председателю Экономического совета при СНК СССР В. М. Молотову с предложением об активизации этих работ[391].

Однако тогда же предпринимались и дипломатические шаги, чтобы предотвратить военные столкновения. Так, в феврале 1937 г. Москву посетил министр иностранных дел Финляндии Р. Холсти. Это был первый визит в Советский Союз руководителя внешнеполитического ведомства Финляндии со времени обретения ею независимости. Примечательно, что только после Москвы он побывал в Стокгольме, Копенгагене, Таллинне, Лондоне, Париже, Женеве и в последнюю очередь в Берлине, куда он получил приглашение лишь в октябре 1937 г.[392]

В сообщении о беседах Р. Холсти с наркомом иностранных дел СССР М. М. Литвиновым говорилось, «что в рамках существующих советско-финляндских соглашений имеется возможность бесперебойно развивать и укреплять дружественные добрососедские отношения между обоими государствами и что к этому стремятся и будут стремиться оба правительства»[393]. Но когда нарком обороны СССР маршал К. Е. Ворошилов поставил перед Р. Холсти вопрос о позиции Финляндии в случае, если ее территория будет использоваться третьей страной в антисоветских целях, прямого ответа не последовало. Более того, в начале 1938 г. финляндские власти строили планы ремилитаризации Аландских островов в нарушение своих обязательств по международной конвенции 1921 г., что непосредственно задевало интересы Советского Союза. Москве стало известно об усилении германофильских настроений среди офицеров финской армии.

Президент П. Э. Свинхувуд неоднократно высказывался в том смысле, что, мол, национал-социализм вполне терпим, ибо он выступает против большевизма. Находясь в октябре 1937 г. в Берлине, он заявил, что «враг России должен быть всегда другом Финляндии». Как-то в беседе с германским посланником В. Блюхером Свинхувуд сказал: «Русская угроза для нас будет существовать постоянно. Поэтому для Финляндии хорошо, что Германия будет сильной»[394].

В апреле 1938 г. советское правительство в конфиденциальном порядке сочло своевременным предложить правительству Финляндии провести неофициальные переговоры относительно совместной выработки мер по укреплению безопасности морских и сухопутных подступов к Ленинграду и границ Финляндии. Для решения этой задачи в Москве избрали путь весьма необычный в дипломатической практике других стран. Советскую сторону представлял «второй секретарь посольства» сорокалетний Ярцев Борис Аркадьевич

(подлинная фамилия неизвестна). Он был опытным разведчиком, до этого уже работавшим в советских посольствах ряда стран.

На первой же встрече Ярцев попросил министра иностранных дел Финляндии Холсти держать его предложения в строжайшем секрете, не информируя о них даже советского посла.

О чем же шла речь на этой «сверхсекретной» встрече, которая весьма удивила Холсти? Ярцев сообщил, что главную опасность для СССР представляет Германия, войска которой могли бы высадиться на территории Финляндии и двинуться в направлении Ленинграда. Если бои развернутся в Финляндии и ее войска окажут агрессору сопротивление, то Красная Армия могла бы прийти на помощь финнам, а после войны покинуть Финляндию. Советское правительство также допускало возможность прогерманского переворота в самой Финляндии, что еще больше осложнило бы общую обстановку. Однако финские руководители отрицали возможность такого поворота событий.

Тем не менее Ярцев внес предложение, чтобы стороны заключили военное соглашение, которое вступило бы в силу только при прямой агрессии немцев. Однако в Хельсинки отвергался любой вариант, предусматривавший действия советских войск на территории Финляндии.

Несколько позднее Ярцев предложил, чтобы правительство Финляндии в письменном виде заверило, что оно окажет сопротивление вермахту, и согласилось бы принять советское вооружение, а также разрешить действия советского ВМФ у берегов Финляндии и строительство на финском острове Суурсаари (Гогланд) военно-морской и военно-воздушной баз[395].

Переговоры, продолжавшиеся несколько месяцев, оказались в конечном счете безрезультатными[396]. Финляндия эти предложения отвергла, так как их принятие означало бы, по ее мнению, «нарушение ее права на самоопределение».

Надо отметить, что финляндские представители были смущены «дипломатическим» статусом Ярцева. Сам Холсти высказывал удивление, что советский дипломат второстепенного ранга, видимо, без ведома своего посла В. К. Деревянского позволил себе лично обратиться к министру Финляндии с предложением встретиться для неофициальной и строго секретной беседы[397].

Шло время, но улучшения советско-финляндских отношений не наблюдалось. Между тем обстановка в Европе накалялась. В сентябре 1938 г. состоялся мюнхенский сговор, который приблизил войну к порогу ряда стран Европы. В октябре 1938 г., т. е. непосредственно после Мюнхена, советским правительством было выдвинуто новое уточненное предложение: Финляндия строит на острове Суурсаари свою собственную военную базу, но в случае агрессии, которую она сама отразить не сможет, Советский Союз окажет ей помощь. Это предложение также не было в Хельсинки принято.

Но из Москвы продолжали поступать все новые и новые предложения. Так, в начале марта 1939 г. правительству Финляндии были предложены следующие меры: СССР гарантирует неприкосновенность Финляндии, предоставляет ей необходимую помощь против возможной агрессии, поддержит ходатайство относительно пересмотра статуса Аландских островов. Но в порядке встречных мер Финляндия должна будет сопротивляться любой агрессии, оказывать Советскому Союзу содействие в укреплении безопасности Ленинграда и с этой целью предоставить Советскому Союзу в аренду сроком на 30 лет остров Суурсаари и несколько других мелких островов в Финском заливе, на которых будут созданы уже не базы, а лишь наблюдательные посты. Ответ финской стороны был отрицательным с той же ссылкой на свой суверенитет и нейтралитет. Переговоры в который раз были прерваны.

Какие же следующие меры в такой, казалось, безнадежной ситуации должны были предпринять Советский Союз и Финляндия, чтобы все-таки вывести переговоры из тупика? Очевидно, оптимальным виделся путь отказа Советского Союза от выдвижения требований, явно задевающих суверенитет Финляндии, и настойчивого поиска других путей политического характера, с тем чтобы не дать вообще заглохнуть переговорам. Ибо любой другой путь, прежде всего военный, неизбежно вел к еще большему нагнетанию обстановки и в конечном счете к войне, к которой обе стороны, конечно же, не стремились.

Вскоре по поручению советского правительства в Хельсинки прибыл Б. Е. Штейн, бывший посол в Финляндии, а в 1939 г. – полпред в Италии. Он был уполномочен вести неофициальные переговоры на базе прежних советских предложений. На сей раз их поддержал и маршал Г. Маннергейм, заявивший, что острова в Финском заливе не представляют для страны особой ценности, ибо нет возможности защищать их в случае агрессии. Вместе с прежними предложениями Штейн передал и новое – чтобы финны уступили определенную территорию на Карельском перешейке в обмен на большую территорию в Советской Карелии. Подобная настойчивость советского руководства вызывала в Хельсинки подозрительность относительно его намерений и соответствующую реакцию. 6 апреля 1939 г. Штейн вернулся в Москву без результатов.

В такой ситуации правительства обеих стран решили действовать по двум параллельным направлениям: не отказываясь от политических переговоров, они начали готовить меры военного характера – Советский Союз, к сожалению, наступательные, а Финляндия – оборонительные. Усиливались контакты Финляндии по военной линии с Англией, Швецией и Германией. В Хельсинки частыми гостями стали высокопоставленные военные деятели этих стран. Финнам оказывалась помощь в совершенствовании линии укреплений вдоль границы с СССР – так называемой линии Маннергейма.

Хотя советско-финляндские переговоры имели неофициальный и конфиденциальный характер, правительство Финляндии регулярно информировало о них Германию. Так, 21 марта 1939 г. после очередной встречи Штейна с руководителями Финляндии министерство иностранных дел Германии подробно информировало об итогах этой встречи Шуленбурга. В частности, сообщалось, что в Хельсинки отвергли советское предложение об аренде русскими островов в Финском заливе и что в Берлине одобряют это решение финнов[398].

В водоворот не только политических, но и военных приготовлений энергично включился Советский Союз. В начале марта 1939 г. К. Е. Ворошилов приказал только что назначенному командующему войсками Ленинградского военного округа (ЛВО) командарму II ранга К. А. Мерецкову проверить готовность войск «на случай военного конфликта с Финляндией». При этом он сослался на прямое указание И. В. Сталина[399].

Ознакомившись с обстановкой на месте, Мерецков пришел к выводу, что финские войска с самого начала якобы имели наступательную задачу на Карельском перешейке с целью измотать советские войска, а затем ударить по Ленинграду[400].

Создается впечатление, что высшее советское политическое и военное руководство в то время еще не имело ясного представления о позиции Финляндии. Если Сталин и Молотов твердили о том, что их беспокоит не столько сама Финляндия, сколько то, что ее как антисоветский плацдарм могут использовать западные державы, то Мерецков оценивал обстановку более резко и прямолинейно. При подобной оценке было бы бессмысленно искать политические пути решения проблемы, что подтвердили последующие действия советского руководства. В апреле 1939 г. Карельский перешеек посетил Ворошилов. Он приказал усилить боевую готовность, составить план эвакуации детей и жен начсостава в случае начала военных действий и построить убежища[401].

Весной и летом того же года в ЛВО развернулось крупное строительство, были приняты меры

по подготовке личного состава в условиях, приближенных к боевым, совершенствовалась структура пограничных войск. Все это, разумеется, не оставалось незамеченным финской стороной, беспокоило ее.

Как вспоминает Мерецков, в конце июня 1939 г. он присутствовал при разговоре Сталина с одним из руководителей Коминтерна О. В. Куусиненом. Обсуждались положение в Финляндии и различные варианты наших действий. Обстановку в Финляндии и на советско-финляндской границе Сталин оценил как тревожную[402].

Некоторое время спустя Сталин созвал Военный Совет, на котором был обсужден оперативный план войны с Финляндией, представленный начальником генерального штаба командармом I ранга Б. М. Шапошниковым. План исходил из реальной оценки состояния финской армии и ее пограничной укрепленной линии. В нем предусматривалось сосредоточение больших сил и средств еще до начала операции. Сталин был удивлен тем, что начальник генштаба требует стольких сил и средств, чтобы заставить маленькую Финляндию пойти на уступки. И командующему войсками ЛВО К. А. Мерецкову было предложено разработать другой оперативный план войны из расчета только на силы и средства военного округа, т. е. на те 20 стрелковых дивизий, которыми он располагал[403].

Таким образом, генеральный штаб от руководства подготовкой операции был отстранен, а его начальник через некоторое время был отправлен в длительный отпуск в Сочи[404].

Утверждение Молотова, высказанное на VI сессии Верховного Совета Союза ССР 29 марта 1940 г., о том, что «Финляндия, и прежде всего Карельский перешеек, была уже к 1939 году превращена в готовый военный плацдарм для третьих держав для нападения на Советский Союз, для нападения на Ленинград», не подтверждалось убедительными фактами. Если под третьей державой подразумевалась Германия, то тогда, т. е. к 1939 г., она не имела намерения и не была готова к серьезному военному конфликту с Советским Союзом. Судя по той же речи Молотова, в которой было сказано, что «Советский Союз не захотел стать пособником Англии и Франции в проведении этой империалистической политики против Германии»[405], под третьими державами скорее всего имелись в виду только Англия и Франция. Если это так, то подобных планов к этому времени ни в Лондоне, ни в Париже вообще не было. Тем более они не имели возможности воспользоваться «плацдармом» в Финляндии позже, когда были заняты войной в Западной Европе.

Как свидетельствуют факты, приводимые командованием советских пограничных войск, в первой половине 1939 г. обстановка на советско-финляндской границе была в целом относительно спокойной. Имели место одиночные нарушения границы, но крупных, а тем более вооруженных провокаций здесь не отмечалось[406].

Тем не менее советское правительство продолжало принимать меры по усилению пограничных войск на северо-западном направлении. Так, еще в марте 1939 г. Ленинградский округ пограничных войск НКВД был разукрупнен на три округа – Мурманский, Карельский и Ленинградский[407]. К концу ноября они были укомплектованы личным составом с большим превышением – на 127–129%. Непосредственная подготовка пограничных войск к боевым действиям началась уже с 10 октября, т. е. до начала последних переговоров делегаций обеих стран. А приказ Сестрорецкому пограничному отряду о возможном переходе границы был отдан 25 октября, но без указания дня и часа выполнения задания[408].

Подобная неопределенность в советско-финляндских отношениях продолжалась до провала советско-англо-французских военных переговоров и заключения советско-германского договора о ненападении с приложенными к нему секретными протоколами, в которых уже заранее было запрограммировано определенное «территориально-политическое переустройство» Финляндии в пользу Советского Союза. Реализовать свои «права» в Эстонии, Латвии и Литве советскому руководству удалось путем заключения двусторонних

договоров. К Финляндии же, объявившей в начале сентября 1939 г. о своем полном нейтралитете и несогласии с планами создания советских военных баз на своей территории, Сталин, нарушив этот нейтралитет, применил военную силу. Не составляет особого труда сделать вывод, что без предварительного согласия Германии, изложенного в названном протоколе, соблюдать свою незаинтересованность в регионе Балтики советско-финляндской войны могло бы и не быть.

Правда, некоторые исследователи не считают обоснованным утверждение о том, что секретные протоколы, подписанные Молотовым и Риббентропом, развязали руки Сталину в его действиях против Финляндии. Почему тогда Сталин, спрашивают они, так долго медлил и начал войну лишь в конце ноября?

Ответ может быть один. Во-первых, потому, что этой акции предшествовали другие, не менее важные и срочные – в сентябре в Польше и в сентябре – октябре в Прибалтике. Именно в этих регионах были заняты крупные силы войск, впоследствии переброшенные на Карельский перешеек. И во-вторых, новая группировка советских войск, расположенная по южному побережью Финского залива и далее на юг вплоть до Восточной Пруссии, создавала крайне невыгодную для Финляндии ситуацию на Балтике, что, по мнению советского руководства, могло принудить Финляндию без войны принять советские предложения.

Разумеется, Сталин предпочел бы добиться своей цели не прибегая к войне, которая, как позже действительно подтвердилось, могла преподнести ему неприятные сюрпризы. Поэтому он не жалел времени на продолжительные переговоры с финскими представителями. В. Таннер по этому поводу писал: «Из того, что мы видели, у нас возникло впечатление, что Сталин искренне хотел соглашения. Иначе ради чего ему надо было тратить столько времени на дело, касавшееся маленькой Финляндии? Кроме того, он стремился к компромиссам...»[409].

2. ...Но Ленинград в опасности

Начавшаяся 1 сентября 1939 г. вторая мировая война, качественно изменила обстановку в Европе. Иными стали и советско-финляндские отношения. С одной стороны, западные державы, на помощь которых рассчитывала Финляндия, были заняты войной. Поэтому их реальные возможности влиять на обстановку в бассейне Балтийского моря были тогда крайне ограничены. Как сообщал Форин оффис своему посланнику в Хельсинки Г. А. Грипенбергу, «если советское правительство нападет на вас, несмотря на проводимый вами нейтралитет, Англия не будет помогать ему (т. е. Советскому Союзу)»[410].

С другой же стороны, Советский Союз был свободен в своих решениях и действиях в регионе Восточной Европы. Но население Финляндии не чувствовало тогда непосредственной для себя угрозы, хотя слухи о том, что его судьба уже решена на состоявшихся накануне войны советско-германских переговорах, быстро распространялись. Собравшиеся в Копенгагене главы правительств и министры иностранных дел Скандинавских стран 19 сентября объявили о своем нейтралитете и сотрудничестве. По-прежнему шла подготовка к Олимпийским играм, которые должны были состояться в Хельсинки в 1940 г. В условиях войны расчет строился на том, что в них примут участие многие еще существовавшие тогда нейтральные страны[411].

Финляндия большие надежды возлагала на уважение к объявленному ею нейтралитету и на скандинавскую солидарность. Но ни то, ни другое не обеспечило ей безопасности. Финляндский нейтралитет вообще никто не собирался уважать. Что же касается солидарности Скандинавских стран, то она в этот период была непрочной. Сложившуюся ситуацию весьма образно обрисовал известный финский историк и дипломат М. Якобсон:

«Финляндия опасалась России, Дания – Германии; Швеция не могла решить, кого же она больше должна опасаться; а Норвегия считала свое положение достаточно прочным, чтобы вообще кого-либо бояться»[412].

Между тем советское руководство вело активную подготовку именно военного варианта. Еще в ходе боевых действий в Польше директивами К. Е. Ворошилова и Б. М. Шапошникова от 11 и 14 сентября 1939 г. военному совету Ленинградского военного округа было приказано провести частичную мобилизацию, отменить все отпуска и произвести сосредоточение войск на случай войны с Финляндией. Часть боевых кораблей была сконцентрирована в районе Аландских островов, авиация рассредоточена на полевых аэродромах в боевой готовности[413].

Все эти приготовления в районе Ленинграда немедленно становились известными в Хельсинки. Они, да еще когда нервы были напряжены до предела, неизбежно вели к дальнейшему обострению обстановки, независимо от того, на что были нацелены, ибо, как известно, в театральных представлениях висящее на сцене в первом акте ружье должно в последнем акте обязательно выстрелить.

В такой обстановке трудно было поверить в искренность советского правительства, когда оно 17 сентября 1939 г. выразило поддержку финляндскому нейтралитету. Поэтому и в Финляндии с 7 по 11 октября в армию были призваны резервисты. Затем была создана ставка главного командования во главе с Маннергеймом. Были введены цензурные ограничения, арестованы сотни членов левых партий. 11 октября на добровольной основе началась частичная эвакуация жителей Хельсинки, Тампере, Виипури и Карельского перешейка.

Справедливости ради следует сказать: стороны не теряли надежды и на политическое урегулирование возникшего спора. Свидетельство тому – решение о возобновлении третьего и, как позже оказалось, последнего тура переговоров представителей обеих стран, начатого 12 октября 1939 г. в Москве. В состав советской делегации входили В. М. Молотов, В. П. Потемкин и советский полпред в Хельсинки В. К. Деревянский. Главой финляндской делегации был назначен опытный дипломат, посол в Швеции 69-летний Ю. Паасикиви, которому, однако, финляндское правительство не дало полномочий на подписание каких-либо соглашений с СССР.

В отличие от предыдущих этот тур переговоров проходил уже в новых специфических условиях. Они характеризовались следующими особенностями. Во-первых, началась вторая мировая война, разделившая западные страны на два враждующих лагеря, и во-вторых, были подписаны договоры о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой, которые несколько улучшили позиции СССР в отношении Финляндии.

Все эти обстоятельства, казалось, должны были вызвать у партнеров, и прежде всего у советской делегации, особое чувство ответственности за безопасность своих стран, но, разумеется, с учетом взаимных интересов. В действительности же участвовавший в переговорах Сталин, опираясь на эти благоприятные для него обстоятельства, предложил заключить пакт о взаимопомощи по образцу договоров, заключенных в конце сентября – начале октября с Латвией, Литвой и Эстонией. Один из пунктов этих документов предусматривал дислокацию контингентов советских войск и создание военных баз на территории этих стран. Финляндия, опасаясь, что и на ее территории появятся такие же базы, отвергла предложение, заявив, что такой пакт противоречил бы занятой ею позиции нейтралитета.

Советское правительство, не настаивая на этом предложении, внесло новое: на Карельском перешейке отодвинуть на несколько десятков километров границу, передать Советскому Союзу ряд островов в Финском заливе и часть полуостровов Рыбачий и Средний в

Баренцевом море в обмен на двойную по размерам, хотя и неравноценную по качеству и значению территорию в Советской Карелии, сдать в аренду на 30 лет либо продать или обменять полуостров Ханко для строительства на нем советской военно-морской базы. Это последнее предложение особенно беспокоило финнов[414].

Оценивая территориальные претензии Советского Союза, следует сказать, что стремлением отодвинуть государственную границу на несколько десятков километров даже в то далекое от нас время нельзя оправдывать то или иное военно-политическое решение. Если каждая страна попытается увеличивать протяженность или совершенствовать конфигурацию границ под тем предлогом, чтобы отдалить ее от своей столицы либо от других крупных административных и промышленных центров, или из-за грехов прошлых международных договоров, или же, наконец, под предлогом защиты родственных национальных меньшинств, то с международным правом будет напрочь покончено.

На одном из заседаний обеих делегаций Паасикиви заметил, что территориальный вопрос должен решаться только сеймом, причем для положительного решения нужно иметь две трети голосов. На это Сталин отреагировал так: «Вы получите больше, чем две трети, а плюс к этому еще наши голоса учтите»[415]. Эти слова были восприняты финляндской стороной как неприкрытая угроза применить силу в случае несогласия сейма.

18–19 октября 1939 г., в перерыве между заседаниями советской и финляндской делегаций, в Стокгольме состоялась встреча короля Швеции Густава V, короля Норвегии Хаакона, короля Дании Христиана и финляндского президента. Цель этой встречи состояла в том, чтобы продемонстрировать солидарность Скандинавских стран с Финляндией и оказать давление на Москву. После окончания встречи послы этих стран в Советском Союзе должны были передать Молотову соответствующие послания. Но советское руководство полностью игнорировало эти обращения[416].

22 октября Паасикиви вернулся в Москву и привез ответ финляндского правительства. Он гласил, что, учитывая международное положение и свой абсолютный нейтралитет, Финляндия не может уступать Ханко или острова, но готова сделать некоторые территориальные уступки на Карельском перешейке. Таким образом, появилась возможность достигнуть некоторого прогресса[417].

Развернутый анализ сложившихся к тому времени советско-финляндских отношений впервые публично дал Молотов на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 г., когда переговоры еще продолжались. Он определил их как отношения, находящиеся в особом положении, потому что Финляндия испытывает внешние влияния, что вызывает озабоченность Советского Союза о своей безопасности, и особенно Ленинграда. Вопросы, стоящие на переговорах с Финляндией, заявил Молотов, те же, которые стояли на переговорах с Эстонией. Он отверг утверждения зарубежной прессы, будто Советский Союз требует себе город Виипури (Выборг) и территорию, лежащую севернее Ладожского озера. Далее Молотов изложил ход переговоров с финляндской делегацией, отметив, что Советский Союз предложил Финляндии заключить «пакт о взаимопомощи примерно по типу наших пактов взаимопомощи с другими прибалтийскими государствами»[418].

Молотов выразил готовность идти навстречу пожеланиям Финляндии и призвал ее не поддаваться антисоветскому давлению и подстрекательству извне. В связи с этим он подверг критике заявление президента США Ф. Рузвельта, который в письме к М. И. Калинину «выразил надежду на сохранение и развитие дружелюбных и мирных отношений между СССР и Финляндией». Молотов назвал это заявление вмешательством в наши дела и порекомендовал американскому президенту лучше предоставить свободу и независимость Филиппинам и Кубе[419].

На втором этапе переговоров, начатом в первых числах ноября, в состав финской делегации

был включен видный социал-демократ министр финансов В. Таннер. В Хельсинки тогда ходили слухи, что Таннер познакомился со Сталиным в Хельсинки еще в дореволюционное время и даже однажды оказал ему денежную услугу[420], что, как считалось, могло быть определенным гарантом успеха переговоров.

2 ноября Паасикиви и Таннер прибыли в Москву. В эти дни свой «вклад» в обострение напряженности между обеими странами внесла советская печать. Так, 3 ноября 1939 г. «Правда» опубликовала статью «К вопросу о советско-финляндских переговорах» с подзаголовком «Министр иностранных дел Финляндии призывает к войне с СССР».

На каком основании газета сделала подобное обвинение в адрес министра иностранных дел Финляндии Э. Эркко? В «Правде» приводился текст его высказывания по поводу речи Молотова на последней сессии Верховного Совета Союза ССР. «Требование СССР, – говорил Эркко, – касается якобы отдаления границы у Ленинграда на несколько километров, но с точки зрения Финляндии это – русский империализм... Всею есть свои границы. Финляндия не может пойти на предложение Советского Союза и будет защищать любыми средствами свою территорию, свою неприкосновенность и независимость». Далее «Правда» утверждала, что «в заключение Эркко выступил с прямой угрозой Советскому Союзу, заявляя, что он знает, на какие силы может опереться Финляндия, какие силы могут обеспечить нейтралитет и свободу Финляндии в случае угрозы ее безопасности»[421].

Даже обладая богатой фантазией, трудно в этих словах министра усмотреть призыв к войне против Советского Союза, тогда как в заключительном абзаце статьи самой «Правды» действительно содержалась угроза в адрес Финляндии. Вот он: «Наш ответ прост и ясен. Мы отбросим к черту всякую игру политических картежников и пойдем своей дорогой, несмотря ни на что, ломая все и всякие препятствия на пути к цели»[422].

В тот же день, 3 ноября, на очередном заседании делегаций, не добившись от финнов приемлемого ответа, Молотов заявил: «Мы, гражданские лица, не достигли никакого прогресса. Сегодня получают слово солдаты». Новые попытки Сталина добиться положительного решения вопроса об островах в Финском заливе тоже не увенчались успехом. Финляндское правительство дало делегации инструкцию этот вопрос не обсуждать[423].

Как и следовало ожидать, советско-финляндские переговоры 13 ноября были снова прерваны, ибо о какой нормальной атмосфере ведения переговоров могла идти тогда речь, если сотни эшелонов с войсками и боевой техникой шести стрелковых дивизий из разных военных округов страны двигались в сторону Ленинграда. В Петрозаводск из Прибалтики прибыло управление 8-й армии. Войска поэтапно выдвигались к границе. Разумеется, все это не оставалось незамеченным со стороны финнов.

Именно тогда Сталин произнес: «Нам придется воевать с Финляндией»[424], – что фактически исключало дальнейшие усилия Советского Союза для поисков политического решения спорных вопросов. Действительно, у Сталина получилось так, как гласила пословица: взвесив все «против», он высказался «за».

В сложившейся опасной ситуации профессиональный долг советских дипломатов, аккредитованных в Финляндии и в других странах этого региона, состоял в том, чтобы сделать все для предотвращения кровопролития. Именно так поступала полпред СССР в Швеции А. М. Коллонтай. Однако по-иному вел себя в это время советский полпред в Хельсинки Б. К. Деревянский. 17 ноября 1939 г. он направил Молотову, по существу, подстрекательскую докладную записку, в которой предлагал создать обостренно-напряженную обстановку вплоть до провоцирования инцидентов на советско-финской границе, начать антифинляндскую пропагандистскую кампанию и в конечном итоге разорвать с Финляндией пакт о ненападении[425].

Война против Финляндии со стороны Советского Союза не была подготовлена не только в политическом и военно-техническом, но и в морально-психологическом отношении, хотя секретные переговоры с финнами продолжались практически около двух лет. Но публично Молотов об этом заявил советскому народу только 31 октября 1939 г., т. е. всего за месяц до начала войны. Среди населения шли разговоры и о том, что военные действия не начнутся в преддверии зимы. Массированная антифинляндская пропагандистская кампания развернулась лишь с середины ноября.

Что же происходило в это напряженное время по ту сторону границы – в Финляндии?

Тревогу первой забила финляндская разведка; она предполагала, что вероятность войны очень велика, но способность советского высшего командования выполнять свои обязанности в условиях современной войны вызывает сомнение.

Правительство Финляндии, однако, не восприняло тогда эту информацию всерьез. Как утверждает известный финский дипломат и историк М. Якобсон, в Хельсинки творилось что-то невероятное. Так как правительство считало переговоры не проваленными, а лишь прерванными, то некоторые категории мобилизованных резервистов были отпущены домой, снова открывались школы, на Карельский перешеек возвращалась часть эвакуированного населения. Казалось, жизнь входила в нормальное русло[426].

В эти дни Паасикиви сообщил правительству, что события могут развиваться по одному из трех вариантов: либо русские согласятся с финскими предложениями, либо они прибегнут к войне, либо все может остаться по-старому. Ожидалось, естественно, что все останется по-старому[427].

Но реальность оказалась иной – в Москве был принят второй вариант. В последние дни ноября 1939 г. советское правительство практически в ультимативной форме предложило правительству Финляндии в одностороннем порядке отвести свои войска от границы на 20–25 км. Последовало, вполне естественно, встречное предложение финской стороны: советские войска должны отойти на такое же расстояние. Финны имели не меньше оснований не доверять Сталину, чем Сталин – правительству в Хельсинки. Таким образом, расстояние между отошедшими финскими войсками и Ленинградом увеличилось бы вдвое; удаление же границы на 25 км от Ленинграда означало приближение ее на такое же расстояние к Хельсинки.

Однако советское правительство расценило это предложение финнов как «отражающее глубокую враждебность правительства Финляндии к Советскому Союзу» и заявило, что оно является абсурдным[428].

После срыва переговоров стороны активизировали свои военные приготовления. На Карельском перешейке продолжали сосредотачиваться советские войска, на полевые аэродромы в полной боевой готовности прибывала авиация. По приказу Ворошилова 15 ноября заняла позицию севернее Ленинграда переданная ЛВО 7-я армия. Севернее, в районе Кандалакши – Кеми, формировалась 9-я армия. Ее войска выдвигались к западной части Карелии. В печати стали все чаще появляться статьи о Финляндии только в негативном плане. Принимались жесткие меры по наведению порядка и дисциплины в армии. 23 ноября 1939 г. в войска была спущена директива начальника политуправления ЛВО дивизионного комиссара Горохова. В ней, в частности, особо подчеркивалось, что сдача в плен противнику живым является предательством, нарушением воинской присяги и изменой Родине[429].

Финляндия также увеличила число дивизий на Карельском перешейке – с двух-трех до семи, начала эвакуацию населения не только из пограничных районов, но и из Хельсинки и других крупных городов. Только в октябре было эвакуировано более 150 тыс. человек. Продолжалась интенсивная модернизация линии Маннергейма, шоссейных дорог и

аэродромов. Была объявлена массовая мобилизация в регулярную армию и в военизированную организацию шюцкор. Маршал Маннергейм был назначен главнокомандующим финскими вооруженными силами.

Таким образом, анализ советско-финляндских переговоров, происходивших с 1937 г. по конец ноября 1939 г., позволяет сделать вывод, что советские предложения, направленные на обеспечение безопасности Ленинграда (так, как их понимали Сталин, Молотов и Ворошилов), противоречили интересам суверенной и нейтральной Финляндии в том смысле, как их понимали руководители этой страны. Поэтому давление со стороны Сталина, сопровождавшееся подчас угрозами, было нарушением норм международного права.

Так стороны подошли к опасной черте, за которой уже начиналась война. Они смотрели друг на друга через прорезь прицела винтовки. Имевшие место на границе вооруженные провокации служили советской стороне весьма подходящим поводом, чтобы применить силу.

Одной из таких провокаций, ставшей применительно к советско-финляндской войне своеобразным «северным Глейвицем», был обстрел якобы с финской стороны пограничного советского селения Майнилы. Ее советская версия изложена в донесении Мерецкова, из которой следует, что 26 ноября 1939 г. штабу ЛВО стало известно об обстреле финской артиллерией советского подразделения, дислоцированного севернее Майнилы. Было убито 4 и ранено 9 красноармейцев и командиров[430]. Для расследования обстоятельств, приведших к инциденту, выехал начальник оперативного отдела штаба округа полковник П. Г. Тихомиров.

Правительство Финляндии отрицало факт провокации со стороны своих войск и после проведенного одностороннего расследования допускало, что «дело идет о несчастном случае, происшедшем при учебных упражнениях, имевших место на советской стороне». Важно при этом подчеркнуть, что в финской ноте предлагалось «совместно произвести расследование по поводу данного инцидента в соответствии с Конвенцией о пограничных комиссарах, заключенной 24 сентября 1928 года», и изъявлялась готовность «приступить к переговорам по вопросу об обоюдном отводе войск на известное расстояние от границы»[431].

Казалось, это разумное предложение можно было принять и мирно урегулировать конфликт. Однако в следующей ноте от 28 ноября 1939 г. советское правительство квалифицировало финскую ноту как неприемлемую. Советская сторона фактически отказывалась от совместного расследования инцидента, обвинила финскую сторону в нарушении пакта о ненападении и заявила, что «считает себя свободной от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении». Вечером 29 ноября из Хельсинки были отозваны политические и хозяйственные представители Советского Союза[432].

Разумеется, расследование подобных инцидентов, совершенных опытными провокаторами, оказывается весьма сложным делом. Но его все же надо было бы произвести и не только тогда, по свежим следам, но и пусть даже полвека спустя. Нет оснований придавать этой провокации ту роль, которую она не могла играть, и утверждать, будто именно она вызвала вооруженное столкновение между двумя странами. Это был всего-навсего грубо сработанный *casus belli*, т. е. повод к войне. Война же явилась результатом кризисных отношений между СССР и Финляндией на протяжении ряда лет и недальновидных шагов прежде всего советских государственных деятелей, которые видели в применении военной силы чуть ли не единственный способ решения этого спорного международного вопроса. Именно советское правительство придало провокации в Майниле особое значение. В речи по радио 29 ноября 1939 г. Молотов назвал его олицетворением «неприкрытого стремления» финской стороны «и впредь держать Ленинград под непосредственной угрозой своих войск». Он уже не упоминал о конкретной провокации – обстреле советского пограничного поста севернее поселка Майнилы, расположенного всего в 800 м от границы, – но, нагнетая обстановку, сообщил о

некоем «артиллерийском обстреле наших воинских частей под Ленинградом, приведшем к тяжелым жертвам в красноармейских частях». Предложение же финской стороны о совместном расследовании провокации в Майниле он назвал «нахальным отрицанием фактов, издевательским отношением к понесенным нами жертвам»[433].

Не располагая в настоящее время архивными документами о провокации в Майниле, хотелось бы поставить для размышления лишь несколько вопросов и высказать некоторые предположения. Прежде всего в советской пропаганде акцентировалось внимание на том, что выстрелы были произведены по регулярным советским войскам и жертвами стали военнослужащие полевых войск. Но ведь в районе Майнилы, расположенном у самой границы, не могли дислоцироваться полевые войска. Там были пограничники, которые подчинялись ведомству Берии. Не может ли такое обстоятельство пролить свет на природу этого «обстрела»?

Может вызвать различные кривотолки и то, что до сих пор неизвестны фамилии погибших красноармейцев и младших командиров. В печати не были опубликованы и результаты обследования, которое проводил полковник П. Г. Тихомиров. Может быть, ему и не позволили заниматься этим деликатным делом? Любопытно было бы прочитать и воспоминания непосредственных свидетелей этого инцидента.

Провокация в Майниле была устроена, естественно, теми, кому она была выгодна. В данной ситуации она была выгодна только советской стороне, чтобы иметь повод для денонсации договора о ненападении с Финляндией. Теперь до войны оставался только один шаг. Советское руководство под предлогом, будто уже слишком поздно, к сожалению, проигнорировало ноту финнов от 29 ноября 1939 г., в которой выражалось их согласие отвести войска «на такое расстояние от Ленинграда, при котором нельзя было бы говорить, что они угрожают безопасности этого города»[434].

Итак, провокация имела место и теперь в дело готовились вступить войска. Так оперативно сработал феномен, который на современном военно-политическом языке именуется «быстрым реагированием».

3. Нет блага на войне

Есть такой афоризм: многие не задумываются только потому, что им это и в голову не приходит. Может быть, и советские руководители, прежде чем отдавать приказ солдату нажимать на курок, также не задумывались о последствиях просто потому, что им и в голову не пришло предположение, что финны посмеют оказать сопротивление.

Возникает, естественно, вопрос, видел ли Сталин в войне против Финляндии единственный выход из конфликтной ситуации? Конечно, он предпочел бы удовлетворить свои претензии без применения оружия. Почему же в сложной и противоречивой ситуации начавшейся второй мировой войны советское руководство все же решилось начать военные действия против Финляндии?

Вот как ответил на этот вопрос еще в то время, по свежим следам событий, Л. Д. Троцкий: «Наступление на Финляндию находится как будто в противоречии со страхом Сталина перед войной. На самом деле это не так. Кроме планов есть логика положения. Уклоняясь от войны, Сталин пошел на союз с Гитлером. Чтобы застраховать себя от Гитлера, он захватил ряд опорных баз на Балтийском побережье. Однако сопротивление Финляндии угрожало свести все стратегические выгоды к нулю и даже превратить их в свою противоположность. Кто, в самом деле, станет считаться с Москвой, если с ней не считается Гельсингфорс? Сказав «А»,

Сталин вынужден сказать «Б». Потом могут последовать другие буквы алфавита. Если Сталин хочет уклониться от войны, то это не значит, что война пощадит Сталина»[435].

Итак, ранним утром 30 ноября 1939 г. крупные силы советских войск пересекли границы Финляндии. Их продвижение в глубь страны, где в течение нескольких часов им не оказывали сопротивления, означало фактически «необъявленную войну». В тот же день президент К. Каллио сделал следующее заявление: «В целях поддержания обороны страны Финляндия объявляет состояние войны».

Уже сама эта акция советского правительства означала нарушение норм международного права. Действия сталинского руководства противоречили советско-финляндскому мирному договору 1920 г. и договору о ненападении 1932 г. Советское правительство нарушило также собственную конвенцию (так называемый договор Литвинова), заключенную с соседними государствами в июле 1933 г. К этому документу присоединилась тогда и Финляндия. В нем определялось понятие агрессии и четко отмечалось, что никакими соображениями политического, военного, экономического или какого-либо другого характера нельзя будет обосновать или оправдать угрозы, блокаду или нападение на другое государство-участника[436].

Вместе с тем такая акция означала и нарушение внутрисоюзного права, поскольку Конституция СССР 1936 г., которая в правовом отношении хотя и была далека от совершенства, допускала возможность объявления Верховным Советом СССР только «состояния войны», но никак не «войны» как таковой. Причем объявление состояния войны предусматривалось исключительно в двух случаях: при вооруженном нападении на Советский Союз и при необходимости выполнения международных договорных обязательств по взаимной обороне от агрессии. К советско-финляндской войне ничего подобного отнести нельзя, и ее следует квалифицировать как неправомерный акт великой державы против малой соседней страны.

Какие же цели преследовало советское правительство, предпринимая войну против Финляндии?

В ряде официальных советских заявлений кануна и начала войны речь шла о сугубо конкретной цели – безопасности Ленинграда, которая могла быть обеспечена передвигмой границы на 20–25 км. Но в таком случае возникает вопрос: почему же советское руководство и особенно военные деятели считали дополнительное расстояние в 25 км столь спасительным для судеб Ленинграда? Потому (и это усиленно пропагандировалось в печати), что при существовавшем тогда расстоянии от границы до Ленинграда в 32 км финны могли бы обстреливать город артиллерией. Но это совершенно беспочвенные утверждения, так как финская армия для подобных акций не располагала артиллерийскими орудиями необходимого калибра. Вообще ее материальную часть в то время составляли образцы оружия преимущественно еще старой русской армии. Что же касается артиллерии, то из орудий крупного калибра имелись 105-миллиметровые немецкие полевые пушки образца 1930 г. и зенитные орудия[437]. Даже если бы было возможно их установить непосредственно на границе (что, конечно, абсолютно исключалось), то они могли бы поразить цели, находившиеся лишь посередине расстояния до Ленинграда.

Ознакомление с первым оперативным приказом войскам Ленинградского военного округа за подписью командующего К. А. Мерецкова и члена военного совета А. А. Жданова показывает, что цели предстоящей операции выходили далеко за рамки обеспечения безопасности города на Неве. В нем шла речь не только о том, чтобы «перейти границу и разгромить финские войска», но и формулировалась такая политическая цель, как освобождение «финского народа от гнета помещиков и капиталистов»[438]. Маловероятно, что подобную политическую цель командование ЛВО сформулировало без согласования с политическим руководством страны.

В последующие дни в советской пропаганде, особенно среди войск действующей армии, тезис об «обеспечении безопасности Ленинграда» как будто был напрочь забыт, подчеркивалась лишь «освободительная миссия» Красной Армии в Финляндии[439]. Вот какие заголовки отчетов о проходивших тогда по стране многочисленных митингах трудящихся в поддержку решительных мер советского правительства против белофиннов пестрели в советских газетах: «Ответить тройным ударом!», «Дать отпор зарвавшимся налетчикам!», «Долой провокаторов войны!», «Уничтожить гнусную банду!», «Безмерная наглость!» и т. д. и т. п. Известный в те годы поэт Вас. Лебедев-Кумач накануне и в течение первых дней войны опубликовал в «Известиях» несколько стихотворений, в которых также не стеснялся в выражениях, «гневно осуждал финских поджигателей войны». Его стихотворение «Велик народный гнев и ярость велика» начиналось следующим четверостишием:

Кровавые шуты! Довольно вам кривляться, –

Пришла пора закрыть ваш гнусный балаган!

Мы не позволим вам по-хамски издеваться

Над трупами рабочих и крестьян![440]

Пропагандистскими штампами, направленными на разжигание страстей, стали тогда такие выражения, как «белофинские бандиты», «финская белогвардейщина», «Бело-Финляндия» и другие. Развернутая в СССР пропагандистская кампания носила примитивный характер, ибо исходила из нереалистичного предположения, будто трудящиеся Финляндии при поддержке Красной Армии готовы свергнуть «власть капиталистов и помещиков».

Подобная пропаганда была *exitare fluctus in simpulo*, т. е. бурей в стакане воды. Она была похожа на «старого пройдоху» из «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева, рекомендовавшего упрекать своего противника в тех грехах, которые сам за собой знаешь: «...упрекайте его в том самом недостатке или пороке, который вы за собой чувствуете. Негодуйте ...и упрекайте!»

Каким же путем советское руководство стремилось достичь поставленных целей?

Конечно же, оно, как и правительство любого другого государства, при решении спорных вопросов предпочитало мирный путь, потому что иной путь всегда сопряжен с определенным риском. Если бы это было не так, то оно нашло бы достаточно поводов, чтобы предпринять военную акцию против Финляндии не в преддверии зимы, а гораздо раньше, как это произошло в Прибалтике. Но применение вооруженной силы в решении спорного территориального вопроса никогда нельзя оправдать невозможностью его решения мирным путем. Это императив современного международного права. И тем не менее Сталин, Молотов и Ворошилов пошли на его грубое нарушение.

«План операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии» (так он именовался официально) был разработан командованием ЛВО и подписан командующим К. А. Мерецковым и начальником штаба Н. Е. Чибисовым 29 октября 1939 г., т.е. тогда, когда еще продолжались переговоры[441].

Основные силы округа на Карельском перешейке были объединены в 7-ю армию (9 дивизий) под командованием командарма II ранга В. Ф. Яковлева. В соответствии с приказом наркома обороны от 17 ноября 1939 г. задача армии состояла в том, чтобы за 8–10 дней овладеть укрепленным районом на Карельском перешейке и, развивая наступление, разгромить

финскую группировку в районе Сортавала – Виипури (Выборга). По выполнении этой задачи в зависимости от обстановки быть готовыми развить наступление на Хельсинки[442]. Но столица Финляндии не была пределом. Об этом свидетельствует следующее указание: при выходе к шведской и норвежской границам границы не нарушать и не допускать провокаций. Военнослужащих шведской и норвежской армий на границе приветствовать отданием чести[443].

Севернее (между Ладожским озером и Баренцевым морем) на фронте протяженностью около 1 500 км предусматривались действия крайне слабых по своему составу и не полностью укомплектованных 8-й армии (4 дивизии) комдива И. Н. Хабарова, 9-й армии (3 дивизии) комкора М. П. Духанова (с середины декабря – комкора В. И. Чуйкова) и 14-й армии (2 дивизии) комдива В. А. Фролова[444]. Сухопутные войска должны были поддерживать авиация и часть сил Краснознаменного Балтийского флота (флагман флота II ранга В. Ф. Трибуц) и Северного флота (флагман флота II ранга В. П. Дрозд).

Задача Балтийского флота состояла в том, чтобы захватить флот Финляндии и не допустить его ухода в нейтральные воды, подавить береговые батареи в Койвисто, захватить остров Гогланд и другие острова, прекратить морские сообщения в Финском и Ботническом заливах между Финляндией и Швецией. Авиация флота должна была наносить удары по морским базам в Хельсинки, Котка и Виипури, избегая бомбардировок населенных пунктов, не занятых крупными силами противника, и крупных мостов[445].

В целом группировка советских войск к началу войны составляла 240 тыс. человек (в боевых войсках), 1 915 орудий (всех калибров), 1 131 танк и 967 боевых самолетов. Группировка финских войск насчитывала тогда 140 тыс. человек, 400 орудий, 60 танков и 270 боевых самолетов. На Карельском перешейке была сосредоточена армия генерала Х. В. Эстермана, насчитывавшая 7 пехотных дивизий, 4 отдельные пехотные бригады и 1 кавалерийскую, а также несколько отдельных пехотных батальонов. Севернее Ладожского озера до Баренцева моря были развернуты незначительные силы финских войск[446]. Это означает, что финское командование удачно расположило свои войска на самых опасных направлениях. Степень мобилизованности в стране была весьма высока – 18% от численности населения, или более 600 тыс. человек[447].

Вот как описывает в своих мемуарах Н. С. Хрущев настроение, царившее в Кремле в канун и начале войны с Финляндией: «Было такое мнение, что Финляндии будут предъявлены ультимативные требования территориального характера, которые она уже отвергла на переговорах, и если она не согласится, то начать военные действия. Такое мнение было у Сталина. Я, конечно, тогда не возражал Сталину. Я тоже считал, что это правильно. Достаточно громко сказать, а если не услышат, то выстрелить из пушки, и финны поднимут руки, согласятся с нашими требованиями... Тогда Сталин говорил: «Ну вот, сегодня будет начато дело».

Мы сидели довольно долго, потому был уже назначен час. Ожидали, Сталин был уверен, и мы тоже верили, что не будет войны, что финны примут наши предложения и тем самым мы достигнем своей цели без войны. Цель – это обезопасить нас с севера.

Вдруг позвонили, что мы произвели выстрел. Финны ответили артиллерийским огнем. Фактически началась война. Я говорю это потому, что существует другая трактовка: финны первыми выстрелили, и поэтому мы вынуждены были ответить. Имели ли мы юридическое и моральное право на такие действия? Юридического права, конечно, мы не имели. С моральной точки зрения желание обезопасить себя, договориться с соседом оправдывало нас в собственных глазах»[448].

В первый день войны советская авиация подвергла бомбардировке военные объекты в районе Хельсинки. Но из-за навигационных ошибок бомбы упали и в центр города. Имелись

разрушения и человеческие жертвы. Правда, с 3 декабря воздушные налеты на объекты глубокого тыла Финляндии Главное командование Красной Армии категорически запретило. Только месяц спустя, когда обстановка на фронте сложилась не в пользу Красной Армии, Ворошилов, Сталин и Шапошников подписали приказ, который гласил: «Бомбардировочной авиации наносить систематические и мощные удары по глубоким тыловым объектам: административным, военно-промышленным пунктам, железнодорожным мостам, железнодорожным узлам, портам, транспортом противника»[449].

Действия войск в первые же дни войны показали неэффективность существовавшего тогда фактически фронтового управления. Оно было ликвидировано, и с 9 декабря непосредственное руководство действующими армиями, Балтийским и Северным флотами взяла на себя созданная Ставка Главного командования Красной Армии. В ее состав входили нарком обороны Ворошилов (главнокомандующий) и члены Ставки – нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов, начальник генштаба Шапошников и Сталин. Мерецков был назначен командующим войсками 7-й армии (членами Военного совета были Н. Н. Вашугин и А. А. Жданов)[450].

С начала декабря тяжелые бои развернулись по всему фронту. В эти дни на одном из приемов в Берлине советские дипломаты самоуверенно заявили американскому корреспонденту Уильяму Ширеру, что через три дня в Финляндии все будет кончено[451]. Однако большой успех был отмечен только на Крайнем Севере, в полосе наступления 14-й армии. Ее войска при поддержке кораблей Северного флота продвинулись вперед на 150–200 км и легко овладели финской частью полуостровов Рыбачий и Средний, а также городом Петсамо. Но армии, действовавшие в Центральной Карелии, продвинулись лишь на 35–80 км. В итоге кровопролитных боев войска 7-й армии на Карельском перешейке сумели вплотную подойти к главной полосе линии Маннергейма. По ее дотам вели огонь 203–280-миллиметровые орудия резерва Главного командования. На Суммском направлении впервые был применен опытный тяжелый танк КВ. Но прорвать оборону финнов так и не удалось.

О реакции Сталина на неудачи наших войск в первый период войны Хрущев рассказывает следующее: «Сталин очень негодовал. Военные объясняли, что они не знали о создании финских укреплений на Карельском перешейке. Они назывались линией Маннергейма. Стали обвинять разведку.

Все это объединилось в главное обвинение Ворошилову – он нарком обороны. За военное поражение обвинять, собственно, больше и некого было. Ворошилов виновен, он не предусмотрел.

Наш морской флот действовал против финского. Казалось бы, соотношение должно быть не в пользу финнов, но наш флот плохо работал. Я помню такой доклад у Сталина. Наши не опознали шведский корабль и приняли за финский. Наша подводная лодка попыталась потопить его, но не смогла этого сделать. Немцы это наблюдали и потом, чтобы уколоть, предложили оказать помощь: «Что же у вас так плохо? Даже не смогли потопить корабль? Может быть, вам требуется помощь?..»

Одним словом, нарастает тревога. Померк ореол непобедимости нашей армии – «если завтра война, мы сегодня к походу готовы...». Если с финнами не можем справиться, а вероятный противник у нас посильнее, то как же с ним мы будем справляться?

Таким образом, финская война показала очень большие наши слабости, неумение организовать ведение войны»[452].

Неудачи советских войск на первом этапе войны были вызваны прежде всего пороками самого плана войны, который был рассчитан на молниеносную армейскую операцию, исходил из явной переоценки возможностей советских войск и недооценки боеспособности войск

противника. Командование не предусматривало возможность ведения продолжительных боевых действий в условиях суровой зимы, потому что войска были недостаточно обеспечены зимней одеждой и соответствующим снаряжением. Не хватало минометов, автоматов и других видов новейшего вооружения. Было слабо отработано взаимодействие разных родов войск, особенно сухопутных частей с авиацией.

На безобразия, которые были вскрыты в 7-й армии, действовавшей на главном направлении, указывал Ворошилов в письме Сталину и Молотову от 21 декабря 1939 г. Он отмечал, что дороги забиты, пехоты как организованной силы на фронте нет, а болтается почти никем не управляемая масса людей, которая при первых же выстрелах беспорядочно разбредается в топи, по лесам. Пехота несет большие потери от шальных пуль.

Командиры и политсостав, отмечал далее Ворошилов, были настроены на легкий поход на Финляндию (подобно польскому). Поэтому многие полки идут в бой с единицами пулеметов, остальные ждут «прорыва», чтобы торжественно двинуться на Виипури. У Мерецкова дела в хаотическом состоянии. Положения на фронте он не знает, считая, что все идет хорошо. Ворошилов сообщал, что он предупредил Жданова, чтобы тот не доверял болтовне Мерецкова, больше требовал от командования, и в первую очередь от самого командующего. Военный совет 7-й армии ничего не предпринимает для наведения порядка, в связи с чем Мерецков от имени Ставки был предупрежден, что если он не наведет порядка в войсках, будет снят и отдан под суд[453].

Нередкими были случаи, когда небольшие группы финнов внезапными ударами наносили нашим войскам ощутимые потери, совершая рейды в их тылы. Так, в частности, произошло с 70-й и 138-й дивизиями 7-й армии. Из-за отсутствия элементарного порядка, разведки, твердого управления и при слабом использовании артиллерии эти дивизии были застигнуты врасплох группой финских разведчиков в ночь с 22 на 23 декабря. За отсутствие распорядительности в частях и порядка в тылах Ставка Главного командования объявила Мерецкову и всему военному совету выговор[454].

Естественно поэтому, что в личных письмах фронтовых командиров Ворошилову обращалось внимание на плохую организацию боевых действий и беспорядок в войсках. Так, полковник Н. П. Раевский, кавалерист, участник гражданской войны, назначенный в конце декабря 1939 г. командиром стрелкового полка в 8-ю армию, писал Ворошилову, что многие молодые командиры, только что закончившие училища, не имея опыта, бессмысленно гибнут. Он возражал против того, чтобы в суровых зимних условиях фронта для службы в медицинских учреждениях привлекались женщины. Полковник докладывал о случаях паники в наших войсках, о недостаточном количестве автоматов, тогда как финны хорошо ими вооружены.

В заключение Раевский пишет: «Я переживаю позор, когда узнаю, что нашу доблестную Красную Армию, вернее, ее отдельные войсковые части и даже соединения, белофинские бандиты окружали и пытаются еще окружить. Подумать-то только, что горсточка, козявка белофинских банд окружает (иногда даже с успехом) войска Красной Армии и нашей же тактикой наносит значительные неприятности»[455].

В конце декабря 1939 г. дерзким маневром немногочисленные финские части окружили и разгромили только что прибывшую с Украины 44-ю стрелковую дивизию. Было нанесено поражение также 155-й и 130-й стрелковым дивизиям. За неудовлетворительное управление войсками 8-й и 9-й армий были сняты с должностей их командующие комдив И. Н. Хабаров и комкор М. П. Духанов. Новыми командующими соответственно были назначены командарм II ранга Г. М. Штерн и комкор В. И. Чуйков.

По свидетельству К. А. Мерецкова, медленное продвижение советских войск вызвало крайнее недовольство Сталина. Он упрекал командующего в том, что неудачный ход войны против Финляндии негативно сказывается на «нашей внешней политике, ведь в эти дни на

нас смотрит весь мир». Он потребовал добиться перелома в ходе боевых действий[456].

30 декабря 1939 г. Главный военный совет принял решение приостановить наступательные действия и предложил вызванному из отпуска Б. М. Шапошникову заново спланировать новую наступательную операцию с целью прорыва линии Маннергейма и достижения цели войны. Шапошников доложил Совету, по существу, тот же план, который он разработал несколько месяцев назад, и Сталин принял его. Вопросы дальнейшего ведения войны подверглись тщательному рассмотрению на специальном заседании Политбюро ЦК ВКП(б), состоявшемся в первых числах января 1940 г.[457]

К этому времени советские войска перешли к обороне, а на Карельском перешейке был создан Северо-Западный фронт. В его состав стали прибывать значительные подкрепления, преимущественно из Западного и Киевского особых военных округов. Они пополнялись средствами усиления, и прежде всего артиллерией большой мощности, танками и авиацией. С учетом опыта предыдущего периода по прорыву укреплений противника войска на протяжении января интенсивно вели учения.

«Говоря о первом периоде финской войны, – вспоминает Маршал Советского Союза А. М. Василевский, – надо добавить, что при огромных потерях, которые мы там несли, пополнялись они самым безобразным образом. Надо только удивляться тому, как можно было за такой короткий период буквально ограбить всю армию. Щаденко, по распоряжению Сталина, в тот период брал из разных округов, в том числе из особых пограничных округов, по одной роте из каждого полка в качестве пополнения для воевавших на Карельском перешейке частей»[458].

НКВД было предложено создать ряд лагерей для финских военнопленных, которых к февралю 1940 г. ожидалось около 20 тыс. Но их оказалось в двадцать раз меньше. Поэтому после заключения мира один из лагерей (Южский) был заполнен советскими военнослужащими, вернувшимися из финского плена[459].

Командующим войсками фронта был назначен командарм I ранга С. К. Тимошенко, начальником штаба – командарм II ранга И. В. Смородинов, членом Военного совета – А. А. Жданов. В состав фронта вошли 7-я армия (12 дивизий) К. А. Мерецкова и образованная 25 декабря 13-я армия (9 дивизий) комкора, в последующем командарма II ранга В. Д. Грендаля. Для обхода укрепленной линии с юго-запада на Карельском перешейке была создана резервная группа Ставки под командованием комкора Д. Г. Павлова в составе трех стрелковых дивизий, танковой бригады и кавалерийского корпуса. Она имела задачу через Финский залив по льду выйти в глубокий тыл Выборгской группы противника[460]. 11 февраля 1940 г. из войск, выделенных из 8-й армии и действовавших на северном побережье Ладожского озера, была сформирована 15-я армия (командующий – командарм I ранга М. П. Ковалев).

Хотелось бы обратить внимание на высокую насыщенность действующей армии кавалерийскими частями, а также лошадьми в стрелковых дивизиях для обеспечения нужд артиллерии и тылов. Использование кавалерии в зимнее время при отсутствии подножного корма, да еще в условиях Карельского перешейка, где кавалерия вообще не могла действовать, было поразительной глупостью. Подобная практика использования кавалерии несомненно исходила из доктринёрских взглядов Ворошилова и Буденного. Ведь требовал же нарком Ворошилов в 1934 г. на XVII съезде партии «раз и навсегда покончить с вредительскими «теориями» о замене лошадей машиной, об «отмирании лошади»[461]. Именно он назвал кавалерию «победоносной и сокрушающей вооруженной силой».

В целом в состав действующей армии от Баренцева до Балтийского моря входило до 40 дивизий с общей численностью личного состава 957 675 человек (на 1 февраля 1940 г.)[462]. На Карельском перешейке было создано превосходство над противником: более чем двойное

– по пехоте, почти тройное – по артиллерии и абсолютное – по танкам и авиации[463]. Партийно-политическая работа в войсках была направлена на воспитание высокого наступательного порыва, инициативы, на разъяснение «антисоветской сущности политики финских правящих кругов и миролюбивой политики Советского Союза».

С обеих сторон шла также интенсивная психологическая война, в распоряжение войск противника забрасывались миллионы листовок. В финских листовках содержался призыв к красноармейцам убивать своих командиров и политработников, сдаваться в плен или возвращаться домой. «Ваш Сталин говорит, что он не хочет ни пяди чужой земли, а сейчас послал вас сражаться за чужую землю», – писалось в листовках. Советская же пропаганда призывала финских рабочих и крестьян в солдатских шинелях вместе с доблестной Красной Армией выступить против финских помещиков и капиталистов.

Подготовка нового наступления шла быстрыми темпами, ибо его задержка грозила вмешательством в войну на стороне Финляндии, Англии и Франции, что создало бы для Советского Союза новые трудности и расширило бы фронт войны.

3 февраля 1940 г. Военный совет фронта окончательно утвердил план операции. 11 февраля 1940 г. войска фронта перешли в наступление и прорвали главную полосу линии Маннергейма. Для развития успеха в прорыв были введены подвижные (танковые) группы. После перегруппировки войска 7-й армии 28 февраля возобновили наступление, вынудив противника отступить по всему фронту. Они форсировали по льду Выборгский залив, перерезали шоссе Выборг – Хельсинки, завершив тем самым прорыв линии Маннергейма.

На втором этапе войны боевые действия по-прежнему проходили в тяжелейших условиях необычно суровой зимы, когда мороз иногда доходил до 40–45 градусов. Глубокий снег до 2 м толщиной исключал продвижение войск, и особенно техники, вне дорог. Многие воины, особенно прибывшие из южных районов страны, не были подготовлены для ведения боевых действий на лыжах в озерно-лесистой местности. Большую помощь действующей армии оказывали трудящиеся Ленинграда. На заводах города по заказу фронта изготавливались новые средства борьбы и защиты – миноискатели, бронешитки, бронесани, санитарные волокуши и др.

Борьба была ожесточенной. Советские воины проявляли героизм, стремились наилучшим образом выполнить приказ и быстрее закончить войну. Конечно же, следует проводить четкую разделительную линию между несправедливыми целями, которые преследовали Сталин и его окружение в этой войне, и героизмом советских воинов, которые повиновались приказам командования и добросовестно выполняли свой воинский долг. Созданные штурмовые группы дерзко атаковали господствующие высоты, занимали доты и дзоты, отражали контратаки противника. Для развития успеха использовались подвижные группы. Например, в 7-й армии их было три. Они создавались на базе танковых бригад, усиленных стрелковыми батальонами и саперами. В 13-й армии одной из таких групп командовал полковник Д. Д. Лелюшенко[464].

Самоотверженно действовали войска, наступавшие на Выборгском направлении. Части 50-го корпуса под командованием комбрига Ф. Д. Гореленко 2 марта 1940 г. пробивались к тыловой оборонительной полосе финнов северо-восточнее города. Одновременно передовые части 34-го корпуса комдива К. П. Пядышева достигли южных окраин Выборга. В эти дни вся страна узнала о героизме воинов 70-й стрелковой дивизии под командованием комдива М. П. Кирпоноса. По льду Выборгского залива они обошли Выборгский укрепрайон и внезапно атаковали его.

Финские войска оказывали наступавшим упорное сопротивление. Они умело создавали систему укреплений, до последнего солдата защищали огневые точки. Финские снайперы причиняли немалый урон мелким группам красноармейцев. Финны применяли разнообразные

приемы борьбы. Весьма эффективной была финская тактика изматывания советских войск действиями мелких высокоманевренных отрядов и разведчиков-лыжников, которые пробирались в глубокий тыл советских войск. По свидетельству участников этой войны, финский солдат-одиночка был непревзойденным бойцом. В этом отношении он превосходил советского солдата.

В первый период войны, когда еще теплилась надежда на то, что советские войска прекратят наступление, моральный дух финских солдат был высоким. Их поддерживало местное население. Они были убеждены, что защищают правое дело. Но с февраля 1940 г. на фронте ширились пораженческие настроения. Надежда на благоприятный исход войны покидала финскую армию.

К 12 марта войска 7-й армии овладели частью Выборга, и оставшиеся в живых его защитники отступили в северном направлении. Войска 13-й армии развивали наступление на Кексгольм. Для Финляндии обстановка была безнадежной, и ее представители 12 марта подписали в Москве мирный договор, в соответствии с которым 13 марта с 12 часов военные действия прекращались.

Народ Финляндии тяжело переживал постигшую его трагедию. Многие газеты вышли в черных рамках, везде на зданиях были приспущены знамена. Маннергейм издал последний приказ по армии, в котором благодарил солдат за мужество и героизм в защите родины. Это примечательный документ своего времени, и он достоин того, чтобы его текст привести по возможности полнее.

«Солдаты славной армии Финляндии!

Между нашей родиной и Советской Россией заключен мир, суровый мир, по которому Советской России отходит почти каждое поле боя, где вы пролили свою кровь за все, что мы считаем для себя дорогим и священным.

Вы не желали войны, вы любили мир, труд и жизнь, но вас втянули в борьбу, в которой вы совершили подвиги, и они будут сотни лет украшать страницы истории.

Вас 15 000, тех, которые ушли на поле боя и, вернувшись, не увидели своего родного крова, а сколько тех, которые навсегда потеряли способность трудиться! Но и врагу досталось от вас, и не ваша вина в том, что несколько сотен тысяч (цифра значительно преувеличена. –

М. С.) осталось лежать на снегу, устремив полный боли взгляд в звездное небо. Вы не ненавидели их и не желали им зла, вы лишь следовали суровому закону войны: убивай или умри сам...

Я благодарю солдат всех родов войск, которые в честном соперничестве совершали подвиги с первого дня войны. Благодарю за смелость, которую вы проявили в борьбе с многократно превосходящими силами противника, вооруженного частично неизвестным нам оружием, за стойкость, с которой вы вгрызались в каждую пядь родной земли...

На почетном месте в суровое время войны стоят те тысячи рабочих, которые добровольно работали, не отходя от станка даже во время налетов авиации, и создавали все необходимое для армии. Благодарю тех, кто, изможденный огнем противника, производил вооружение для фронта. Благодарю их от имени Отечества»[465].

Обе стороны в этой войне понесли тяжелые потери в людях и боевой технике. Советские войска потеряли убитыми 53 522 человека и без вести пропавшими 16 208 человек (часть из них оказалась в плену). Были ранены 163 772 человека, обморожены – 12 064 человека, наряду с боевыми санитарные потери (больные) составляли 55 041 человек. В плену оказалось более 5 тыс. советских воинов[466].

Советские войска понесли серьезный урон в боевой технике и вооружении. Так, военно-воздушные силы фронта потеряли 540 самолетов. Характерно, что боевые потери составили менее 50%, остальные – следствие аварий и катастроф. Велики были потери и в танках. Только 7-я армия при прорыве главной полосы линии Маннергейма лишилась 1 244 танков. В беседе с послом США Таннер однажды заявил, что в первые месяцы войны финны захватили у русских вооружения больше, чем получили от дружественных стран[467].

Советский народ вынужден был затратить на эту войну немалые денежные средства – более 7,5 млрд. руб., из которых на вооружение было израсходовано свыше 1,9 млрд.[468]

Советское руководство, как вспоминает Н. С. Хрущев, было крайне огорчено большими потерями Красной Армии в людях и материальных средствах. «Сталин лучше нас знал состояние Красной Армии и, видимо, сделал тогда вывод, что мы не подготовлены к «большой войне». Об этом свидетельствовала наша «малая» война с Финляндией. Она была очень кровавой, очень тяжелой для нас. Мы с трудом разбили Финляндию и понесли огромные жертвы. Я говорю – «с трудом». Это, конечно, условно. Ведь наши резервы ни в какой степени не могут равняться с финскими. Но я даю такую оценку потому, что если взять Советскую страну и Финляндию и сравнить те жертвы, которые мы понесли в той войне, то это, конечно, могло произойти только в результате нашего неумения и неподготовленности к организации военных действий. А мы должны бы, если уж воевать, с ходу разбить финнов и таким образом продемонстрировать боеспособность нашей армии. А мы продемонстрировали как раз обратное: малые способности и слабость наших ударных сил...»[469].

Финские войска, ведя оборонительные бои (по их официальным данным), потеряли меньше – убитыми 19 576 человек, пропавшими без вести – 3 273 человека и ранеными 43 657 человек. Число финнов, попавших в плен, было крайне невелико – всего 1 100 человек. Например, войска 13-й армии, действовавшие на главном направлении, за весь период войны взяли в плен лишь 18 унтер-офицеров и 51 солдата[470]. После заключения мира они вернулись на родину. В связи с условиями их пребывания в советском плену финские пленные претензий к советским властям не имели.

Что же касается советских военнопленных, то Маннергейм требовал такого обращения с ними, которое соответствовало бы Гаагским конвенциям. Часть пленных была размещена в сельскохозяйственных районах и помогала крестьянам. Офицеры, как правило, освобождались от работ и получали нормальное довольствие. Возвращаясь на родину, несколько групп военнопленных направили Маннергейму письмо с благодарностью за гуманное обращение с ними.

Подлинная трагедия ждала советских военнопленных по возвращении на родину. Они подвергались не только унижению и издевательствам со стороны органов НКВД, но и физической расправе. Ведь здесь их считали изменниками Родины[471].

Об этом, в частности, свидетельствует следующий эпизод. В январе 1940 г. действовавшая на Ухтинском направлении, т. е. в самом узком месте Финляндии, 44-я стрелковая дивизия была окружена финнами и почти вся взята в плен. Командиру дивизии комбригу Виноградову и некоторым работникам его штаба удалось вырваться из окружения и возвратиться к своим. Как рассказали свидетели этих событий, перед строем оставшихся вне окружения 500 бойцов командование дивизии было расстреляно.[472]

Трагически сложилась и судьба самих военнопленных. После заключения мирного договора все они были возвращены советской стороне и в товарных вагонах с забитыми окнами под усиленной охраной частей НКВД проследовали в советские лагеря как «предатели, нарушившие присягу». Выборочные опросы жителей в тех населенных пунктах, откуда они были призваны в армию, показали, что к началу Великой Отечественной войны и позже их

судьба не была известна. Подобная практика в отношении советских военнопленных приобрела массовый характер в Великой Отечественной войне, но тогда уже речь шла не о нескольких тысячах, а о миллионах наших воинов.

Большие потери советских войск в этой войне объясняются не только особенностями театра боевых действий, упорством финнов в обороне, недостатками в организации боя, но и тем, что Сталин и действовавшее от его имени высшее командование не считалось с потерями, которые нередко были неадекватны достигнутым результатам. Вот один из множества эпизодов.

Как было сказано выше, 12 марта 1940 г. между СССР и Финляндией был заключен мирный договор, по которому военные действия прекращались с 12 часов 13 марта и граница севернее Ленинграда отодвигалась за Выборг. Но в день подписания договора за город еще шли ожесточенные бои. Казалось, что стоило советскому командованию подождать еще одни сутки и наши войска вступили бы в Выборг без боя и лишних жертв. Однако по приказу Сталина они предприняли штурм города-крепости, который продолжался два часа, и с немалыми жертвами взяли его на рассвете 13 марта под тем предлогом, как пишет К. А. Мерецков, чтобы продемонстрировать финнам, что, мол, дорога на Хельсинки для советских войск открыта, а также чтобы предотвратить возможное вмешательство Англии и Франции[473]. Эти соображения, разумеется, учитывались, но в действительности Сталин руководствовался прежде всего престижными соображениями. К тому же до войск, чтобы не расхолаживать их боевой дух, как и до всего советского народа, текст уже 12 марта подписанного мирного договора в то время не был доведен.

«Я не знаю, – писал в мемуарах Н. С. Хрущев, – сколько, но, видимо, войск наших там полегло значительно больше, чем это было предвидено планом»[474].

В ходе войны как Финляндия, так и Советский Союз добивались достижения своих целей не только боевыми действиями войск, но и политическими средствами. Но не все из них, как оказалось, ослабляли взаимную нетерпимость, бывало и наоборот – обостряли ее.

Опыт истории подтверждает, что, если заговорили пушки, то это еще не значит, что дальнейшее кровопролитие неотвратимо и что дипломатам в подобной ситуации делать нечего. Сам акт объявления войны вовсе не обязательно должен сопровождаться фактическими военными действиями. Международное право допускает, что даже в последний момент перед открытием огня стороны могут попытаться найти путь для сохранения мира и такие попытки следует поощрять. Если же государство – инициатор войны – отказалось от поиска такого пути, то оно однозначно нарушило международное право.

К сожалению, именно так поступило советское правительство. Уже на второй день войны финская сторона предложила вернуться к *status quo ante bellum* (к предвоенному состоянию) и продолжить переговоры с Советским Союзом. Таннер посоветовал тогда президенту Каллио пойти на перемирие, создать кабинет мира и возобновить переговоры. Он объяснял это тем обстоятельством, что раньше подобного шага народ не понял бы, теперь же, после первого воздушного налета, его настроение изменилось[475]. 1 декабря новое правительство Финляндии во главе с Р. Рюти было образовано. Прежний премьер-министр лидер социал-демократов В. Таннер, которого Молотов назвал «злым гением советско-финляндских отношений», стал министром иностранных дел. А прежний глава внешнеполитического ведомства Финляндии Э. Эркко был направлен в Швецию в качестве посланника[476].

На первом же заседании нового правительства Маннергейм нарисовал весьма неприглядную картину состояния финской армии: пехотные части обеспечены боеприпасами лишь на 2 месяца боев, легкая артиллерия – на 21–24 дня, а тяжелая – только на 19 дней. Надежды получения боеприпасов от других стран через Швецию нет. Он поддержал предложение Таннера о перемирии и о просьбе к Швеции о посредничестве[477].

Советское правительство никак не отреагировало на эти примирительные шаги, предпринятые в Хельсинки, и маховик войны стал раскручиваться все энергичнее.

4. «Правительство Териоки»

Не соответствует моральному аспекту международного права еще одна политическая акция Сталина и Молотова. В день начала боевых действий в Москве было заявлено, что советскому правительству путем радиоперехвата стало известно, что в только что занятом финском городе Териоки (ныне Зеленогорск) «левыми силами» Финляндии было сформировано «народное правительство Финляндской Демократической Республики» (ФДР) во главе с видным деятелем финляндского и международного коммунистического движения, одним из руководителей Исполкома Коминтерна О. В. Куусиненом. Он же стал министром иностранных дел. В состав «правительства» Куусинена вошли неизвестные общественности финны, эмигрировавшие в СССР, потому что видные деятели КПФ еще раньше были репрессированы советскими властями.

Создание этого «правительства» произошло не в результате экспромта. Вопрос о нем обсуждался по крайней мере еще в середине ноября 1939 г. Уже тогда Сталин попытался привлечь к своей аванюре и тогдашнего генерального секретаря компартии Финляндии А. Туоминена, который проживал в эмиграции в Стокгольме, так как сама партия действовала в подполье. Посланцы Коминтерна привезли Туоминену два письма, одно от О. В. Куусинена и Г. Димитрова, а другое – от Политбюро ЦК ВКП(б). Ему предлагалось немедленно прибыть в Москву, чтобы сформировать «народное» правительство и стать его премьером в связи с ожидавшейся войной между СССР и Финляндией. Однако Туоминен категорически отказался[478].

Некоторые исследователи предполагают, что создание финляндского «правительства» Куусинена является якобы свидетельством того, что советское руководство не собиралось устанавливать в Финляндии оккупационный режим и после эвентуальной победы могло вывести из этой страны свои войска[479]. Не располагая документами, трудно, однако, делать какие-либо предположения насчет послевоенных намерений Сталина. Вопрос о планах советского руководства в отношении дальнейшей судьбы Финляндии в случае полного занятия ее территории пока что остается открытым, так как документов, в которых они прямо излагались бы, в доступных для исследователей советских архивах не обнаружено. Существует, однако, точка зрения, что «стремление „покорить“ Финляндию в смысле навязывания ей государственного строя не было характерным для российской политики»[480].

Подобное утверждение соответствует историческим фактам. Действительно, Финляндия в составе Российской империи пользовалась особым и весьма либеральным статусом во всех сферах жизни – от культурной до внешнеполитической. Но почему политика сталинского советского руководства по финляндскому вопросу должна обязательно и во всем следовать политике царизма? Ведь царизм не пропагандировал идеи «мировой пролетарской революции», «умножения числа советских республик» и т. п. Поэтому вариант, в соответствии с которым по «требованию широких трудящихся масс» Финляндия могла бы быть присоединена к Советскому Союзу, не был исключен, хотя финские коммунисты отрицали подобную возможность. Но ведь коммунисты Прибалтийских стран до выборов также ее не допускали.

Вскоре, т. е. летом 1940 г., на примере событий в Прибалтике финны убедились в том, что их вооруженное противостояние политике Советского Союза спасло их государственную

независимость. Не исключено, что Сталин все же попытался бы изменить государственный строй Финляндии по советскому образцу или даже лишить ее независимости путем включения в СССР. Именно поэтому ему ничего не стоило пообещать передачу вдвое большей территории Советской Карелии за сравнительно небольшую территорию Карельского перешейка.

Конечно же, было бы наивно думать, что подобные планы могли бы открыто излагаться в документах ЦК КПФ и в декларации «правительства» Куусинена. Их авторы, по крайней мере в этом аспекте, знали истинные настроения финского народа, в том числе и трудящихся. Торжественные же заявления советского руководства о том, что оно не имеет намерения покушаться на независимость Финляндии, еще вовсе ни о чем не говорили. Ведь подобные заявления делались и были зафиксированы в договорах и в отношении Прибалтийских республик.

На следующий день после образования «правительства» Куусинена было сообщено, что Центральный Комитет компартии Финляндии (точнее было бы сказать – находившаяся в Советском Союзе часть членов ЦК) обратился к трудовому народу с призывом свергнуть правительство в Хельсинки, не следовать за «предательскими вождями финской социал-демократии», которые «открыто смыкались со злейшими поджигателями войны», и создать «народное правительство»[481].

Ознакомление с некоторыми положениями этого документа, составленного в стиле сталинских стереотипов, вызывает странные чувства, как будто его авторы были оторваны от реальной жизни и реальных настроений финского народа. Они ведь не могли не знать, что не только буржуазные круги, но и левые партии и организации Финляндии осудили советскую агрессию и призвали народ выступить на защиту родины. «Рабочий класс Финляндии искренне желает мира, – говорилось в совместном заявлении социал-демократической партии и финской конфедерации профсоюзов. – Но раз агрессоры не считаются с его волей к миру, рабочему классу Финляндии не остается другой альтернативы, кроме как вести битву с оружием в руках против агрессии и в защиту демократии, мира и самоопределения нашей страны». На защиту родины выступили и бывшие бойцы Красной гвардии 1918 г. Они просили министра обороны зачислить их в ряды армии[482].

Компартией была предпринята неуклюжая попытка манипулировать общественным мнением. Так, в упомянутом призыве выражалось несогласие с какими-то безымянными «товарищами», которые, мол, требуют «установления советской власти в Финляндии». Это несогласие справедливо обосновывалось тем, что такой важный вопрос может быть решен всеми трудящимися классами при санкции сейма[483].

Далее подверглись критике те опять-таки безымянные товарищи, которые думают о возможности вступления Финляндии в состав Советского Союза. Это невозможно, говорилось в документе, по следующим двум причинам: во-первых, «Финляндская Демократическая Республика как государство несоветского типа не может входить в состав Советского Союза, представляющего государство советского типа», и, во-вторых, «Советский Союз, следуя своей национальной политике, не захочет, чтобы ему могли приписать желание расширить свои границы...»[484].

Правда, если верить мемуарам Н. С. Хрущева, то речь шла о том, что Куусинен «возглавит правительство создающейся Карело-Финской ССР»[485]. Но возможно, Хрущев ошибался. Ведь было официально заявлено, что «правительство ФДР» не должно иметь советского характера. А если Хрущев точно передает замысел Сталина и Молотова?

Кроме того, в заявлении «правительства» Куусинена подчеркивалось родство финнов и карелов, хотя всего двумя годами ранее это родство категорически оспаривалось, было запрещено использование финского языка и деятельность финских культурных организаций в

Советской Карелии и Ленинграде.

Политическая линия Сталина и его окружения, осуществлявшаяся примерно в это же время в Западной Украине и Западной Белоруссии, подтверждает, что все эти вопросы, как было показано выше, решались тогда проще. Аналогичные события, правда, несколько позднее, произошли и в Прибалтике. Здесь также трудящиеся при весьма энергичной «поддержке» таких сталинских эмиссаров, как Жданов, Вышинский и Деканозов, довольно быстро «проявили готовность» принять советскую власть и вступить в СССР, хотя их республики и не были «государствами советского типа».

Обращение ЦК компартии Финляндии несколько двусмысленно излагает и задачи Красной Армии в этой войне, приписывая ей функции, по существу, экспорта революции и осчастливливания финского народа. Так, в документе было сказано, что Советский Союз не намерен «ограничивать право Финляндии на самоопределение и суверенитет». Но все-таки Красная Армия идет в Финляндию «как освободитель нашего народа от гнета капиталистических злодеев», причем «сотни тысяч рабочих и крестьян с радостным нетерпением ожидают приближения Красной Армии»[486].

В тот же день, 2 декабря 1939 г., было объявлено о заключении Договора о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой, который подписали Молотов и Куусинен. В этом документе, как и в предыдущем, также проводится мысль о том, что «финляндский народ образовал свою Демократическую Республику, всецело опирающуюся на поддержку народа», и что теперь «героической борьбой финляндского народа и усилиями Красной Армии ликвидируется опаснейший очаг войны»[487]. Сообщалось также, что принято решение о формировании «Финляндской народной армии», которой Советский Союз обязался оказывать помощь вооружением и прочими военными материалами на льготных условиях.

Однако в действительности части «Финляндской народной армии» стали формироваться задолго до этих событий. Так, в соответствии с приказом наркома обороны Ворошилова 11 ноября 1939 г. началось формирование 106-й стрелковой дивизии, ставшей позже первым соединением этой армии. Командиром дивизии был назначен А. Анттила. Одновременно он являлся и «министром обороны» в «правительстве» Куусинена. Через несколько дней было предпринято формирование финского корпуса. На его укомплектование были вызваны все финны и карелы в возрасте до 40 лет, служившие в войсках ЛВО. К 26 ноября численный состав корпуса насчитывал 13 405 человек, позже он был доведен до 25 тыс.[488]

Особого внимания заслуживают две статьи договора: они регулируют территориальный вопрос и несут важную политическую нагрузку. В них отмечается, что национальным чаянием финского народа является воссоединение с ним карельского народа. В связи с этим выражается согласие Советского Союза передать ФДР территорию Советской Карелии в размере 70 тыс. кв. км и согласие ФДР передать Советскому Союзу территорию севернее Ленинграда на Карельском перешейке в размере 3 970 кв. км. Было также согласовано, что Советский Союз для создания военно-морской базы арендует сроком на 30 лет полуостров Ханко и прилегающую к нему акваторию радиусом от 3 до 4 миль и для охраны этой базы будет содержать ограниченный контингент наземных и воздушных сил. ФДР согласилась также продать Советскому Союзу за 300 млн. финских марок ряд островов в Финском заливе и принадлежащие Финляндии части полуостровов Рыбачий и Средний на побережье Северного Ледовитого океана. Надо сказать, что это самозванное «правительство», которое само находилось на чужой территории, довольно бойко торговало землями, которые ему не принадлежали.

В документе было также согласовано, что договаривающиеся стороны обязуются оказывать друг другу всяческую помощь в случае нападения или угрозы нападения на Финляндию, а также в случае нападения или угрозы нападения через территорию Финляндии на Советский

Союз со стороны любой европейской страны. Обмен ратификационными грамотами предусматривался в Хельсинки[489]. Это также было довольно смелое и самоуверенное решение.

Как подтверждают опубликованные в конце 1989 г. материалы МИД СССР, Молотов основательно редактировал документы, направленные ему Куусиненом. В частности, к проекту Обращения ЦК компартии Финляндии он предложил внести следующие принципиальные изменения: «1. Исходное – не поддержка Сов. Союза, а восстание против правительства капиталистических заправил. 2. Мир и союз с СССР для подъема Финляндии. 3. Независимая и самостоятельная Финляндия возможна только в дружбе с СССР. 4. Финский корпус – создан как основа финл. нар. армии. 5. Внутр. меры – решительнее программа!»

В название проекта Договора о взаимопомощи Молотов предложил включить слово «и дружбе», что, конечно, существенно меняло характер этого документа[490].

Образование «правительства» Куусинена, Договор о взаимопомощи и дружбе, обращение ЦК компартии Финляндии к народу и другие документы тех дней поставили демократические силы страны в исключительно трудное положение. Но они все же решительно выступили против агрессии. Особенно трудно было формулировать свою позицию в войне финским коммунистам, всегда выступавшим за дружбу и сотрудничество с советским народом. Однако большинство из них предпочло участие в оборонительной войне.

Что же касается части руководства компартии Финляндии, находившейся в Советском Союзе, то она, по существу, заняла пораженческую позицию в отношении своей страны. Некоторые из членов нынешнего руководства КПФ считают, что отношение тогдашних руководителей партии к советско-финляндской войне 1939–1940 гг. и связывание имени ЦК партии с образованием «правительства» Куусинена (его еще называют «правительством Териоки») – самая серьезная ошибка в истории партии. Другие же, наоборот, считают, что тогдашний ЦК КПФ отрицательно относился к «зимней войне» потому, что она была чем угодно, но только не «войной за свободу и независимость Финляндии». ЦК партии одобрил образование «народного правительства», потому что именно таким путем он хотел выразить стремление изменить направление политики, и эта цель была правильной.

В соответствии с заявлением председателя Коммунистической партии Финляндии (объединенной) Юрьё Хаканена, сделанным им в начале 1991 г., создание «правительства» Куусинена компартия признала ошибкой. В архивах нет ни одного партийного документа, одобряющего какое-либо решение по вопросу «правительства» Куусинена[491].

Как было объявлено в советской печати, в 1939 г. уже на второй день войны, «1 декабря, в разных частях Финляндии народ восстал и провозгласил создание демократической республики»[492]. Это была грубая фальсификация фактов и попытка дезинформировать советских людей и мировое общественное мнение. Советская пропаганда вопреки фактам утверждала, что «Красная Армия пришла в Финляндию на помощь финскому народу по приглашению его Народного Правительства, чтобы помочь в их борьбе против политических шулеров...»[493].

Таковы были официальные сообщения о событиях первых дней войны. Но имеющиеся в нашем распоряжении архивные документы позволяют кое-что уточнить и дать им несколько иную оценку.

В среде специалистов обсуждается вопрос: являлось ли образование «правительства» Куусинена политической целью Сталина для изменения политического и государственного строя Финляндии или же лишь средством для давления на законное правительство страны без каких-либо далеко идущих намерений?

Очевидно, такая постановка вопроса выглядит несколько абстрактно и не учитывает

конкретно складывавшуюся обстановку того времени. С большой долей уверенности можно предположить: если бы дела на фронте шли в соответствии с оперативным планом, то это «правительство» прибыло бы в Хельсинки с определенной политической целью – развязать в стране гражданскую войну. Ведь обращение ЦК компартии Финляндии прямо призывало различные слои населения подняться на освободительную борьбу и свергнуть «правительство палачей». В обращении Куусинена к солдатам «Финляндской народной армии» прямо говорилось, что им доверена честь водрузить знамя Демократической Финляндской Республики на здании дворца президента в Хельсинки[494].

Но реальные события на фронте, антисоветские настроения среди мировой общественности и опасность вовлечения в войну западных держав вынудили Сталина рассматривать это «правительство» как средство, правда, не очень действенное, для политического давления на законное правительство Финляндии. Эту свою скромную роль оно и выполнило, что, в частности, подтверждается заявлением Молотова шведскому посланнику в Москве В. Ассарссону 4 марта 1940 г. о том, что если правительство Финляндии будет по-прежнему возражать против передачи Советскому Союзу Выборга и Сортавалы, то последующие советские условия мира будут еще более жесткими и СССР пойдет тогда на окончательное соглашение с «правительством» Куусинена[495].

5. Лига Наций постановила

Упомянем еще одну политическую акцию Сталина и Молотова, которая может пролить свет на понимание ими целей войны с Финляндией. Речь идет о реакции Советского Союза на решения Лиги Наций по финляндскому вопросу.

В начале декабря советское правительство отвергло не только предложение правительства Финляндии начать переговоры о прекращении войны, но и посреднические услуги Лиги Наций – международной организации, членами которой были как СССР, так и Финляндия. 3 декабря постоянный представитель Финляндии в Лиге Наций Р. Холсти проинформировал генерального секретаря Лиги Наций Ж. Аvenoля о том, что утром 30 ноября Советский Союз внезапно напал не только на пограничные позиции, но и на финские города, денонсировал мирный договор 1920 г. и пакт о ненападении, срок действия которого истекал в 1945 г. Он просил созвать Совет и Ассамблею, с тем чтобы остановить агрессию[496].

Если Финляндия, как утверждало советское правительство, действительно спровоцировала войну и явилась агрессором, а СССР стал ее жертвой, то логично было бы ожидать, что не Финляндия, а СССР проявит инициативу и обратится в Лигу Наций с соответствующей жалобой, прежде чем применять силу.

Как же реагировало на это обращение Финляндии в Лигу Наций советское правительство? Вот что ответил генеральному секретарю 4 декабря Молотов. Во-первых, Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает финскому народу. Во-вторых, Советский Союз находится в мирных отношениях с ФДР, с правительством которой 2 декабря 1939 г. им заключен договор о взаимопомощи и дружбе. Этим документом урегулированы все вопросы. В-третьих, прежнее правительство Финляндии сложило свои полномочия. В-четвертых, в настоящее время мы совместными усилиями с «правительством ФДР» ликвидируем опаснейший очаг войны, созданный в Финляндии ее прежними правителями.

Если проанализировать эти циничные высказывания Молотова, рассчитанные, видимо, на простачков, то нельзя не признать, что они представляют грубое нарушение элементарных норм морали. Затем Молотов сообщил, что в случае, если будут созваны Совет и Ассамблея для рассмотрения обращения Р. Холсти, советское правительство в них участвовать не

будет.

Тем не менее созванная 11 декабря 20-я сессия Ассамблеи Лиги Наций образовала специальный Комитет по финляндскому вопросу под председательством де Матта. На следующий день Комитет обратился к советскому правительству и правительству Финляндии с призывом прекратить военные действия и при посредничестве Ассамблеи начать немедленные переговоры для восстановления мира. Правительство Финляндии сразу же приняло это предложение, но Молотов вторично ответил отказом. Исчерпав все возможности для прекращения советско-финляндского конфликта, Совет Лиги Наций 14 декабря 1939 г. по настоянию Бразилии и при поддержке других латиноамериканских государств принял резолюцию об исключении СССР из Лиги Наций, осудил «действия СССР, направленные против финляндского государства», и призвал государства – членов Лиги Наций оказать поддержку Финляндии. Кстати, одной из стран, воздержавшихся от голосования, была Норвегия[497].

В «Известиях» от 16 декабря 1939 г. было опубликовано сообщение ТАСС, в котором говорилось, что авторитетные советские круги оценивают эту акцию Лиги Наций как скандальную и незаконную, поскольку из 15 членов Совета за исключение СССР голосовали только 7 членов, остальные отсутствовали или воздержались. «Таким образом, – отмечалось далее в заявлении ТАСС, – вместо того, чтобы содействовать прекращению войны между Германией и англо-французским блоком, в чем, собственно, и должна бы заключаться миссия Лиги Наций, если бы она продолжала оставаться «инструментом мира», нынешний состав Совета Лиги Наций, провозгласив политику поддержки провокаторов войны в Финляндии – клики Маннергейма и Таннера, стал на путь разжигания войны также и на северо-востоке Европы»[498].

Игнорирование советским правительством призыва Лиги Наций интерпретировалось в передовой «Известий» за 17 декабря 1939 г. следующим образом: «Что же касается Советского Союза, то во всяком случае не он останется в проигрыше от женеvского решения. Это решение избавляет СССР от моральной ответственности за «деятельность» женеvского учреждения и в то же время освобождает Советский Союз от обязательств, вытекающих из устава Лиги». «Нами получена свобода рук», – утверждала газета.

Не подлежит сомнению, что позиция Советского Союза в отношении примирительной услуги Лиги Наций была непродуманной и противоправной. Правда, в предыдущие десятилетия в международной практике использование мирных средств разрешения споров между государствами имело необязательный (факультативный) характер. Да тогда еще и не существовало эффективного механизма деэскалации конфликтов. Возможно, им могла бы стать Лига Наций, но советская сторона, как видно, не была заинтересована в ее посреднических услугах.

Последующий ход войны со всей очевидностью показал, что руководство СССР проигнорировало один из старейших и важнейших принципов международного права – принцип уважения суверенитета других стран и невмешательства в их внутренние дела.

6. Мир смотрит на север

Если далее рассматривать советско-финляндскую войну в политическом аспекте, то крайне важно обратить внимание и на то, что она дестабилизировала общую ситуацию в Северной Европе и создавала угрозу вовлечения в войну других стран, что для СССР было крайне опасными последствиями.

В советской исторической литературе можно встретить утверждения, будто Германия в то время была заинтересована в советско-финляндской войне и в победе Финляндии. Это не соответствует действительности. Германия, связанная обязательствами по секретному протоколу с Советским Союзом и войной с западными державами, в советско-финляндской войне соблюдала нейтралитет. Открытие нового театра военных действий в Северной Европе было не в ее интересах по крайней мере по двум причинам: была бы затруднена доставка стратегического сырья из Швеции и Финляндии и на войну отвлекались бы ресурсы Советского Союза, предназначенные для экспорта в Германию. Еще 27 сентября 1939 г. германский посланник в Хельсинки В. Блюхер в пространном донесении Риббентропу отмечал, что доминирующее влияние Англии в экономической жизни Финляндии постепенно ослабевает. Надежда финнов на поддержку Скандинавских стран становится под вопросом. Россия, которую здесь рассматривали как спящего медведя, теперь проснулась и свои экспансионистские устремления направила на Запад. Военная мощь Германии, продемонстрированная в Польше, совершенно изменила соотношение сил на континенте.

Многие финны еще мыслят старыми стереотипами, надеясь, что страна может жить в стороне от международных потрясений, продолжал Блюхер. Страх перед Россией, который никогда не покидал финнов, усилился в связи с вторжением Красной Армии в Польшу. Этот страх охватил даже военное руководство во главе с маршалом Маннергеймом. Изменилось настроение и у министра иностранных дел Э. Эркко, который прежде занимал англофильскую и русофобскую позицию. Ныне же он утверждает, что Финляндия впредь не может вести антирусскую политику, и не возражает предоставить русским в аренду ряд островов в Финском заливе.

«В период польской кампании, – писал Блюхер, – симпатии финнов были не на нашей стороне, но реалистически мыслящие деятели нас не обвиняют. Деловые круги не заинтересованы в осложнении отношений с Англией из-за опасения, что может быть нарушен финский экспорт в эту страну. Финская общественность отрицательно отнеслась к советско-германскому договору и считает, что Германия должна нести ответственность за поведение России в отношении Финляндии»[499].

7 октября 1939 г. Блюхер получил из Берлина категорические указания: мы не должны вмешиваться в русско-финляндские противоречия, и нужно стремиться к установлению между Финляндией и Россией добрых отношений. На последовавшие через несколько дней запросы шведского посланника в Берлине статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Вайцеккер отвечал, что Риббентроп не говорил в Москве о судьбе Финляндии и что, по его мнению, Россия не имеет в отношении Финляндии далеко идущих планов[500].

По поводу предстоящих советско-финляндских переговоров в Москве германский посланник в Хельсинки 10 октября 1939 г. сообщал в Берлин, что если Россия не ограничит свои требования островами и Финским заливом, то Финляндия, по его мнению, будет сражаться. Это вызовет трудности для германской военной промышленности, поскольку из Финляндии будет прекращена доставка меди, молибдена, а также продовольствия и древесины. Далее посланник рекомендовал предложить России не переступать эти требования[501].

В ответ на эту информацию Блюхер получил следующее новое разъяснение от Вайцеккера: известно, что в соответствии с обязательствами, взятыми нами по советско-германскому договору о ненападении, мы не можем поддержать третью сторону. Если мы поддержим Швецию, то это усилит позиции Швеции и Финляндии в их сопротивлении русским, а это нанесет ущерб советско-германским отношениям[502].

Когда война началась, министерство иностранных дел Германии еще раз разъяснило позицию, которой следовало придерживаться германским дипломатическим миссиям: еще несколько дней тому назад при разумной политике Финляндия могла бы договориться с Советским Союзом; обращение Финляндии в Лигу Наций стало негодным средством для

разрешения проблемы; финны отвергали русские предложения прежде всего из-за давления Англии и Скандинавских стран; следует обращать внимание на особую ответственность Англии за развязывание советско-финляндской войны; Германия в этих событиях не участвует; в разговорах следует проявлять симпатию к русской точке зрения и не одобрять действий Финляндии[503].

В связи с этим заслуживает внимания следующий факт. Как 9 декабря доносил в Берлин Шуленбург, командование советского Военно-Морского Флота планирует осуществлять своими подводными лодками блокаду Ботнического залива с целью предотвращения поступления помощи Финляндии от западных держав. В связи с этим советское командование просит, чтобы немецкие суда, следующие в Швецию, снабжали советские подводные лодки горючим и продовольствием при условии возврата этих ресурсов тем немецким кораблям, которые заходят в советские порты.

Шуленбург рекомендовал согласиться с этой просьбой по трем причинам: во-первых, это все равно не повлияет на исход войны; во-вторых, Германия получит компенсацию, например, в советских портах на Дальнем Востоке, где имеются большие возможности для ведения боевых действий германскими военно-морскими силами; в-третьих, это позволит в будущем выдвинуть встречные требования перед советским Военно-Морским Флотом[504]. Главнокомандующий ВМФ Германии гроссадмирал Э. Редер со ссылкой на фюрера дал свое согласие на эту операцию.

И многочисленные другие шаги Германии в ходе советско-финляндской войны подтверждают, что она делала все, чтобы не осложнять советско-германские отношения, имевшие для нее приоритетное значение. В этом конкретном случае советско-финляндская война явилась еще одним испытанием на прочность советско-германского договора, и он выдержал это испытание.

Так, Берлином была отвергнута просьба финляндского правительства разрешить транзит военных материалов в Финляндию через германскую территорию. Только по указанию Гитлера был пропущен один эшелон с итальянскими военными самолетами, закупленными финнами еще до войны[505]. 19 декабря Германия заявила шведскому правительству, что выступление Швеции на стороне Финляндии может привести к репрессивным военным мерам против нее. Когда Блюхер, сославшись на слухи в Хельсинки, попросил проинформировать его о позиции Германии в случае, если Швеция будет оказывать помощь Финляндии, Риббентроп ответил: «В этих делах посол не должен принимать участие. Мы в этом конфликте нейтральные и мы имеем другие заботы, чтобы не заниматься подобными гипотетическими возможностями. Основой нашей позиции по делам Северной Европы является наша дружба с Советским Союзом»[506].

Любопытно, что в беседе с известным шведским писателем, сторонником фашизма Свенном Гедином 4 марта 1940 г. Гитлер оправдывал действия Сталина против Финляндии. Он заявил, что Сталин не требовал от нее ничего, кроме как прохода к незамерзающему морю. Сейчас Сталин серьезно изменил свою политическую позицию: он не является больше международным большевиком, а демонстрирует себя в качестве русского националиста, преследующего естественную в своей основе политику русских царей. Он требует выхода к незамерзающим портам, передвижки границы от Ленинграда, предоставляя финнам компенсацию в Карелии. Поэтому финнам, говорил Гитлер, было бы разумно на этой основе помириться с русскими[507]. Гитлер отверг предложенное Гедином посредничество, ибо, по его словам, финны будут его не благодарить, а только упрекать за потерю Ханко и других территорий.

Тем не менее попытки посредничества со стороны Германии все же имели место. Так, 13 февраля 1940 г. Риббентроп предложил Блюхеру выяснить возможность секретной встречи в Берлине советских представителей хотя бы с Паасикиви. Через несколько дней Блюхер

доложил, что по этому вопросу у него состоялась беседа с Таннером. Но финляндский министр иностранных дел расценил попытку посредничества как стремление ослабить волю финского народа к сопротивлению и окончательного и определенного ответа не дал[508]. В начале марта 1940 г., когда развернулись бои за Выборг, правительство Финляндии обратилось в Берлин с просьбой повлиять на Советский Союз, чтобы он отказался от Выборга и территории северо-западнее Ладожского озера. Блюхер рекомендовал поддержать эту просьбу финнов, так как в интересах Германии было, чтобы такой важный порт и промышленный центр, как Выборг, оставался у финнов[509].

Заключение мира 12 марта 1940 г. в политических кругах Берлина было встречено с удовлетворением. Как записал в дневнике И. Геббельс, оно считалось здесь «большой дипломатической победой» Германии[510].

Наиболее полно и обстоятельно позиция Германии в отношении советско-финляндской войны и ее оценка были изложены в меморандуме советника германского посольства в Москве фон Типпельскирха от 25 января 1940 г. Этот документ свидетельствует об образе мышления германской дипломатии в связи с советско-финляндской войной.

Типпельскирх приходит к выводу, что советско-финляндская война с немецкой точки зрения в силу разных причин определяется неоднозначно, потому что она приносит Германии как трудности, так и преимущества. К числу первых автор относит тот факт, что война поставила Германию в крайне неудобное положение и этим пользуются ее враги в своей пропаганде. Военная обстановка и непредсказуемость ее итогов в значительной мере нарушили германо-финляндскую торговлю и в ущерб Германии ухудшили экономические показатели Советского Союза. Кроме того, СССР скомпрометировал себя перед лицом всего мира, что для Германии, как союзника Советского Союза, далеко не безразлично. В дальнейшем не исключено, что СССР может быть втянут в войну с Англией и Францией и Германия потеряет его как экспортера и как гаранта стабильности своего стратегического тыла.

Наряду с приведенными недостатками, продолжает Типпельскирх, война создала для Германии и немало преимуществ. Так, советское правительство в настоящее время приходит к осознанию того, что трудности войны отрезвляюще подействовали на оценку своего мнимого превосходства и собственных достижений. После «прогулки» в Польше, где основную роль сыграл вермахт, и после удачных акций в Прибалтике финляндская война представлялась Советскому Союзу довольно легкой акцией. Но исключительные трудности и неудачи, особенно в связи с «правительством» Куусинена, являются для Советского Союза и Коминтерна своеобразным предупреждением, ослабляя их идеи о мировой революции в желаемом для них виде. Возможно, эти обстоятельства и отодвинут срок решения вопроса о Бессарабии, что будет выгодно нам, имеющим на Балканах политические и военные интересы, продолжал Типпельскирх. В том же плане следует рассматривать и предупредительное отношение Советского Союза к Японии.

В силу изложенных причин не исключено, что Советский Союз должен будет все теснее привязываться к Германии. Его новые дружественные отношения с Германией, участие СССР в разделе Польши и советское нападение на Финляндию привели к изменению отношения других стран к Советскому Союзу. Отсюда напрашивается вывод, что союзнические отношения с Германией имеют для Советского Союза в данное время исключительное значение[511].

Союзница Германии Италия безоговорочно выступила на стороне Финляндии, разными путями содействовала ей и отозвала из Москвы своего посла. Вместе с тем, судя по оценке ситуации, сложившейся в регионе Прибалтики после заключения мира, которая была изложена Блюхером в донесении 13 марта 1940 г., Германия должна будет учитывать возросшее влияние Советского Союза на Скандинавию и на пути в Балтийском море, что не может не беспокоить Германию[512]. Конечно, в военных кругах Берлина, как отмечал в

дневнике генерал Ф. Гальдер, были довольны тем, что «конфликт с Финляндией толкает Россию в антианглийский лагерь»[513].

Что же касается Англии и Франции, то они были целиком на стороне Финляндии, предпринимая все, чтобы не допустить ее поражения. Черчилль назвал советскую акцию «презренным преступлением против благородного народа». Даладье закрыл в Париже советскую торговую миссию. Папа римский молился за спасение Финляндии. Благожелательное для Финляндии послание правительства Уругвая было зачитано перед финляндским парламентом[514].

Советское правительство с самого начала войны против Финляндии понимало возможную реакцию со стороны западных стран. Поэтому советское командование планировало ее как быстротечную операцию. Так, в приказе Ворошилова и Шапошникова от 2 декабря, т. е. на третий день войны, отмечалось медленное, нерешительное продвижение 8-й и 9-й армий. «Мы не можем долго болтаться в Финляндии, двигаясь по 4–5 км в сутки. Нужно поскорее кончать дело решительным наступлением наших войск»[515].

Озабоченность советского командования была небеспочвенной. Реальность состояла в том, что при затяжке войны на стороне Финляндии могли выступить Англия и Франция.

Советское правительство постоянно твердило, что Англия подстрекает Финляндию к антисоветским действиям. Но в Лондоне это обвинение категорически отрицали. Английский посол в Москве Сидс, уезжая в конце декабря 1939 г. в отпуск, посетил заместителя наркома иностранных дел В. П. Потемкина и имел с ним длительную беседу. Посол заявил, что Англия желает сохранить дружелюбные отношения с Советским Союзом, она не подстрекает Финляндию, потому что желает сохранения мира в Скандинавии, и выступает за нейтралитет Советского Союза. Посол сообщал далее, что Англия давала финнам советы благоразумия и упрямство Таннера не вызывало в Лондоне одобрения. После отказа от дальнейших переговоров с финнами, продолжал посол, Советский Союз занял «великолепную» позицию, воздерживаясь от посягательств на всю Финляндию и ограничиваясь только объектами, о которых Сталин говорил при переговорах с Таннером – Паасикиви. Посол заверил Потемкина, что официально Англия не оказывает помощь Финляндии – это делают общественные организации, предприятия и частные лица[516].

Но высказывания Сидса не соответствовали действительности. Уже в середине декабря 1939 г. в Лондоне обсуждался план, как добиться от Швеции и Норвегии разрешения на вступление на их территорию англо-французских войск с целью оказания совместной помощи Финляндии. Тогда верховный военный совет Англии и Франции опасался, что советским войскам удастся быстро достичь границ со Швецией и Норвегией. Но в конце декабря 1939 г., видя, что военные действия в Финляндии не создают непосредственной опасности для Швеции и Норвегии, союзники наметили более осторожный план. Они заверили правительства этих стран о своей готовности оказать им помощь, но получили решительный отказ. В последующем верховный военный совет продолжал обдумывать различные варианты для одновременного решения двуединой задачи: оказания помощи Финляндии, если она сама попросит ее, и овладения шведским железорудным бассейном с согласия Швеции. Но Швеция отвергла этот план, а в начале марта 1940 г. в связи с советско-финляндскими мирными переговорами он уже перестал быть актуальным[517].

С позицией Англии и Франции солидаризировались и Соединенные Штаты Америки. Уже в начале декабря 1939 г. в стране шла дискуссия по поводу возможности разрыва отношений с Советским Союзом. 7 февраля 1940 г. в палате представителей состоялось обсуждение предложения об отзыве из Москвы американского посла, и лишь трех голосов не хватило для его принятия[518].

В январе 1940 г. конгресс США одобрил продажу Финляндии 10 тыс. винтовок, в Хельсинки

была послана большая группа американских военных летчиков, поощрялся набор добровольцев, причем Белым домом было заявлено, что вступление американских граждан в финскую армию не противоречит закону о нейтралитете США.

Мнение правительства и американского народа по поводу советской агрессии против Финляндии выразил президент Фр. Д. Рузвельт. Выступая на собрании американской молодежи в феврале 1940 г., он с горечью заявил: «Более двадцати лет назад, в то время, когда большинство из вас были совсем маленькими детьми, я решительно симпатизировал русскому народу... Я, как и многие другие из вас, надеялся, что Россия решит свои собственные проблемы и что ее правительство в конечном счете сделается миролюбивым правительством, избранным свободным голосованием, которое не будет покушаться на целостность своих соседей. Сегодня эта надежда или исчезла, или отложена до лучшего дня. Советский Союз, как сознает всякий, у кого хватает мужества посмотреть в лицо фактам, управляется диктатурой столь абсолютной, что подобную трудно найти в мире. Она вступила в союз с другой диктатурой и вторглась на территорию соседа столь бесконечно малого, что он не мог представлять никакой угрозы, не мог нанести никакого ущерба Советскому Союзу, соседа, который желал одного – жить в мире как демократическая страна, свободная и смотрящая вперед демократическая страна»[519].

Американский посол Штейнгардт в беседе с Молотовым 1 февраля 1940 г. напомнил о возможности мира с Финляндией. Однако Молотов сказал, что базой для установления мира может быть только договор с «народным правительством Финляндии». 8 марта 1940 г. Штейнгардт снова предложил Молотову свои посреднические услуги, заявив, что проживающие в США 15 млн. выходцев из Скандинавии, из них 3–4 млн. составляют финны, оказывают сильное давление на правительство, чтобы оно больше помогало Финляндии[520].

Политические партии разных стран также неодинаково относились к этой войне. Буржуазные партии однозначно выступали за всестороннюю военно-политическую и моральную поддержку Финляндии, расценивая действия Советского Союза как агрессию. Они были инициаторами формирования в ряде стран добровольческих частей для оказания помощи финской армии. II Интернационал и социал-демократические партии также поддерживали Финляндию, одновременно требуя прекращения войны. Католические партии и организации выступали с пацифистских позиций. По-разному, в зависимости от политической ориентации, относились к войне национальные профсоюзы.

Коминтерн и коммунистические партии разоблачали финскую военщину, обосновывали правомерность действий Советского Союза, выступали против подстрекательской линии западных держав. Они считали, что в интересах всех трудящихся является локализация и прекращение кровопролития. Такую же позицию занимали сторонники IV Интернационала и лично Л. Д. Троцкий, выступая в защиту интересов Советского Союза – «первого государства рабочих и крестьян». Вместе с тем они предлагали отделять интересы советского народа от «сталинского режима», который своим террором и антинародным характером ослабляет военные усилия Советского Союза в борьбе против международного империализма. Они призывали трудящихся Финляндии и других капиталистических стран свергнуть свои буржуазные правительства и тем самым содействовать правому делу Советского Союза.

Свои услуги финским войскам предлагали и антисоветские группы русской и украинской эмиграции. Они были готовы послать в Финляндию добровольческие легионы и собирать пожертвования. А некоторые руководители эмиграции в ответ на образование «правительства ФДР» во главе с Куусиненом предлагали западным странам и Финляндии согласиться на провозглашение «русского национального правительства в эмиграции» во главе с Троцким или Керенским. Так, по сведениям германской службы безопасности, в финских лагерях для советских военнопленных в начале марта началась вербовка тех, кто пожелает сражаться с войсками Красной Армии. Завербованные 200 человек были

распределены по пяти финским батальонам под командованием бывших царских офицеров. До заключения мира успел принять участие в боевых действиях только один отряд. Ему удалось взять в плен 200 советских красноармейцев[521].

По просьбе правящих кругов Финляндии в ряде стран Западной и Северной Европы, особенно в Швеции и Норвегии, развернулась кампания по набору добровольцев для участия в войне на стороне Финляндии. Всего прибыло 11 тыс. таких добровольцев, в том числе шведов – 8 тыс., норвежцев – 1 тыс., датчан – 600, остальные – из других стран. Все они не имели достаточной военной подготовки, поэтому к 1 марта 1940 г. на фронт было направлено только два батальона и две артиллерийские батареи.

В ходе войны Финляндия из 13 западных стран получила 500 орудий, 350 самолетов, свыше 6 тыс. пулеметов, около 100 тыс. винтовок, 2,5 млн. снарядов и другое вооружение и снаряжение. Правда, опасаясь превращения территории Финляндии в поле битвы с вытекающими отсюда ужасными последствиями, финские правящие круги не рискнули официально призвать Англию и Францию непосредственно вмешаться в советско-финляндскую войну. Но существовала реальная опасность того, что Англия, Франция и Турция могут разорвать с СССР дипломатические отношения. Разрабатывались также планы бомбардировки промышленных центров на Кавказе.

Однако военный пожар в Северной Европе все же был потушен. Скандинавский регион не был превращен тогда в новый очаг второй мировой войны. Это произошло несколько позднее. Советско-финляндскую войну, продолжавшуюся сто пять дней, удалось локализовать.

7. Горячие дни дипломатов

Одна из важных особенностей советско-финляндской войны состоит в том, что с самого ее начала параллельно с боевыми действиями шла и активная дипломатическая работа. В этом была заинтересована прежде всего финская сторона. Советский Союз, связанный обязательствами с «правительством ФДР», естественно, хотел только победы и того, чтобы это «правительство» находилось в столице Финляндии. Неудивительно, что когда через Стокгольм Молотова известили о готовности Финляндии вести переговоры о прекращении войны, он ответил, что советское правительство признает только «правительство ФДР», и не проявил к этому предложению должного интереса[522].

Возможность реальной обоюдной заинтересованности в заключении мира появилась, когда война для обеих сторон вступила в критическую фазу. Для Советского Союза возникла опасность вмешательства в войну западных держав. В Финляндии война все больше превращалась в тяжелое экономическое и морально-политическое бремя для населения, что вынуждало даже военные круги думать о ее прекращении.

Такое время наступило в конце декабря 1939 г. и особенно в январе 1940 г. Именно тогда с обеих сторон и была развернута активная дипломатическая деятельность. В прекращении войны были заинтересованы также Швеция и Норвегия, ставшие поэтому посредниками в контактах советских и финских представителей. В эту работу включились и некоторые видные общественные деятели Финляндии и Скандинавских стран. Так, по заданию Таннера в Стокгольм 10 января для встречи с советскими представителями с целью зондажа прибыла финская общественная деятельница, писательница Хейла Вуолийоки. Таннер ориентировал ее в том смысле, что, мол, финляндское правительство не предполагало в ноябре 1939 г., что Советский Союз начнет военные действия. Оно ожидало советского ультиматума, с тем чтобы, ссылаясь на него, убедить сейм принять предлагаемые условия. По словам Таннера,

раньше правительство не могло принять эти условия, так как агрессивные настроенные шюцкоровцы могли бы развязать в стране гражданскую войну. Сейчас, по его мнению, это сделать можно, потому что, во-первых, многие шюцкоровцы погибли на фронте и, во-вторых, Финляндия не устоит перед новым наступлением советских войск.

После неоднократных согласований с советским посланником в Швеции А. М. Коллонтай 21 января встреча Х. Вуолийоки с прибывшими из Москвы представителями НКВД СССР Ярцевым и Грауэром состоялась. На ней было сообщено, что правительство и сейм Финляндии согласны принять в основном те условия, по которым советское правительство договорилось с «правительством» Куусинена[523].

Впоследствии Х. Вуолийоки вспоминала, что советские представители проявили «исключительно глубокое понимание и дружбу в отношении нашего народа, выражали сожаление по поводу положения дел и самое гуманное стремление помочь заключению мира»[524]. Одновременно по предложению СССР к посреднической миссии подключилось и правительство Швеции. В беседе с А. М. Коллонтай его премьер-министр А. Ханссон подчеркнул заинтересованность в ускорении окончания, как он выразился, «интермеццо» в Финляндии. Далее он сказал: «При затяжке конфликта еще на 2–3 месяца кабинету будет крайне трудно отводить нажим „интервенционистов“... (так назывались в Швеции сторонники вмешательства Англии и Франции в советско-финляндскую войну). И затем А. Ханссон сообщил А. М. Коллонтай: „Неужели неясно в Москве, что если вы придете к соглашению с правительством Рюти – Таннера, это будет самым горьким ударом для Англии?“ Если конфликт затянется, завершил беседу шведский премьер-министр, то Англия создаст в Скандинавии свой плацдарм и перенесет сюда войну.

В первой половине февраля 1940 г. после прорыва советскими войсками линии Маннергейма Стокгольм дважды посещал Таннер. Он встречался с Коллонтай, а затем с министром иностранных дел Х. Гюнтером и премьером А. Ханссоном. Шведские руководители настоятельно рекомендовали Финляндии занять самостоятельную позицию в переговорах с СССР и не провоцировать втягивание Скандинавских стран в войну.

Дипломатическую активность проявило в это время и правительство Норвегии. Норвежский министр иностранных дел Х. Кут в январе 1940 г. направил через А. М. Коллонтай пространное письмо Молотову. В этом письме он изложил свой план ликвидации конфликта. Кстати, о своем плане Кут проинформировал и германского посла в Норвегии Бройера еще 15 декабря 1939 г.[525] Суть плана сводилась к следующему: Финляндия могла бы заключить специальный пакт с СССР и Эстонией о безопасности Финского залива и рассматривать его как закрытую акваторию для иностранных военных судов и совместно защищать его. Такой пакт мог бы заменить пакт о взаимопомощи, предложенный Советским Союзом, но не принятый Финляндией из-за ее ссылки на свой нейтральный статус. Данный документ мог бы быть дополнен пактом, который можно было бы заключить между Финляндией и Швецией с целью нейтрализации Ботнического залива. И далее Кут предложил свое посредничество в организации возможных переговоров между СССР и Финляндией.

Обращение Кута к советскому правительству и одновременно его попытки повлиять на финляндское правительство было отражением тех миролюбивых настроений, которые тогда были широко распространены среди норвежцев и содействовали процессу установления мира на севере Европы.

Свой вклад в посредническую миссию в феврале 1940 г. внес и В. Ассарссон, только что назначенный шведским посланником в Москве. При вручении верительной грамоты 20 февраля 1940 г. он сообщил Молотову, что Швеция сейчас понимает, что Финляндия должна пойти на уступки, возобновить переговоры, и что Швеция готова передать предложения Советского Союза.

Молотов ответил, что в данный момент ясно, что Финляндия предназначалась в качестве чужого плацдарма для действий против СССР. Теперь, когда пролилась кровь, для СССР уже недостаточны те минимальные условия, которые его удовлетворяли до войны. Теперь Советский Союз не может ограничиться лишь частью Карельского перешейка и требует территорию всего перешейка, включая Выборг и районы севернее Ладожского озера. Остается также в силе и требование относительно Ханко. Вместе с тем советское правительство готово рассмотреть вопрос о гарантировании безопасности Финского залива путем заключения соглашения между СССР, Финляндией и Эстонией. (В этом пункте нетрудно заметить наличие идеи, предложенной в упомянутом выше письме Х. Кута.) Некоторые из занятых войсками Красной Армии территорий севернее Ладожского озера могли бы быть обменены на другие нужные Советскому Союзу части территории Финляндии. Советское правительство также не возражает вернуть Финляндии Петсамо.

Но Молотов предупредил шведского посланника, что, во-первых, все это возможно при условии, если война не затянется и положение еще более не осложнится, и, во-вторых, данные сведения предназначаются только для правительства Швеции без передачи Финляндии до тех пор, пока не станет ясным, что она принимает советские предложения как базу для соглашения с СССР.

Через день Ассарссон сообщил Молотову, что финляндское правительство не отказывается принять помощь западных держав, но, чтобы избежать ее, оно готово урегулировать конфликт на условиях Советского Союза и предлагает направить в Стокгольм делегацию для встречи с финляндской делегацией. Молотов попросил дополнительной информации об условиях Финляндии, которые на следующий день, т. е. 23 февраля, и были представлены Коллонтай Х. Гюнтером. Ответ гласил: Финляндия в принципе согласна на все условия Советского Союза.

Но в последующие дни обстановка все же не была достаточно ясна. Правительство Великобритании на запрос Советского Союза отказалось от посреднической роли. Не совсем понятна была позиция финляндского правительства и сейма, потому что целью очередной поездки Таннера в Стокгольм 27 февраля были не переговоры с Коллонтай, а обращение с просьбой к Швеции о предоставлении немедленной помощи. Лишь 1 марта в связи с безнадежным положением на фронте и под давлением высшего командного состава и прежде всего Маннергейма правительство Финляндии согласилось на мирные переговоры, о чем и было сообщено Коллонтай.

В связи с дипломатическим зондажом, который происходил в Стокгольме, следует особо отметить ту важную роль, которую в нем сыграла А. М. Коллонтай. В столице Швеции говорили тогда, что если бы полпредом здесь была не Коллонтай, то Швеция уже была бы втянута в конфликт и воевала бы с русскими. Эта уже немолодая женщина, перенесшая накануне первый инсульт, несла тяжкое бремя напряженных предварительных мирных контактов. Рассказывают, что автомобиль советского полпреда в те дни постоянно стоял у подъезда на площади им. Густава-Адольфа, где находилось шведское министерство иностранных дел.

Согласившись на переговоры, финляндское правительство тем не менее не торопилось посылать делегацию в Москву. Финны сообщили о своем несогласии отдать города Выборг и Сортавалу. 4 марта Молотов информировал В. Ассарссона, что советское правительство больше не уступит и что только из-за уважения к миролюбивой политике Швеции оно готово подождать еще несколько дней. В дальнейшем советские условия будут более жесткими.

В этой обстановке по-прежнему важную роль играла миротворческая позиция Швеции и Норвегии. 5 марта шведское правительство заявило финнам, что оно не пропустит через свою территорию англо-французские войска, и настоятельно посоветовало Финляндии немедленно прекратить боевые действия и выслать делегацию в Москву для мирных

переговоров.

После некоторых препирательств и колебаний утром 5 марта в Хельсинки было решено не обращаться за помощью к Западу, точнее говоря, отложить это обращение до 12 марта и принять советские мирные условия. Шведы срочно передали в Москву эту важную новость и со своей стороны предложили финнам прекратить военные действия с 6 марта. Правда, в этот день война еще продолжалась, но зато утром следующего дня финская мирная делегация во главе с премьер-министром Рюти вылетела из Стокгольма в Москву. В ее составе был и Ю. Паасикиви. В итоге четырехдневных переговоров 11 марта, после того как советская делегация не согласилась прекратить боевые действия до заключения мирного договора, финляндский кабинет и внешнеполитическая комиссия сейма приняли советские условия. Сейм в целом утвердил условия мира большинством голосов. Среди депутатов, голосовавших против, был и У. К. Кекконен – будущий президент страны. На следующий день мирный договор и протокол к нему были подписаны. Спорные вопросы были урегулированы в пользу Советского Союза.

В соответствии с договором в состав территории СССР вошли весь Карельский перешеек (включая г. Выборг), Выборгский залив с островами, западное и северное побережья Ладожского озера с городами Кексгольм, Сортавала, Суоярви, часть полуостровов Рыбачий и Средний и небольшие территории восточнее населенных пунктов Меркярви и Куолаярви. Финляндия сдала Советскому Союзу в аренду сроком на 30 лет полуостров Ханко с прилегающими островами с правом создания на нем военно-морской базы. СССР обязался вывести свои войска из области Петсамо. Финляндия обязалась не устраивать на своем северном побережье военные порты и не содержать в этих водах военные суда, кроме мелких единиц. Советский Союз получил право свободного от таможенного контроля транзита через область Петсамо в Норвегию и обратно, как и право транзита товаров между СССР и Швецией. СССР и Финляндия обязались не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против одной из договаривающихся сторон[526].

Заключение мирного договора означало, что хотя и несправедным путем и дорогой ценой, но стратегические позиции СССР на северо-западе были несколько улучшены. Теперь расстояние от Ленинграда до новой границы составляло не 32, а 150 км. Определенное значение для развития этого региона имели расположенные здесь города. Например, Выборг с населением свыше 80 тыс. человек представлял собой промышленный центр, крупный морской порт и железнодорожный узел. Через него проходило пять железных и семь шоссейных дорог. Город расположен в устье Сайменского канала, который связывает его с озерной системой, обеспечивающей судоходство на сотни километров в глубь страны. В городе Кексгольм проживало около 5 тыс. жителей. Здесь были развиты рыбный промысел и лесная промышленность. В городе Сердоболь с населением 5 тыс. человек имелись бумажная фабрика, целлюлозный завод, недалеко от города добывался ценный гранит, имелись месторождения железных руд. В городе Питкярнте была развита горнодобывающая промышленность. В этом же регионе расположено крупнейшее озеро Европы – Ладожское. В нем находится множество островов. На берегу расположено несколько городов.

Правда, по условиям мира Советский Союз не требовал от Финляндии выплаты репараций. Более того, финнам было разрешено эвакуировать с занятых территорий 350 судов и барж, 75 паровозов, 2 тыс. железнодорожных вагонов и другое имущество.

Нельзя сказать, что принятые Финляндией советские требования имели умеренный характер. Они нанесли ей серьезный экономический, политический и моральный ущерб. На территориях, отходивших к Советскому Союзу, до войны проживало 450 тыс. человек, т. е. каждый восьмой житель страны. Их эвакуация в глубь Финляндии продолжалась 12 дней и была хорошо организована. Весь народ принимал участие в обустройстве беженцев. По утверждению финских исследователей, эта эвакуация являлась одной из самых больших

трагедий нонкомбатантов в истории второй мировой войны[527]. Поэтому надежда на то, что после заключения мира откроются благоприятные перспективы для развития отношений между обеими странами в духе добрососедства, не оправдалась. Правые круги Финляндии нашли теперь поддержку для разжигания реваншистских настроений не только в правительстве, но и среди широкой общественности. Правительство Финляндии считало мирный договор несправедливым, навязанным ей военной силой и рассматривало сложившуюся после марта 1940 г. ситуацию не столько как мир, сколько как перемирие. Правые силы сразу же после завершения «зимней войны» стали готовиться к «войне продолжения», они стремились дискредитировать мирный договор. В стране фактически было сохранено военное положение, усиливалось влияние милитаристских кругов.

Советское руководство, как свидетельствуют материалы переговоров Молотова с Гитлером в Берлине в ноябре 1940 г., также не считало «финляндскую проблему» окончательно решенной.

Однако усиление влияния Советского Союза в Северной Европе и улучшение его стратегических позиций в этом регионе было не в интересах Германии. После победы над Францией она стала непосредственно готовить агрессию против Советского Союза, создавая для этой цели соответствующий блок соседних с СССР стран, в который вошла и Финляндия. В ноябре 1940 г. Финляндия присоединилась к Тройственному пакту. Так, по словам У. Кекконена, «был «узаконен» мезальянс между традиционно демократической Финляндией и национал-социалистической диктатурой «Великой Германии»[528].

После того как советская авиация 25 июня 1941 г. нанесла ряд ударов по финским аэродромам, на которых дислоцировались немецкие самолеты, 26 июня президент Рюти объявил по радио о состоянии войны с Советским Союзом[529]. Но активные боевые действия с территории Финляндии начались только 29 июня.

Таким образом, финский народ был вновь втянут в войну против Советского Союза, в ходе которой финские войска в сентябре 1941 г. оккупировали не только территорию, отошедшую к СССР по мирному договору 1940 г., но и не принадлежавшую Финляндии большую советскую территорию вплоть до рек Сестра и Свирь, охватив Ленинград с севера и востока.

Трагедия Ленинграда и резкое ухудшение стратегической обстановки для советских войск на северо-западном направлении в 1941–1943 гг. прямо связаны с итогами агрессии Советского Союза против Финляндии в 1939–1940 гг. Прав был бывший финляндский посол в США историк К. Лундин, когда писал: «Даже в терминах самой прагматичной, реальной политики теперь очевидно, что все советское предприятие было хуже, чем преступление, оно было ошибкой. Благодаря московской политике, толкнувшей Финляндию к сотрудничеству с Германией, русские оказались скучены в опасно ограниченном оборонительном периметре Ленинграда в условиях несравненно менее благоприятных, чем в 1939 г.»[530].

При оценке позиций сторон в советско-финляндской войне и вытекающих из нее уроков невольно вспоминается афоризм: выйти сухим из воды, конечно, можно, но важно при этом оказаться и чистым. Если перефразировать его применительно к рассматриваемой войне, то можно сказать так: да, действительно, Советский Союз добился победы, но была ли эта победа морально чистой?

В литературе, в том числе советской, посвященной советско-финляндской войне, встречаются утверждения, что главными ее виновниками являются все, кто причастен к развязыванию и поощрению второй мировой войны. Подобное утверждение не проясняет поставленный вопрос. Во-первых, советско-финляндская война, хотя она хронологически протекала в рамках второй мировой войны, не была ее составной частью, так как Германия, Италия, Франция и Англия не участвовали в советско-финляндской войне. Это была локальная война двух стран. Во-вторых, подобное утверждение невольно затушевывает саму

проблему виновности, мешает выявить подлинных виновников этой войны.

Трудно отказаться от упрека в адрес правящих кругов Финляндии, недооценивших серьезность, с которой вели предвоенные переговоры Сталин и Молотов, и их понимание интересов Советского Союза в этом регионе. В Хельсинки должны были осознавать: советское руководство настойчиво добивается того, чтобы ему была предоставлена возможность эффективно контролировать политическое поведение своих западных соседей, включая и Финляндию.

Ясно, что при таких политических амбициях Сталина война Советского Союза не могла быть справедливой. Основную ответственность за нее несут советские руководители, лично Сталин, Молотов и Ворошилов. Именно они, уповая на военное превосходство Советского Союза, не учитывали возможности политических средств для разрешения спора. Они не только не потушили разгоравшийся пожар в его зародыше, но и игнорировали примирительные шаги со стороны финнов, проявили инициативу в развертывании военных действий.

В политическом плане эта война нанесла Советскому Союзу серьезный ущерб. Авторитарно-волюнтаристский подход Сталина к решению проблемы взаимоотношений с Финляндией дорого обошелся нашей стране. Был нанесен удар по международному престижу Советского Союза, завоеванному в 30-е годы, когда СССР последовательно разоблачал фашистских агрессоров, стремился создать систему коллективной безопасности, уважать независимость и свободу всех, особенно малых, стран. Мировой общественности было трудно понять, почему великий Советский Союз в споре с небольшой соседней страной не смог избежать применения силы.

Инициативу советского руководства в этой войне нельзя оправдать никакими соображениями, пусть даже такими жизненно важными, как обеспечение безопасности Ленинграда. Эта война была следствием недальновидной политики Сталина и его окружения, их великодержавных замашек и нежелания учитывать реалии. Она еще раз подтвердила, что любая попытка обеспечить свою безопасность несправедливыми методами за счет игнорирования безопасности других стран неизбежно ведет к грубым нарушениям общепринятых норм международного права, к международной изоляции государства-агрессора, к потере его престижа среди других государств мирового сообщества.

Советско-финляндская война нанесла удар по престижу не только страны и ее армии, но и лично Сталина. Как писал Л. Д. Троцкий 13 марта 1940 г. в статье «Сталин после финляндского опыта», «наряду с дипломатом и стратегом поражение потерпел «вождь мирового социализма» и «освободитель финского народа»[531].

Из-за войны были оборваны и те тонкие нити сотрудничества, которые существовали между СССР и Финляндией, подорвано влияние коммунистической партии Финляндии и тех левых общественных сил, которые всегда выступали за дружбу и сотрудничество с Советским Союзом. Решение советского правительства по проблеме Финляндии не учитывало интересов другой стороны, игнорировало общественное мнение, принималось антидемократическим, келейным путем.

8. Пиррова победа?

У советских людей к советско-финляндской войне особый счет. После гражданской она стала первой войной, которая так взбудоражила нашу страну, принесла во многие семьи горе и страдания. Правда, после первых дней декабрьских боев она проходила мимо сознания

большинства советских людей, и прежде всего тех, кто не получал похоронок и вообще знал о ней только по публикуемым в печати победным реляциям.

Одним из тех, кто испытал подобное чувство, был и Константин Симонов. Он гордился тем, что был активным участником боев, только что завершившихся на реке Халхин-Гол в Монголии. Но, как вспоминал он позже, было нечто такое, что мешало «душевно стремиться на эту войну Советского Союза с Финляндией так, как я стремился, даже рвался попасть на Халхин-Гол...».

Война «кончилась, – писал он далее, – в итоге удовлетворением именно тех государственных требований, которые были предъявлены Финляндии с самого начала, в этом смысле могла, казалось бы, считаться успешной, но внутренне все мы пребывали все-таки в состоянии пережитого страной позора...» Правда, продолжал писатель, «с подобной прямоотой об этом не говорилось вслух, но во многих разговорах такое отношение к происшедшему подразумевалось. Оказалось, что мы на многое не способны, многого не умеем, многое делаем очень и очень плохо»[532].

По своим личным наблюдениям и на основании бесед с Молотовым Шуленбург уже в начале января 1940 г. пришел к выводу, что советско-финляндская война была непопулярна среди советских людей. Страх перед предстоящей большой войной, сглаженный заключением советско-германского договора, снова вспыхнул в связи с началом советско-финляндской войны, докладывал он в Берлин. Настроение людей падает в связи с неудачами на фронте, население опасается повышения цен, вызывает беспокойство прибытие с фронта большого количества обмороженных красноармейцев[533]. Аналогичную информацию направляли своим правительствам и посольства других стран в Москве.

Некоторые государственные деятели Финляндии давали свою оценку политике финских правящих кругов накануне войны. Например, Ю. Паасикиви еще в 1946 г. отмечал, что в 20–30-х годах Советская Россия была слаба и в Финляндии полагали, что она «будет всегда находиться в таком состоянии и должна быть оттеснена в восточный угол Финского залива, который настолько узок, что, как нам говорили русские в Тарту, в нем крупный корабль вряд ли может повернуться. Но в 1939 г. дело обстояло иначе»[534].

Нельзя не согласиться с президентом Финляндии У. Кекконеном, который отмечал, что безопасность как Финляндии, так и Ленинграда – это проблема вековой давности и попытка разрешить ее войной никогда не приводила к успеху. «Национальные предрассудки и политическое недоверие не давали возможности найти решение этой проблемы на путях сотрудничества, основанного на взаимном доверии. Надо было пройти через ужасные страдания, прежде чем мы смогли прийти к выводу, что самая лучшая гарантия безопасности в отношениях между Финляндией и Советским Союзом – это доброе соседство, основанное на взаимном доверии, что включает в себя также уважение самобытной жизни другой страны»[535].

Установившиеся в послевоенное время добрососедские взаимоотношения между СССР и Финляндией не препятствуют, а, наоборот, предполагают всестороннее и объективное рассмотрение трагических страниц в истории наших стран, и, разумеется, особенно войны 1939–1940 гг., в интересах дальнейшего укрепления этого добрососедства. В одном из своих заявлений 19 сентября 1974 г. президент Финляндии У. Кекконен сказал: «Дело не в том, чтобы стыдиться мрачного прошлого, даже если оно обогрето кровью. Из такого прошлого надо извлекать уроки»[536]. Призыв извлечь уроки из прошлого касается, очевидно, и Советского Союза.

Официальные представители Финляндии отвергают утверждения, что именно их страна начала войну против СССР или спровоцировала ее. Об этом, в частности, заявил глава финской делегации на переговорах в Москве в марте 1944 г. Ю. Паасикиви, и Молотов, по

существу, с ним согласился[537].

Преемник Паасикиви на посту президента Финляндии Урхо Кекконен, который в начале 50-х годов участвовал в переговорах в Москве, вспоминая о беседе с Молотовым, отмечал: «Я высказал сожаление, что события прошлого приняли такой оборот, и сказал, что не знаю, была ли в этом вина только Финляндии, и что, возможно, Финляндия явилась главным виновником. Молотов ответил, что и мы тоже были виноваты. Следовательно, обоюдное подозрение вызвало не лучшие действия обеих сторон»[538].

Как показал более чем 40-летний послевоенный опыт, обе соседние страны постоянно расширяли и углубляли свое сотрудничество на благо обоих народов. Миролюбивый внешнеполитический курс Финляндии вошел в историю под названием «линии Паасикиви – Кекконена».

Таковы были политические уроки, извлеченные государственными деятелями и народами обеих стран из этой злополучной войны.

Но эта война преподнесла, и в первую очередь нашей стране и ее Вооруженным Силам, немало поучительных военно-оперативных уроков. Правда, в официальной пропаганде действия советских войск преподносились в мажорной тональности. В печати, особенно в «Красной Звезде», публиковались репортажи о массовых подвигах советских воинов, о высоком уровне советского военного искусства и т. д. Целые газетные полосы занимали списки Героев Советского Союза и награжденных высшими государственными орденами.

Но вместе с тем по служебной, закрытой линии принимались срочные и радикальные меры по исправлению выявленных пороков в нашем военном строительстве, по совершенствованию боевой и политической подготовки войск. Главное командование Красной Армии сделало серьезные самокритичные выводы как из самого факта советско-финляндской войны, так и из того влияния, которое она оказала на международную обстановку в Европе. По докладу Ворошилова итоги войны были обсуждены на внеочередном Пленуме ЦК ВКП(б), проходившем в марте 1940 г. сразу же после прекращения военных действий. Затем в середине апреля 1940 г. состоялось расширенное заседание Главного военного совета с участием руководящего командного состава действующей армии вплоть до командиров дивизий.

Было признано, что в ходе войны Красная Армия приобрела опыт прорыва мощного укрепленного района в условиях суровой зимы, который послужил дальнейшему развитию тактики и оперативного искусства Красной Армии, улучшению организационной структуры, вооружения, совершенствованию управления войсками.

Вместе с тем отмечалось, что война стоила лишних жертв, которых можно было избежать, выдвигались предложения коренным образом улучшить качество вооружения, организацию, обучение и воспитание войск. Весьма громоздкими для данного театра оказались стрелковые дивизии с трудноуправляемыми тылами. Не существовало специальных лыжных подразделений – они стали создаваться лишь в ходе войны. Пехота не умела вести бой на лыжах, и в этом она во многом уступала финским солдатам. В ходе боев обнаружили серьезные пробелы в снабжении войск, в неудовлетворительном состоянии оказалась автомобильно-дорожная служба. Командный состав плохо знал противника, его организацию, вооружение, тактику. Командиры практически не понимали реальной опасности, которую представляла собой линия Маннергейма.

«Война с Финляндией показала, что уровень подготовки командного состава, его представление о войне и бое оказались не вполне отвечающими действительным требованиям и реальным условиям современности. Это привело к лишним потерям, вскрыло низкую тактическую и стрелковую подготовку войск, неподготовленность некоторых

командиров и начальников к управлению войсками в современном сложном бою и неумение правильно использовать технические средства борьбы»[539] – так докладывал в ЦК партии начальник политического управления Красной Армии армейский комиссар I ранга Мехлис 23 мая 1940 г. Причинами этих отрицательных моментов автор считал неправильное освещение интернациональных задач, такие установки в воспитательной работе советских воинов, как непобедимость Красной Армии, армия героев, абсолютное техническое превосходство Красной Армии и др. Мехлис с удовлетворением воспринял восстановление в армии в 1940 г. дисциплинарных (штрафных) частей, упраздненных в 1934 г.

Было признано, что способы использования танковых войск оказались неудовлетворительными. Отсутствовало массированное применение танков. С учетом этого опыта уже в мае 1940 г. было принято решение о создании шести танковых корпусов, затем еще трех, а с февраля 1941 г. началось формирование еще 20 танковых корпусов. Это были крупные соединения. Каждое из них по штату должно было иметь 36 тыс. человек, 1 031 танк, 268 бронемашин, 358 орудий и минометов, 352 трактора и 5 165 автомашин. Но их формирование шло медленно, не хватало техники и офицерского состава. Поэтому к 22 июня 1941 г. ни один из этих корпусов полностью укомплектован не был.

Война с Финляндией потребовала серьезно заняться производством минометов. В этом деле были достигнуты неплохие результаты. Если на 1 января 1939 г. Красная Армия имела более 3 тыс. минометов, то к 22 июня 1941 г. – уже 57 тыс.[540] Неоправданными оказались некоторые нормы снабжения войск, не хватало спецобмундирования для лыжников. Опыт первых недель советско-финляндской войны показал нецелесообразность создания ударной и сковывающей групп боевого порядка, так как сковывающая группа некоторое время бездействовала. В последующий период войны подобная тактика была отменена.

Была дана высокая оценка действиям авиации, которая наносила удары по железнодорожным объектам, военным заводам, портам в Ботническом заливе и правительственным зданиям в Хельсинки. Но отмечалась слабая подготовка штурманского состава, что влияло на точность бомбовых ударов.

Обеспеченность финских войск автоматическим оружием, которое применялось весьма эффективно, подтолкнула советское командование серьезно заняться этой проблемой. К началу гитлеровской агрессии было произведено 100 тыс. автоматов, что было крайне мало для многомиллионной армии. Слабым местом в действиях советских войск было неумелое взаимодействие между наземными силами и авиацией, а также между соединениями и частями.

В морально-политическом плане слабой стороной было то, что рядовые воины не понимали целей войны, а политработникам трудно было обосновывать эти цели.

Опыту войны были посвящены и письма ее участников, адресованные Ворошилову. В них высказывались мнения не только о действиях наших войск, но и финской армии. Так, в одном из таких писем командарм II ранга Н. Н. Воронов отмечал, что финские войска отличаются высокой одиночной тактической и стрелковой подготовкой. Они умело владеют лыжами, превосходные снайперы, для освещения местности часто используют ракеты, четко ориентируются на местности. Хорошо продумана экипировка солдат. Вместе с тем финны, будучи сильны в обороне, слабо подготовлены к наступательным действиям. Основным видом таких действий – это просачивание мелких подразделений в наши фланги и тылы. Финская армия располагает устаревшей артиллерией при острой нехватке снарядов[541].

Анализу действий Красной Армии в советско-финляндской войне большое внимание было уделено в акте приема-сдачи Наркомата обороны СССР в мае 1940 г., когда наркомом обороны вместо Ворошилова был назначен Маршал Советского Союза Тимошенко. В этом документе говорилось, в частности, что представления командного состава Красной Армии о

войне не вполне отвечают действительным требованиям и реальным условиям, в которых протекает современная война.

Ссылаясь на опыт советско-финляндской войны, авторы документа пришли к выводу: «Глубоко укоренился вредный предрассудок, что якобы население стран, вступающих в войну с СССР, неизбежно и чуть ли не поголовно восстанет и будет переходить на сторону Красной Армии, что рабочие и крестьяне будут нас встречать с цветами... Война в Финляндии показала, что мы, не ведя политической разведки в северных районах, не знали, с какими лозунгами идти к этому населению и как вести работу среди него. Мы часто обращались в своей пропаганде к финским крестьянам северных районов, как к труженикам, а оказывается, этот крестьянин шюцкоровец – крупный кулак. Столкновение с действительностью нередко ошарашивало нашего бойца и командира, знавшего население зарубежных стран по трафаретным лозунгам и упрощенной пропаганде»[542].

Действительно, высшее советское военное руководство было дезориентировано старыми стереотипами о готовности всего «рабочего класса капиталистических стран» встать на защиту Советского Союза. Так, в оценочном докладе генштаба Ворошилову от 10 ноября 1939 г. о положении в Финляндии утверждалось, будто «рабочие массы и беднейшие слои крестьянства выражают скрытое недовольство политикой правительства, требуют улучшения отношений с СССР и угрожают расправой всем, кто ведет политику, враждебную Советскому Союзу...»[543].

В свое время авторы «Краткого курса истории ВКП(б)» с восторгом отмечали способность Сталина – военного деятеля в годы гражданской войны – учитывать при разработке стратегических планов морально-политические аспекты. Речь шла, в частности, о «сталинском» плане разгрома Деникина с нанесением главного удара не со стороны донских степей с враждебным казачьим населением, а со стороны рабочего Донбасса, где Красной Армии будет обеспечена поддержка.

Если Сталин действительно обладал такими способностями, что весьма сомнительно, то при планировании войны против Финляндии он их не проявил. Сталин не знал морально-политической обстановки в стране, с которой он собирался воевать. Ознакомление с этим документом неизбежно приводит к выводу, что содержащиеся в нем резкие и нелюбезные оценки явились следствием осмысливания военно-стратегических уроков советско-финляндской войны и стремления Сталина найти очередных виновников в ряде провалов в области военного строительства»[544].

Свой «вклад» в дезориентацию советского руководства о положении в Финляндии внесли некоторые коммунисты и деятели Коминтерна, переоценившие просоветские позиции финских трудящихся. Кстати, это касалось не только Финляндии.

«Финская война была для нас большим срамом и создала о нашей армии глубоко неблагоприятные впечатления за рубежом, да и внутри страны, – рассказывал А. М. Василевский. – Все это надо было как-то объяснить. Вот тогда и было созвано у Сталина совещание, был снят с поста наркома Ворошилов и назначен Тимошенко. Тогда же Шапошников, на которого Сталин тоже посчитал необходимым косвенно возложить ответственность, был под благовидным предлогом снят с поста начальника Генерального штаба и назначен заместителем наркома с задачей наблюдать за укреплением новых границ»[545].

Разработанные на основе опыта советско-финляндской войны мероприятия были положены в основу плана повышения боевой готовности войск и частично сыграли свою роль в преддверии Великой Отечественной войны. Однако не все из них были реализованы к июню 1941 г.

Генеральные штабы Германии, Италии и их противников на Западе как в ходе советско-финляндской войны, так и особенно после ее окончания внимательно изучали состояние и действия советских войск. Военные атташе этих стран в своих донесениях были единодушны в оценке упорства советского солдата в обороне, что признавал и противник. Так, маршал Маннергейм в своих послевоенных мемуарах называл советского пехотинца «стойким и героическим»[546]. Подчеркивались отличные качества артиллерии, высоко оценивалось массированное применение танков и артиллерии. Однако весьма критически военные специалисты отзывались о профессионализме советских командиров всех рангов, их неумении организовать взаимодействие на поле боя, беззаботности относительно потерь и здоровья красноармейцев. В донесениях послов и военных атташе отмечался крайне низкий уровень воинской дисциплины в Красной Армии. Германский военный атташе докладывал, например, что «советские солдаты о дисциплине вообще не имеют никакого понятия».

На основании этих донесений в столицах западных держав делали далеко идущий, но все же ошибочный вывод об общей слабости СССР в военном отношении. В Лондоне и Париже считали, что Советский Союз не может рассматриваться как серьезный партнер в возможных переговорах о военном сотрудничестве.

Шведская газета «Тиденс тейн» в статье «Секреты Красной Армии» от 29 марта 1940 г. пришла к выводу, что «финско-русская война разоблачила больше секретов Красной Армии, чем любознательный разведчик узнал бы за 20 лет ее существования». Именно в Финляндии, считает автор, Красная Армия прошла свое настоящее испытание, ибо она столкнулась с первым серьезным противником, который славится своими лучшими солдатами-одиночками. Далее в подтверждение своего вывода автор ссылается на судьбу 44-й советской дивизии, которая была уничтожена финнами. Здесь финны захватили лучшее русское вооружение – новые орудия, противотанковые орудия, пулеметы и револьверы. Автор дает высокую оценку вооружению и боевому снаряжению солдат, созданному в России, что свидетельствует о способностях русских конструкторов.

Соответствующие выводы были сделаны и в Берлине. Гитлер утверждался во мнении, что СССР – это колосс на глиняных ногах, с которым нетрудно будет справиться в предстоящем военном столкновении. Еще в начале января 1940 г. германский посланник в Хельсинки Блюхер представил в МИД анализ состояния Красной Армии и ее действий. Он, в частности, писал, что на протяжении шести недель Финляндия представляет собой подопытного кролика, на котором испытывается качество Красной Армии и военная мощь большевизма. Автор приходит к выводу, что результат этого эксперимента однозначный: несмотря на превосходство в живой силе и технике Красная Армия терпела одно поражение за другим, оставляла тысячи людей в плену, теряла сотни орудий, танков, самолетов и в решающей мере не смогла завоевать территорию. «Правительство» Куусинена не нашло в стране никакого отклика, даже рабочий класс стоял против него.

Исходя из этих фактов, автор призывает подвергнуть основательному пересмотру немецкие представления о большевистской России. Мы исходили из ложных предпосылок, отмечал Блюхер, когда полагали, что Россия представляет собой первоклассный военный фактор, что большевизм со своим Коминтерном якобы оказывает сильное влияние на рабочие массы в других странах. Но в действительности Красная Армия имеет столько недостатков, что она не может справиться даже с малой страной и Коминтерну не удалось создать почву среди финнов, свыше 40% которых организованы в социалистическую партию.

С точки зрения экономической мощи России, продолжал Блюхер, эксперимент в Финляндии свидетельствует о том, что она уже на протяжении некоторого времени не представляет опасности для такой великой державы, как Германия, и поэтому на Востоке мы имеем свой тыл свободным. С господами в Кремле можно будет говорить совершенно другим языком, чем это было в августе – сентябре 1939 г.

В заключение Блюхер приходит к выводу: присоединение России к западным державам не стоит на повестке дня, так как финской авантюрой Россия себя сильно скомпрометировала и показала свою политическую и военную слабость. Автор призывал в отношении Москвы занять достаточно твердую позицию[547].

Тогда же по указанию Риббентропа донесение Блюхера было направлено Шуленбургу с предложением дать свою оценку действий Советского Союза в войне с Финляндией. Шуленбург пришел к следующим выводам.

На протяжении пяти недель войны Красная Армия не добилась заметных успехов. Причины медленного продвижения Красной Армии состоят в недостатках советской организации, особенно в вооружении и снабжении войск. Однако нельзя было сомневаться в том, что Красная Армия в конечном итоге победит. Это вопрос только времени. Нынешнее положение объясняется тем, что советское правительство к подобной войне недостаточно готовилось. Оно рассчитывало, что Финляндия пойдет на такие уступки, как это сделали Прибалтийские страны. Финляндское правительство неверно оценило ситуацию, что и вынудило Советский Союз прибегнуть к войне.

Война против Финляндии с самого начала была непопулярной среди населения СССР. Опасность войны, которая несколько ослабла после заключения советско-германского пакта, снова обострилась, особенно в результате неудач на фронте, возникших трудностей с продовольствием и под влиянием большого количества обмороженных красноармейцев, прибывающих в тыловые госпитали.

Что же касается позиции Швеции и Норвегии, докладывал далее Шуленбург, то Молотов заявил, что он предупредил их правительства о недопустимости с их стороны содействовать Англии и Франции во вмешательстве в конфликт. Скандинавские страны обещали соблюдать строгий нейтралитет. Молотов рассчитывает и на поддержку Германии.

На вопрос о возможности переговоров СССР и Финляндии Молотов ответил: «Поздно, слишком поздно». Прекращение войны, по мнению Шуленбурга, может нарушить английские планы, освободит Советский Союз от тяжелого бремени, а для Германии, если она окажет Советскому Союзу поддержку, будет означать рост ее престижа и уверенное получение железной руды из Швеции. Для достижения этих преимуществ необходимо выяснить: согласится ли Советский Союз на переговоры в сложившейся ситуации и какие условия он выдвинет. Считаю, писал Шуленбург, что возможность для переговоров существует при условии устранения Таннера, которого здесь считают «злым духом» проходивших прежде переговоров[548].

Применительно ко второй мировой войне задолго до ее окончания президент Рузвельт публично призвал вносить предложения относительно названия, которое должно быть присвоено этой войне. Позже он и Черчилль пришли к выводу, что правильнее будет назвать ее ненужной войной. Однако они ошибались: это была нужная война, ибо участвовавшие в ней народы антигитлеровской коалиции совершили великое дело – разгромили фашизм. Ненужной была другая война – советско-финляндская, которая принесла много горя и страданий народам обеих стран.

Не только Финляндии и Советскому Союзу, но и всем странам эта война напомнила, как важно проявлять государственную мудрость, гибкость и рассудительность, взвешивать все «за» и «против», прежде чем принимать ответственные решения. Что же касается безопасности обеих стран, то самой лучшей ее гарантией было бы доброе соседство, основанное на взаимном доверии и уважении. Нашим народам следовало бы помнить об этом всегда. Даже полвека спустя мы не можем рассматривать эту войну только лишь как факт истории. Наш долг – сказать правду народам обеих стран об этой войне, извлечь из нее такие уроки, которые послужили бы не только углублению добрососедских отношений между

нашими странами, но и совершенствованию теории и практики современных международных отношений в целом.

Глава VI. Тревожное лето

1. На Балтике прохладно

В начале октября 1939 г. в швейцарском сатирическом журнале «Небельшпальтер» была помещена поражающая своей образностью политическая карикатура. На ней изображена приемная «хирурга». На висящей здесь же вывеске написано: «Поликлиника. Кремль. Ампутации производятся ежедневно и бесплатно». На стоящей вдоль стены скамейке сидят трое испуганных «больных». Первый из них держит флажок с надписью «Литва», второй – с надписью «Латвия», а третий держит флажок без надписи, видимо, символизирующий Финляндию, судьба которой к тому времени еще не была решена. Все они с ужасом смотрят на «больного», несущего флажок с надписью «Эстония». На костылях с ампутированной ногой он выходит из хирургического кабинета. Сам же «хирург» с грузинским носом и черными усами стоит у двери, услужливо приоткрытой человеком в форме эсэсовца. Сзади «хирурга» выглядывает лицо в пенсне. Руки «хирурга» по локоть в крови. Он держит хирургическую пилу, а за поясом у него кинжал. Текст под карикатурой: «Прошу, следующий!»[549].

Так художник по свежим следам изобразил ампутацию государственного суверенитета Прибалтийских республик, которую произвели Сталин и Молотов в конце сентября – начале октября 1939 г.

Драматические события в Литве, Латвии и Эстонии, происходившие в 1939–1941 гг., привлекали внимание не только современников. Даже сейчас, 50 лет спустя, они не перестают быть актуальными. Об этом свидетельствуют те сложные противоречивые процессы, которые активизировались в 1989 г. и привели к нынешнему положению в этом регионе.

Так что же происходило в те предвоенные годы в Прибалтике и какова при этом была реальная роль Советского Союза?

Как известно, в первые месяцы после победы Великой Октябрьской социалистической революции в России и под ее влиянием в республиках Прибалтики была установлена советская власть и съезды рабочих, солдатских и безземельных депутатов провозгласили их автономными частями Советской России. Однако в ходе интервенции Германии и под давлением стран Антанты к 1920 г. советская власть в них была ликвидирована.

В последующие два десятилетия часть трудящихся выступала за восстановление советской власти. Их борьбу возглавляли коммунисты. Буржуазия осуществляла свою власть, как правило, демократическими методами, но в острые моменты классовой борьбы и политической нестабильности прибегала к репрессиям и политическому произволу. А в Латвии в мае 1934 г. даже был совершен реакционный переворот.

Разумеется, во всех Прибалтийских республиках, хотя и с разной степенью активности, существовали общедемократические движения, которые могли бы привести к победе сил

демократии и социального прогресса. Любое подталкивание этого закономерного процесса, как показывает исторический опыт, обычно приводит или к патовому состоянию, или к негативным последствиям. Обстановка в Прибалтийских республиках подтвердила эту историческую закономерность.

Прибалтийские республики пользовались уважением мирового сообщества. Они были членами Лиги Наций, а Латвия в 1936–1938 гг. являлась даже непостоянным членом Совета Лиги Наций.

Еще в начале 30-х годов, особенно после прихода к власти в Германии Гитлера, руководящие круги Советского Союза уделяли Прибалтийским республикам большое внимание. Так, в статье, опубликованной в декабре 1933 г., К. Радек писал, что «независимость Прибалтийских стран является гарантией мира в Восточной Европе и ее нарушение может подвергнуть опасности этот мир». Далее автор уточнял, что в Советском Союзе допускают, что нарушение независимости Прибалтийских стран может произойти как извне, так и в силу внутренних событий[550].

Нетрудно уловить в этом высказывании идею о возможности прямой и косвенной агрессии, идею, которая несколько лет спустя в ходе англо-франко-советских переговоров стала серьезным препятствием для достижения соглашения.

В условиях угрозы фашистской агрессии против Прибалтийского региона правительства Литвы, Латвии и Эстонии провозгласили политику нейтралитета своих стран. Но это вовсе не гарантировало их безопасность. Вот почему в марте 1938 г. советский военный атташе в Варшаве заявил, что если Польша вторгнется в Литву, а немцы займут Мемель, то советские войска вступят в Эстонию и Латвию[551]. В июне 1939 г. эти страны заключили с Германией договоры о ненападении. Тогда же генерал Гальдер и адмирал Канарис посетили Эстонию.

Имея обширную информацию о нарушениях прав человека и массовых репрессиях в отношении миллионов советских граждан в годы сталинизма в СССР, общественность Прибалтийских республик с настороженностью относилась к внутренней и внешней политике Сталина. Поэтому усилия коммунистов приписать эти негативные сведения о Советском Союзе проискам империалистической пропаганды воспринимались в народе с недоверием. Но лозунги компартий с требованием защиты социальных завоеваний трудящихся и демократизации общественной жизни своих стран находили поддержку. Остается фактом, что значительные слои населения были недовольны высокими налогами, а мелкие крестьяне испытывали трудности со сбытом своей продукции. Имели место и другие острые социальные проблемы, которые создавали напряженность в отношениях между народом и правительством. Однако вызывает сомнение, можно ли эти процессы именовать революционной ситуацией, которая впоследствии якобы переросла в революцию.

Существовавшие в этих республиках авторитарные режимы, хотя и имели некоторые различия, в целом же не носили характера, схожего с итальянским фашизмом или германским нацизмом. Отсутствовал массовый террор, который был характерен в то время для многих других европейских стран. В 1940 г. в Латвии, например, имелось 200, а в Эстонии – менее 100 политических заключенных[552]. Печать пользовалась относительной свободой. Не существовало жестокого угнетения национальных меньшинств, в том числе и русских, которые в Латвии составляли 10%, а в Эстонии – 8% всего населения[553].

Из анализа документов можно сделать вывод о том, что большинство граждан Прибалтики в то время хотело жить в своих независимых республиках даже при существовании угрозы со стороны Германии. Многие согласились бы и с установлением советской власти, но не «русского» образца. В качестве оптимального варианта литовцы, например, считали, что, «опираясь на соседство Советского Союза», они будут «чувствовать себя значительно лучше, чем в последнее время», как записал в своем служебном дневнике полпред СССР в

Литве Н. Г. Поздняков[554].

Вооруженные силы Прибалтийских республик к началу войны были немногочисленными, о чем свидетельствует следующая таблица[555].

Территория, тыс. кв. км: Эстония – 48, Латвия – 66, Литва (Без Мемельской области и Виленщины) – 53. Все республики – 383.

Население, млн. чел: Эстония – 1.1, Латвия – 2.0, Литва – 2.4. Все республики – 5.5.

Протяженность границы с СССР, км: Эстония – 277, Латвия – 269, Литва – нет. Все республики – 546.

Военный бюджет (1934),%: Эстония – 20, Латвия – 24, Литва – 20.

Численность армии мирного времени, тыс. чел.: Эстония – 16, Латвия – 25, Литва – 24. Все республики – 65.

Танки, шт.: Эстония – 30, Латвия – 40, Литва – 30. Все республики – 100.

Самолеты, шт.: Эстония – 125, Латвия – 175, Литва – 100. Все республики – 400.

Подводные лодки, шт.: Эстония – 2, Латвия – 2, Литва – нет. Все республики – 4.

(В оригинале – таблица. Прим. составителя fb-книги)

Накануне и в первый период второй мировой войны Прибалтийские государства вызывали экономический и политический интерес ряда ведущих европейских держав, которые рассматривали их как объект большой политики или, по выражению германского историка Г. Мейера, как «крестьян на шахматной доске»[556]. Что же касается советских руководителей, то их внимание к Эстонии, Латвии и Литве имело преимущественно военно-стратегическую окраску, причем для обоснования этого использовались различные аргументы. Если до заключения советско-германского договора о ненападении речь шла о предотвращении германской военной угрозы этим странам, что было вполне реально, то с августа 1939 г. – уже мифической угрозы со стороны англо-французского блока и, конечно же, ни словом не упоминалось об агрессивных устремлениях Германии.

Так, в книге «Внешняя политика Советского Союза», посвященной 50-летию В. М. Молотова, отмечалось, например, что заключение договоров о дружбе и взаимопомощи с Прибалтийскими странами «усилило оборонную мощь Советского Союза и предотвратило возможность вовлечения Прибалтийских государств в орбиту англо-французского военного блока»[557]. Журнал «Большевик» осенью 1939 г. обращал особое внимание на то, что «до заключения пактов о взаимопомощи с Эстонией и Латвией у нас главной военно-морской базой на Балтике был Кронштадт, расположенный вблизи Ленинграда, на острове Котлин. Теперь наш флот, получая новые базы, в огромной мере расширяет свои операционные возможности»[558].

На политических переговорах с Англией и Францией Советский Союз выразил готовность предоставить странам Прибалтики гарантию безопасности. 1 июля партнеры по переговорам дать такую гарантию согласились только в случае прямой агрессии. Но советские представители выдвинули предложение распространить гарантию и на случай «косвенной агрессии» против Прибалтийских стран. Это новое понятие на языке международных отношений советское руководство представляло себе как возможный внутренний государственный переворот или поворот к политике в пользу агрессии. Западные партнеры по переговорам сразу же поняли, что скрывается за этой формулировкой, и отвергли ее. Советский полпред во Франции Я. З. Суриц 19 июля 1939 г. докладывал в Москву, что там это

предложение рассматривается как попытка предоставить «нам практическую свободу действия в Балтике, и притом не только в момент реальной германской угрозы, но в любой желательный для нас момент»[559]. Еще раньше, в мае 1939 г., суть советского предложения раскрыл министр иностранных дел Эстонии К. Сельтер, назвавший его «превентивной агрессией» со стороны Советского Союза. От советских гарантий отказались и правительства Латвии и Финляндии.

Великобритании и Франции становилось все более очевидным, что выдвигаемая Советским Союзом идея гарантий Прибалтийским республикам понималась им как шанс держать в них свои вооруженные силы. Ясно, что в Лондоне и Париже считали, что, во-первых, это слишком дорогая цена за создание советско-англо-французского военного союза и, во-вторых, подобная ситуация в корне изменила бы соотношение политических сил в бассейне Балтийского моря. Это противоречило бы традиционной для Лондона концепции статус-кво в Европе. Что же касается Гитлера то, как позже оказалось, он готов был заплатить любую цену, лишь бы только обеспечить в данное время нейтралитет Советского Союза.

Вопрос о судьбе Прибалтийских стран советским руководством был поставлен и перед Риббентропом во время его посещения Москвы 23 августа 1939 г. Имея широкие полномочия от Гитлера, германский министр согласился на нечто большее, чем гарантии: вообще рассматривать Прибалтику как сферу государственных интересов Советского Союза, предоставив ему здесь полную свободу действий и заявив о незаинтересованности Германии в этом регионе. Гитлер и Риббентроп были так щедры на подачки за счет чужих земель, потому что были уверены: через несколько лет эти земли все равно окажутся во владении Германии. Как было правильно отмечено в «Заключении рабочей группы Комиссии Верховного Совета Латвийской ССР по оценке политических и правовых последствий тайного соглашения между СССР и Германией 1939–1940 гг.», «...Балтия из объекта возможной агрессии превратилась в объект торга между Германией и СССР»[560].

Какие же шаги применительно к Прибалтике предпринял Сталин в последующем?

Нет, он не ринулся стремглав реализовывать свое «право» на владение территориями своих северо-западных соседей. 17 сентября 1939 г., когда советские войска перешли польскую границу, Молотов, опасаясь серьезной реакции западных стран, в ноте дипломатическим представителям 24 государств, в том числе Латвии, Литвы, Эстонии и Финляндии, подчеркивал: «В отношениях с ними СССР будет проводить политику нейтралитета»[561].

Но 25 сентября 1939 г. Сталин заявил Шуленбургу, что он намерен «решить проблему Прибалтийских стран в соответствии с секретным протоколом» и в связи с этим ждет поддержки со стороны германского правительства. И Сталин «карт-бланш» на Прибалтику получил. При пассивности западных держав Германия еще раз заявила о признании свободы рук Советского Союза в зоне его интересов. Немецкие посольства в Прибалтике по указанию Риббентропа рекомендовали литовцам, латышам и эстонцам пойти навстречу пожеланиям советских властей. Когда же Берлин потребовал от них прекратить торговлю с Англией, то Молотов, в свою очередь, посоветовал, например, литовцам, также пойти немцам навстречу[562]. Более того, Гитлер уступил Советскому Союзу Литву, относившуюся, как уже говорилось, на первых порах к сфере интересов Германии, взамен на Люблинское и часть Варшавского воеводства.

Намерение Сталина в Прибалтике Гитлер понимал так, что эти страны непременно будут включены в состав СССР. Ибо чем иначе можно объяснить тот факт, что на географических картах, изданных 1 апреля 1940 г. в Германии, но изготовленных еще в начале марта, территории Эстонии, Латвии и Литвы значились как составные части Советского Союза?

Однако это не означало, что Германия отказалась от своих Притязаний в будущем на Прибалтийские земли. Она имела явно выраженные экспансионистские намерения, особенно

в отношении соседней Литвы, президент которой А. Сметона поддерживал эти планы и решил содействовать их осуществлению. Директор департамента безопасности министерства внутренних дел Литвы А. Повилайтис ездил в Берлин, чтобы по поручению президента известить Гитлера о его решении переориентироваться на Германию и что Литва готова стать протекторатом рейха. Ответ Берлина гласил, что это возможно лишь после завершения войны[563].

На территории этой республики под различными прикрытиями существовали такие немецкие фашистские организации, как «Культурфербанд», «Гитлерюгенд», «Союз немцев рейха», «Союз немецких девушек» и другие. Пользуясь территориальной близостью Литвы к Восточной Пруссии, германские власти содействовали активному внедрению немцев в литовскую экономику, на транспорт, в энергетическое хозяйство. По некоторым данным, к концу 1939 г. в Литве имелось около 300 немецких предприятий, 88 торговых точек и т. п. Немецкое землячество развернуло сеть культурно-просветительских учреждений, спортивных и религиозных обществ. Немецкие специалисты внедрялись в государственный аппарат, литовскую армию и полицию. Они вели не только активную профашистскую, но и шпионскую деятельность в пользу Берлина. По данным контрразведки генерального штаба Литвы, в 1934 г. было выявлено более 400 немецких агентов. Они продолжали действовать и ко времени вступления в страну Красной Армии[564].

Как же характеризовала обстановку в Прибалтике и вокруг нее советская дипломатия?

В целом не всегда объективно. Так, советский полпред в Латвии И. С. Зотов в донесении от 21 августа 1939 г. так отзывался о настроениях в республике в связи с советско-англо-французскими военными переговорами: «Поездка военных делегаций Англии и Франции в Москву широкими кругами расценивается положительно и видят в этом рост международного авторитета СССР. Кулацкая верхушка деревни и буржуазия города ждут провала переговоров, чтобы сказать, что СССР не хочет мира – лицемерит, и этим усилить запугивание масс». В том же документе утверждалось следующее: «Речь тов. Молотова, тов. Жданова, разъяснение ТАСС нашли

горячий отклик в латышском народе (курсив мой. –

М. С.), что свидетельствует об одобрении нашей внешней политики, направленной на сохранение независимости Латвии от агрессии»[565].

В другом донесении того же полпреда, отправленном в НКВД СССР 6 сентября 1939 г., в котором он информировал о политической обстановке в стране в связи с началом второй мировой войны, в частности, утверждалось: «Политическое настроение трудящихся масс всегда было в сторону СССР, и теперь, исходя из особенностей начавшегося конфликта, они начали смелее и более открыто выражать свои симпатии к Советскому Союзу. Если враги СССР и мира распускают ложные слухи о разделе Прибалтики, то трудящиеся эти слухи воспринимают за истинное желание, чтобы

Латвия была советской и присоединилась к СССР в качестве 12-й республики » (курсив мой.

–

М. С.) [566].

Разве не ясно, что заявления отдельных лиц или даже групп в данном случае неправомерно выдавались за желание всех трудящихся. Они как бы подсказывали советскому руководству предпринять соответствующие встречные шаги. Подобный уровень анализа имел и отчет полпреда СССР в Эстонии К. Н. Никитина. 23 августа 1939 г. он докладывал, что члены эстонского правительства позволяют «резкие выпады по поводу гарантий, которые якобы СССР навязывает Прибалтийским странам вопреки и помимо их желаний...». Обвинив с легкостью необыкновенной правительство Эстонии в подготовке войны против СССР на

стороне Германии, полпред пришел к поразительному выводу, что эстонское правительство якобы

тайно подстрекалось «Англией к пропуску немецких войск через свою территорию» [567] (курсив мой. –

М. С.).

Не это ли образец того, как в угоду «хозяину» в Москве, некоторые советские полпреды любым путем стремились «разоблачить» Англию и Францию и обелить Германию?

Справедливо указывали на сложную обстановку, в которой работали советские полпреды в те трудные годы, авторы предисловия к изданному в 1990 г. сборнику документов «Полпреды сообщают...» В. А. Александров и Г. А. Тахненко. Они писали: «Перед каждым из них маячили тени и всполохи 1935–1938 годов, возможно, не все были уверены, что дотянут до времени без тюрем и расстрелов. Тревожными были их перспективы даже на ближайшее будущее. Этого тоже нельзя сбрасывать со счетов при чтении материалов той трагической поры»[568].

Это честное признание дает нам основание критически отнестись к донесениям некоторых из советских полпредов в Прибалтике, когда они предпринимали попытку анализировать обстановку в странах аккредитации таким образом, чтобы она не расходилась с заранее predeterminedенной в Москве концепцией.

Исходя из своих далеко идущих планов в отношении Прибалтики и опираясь на соответствующие донесения советских послов, Сталин предпринял дипломатическое давление на все Прибалтийские страны, с тем чтобы они согласились заключить с СССР договоры о взаимной помощи. Переговорам с ними, включая и Финляндию, Сталин и Молотов придавали важное значение и возводили их в особую степень секретности. Поэтому в подготовке, обсуждении и подписании этих документов даже советские посольства в соответствующих странах практически участия не принимали. Переговоры замыкались только на Сталине и Молотове. В служебных документах послов К. Н. Никитина (Эстония), И. С. Зотова (Латвия) и Н. Г. Позднякова (Литва), как утверждают советские исследователи Ю. Борисов и Г. Силласте, за сентябрь – октябрь 1939 г. ни одним словом не упоминается о введущихся переговорах по вопросам взаимной помощи[569].

Вспыхнувшая вторая мировая война создала для Прибалтийских стран исключительно трудную экономическую ситуацию. Она нарушила их торговые связи не только с Англией и Францией, но и частично с Германией. Попытки использовать транзитные пути через Скандинавию не увенчались успехом. В Литве, Латвии и Эстонии отсутствовали важные виды сырья, в связи с чем закрывались или переходили на неполный рабочий день многие предприятия. Увеличилась безработица. Например, в такой наиболее развитой в промышленном отношении республике, как Латвия, весной 1940 г. оказались без работы около 20% трудящихся[570].

Единственной страной, которая могла бы реально помочь своим соседям, был Советский Союз. В связи с этим в Латвии и Эстонии в сентябре 1939 г. стали поговаривать о необходимости улучшения отношений с великим восточным соседом. Как явствует из донесения К. Н. Никитина, 15 сентября 1939 г. из авторитетных источников ему стало известно, что правительство Эстонии «уже согласилось уступить часть пограничной линии до реки Наровы, населенной русскими, Советскому Союзу, но дальше этого не пустят и будут защищаться до последней капли крови»[571]. А через десять дней заместитель народного комиссара внутренних дел СССР И. И. Масленников докладывал Ворошилову, что «трудовое крестьянство эстонских пограничных сел высказывает симпатии к СССР и выражает желание о присоединении Эстонии к Советскому Союзу»[572].

В отличие от предыдущих месяцев в сентябре – октябре 1939 г., когда Германия развязала в

Европе войну, значительная часть населения Прибалтийских республик действительно видела в Советском Союзе меньшее зло и одобряла предложенные им договоры. Но удручали события, предшествовавшие официальному заключению договоров. Так, в беседе с министром иностранных дел Эстонии К. Селтером, прибывшим в Москву для подписания торгового договора, Молотов неожиданно и безосновательно обвинил эстонские власти в том, что они позволили уйти в открытое море польской подводной лодке «Орел», о чем уже упоминалось выше[573].

Советское руководство было настроено в отношении Прибалтийских стран, и в частности Эстонии, решительно, вплоть до применения военной силы, если политические средства не приведут к успеху. 26 сентября 1939 г. нарком обороны К. Е. Ворошилов отдал приказ о подготовке к наступлению, чтобы 29 сентября «нанести мощный и решительный удар по эстонским войскам». Одновременно предусматривалось быстрое и решительное наступление 7-й армии в направлении Риги, если латвийская армия выступит в поддержку Эстонии[574].

27 сентября в Москве начались переговоры с прибывшей эстонской делегацией. Чтобы оказать давление на эстонцев, советские самолеты не раз нарушали воздушное пространство Эстонской республики. С той же целью во время переговоров на границе с Эстонией была сосредоточена группировка советских войск в 160 тыс. человек, 700 орудий, 600 танков и столько же самолетов. Вооруженные силы Эстонии в то время имели гораздо меньшую численность[575]. С целью принудить правительство Эстонии принять требование о заключении пакта о взаимопомощи советское руководство прибегло к военной провокации и потопило 27 сентября 1939 года в Нарвском заливе собственное торговое судно «Металлист». Советская сторона утверждала, что судно было обстреляно «неизвестной» подводной лодкой, которая базировалась в Эстонии, и было потоплено с провокационной целью советским миноносцем путем тарана. Об этом рассказали оказавшиеся в немецком плену в 1941–1943 гг. советские моряки. Один из членов экипажа подводной лодки Щ-303 сообщил, что его лодка в сентябре 1939 г. получила боевое задание потопить «Металлиста». Но две выпущенные торпеды не повредили судно. Позже оно было потоплено тараном миноносца[576].

После подписания пакта о взаимопомощи между СССР и Эстонией 28 сентября 1939 г. директивой Ворошилова была создана специальная комиссия во главе с командующим войсками ЛВО командармом II ранга К. А. Мерецковым. Была определена дислокация войск на территории Эстонии, с тем чтобы они вступили в страну в начале октября 1939 г.[577]

На переговорах с латвийской делегацией 2 октября 1939 г. Сталин пообещал: «Ни вашу конституцию, ни органы, ни министерства, ни внешнюю и финансовую политику, ни экономическую систему мы затрагивать не станем. Наши требования возникли в связи с войной Германии с Англией и Францией». Далее он сказал, что ввод советских войск в Латвию необходим для обеспечения безопасности Советского Союза, и предупредил, что «с Германией у нас нет также расхождений и в отношении Прибалтийских государств»[578]. И когда министр иностранных дел Латвии В. Мунтерс напомнил о наличии советско-германского договора о ненападении, Молотов счел необходимым уточнить, что речь идет о «договоре о дружбе». Чтобы еще сильнее запугать латвийскую делегацию и убедить в безнадежности ее попыток обратиться за поддержкой к Германии, Сталин откровенно заявил: «Я вам скажу прямо: раздел сфер влияния состоялся... если не мы, то немцы могут вас оккупировать»[579].

В последующем разговоре Сталин предложил ввести в Латвию советские войска численностью 40 тыс. человек. На меньшую численность он был не согласен, ибо, как он заявил, «эстонцы смеяться станут», так как они уже согласились на 25 тыс. Сталин пообещал, что гарнизоны останутся только на время нынешней войны, а «когда она окончится – выведем»[580]. В Риге, уверяло советское руководство, войска не будут размещены. Латвийская делегация согласилась на 20 тыс. советских военнослужащих с обязательным их

отзывом сразу же после окончания войны. Вследствие компромисса в приложенном к договору о взаимопомощи конфиденциальном протоколе была согласована численность советских войск в 25 тыс. человек[581].

Упорство советской стороны на переговорах означало, что советская акция в Прибалтийских странах бесспорно была уже запрограммирована в секретном протоколе к советско-германскому договору о ненападении. Этот документ создавал необходимые предпосылки для ликвидации государственного суверенитета Эстонии, Латвии и Литвы. Опираясь на него, Сталин потребовал от руководителей этих стран принять его предложение о заключении пактов о взаимопомощи.

Эстония была первой из Прибалтийских стран, заключившей с СССР договор о взаимной помощи 28 сентября 1939 г. За ней 5 октября последовала Латвия. Договор с Литвой был подписан только 10 октября, когда в Москве стало окончательно ясно, что с согласия Германии республика переходит в сферу интересов СССР. Договоры были в основном идентичного содержания. Стороны обязывались оказывать друг другу всяческую помощь в случае агрессии со стороны любой третьей державы, не участвовать в коалициях и не заключать союзов, направленных против одной из договаривающихся держав. Было дано согласие на размещение в этих республиках в ограниченном количестве отдельных советских гарнизонов, а также создавались советские военно-воздушные и военно-морские базы[582].

После подписания пакта о взаимопомощи с СССР министр иностранных дел Латвии Р. Мунтерс в заявлении от 9 октября разъяснил, что цель пакта состоит в сохранении мира и статус-кво в бассейне Балтийского моря. Пакт не затрагивает суверенных прав сторон и имеет в известной мере предупредительный характер. Он заключен в обстановке войны, и вовлечение Латвии в войну означало бы угрозу СССР. Но латвийский министр при этом считал нужным подчеркнуть, что «нынешнее положение на Балтийском море и на Восточно-Балтийском побережье не дает никакого основания для опасений подобного рода»[583].

Реакция общественности Латвии на заключение договора была, как и следовало ожидать, неоднозначна. Хотя этот акт в некоторой степени и разрядил напряженность и растерянность в правительственных кругах, но страх перед возможной большевизацией страны усилился, так как среди трудящихся, как сообщал поверенный в делах СССР в Латвии И. А. Чичаев, распространяются слухи, «что в недалеком будущем Латвия будет советской». Тем не менее «значительная часть влиятельных кругов... восприняла пакт как «наименьшее зло» – лучше, мол, быть под влиянием русских, чем немцев, ибо при русских латыши все же сохранят свою национальность, а немцы уничтожат не только национальную культуру, но и самих латышей»[584].

В двадцатых числах сентября 1939 г. в Литве стали распространяться слухи о том, что она может оказаться в составе Германии в качестве протектората. И эти слухи не были лишены основания. Именно на это был нацелен проект так называемого охранного договора между Германией и Литовской республикой, разработанный 20 сентября. В документе говорилось, что Литва при сохранении своей государственной независимости становится «под охрану» Германии. С этой целью обе страны заключают военную конвенцию и экономическое соглашение. Было также определено, что численность, дислокация и вооружение литовской армии будут устанавливаться по согласованию с верховным командованием вермахта. С этой целью в Ковно (Каунас) будет направлена постоянная немецкая военная комиссия[585].

Подобные слухи вызвали тревогу среди местного населения, которая нашла отражение в воззвании ЦК компартии 26 сентября. В нем говорилось, что «нашему народу грозит гитлеровское иго и гибель нации», и предлагалось повсюду создавать комитеты защиты Литвы, устраивать демонстрации протеста. Компартия призывала, чтобы «в защите своей независимости Литва опиралась лишь на Советский Союз – защитника и освободителя малых

народов». Партия призвала к восстанию против Германии и фашистской власти Сметоны – Черниуса[586].

Особенность договора СССР с Литвой состояла в том, что обязательство о взаимной помощи совмещалось с возвратом ей занятого советскими войсками города Вильнюса – древней литовской столицы, оккупированной поляками в 1920 г.[587]

Возникает, естественно, вопрос: почему Молотов настаивал на том, чтобы договор о взаимопомощи между Литвой и СССР обязательно совместить с актом о передаче Виленщины Литовской республике в одном документе? Не потому ли, что возвращение Виленщины литовскому народу могло бы как-то сгладить дурное впечатление от того, что этот акт был совершен совместными усилиями гитлеровской Германии и сталинского руководства Советского Союза?

Как явствует из донесения временного поверенного в делах СССР в Литве Н. Г. Позднякова от 13 сентября 1939 г., советское полпредство не было информировано из Москвы о намерениях правительства СССР относительно судьбы Вильно и Виленского края в случае поражения Польши. Из этого же донесения следует, что германские представители в Литве всячески внушали литовцам мысль о необходимости воспользоваться благоприятным случаем и взять Вильно. Эти сведения подтверждают и немецкие документы, опубликованные после войны. Из них видно, что еще 9 сентября 1939 г. Риббентроп после обсуждения с Гитлером предложил посланнику в Ковно Цехлину привлечь внимание правительства Литвы к вопросу о Вильно и поскорее решить его[588].

Через несколько дней Цехлин ответил, что в беседе с ним командующий литовской армией генерал С. Раштикис сообщил: Литва всегда была заинтересована в возвращении Вильно и Виленщины, но, объявив свой нейтралитет, она в настоящее время не может открыто выдвинуть это предложение, опасаясь негативной реакции как западных держав, так и Советского Союза[589].

Однако советское полпредство, не зная тогда приведенных выше деталей, считало, что носителями идеи о возвращении Вильно являются реакционные силы, «тяготеющие к сильной Германии», и прочие «авантюристы в политике и экономике». Их аппетит на Вильно, как отмечалось в документе, обострился потому, что Виленщина в настоящее время оказалась свободной как от польских, так и от немецких войск. Одновременно сообщалось, что официальные представители Литвы отреклись от этого «авантюризма и безумства», поскольку «считают большим риском для себя пользоваться плодами германских побед в Польше, так как будущие победители, в том числе и восстановленная Польша, неизбежно вспомнили бы тогда измену Литвы и постарались бы ее раздавить. Некоторые же, даже независимо от исхода войны, не хотят получать Вильно из рук немцев, говоря, что Берлин потребует за этот подарок беспрекословного подчинения его указаниям»[590].

Эти же наблюдения подтвердил и советский военный атташе майор И. М. Коротких. В политическом обзоре в тот же день, т. е. 13 сентября, он утверждал, что правящие круги Литвы, включая и военных, не идут на соблазн присоединения Вильно, хотя это можно было бы легко сделать, ибо там нет никаких воинских частей. Как заявил советскому атташе начальник 2-го отдела генштаба литовской армии полковник Дулкнис, литовцы не хотят получать Вильно из рук немцев. «Другое дело, если бы здесь был бы причастен каким-либо образом Советский Союз, т. е., другими словами, из рук Советского Союза можно было бы брать, не боясь ничего»[591].

В ходе боевых действий в Польше, а тем более после ее поражения Литва, конечно же, могла бы воспользоваться случаем, чтобы присоединить Виленщину. Когда министр иностранных дел Литвы Ю. Урбшис на переговорах в Кремле в начале октября 1939 г. упомянул об этой возможности, Сталин, как вспоминает Урбшис, сердито отрезал: «Так что, хотели воевать с

нами?»[592]

Правящие круги Литвы, как в своей обзорной записке от 3 июня 1940 г. писал поверенный в делах СССР в Литве В. С. Семенов, «были не прочь отказаться от Вильно, лишь бы не допустить пребывания в Литве советских гарнизонов». Уже на другой день после подписания договора они расстреляли демонстрацию в Каунасе, которая выражала симпатии к СССР. При вступлении советских войск в Литву местные власти старались скрыть от населения советскую военную технику. Они приказали жителям по пути следования войск закрывать окна и не выходить на улицы. Пропаганда открыто твердила, что большевики «возвратили нам Вильно, а забрали у нас всю Литву»[593].

На протяжении нескольких дней в середине сентября 1939 г. представители литовского правительства были озабочены тем, что немцы постоянно говорят о судьбе Виленщины, а Советский Союз молчит. Литовцы заявляют, что мнения одной Германии недостаточно[594]. Правда, через несколько дней стало известно о заявлении Молотова литовскому представителю. Он сказал, что неясность общего положения не дает возможности подойти к виленской теме конкретно, и порекомендовал литовцам набраться терпения[595]. Такая неопределенность в советской позиции соответствовала действительности. 16 сентября 1939 г. во время беседы с Шуленбургом Молотов поставил вопрос, кто же будет занимать Вильно, оккупированный польскими войсками еще в 1920 г. И далее добавил, что советское правительство не желает столкновения с Литвой и хотело бы знать, состоится ли объединение Виленского края с Литвой[596]. Лишь с публикацией в 1948 г. документов о договоренностях между Германией и СССР выяснилось, что в эти дни шел торг, в чью же сферу интересов должна входить Литва. Теперь ясно, что в тот же день (16 сентября) Риббентроп предложил Цехлину более не затрагивать проблему Вильно и прекратить о ней все разговоры с представителями литовской стороны[597]. А на следующий день, когда в Польшу вступили советские войска, в Берлине внешне изменили свою позицию по Виленскому вопросу. Глава политического отдела министерства иностранных дел Германии Ворман вызвал литовского посла К. Скирпу (Шкирпу) и выразил ему недоумение по поводу распространяемых литовскими дипломатами в странах Запада слухов о якобы давлении Берлина на Литву с целью принудить к захвату Вильно[598].

Если в Берлине в эти дни вообще перестали интересоваться судьбой не только Вильно, но и всей Литвы, то в Москве интерес к ней значительно усилился. Эта перемена была вызвана переговорами между Германией и Советским Союзом, которые 28 сентября закончились соглашением о передаче Литвы в сферу интересов СССР взамен на Люблинское и часть Варшавского воеводства.

Придавая большое политическое значение передаче Вильно и Виленской области Литве, Молотов в докладе на заседании V сессии Верховного Совета СССР, состоявшейся в конце октября 1939 г., особо обратил внимание на то, что этим актом Литва с ее населением в 2,5 млн. человек расширила свою территорию и увеличила население на 550 тыс. человек. При этом Молотов объяснил, что, хотя в Вильно преобладает нелитовское население, но важнее то, что с ним связано историческое прошлое Литовского государства[599].

Как до, так и после 26 октября 1939 г., когда литовцы начали занимать Виленщину, заслугу в возвращении этой области литовская пропаганда приписывала президенту А. Сметоне, правительству генерала Ю. Черниуса и фашистского типа партии националистов (таутинников). И, надо сказать, литовские националисты нажили себе на этом немалый политический капитал. Ведь несмотря на потерю в марте Клайпеды, благодаря присоединению Виленщины Литва увеличила свою территорию до 59 478 кв. км, а население до 2 879 070 человек[600].

Во всех трех договорах с Прибалтийскими республиками советская сторона принимала обязательство не вмешиваться в их внутренние дела. Часть населения не верила в то, что

эти обязательства будут соблюдены. Другая же часть, прежде всего коммунисты и другие левые силы, не сомневались в искренности руководителей советского рабоче-крестьянского государства.

Как же оценивал эти пакты с Прибалтийскими странами сам Сталин? На заседании «круглого стола» в АПН 15 августа 1989 г. приводился такой факт. В беседе с Г. Димитровым 25 октября 1939 г. Сталин говорил: «Советское руководство полагает, что пактами о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой была найдена форма, которая позволит Советскому Союзу включить в свою орбиту ряд стран. Но для этого пока надо строго соблюдать их внутренний режим и суверенитет, не добиваясь советизации. Придет время, продолжал Сталин, когда они сами это сделают».

Переговоры военного командования СССР с представителями Прибалтийских стран по конкретным вопросам дислокации и статуса советских войск проходили также в целом в деловой обстановке, без какой-либо явно выраженной враждебности, но не легко. Они начались еще в конце октября 1939 г., затем продолжались в январе – феврале 1940 г., но так и не были завершены до июня 1940 г.

Особенно активно по настоянию советской стороны они проходили с мая 1940 г. Как докладывали своему правительству посол Эстонии в Москве А. Рей и генерал-майор А. Траксмаа, их усилия снизить правовой статус обсуждавшихся документов до уровня какого-либо «технического распоряжения правительства» и тем самым избежать ратификации не увенчались успехом. Советские представители придавали документам важное значение и настаивали на их скорейшем принятии.

Эстонская делегация предлагала, чтобы советские военные базы сохранялись только на период войны. Но советские представители настояли на том, чтобы эти базы оставались на все время действия пакта. Эстонской делегации не удалось добиться и того, чтобы на передаваемых территориях сохранить свой режим и до минимума свести количество эвакуируемого с этих территорий населения. Молотов категорически возражал против этих предложений. «Это военная необходимость, и все остальное должно быть принесено ей в жертву, – говорил он. – Мы в своей стране в таких случаях требуем гораздо больших запретных зон и гораздо более строгого порядка»[601].

Вступление контингентов советских войск в Прибалтийские страны проходило в цивилизованной, спокойной и даже приветливой со стороны населения обстановке. На границе их встречали представители высшего командования. В частности, в Эстонию советские войска начали входить утром 18 октября 1939 г. После взаимных приветствий оркестры исполнили с советской стороны «Интернационал», с эстонской – национальный гимн Эстонии. С обеих сторон были произведены оружейные салюты (по 21 выстрелу)[602]. Часть войск убывала по железной дороге. Вылет самолетов задерживался из-за непригодности местных аэродромов. Всего на территорию Эстонии, по данным Мерецкова, направлялось 21 347 человек, 78 орудий, 283 танка, 54 бронемшины, 255 самолетов и 1950 транспортных машин[603].

В связи с приближением советских войск к границе с Литвой после освобождения Вильно командующий литовской армией генерал С. Раштикис 20 сентября 1939 г. все же вынужден был отдать приказ встречать части Красной Армии в дружеском духе и помогать им в установлении новой литовской границы[604]. «В действительности же все так и было, – пишет В. В. Александров в предисловии к подборке документов „Прибалтика вступает в Союз“, опубликованных в журнале „Международная жизнь“, – и жар объятий, и ликующие звуки оркестров, и аромат яблочного вина, и пенистое пиво в кружках, передающихся по кругу. Как добрых друзей, хлебом и цветами, выращенными на трудной земле, встречали бойцов и командиров Рабоче-Крестьянской Красной Армии и в Латвии, и в Литве, и в Эстонии... Но не об этом идет речь, что было открытым для всех и широко внедрялось в сознание. Сейчас

очередь дошла до тайников дипломатии, до таких документов, которые были, что называется, за семью печатями. В секрете же, как известно, подобные новости долго не хранятся»[605].

Пребывание советских войск в Прибалтийских республиках в первые месяцы было сопряжено с большими трудностями. Довольно долго решался вопрос о пользовании путями сообщения, телефоном и телеграфом, а также проблема заключения арендных договоров на землю и постройки. Оставалось невыясненным, как будет осуществляться медицинское обеспечение войск и членов семей командиров и политработников. Долго продолжались споры о расходах по эвакуации местного населения из районов дислокации советских войск. Слишком затянулось решение вопроса о том, в какой валюте выдавать войскам денежное довольствие. Правда, эти проблемы были частично затронуты в специальном постановлении СНК СССР «О мероприятиях, связанных с размещением Советских Вооруженных Сил на территории Эстонии, Латвии и Литвы» от 28 февраля 1940 г.[606]

В соответствии с договором о правовом положении советских военных баз, заключенным между СССР и Эстонией 15 мая 1940 г., советской стороне передавались новые обширные территории, в том числе город Палдиски, три острова, а также почти 100 других населенных пунктов[607].

Недовольство властей Эстонии, Латвии и Литвы неоправданно большими выселениями местных жителей из районов дислокации советских воинских частей и необходимостью выделения для них жилых и служебных площадей было столь велико, что Совнарком СССР был вынужден 7 августа 1940 г. принять решение, чтобы на первое время эту площадь предоставлять в минимальных размерах, избегая переселения рабочих и служащих. Был также временно запрещен проезд в эти республики семей военнослужащих, и воинским частям было предложено освободить к началу учебного года занятые ими здания школ. Запрещалось производить закупку у эстонских органов автомобилей и других машин[608]. Эти указания советского правительства бесспорно внесли некоторое успокоение среди населения и властей Прибалтийских республик.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные не подтверждают вывод о том, что присутствие советских войск в Прибалтике осенью 1939 г. оказывало тогда существенное влияние на ход политических процессов в этих странах. Но, естественно, оно не могло не быть определенным морально-политическим фактором, создававшим условия для активизации левых сил, и прежде всего компартий. Именно тогда обычным явлением стали митинги и забастовки, имевшие не только экономическую, но и политическую направленность[609].

Как свидетельствуют служебные телеграммы Молотова полпредам в соответствующих странах, в первые дни после заключения договоров нарком действительно категорически требовал не вмешиваться во внутренние дела этих стран, не поощрять действия левацких экстремистов и особенно «пресекать всякие разговоры насчет советизации», ибо «всякое поощрение этих настроений насчет советизации... или даже простое непотворение этим настроениям на руку нашим врагам и антисоветским провокаторам». Полпредам предлагалось осуществлять связь только с правительственными, официальными кругами, постоянно помня, что полпредства аккредитованы при правительствах, и ни при ком другом[610].

Однако в одной из телеграмм полпреду СССР в Эстонии К. Н. Никитину, датированной 23 октября 1939 г., Молотов приоткрыл завесу над истинными соображениями, которыми он руководствовался, давая всего лишь месяц тому назад подобные указания. Оказывается, это был тактический прием, ограниченный конкретными временными рамками, т. е. «данном моментом». В упомянутой телеграмме об этом говорится дважды: «...обязываю Вас пресекать разговоры о советизации Эстонии, как выгодные и удобные в данный момент лишь провокаторам и врагам СССР»; «...считаю в данный момент (выделено мною –

М. С.) нецелесообразным приглашение с Вашей стороны делегации эстонских текстильщиков на ноябрьские торжества в Москве»[611].

В эти дни нарком К. Е. Ворошилов подписал приказы, в которых войскам также категорически воспрещалось вмешиваться во внутренние дела Прибалтийских стран[612]. Это касалось войск 65-го Особого стрелкового корпуса, дислоцированных в Эстонии (командир – комдив А. А. Тюрин), 2-го Особого стрелкового корпуса в Латвии (командир – комдив Н. С. Морозов) и 16-го Особого стрелкового корпуса в Литве (командир – комдив А. А. Коробков)[613]. Все эти войска рассматривались главным военным командованием как «авангардный заслон Красной Армии от возможных покушений со стороны врагов на Советский Союз» и на Прибалтийские республики[614]. К маю 1940 г. в их составе насчитывалось 67 тыс. человек и 1 065 танков[615], тогда как в трех республиках национальные армии имели 65 тыс. человек.

Советские власти принимали и другие меры к тому, чтобы в то время не слишком связывать себя с местными просоветскими силами, выступавшими за немедленную советизацию Прибалтийских стран и их включение в состав СССР. Так, итальянский посол в Таллинне писал в Рим 11 ноября 1939 г.: «Заявления русских об уважении социальной, экономической и политической организации оккупированных в военном порядке стран учащаются. Когда во время прибытия русских войск в Эстонию представители местных коммунистов направлялись в советское посольство, чтобы передать послание Сталину, то посольство само попросило эстонскую полицию вмешаться и арестовать их. Утверждается, что московское правительство сообщило эстонскому правительству о своем намерении не одобрять ни одного движения местных коммунистов, а, наоборот, оставить за правительством полную свободу противодействия этому и даже подавления...»[616].

Но в современных дискуссиях по этому вопросу упускаются из виду два существенных обстоятельства. Во-первых, все эти документы датированы начальным периодом действия заключенных договоров, т. е. сентябем – ноябем 1939 г., когда советскому руководству не хотелось преждевременно раскрывать свои карты. Да и контингент советских войск в этих республиках был тогда незначительным. Во-вторых, вовсе не обязательно было советскому руководству осуществлять свою политическую линию в этих республиках через посольства и войска. Как показали последующие события, не менее эффективным было личное давление Сталина и Молотова на государственных деятелей этих стран, а также деятельность особоуполномоченных, которые опирались на местные силы, верившие «социалистическому» Советскому Союзу и искренне желавшие лучших условий жизни для своего народа. Особо деструктивную роль играли представители советских органов государственной безопасности.

Конечно, можно соглашаться или не соглашаться с утверждением некоторых авторов о том, что договоры о взаимопомощи объективно были необходимы для безопасности как Советского Союза, так и Литвы, Латвии, Эстонии, а также Финляндии. Но тут возникает по крайней мере два вопроса: во-первых, оправданно ли для этой цели использовать право сильного и манипулировать ультиматумами и провокациями? Во-вторых, не странно ли, что советское руководство оказалось в роли того верующего, который больше католик, чем сам папа, поскольку оно беспокоилось о безопасности других стран больше, чем их собственные правительства?

Ультимативные методы, которые применяли Сталин и Молотов в своей практике отношений с суверенными странами, нельзя оправдать никакими особенностями тогдашней международной обстановки, благородными требованиями безопасности и другими соображениями. Такие методы и в политическом и в юридическом плане противоречат общепринятым принципам в практике международных отношений и должны быть безусловно осуждены. Пакты о взаимопомощи с Прибалтийскими республиками были навязаны советским руководством под угрозой применения силы. Это были неравные договоры, которые существенно ограничивали проведение политики нейтралитета этими государствами.

Реализация договоров о взаимной помощи во всех Прибалтийских республиках проходила на первых порах спокойно, без каких-либо серьезных претензий друг к другу и вмешательства советских военных властей во внутренние дела стран пребывания. Однако в сложившейся ситуации трудно было избежать возникновения разного рода недоразумений и случайных инцидентов, в которых стороны, возможно, и не были заинтересованы. Другое дело, что советская сторона, имея в виду свои будущие намерения в отношении этих республик, иногда создавала искусственные трудности, провоцировала инциденты сама или преувеличивала значение конфликтов, возникавших по вине местных властей и правых сил. Это стало особенно наглядным в условиях, когда в Эстонии, Латвии и Литве при их определенных различиях начали активизироваться социальные процессы, обострялась борьба различных политических сил.

Правые силы стремились удержать свои позиции на прежнем уровне. Коммунисты же рассматривали советские войска как своих естественных классовых союзников и, конечно же, рассчитывали на их поддержку в случае, по их мнению, ухудшения политической обстановки. Тем более что советские средства массовой информации открыто солидаризировались с левыми силами, и советским военным органам трудно было в подобной обстановке удержаться на позициях нейтралитета.

После более или менее спокойного зимнего времени с весны 1940 г. резко изменилась международная военно-политическая обстановка. Как уже отмечалось выше, появились симптомы охлаждения отношений между Германией и Советским Союзом. Финский историк С. Мылыньеми пишет, что Молотов и Деканозов на встрече с министром иностранных дел Литвы В. Креве-Мицкявичюсом в июне 1940 г. заявили, что «благодаря второй мировой войне Европа упадет нам в руки как спелое яблоко»[617]. Однако вместо взаимного ослабления, чего ожидал Сталин от войны между капиталистическими странами на Западе, военная мощь Германии резко усиливалась. Существенно улучшалось ее стратегическое положение. В апреле 1940 г. Гитлер предпринял агрессивную акцию против Дании и Норвегии, которые были, по существу, соседями Прибалтийских стран. Затем вермахт в ходе быстрой кампании нанес поражение Бельгии, Нидерландам и Франции.

Все эти внешние военно-политические события не могли не оказать должного влияния и на внутренние дела в Прибалтийских странах. Происходила дальнейшая поляризация классовых и политических сил. Кризис в обществе обострялся. Коммунисты и представители других левых сил, поощряемые Коминтерном и сталинским руководством, активно выступали за провозглашение в своих странах советской власти с последующим вступлением в состав СССР. Другие, более влиятельные общественные слои ориентировались на Запад, как это имело место еще до 1939 г., причем в Эстонии и Литве они больше рассчитывали на экономическую и военную мощь Германии, а в Латвии традиционно вот уже на протяжении 20 лет придерживались проанглийского курса. Разумеется, внутривнутриполитические процессы в разных Прибалтийских странах протекали неодинаково. Но основные тенденции были именно таковы.

Ощутимый удар по авторитету Советского Союза в глазах населения Прибалтийских стран, особенно в Эстонии, нанесла советская агрессия против Финляндии. В знак протеста против этой акции в январе 1940 г. в Финляндию демонстративно выехали 150 добровольцев из Эстонии[618]. Позиция народов этих стран в отношении советско-финляндской войны формировалась в условиях присутствия на их территории советских войск и соответствующих договоров с СССР, что не могло не оказать определенного влияния на общественное мнение. Так, по сообщению полпреда СССР в Литве Н. Г. Позднякова 4 декабря 1939 г., местная печать не критиковала Советский Союз в связи с войной против Финляндии, но она не дала даже ни обширного изложения, ни декларации «правительства» Куусинена, ни договора СССР с ним о взаимопомощи и дружбе. Вообще об этих событиях печать открыто не высказывалась, но по всему видно было, что ее симпатии на стороне Хельсинки. Она чаще отмечала советские потери и медленное продвижение советских войск. «Значит, – делал

вывод советский полпред, – с нашим методом разрешения советско-финляндских дел они не согласны». Следя за событиями в Финляндии, литовская буржуазия «не может не настораживаться с точки зрения своей собственной судьбы в том случае, если она совершит ложный шаг в отношении СССР». Затем полпред формулирует следующий примечательный вывод: «Это необходимость скорейшего прекращения военных действий в Финляндии (на базе быстрого продвижения) и восстановления в ней на новых началах нормальной жизни. Тогда отпадет всякая основа к различным рассуждениям и кривотолкам, появившимся в последние дни в Литве, по поводу нашей внешней политики. (Вероятно, в Эстонии и Латвии наблюдается то же самое)»[619].

Как докладывал советский полпред И. С. Зотов, отношение правительства Латвии к войне в Финляндии определялось прежде всего выгодными экономическими связями между обеими странами. Финляндию посещал ряд видных деятелей Латвии. Местное население обрабатывалось в духе сочувствия к Финляндии, а правительство Ульманиса – Мунтерса не скрывало своих симпатий к финнам. Некоторые высшие офицеры латвийской армии, в том числе и ее командующий генерал К. Беркис, в свое время служили в Финляндии и имеют родственные связи[620].

Вместе с тем вызывает сомнение восторженный доклад полпреда о том, что, мол, «широкие трудящиеся массы... с радостью приветствуют и разделяют поведение Советского Союза по отношению к белофиннам. Народное правительство Финляндии при поддержке Советского Союза воспринимается как будущий прообраз власти в Латвии... Успешно пропагандируется программа Народной Демократической Республики Финляндии. Интеллигенция все больше и больше склоняется в сторону СССР»[621].

Активизировались силы, выступавшие против присутствия в их странах советских войск. Они энергично распространяли не только достоверные сведения, но и ложные слухи о преступлениях сталинизма против советского народа, давая тем самым понять, что это ожидает и другие народы. Те же, кто не верил этим слухам и выступал за сотрудничество с великим восточным соседом, нередко подвергались репрессиям.

2. Ультиматумы

Летом 1940 г. началась вторая стадия предусмотренного в секретном протоколе к пакту Молотова – Риббентропа от 23 августа 1939 г. «территориально-политического переустройства» в Прибалтийских республиках. Внутриполитический кризис в этом регионе резко обострился. Его истоки следует искать не только в политике тогдашних режимов в этих странах. Бывали моменты, когда в общественно-политических изменениях Прибалтийских стран решающую роль играл именно советский фактор.

В чем же это выражалось?

Предлоги для давления на правительства суверенных государств Прибалтики советское руководство находило довольно быстро. По своему характеру некоторые из них были до примитивизма просты, а по времени во всех трех странах отличались поразительной синхронностью. Так, в советской печати с весны 1940 г. стали все чаще публиковаться статьи о неблагоприятной политической ситуации в Прибалтийских республиках. Внимание акцентировалось на том, что определенные круги, в частности, в Литве всевозможными провокациями, в том числе и «похищениями» советских военнослужащих, стремятся ухудшить отношения с Советским Союзом. Что касается «исчезновения» советских военнослужащих, то советские полпреды сообщали об этом противоречивые сведения. Так, если полпред Поздняков из Литвы доносил о наличии подобных фактов, то В. К. Деревянский

из Латвии отмечал, что случаи исчезновения советских военнослужащих проверкой не подтверждены[622].

После подобной предварительной психологической подготовки советской и мировой общественности 30 мая 1940 г. применительно к Литве было опубликовано уже официальное сообщение Наркоминдела СССР, озаглавленное «О провокационных действиях литовских властей». В нем было сказано, что некоторые лица, пользуясь покровительством органов литовского правительства, организовали случаи исчезновения военнослужащих из советских гарнизонов. Далее были названы фамилии некоторых из них. Но от создания совместной комиссии для проверки этих случаев советская сторона отказалась.

В сообщении отмечалось, что 25 мая Молотов сделал соответствующее заявление президенту Литвы А. Сметоне, в котором потребовал прекратить подобные провокации и выражал надежду, что литовское правительство не вынудит правительство СССР прибегнуть к «другим мероприятиям»[623]. В печати публиковались сведения о том, что подобные случаи якобы отмечались в Латвии и Эстонии. Однако местные власти категорически отрицали свою причастность к этим фактам, если они действительно имели место. В печати этих стран не исключалось, что по вине пьяных советских военнослужащих или дезертиров могли произойти мелкие конфликты с местным населением.

Создалась парадоксальная ситуация. С одной стороны, советские военные власти и посольства обвиняли правительства Прибалтийских стран в том, что они поощряют недоброжелательное отношение к Красной Армии и не содействуют раскрытию случаев «исчезновения» советских военнослужащих. Но с другой стороны, они жаловались, что местные органы власти с этой целью проявляют особое усердие, не вызванное необходимостью. Так, 12 июня 1940 г. временный поверенный в делах СССР в Литве В. С. Семенов докладывал наркому иностранных дел СССР, что литовские органы власти создают исключительный режим вокруг советских гарнизонов, стремятся полностью изолировать их от населения, наводняют районы расквартирования советских войск своими полицейскими агентами, создают для этого особые полицейские участки, берут на полицейский учет всех лиц, имеющих отношение к советским войскам и проживающих в районах их расквартирования, и т. д.[624]

В Москве сочли, что наступило подходящее время для решения прибалтийской проблемы в полном объеме, и с этой целью были предприняты соответствующие меры. В Эстонии 10 июня на советских военных базах была объявлена боевая готовность. 14 июня советское военное руководство ввело воздушную и морскую блокаду Эстонии.

Кампания в советской печати об «исчезнувших» военнослужащих еще продолжалась, а уже 14 июня 1940 г. Молотов разослал советским послам в Литве, Латвии, Эстонии и Финляндии ориентировку по новой искусственно созданной им «проблеме». Речь шла об оценке деятельности так называемой Балтийской Антанты. Как известно, эта региональная организация, стимулировавшая сотрудничество Эстонии, Латвии и Литвы по внешнеполитическим проблемам, сформировалась после того, как в сентябре 1934 г. эти страны подписали договор о согласии и сотрудничестве, не имевший военной направленности.

В первые годы после оформления «Балтийской Антанты» Советский Союз относился к ней благосклонно, рассчитывая на то, что она послужит делу сопротивления стран этого региона германским притязаниям[625]. Однако, как справедливо считает известный финский исследователь С. Мылыньеми, это не значит, что в рядах Антанты царил всеобщее согласие, особенно по вопросу внешнеполитической ориентации. Эстония в своей дипломатической деятельности больше контактировала с Польшей, чем со своими союзниками по Антанте. На дружбе с Польшей особенно энергично настаивал генерал Лайдонер. В этой связи установившиеся советско-латвийские отношения беспокоили

Эстонию, считавшую Советский Союз своим единственным потенциальным врагом. Латвия своим врагом считала Германию, а Литва, соглашаясь с такой оценкой, уточняла, что не менее опасной является и Польша. Теперь же, шесть лет спустя, «Балтийскую Антанту» Молотов стал именовать «антисоветским военным союзом» трех республик.

Советские архивные материалы не дают основания для обвинения «Балтийской Антанты» в деятельности, имевшей целью совершить агрессию против СССР. Это же не подтверждается и высказываниями хорошо информированных в этом вопросе германских дипломатов. Так, заведующий референтурой 4-го (скандинавского) отдела МИД Германии Грундхерр 17 июня 1940 г. в меморандуме отмечал, что сотрудничество Прибалтийских государств основывается на договоре о взаимопомощи и сотрудничестве от 12 сентября 1934 г. Автор категорически отрицал антисоветский характер этой организации даже после сентября – октября 1939 г. «Ввиду оккупации их государств советскими войсками, – писал далее Грундхерр, – все три правительства отдадут себе отчет в опасности подобной политики»[626].

Советское руководство позволяло себе почему-то предъявлять суверенным республикам претензии, что деятельность этой организации осуществляется «в тайне от СССР», и требовать ее роспуска. В представлении министру иностранных дел Литвы Ю. Урбшису, а через день и правительствам Латвии и Эстонии Молотов квалифицировал их действия как нарушение договоров о взаимной помощи и враждебные в отношении СССР[627].

Однако наиболее характерными для внешнеполитической практики сталинского руководства того времени были сформулированные в этом документе конкретные требования, носившие форму откровенного ультиматума. Вот его пункты (применительно к Литве): 1. Немедленно предать суду министра внутренних дел К. Скучасы и начальника департамента МВД А. Повилайтиса, как «прямых виновников провокационных действий против советского гарнизона в Литве». 2. Немедленно сформировать такое правительство, которое было бы способно и готово честно выполнять договор и обуздать его врагов. (Позже стало известно, что советские посольства во всех трех странах не ждали спокойно, пока такие правительства будут сформированы, а приняли в этом деле весьма активное участие.) 3. Обеспечить свободный доступ на территории своих стран новых контингентов советских войск для размещения их в важнейших центрах.

В конце этого документа, датированного 14 июня, давался срок выполнения требования – через 10 часов после его вручения. Ультимативные требования Латвии и Эстонии были предъявлены 16 июня. В установленные сроки были получены ответы о принятии советских требований[628].

Как в последнее время стало известно, советское руководство не было абсолютно уверено в том, что включение Прибалтийских республик в состав СССР пройдет без вооруженного сопротивления со стороны армий этих республик и что не потребуются применить боевые действия. Поэтому органы НКВД готовили специальные лагеря для приема, как предполагалось, 50–70 тыс. военнопленных[629].

Утром 17 июня 1940 г. границы всех трех республик пересекли крупные силы советских войск в составе 10 стрелковых дивизий и 7 танковых бригад[630]. В Таллинн прибыли также боевые корабли Балтийского флота, а в Двинск (Даугавпилс) – отряд легких боевых судов[631]. В частности, на территорию Эстонии вступило до 90 тыс. человек из Ленинградского военного округа. На встрече, состоявшейся на железнодорожной станции Нарва утром 17 июня, генерал армии Мерецков изложил главнокомандующему эстонской армии генералу И. Лайдонеру довольно жесткие условия того режима, который должен быть установлен в стране и который в Справке комиссии Президиума Верховного Совета ЭССР от 25 сентября 1989 г. назван как «режим военного вторжения»[632].

Аналогичные приемы применялись и в отношении других стран региона, что, конечно, не

содействовало взаимному доверию и взаимопониманию сторон. Среди общественности распространялись упорные слухи, ставившие под сомнение искренний и честный характер намерений советского правительства.

Как сообщается в зарубежных источниках, в ночь с 15 на 16 июня 1940 г. в здании КГБ СССР В. Г. Деканозов провел совещание, на котором объявил о решении направить в Прибалтику три группы советских представителей для «создания условий», при которых Красная Армия сможет защитить «северо-западные границы нашего социалистического отечества». Он также заявил, что, «если рабочие Латвии и других Прибалтийских стран выразят пожелание, чтобы их новые правительства назывались «советскими» и «социалистическими», товарищ Сталин сказал, что он не будет возражать против этих требований»[633].

Как писали 17 июня некоторые латышские газеты (и это соответствовало действительности), население Риги, Даугавпилса и Елгавы радостно встретило советских воинов. Однако на привокзальной площади Риги полиция спровоцировала столкновение, в результате которого были ранены 29 рабочих (2 смертельно) и 16 полицейских. Лишь с помощью армии в Риге был «восстановлен порядок»[634].

Через несколько дней советское правительство признало, что в Прибалтийских странах находится «всего не более 18–20 дивизий», а попутно опровергло слухи о том, что «сосредоточение советских войск вызвано недовольством Советского Союза успехами Германии на Западе, что оно отражает ухудшение советско-германских отношений». Далее в сообщении заверялось, что «добрососедские отношения, сложившиеся между СССР и Германией в результате заключения пакта о ненападении, нельзя поколебать какими-либо слухами и мелкотравчатой пропагандой», ибо эти отношения основаны не на преходящих мотивах конъюнктурного характера, а на коренных государственных интересах СССР и Германии[635].

Анализируя характер советских требований и поспешность их выполнения, представитель Эстонии генерал Траксмаа пришел к выводу, что Молотов был особенно непреклонен, когда стало известно о крупных победах Германии на Западе. Генерал докладывал: «Русские позиции стали особенно резкими после военных событий на Западе. Догадываюсь, что подлинной причиной тут служит то, что С. Россия чувствует теперь, что у нее руки развязаны. Война от нее отдалилась, и соглашение на Западе уже невозможно»[636].

Между тем до начала фашистской агрессии против СССР оставался ровно год. Гитлер занял важные стратегические позиции в Скандинавии и нанес поражение Франции. В таких условиях сталинское руководство СССР решило поддержать свое реноме активизацией попыток усилить политическое и военное влияние в Прибалтике. Под предлогом солидарной поддержки местных «социалистических революций» было решено в грубой форме устранить правительства, избранные законодательные органы и тем самым сделать еще один шаг к ликвидации существовавшего в этих странах общественного и государственного строя.

Как отмечается в латвийских источниках, в ночь с 14 на 15 июня 1940 г. советские воинские подразделения устроили вооруженную провокацию. Они напали на пограничные посты латышей в пунктах Масленики и Шмайли, в результате чего погибли 4 человека и были увезены на советскую территорию 38 человек. Затем последовал советский ультиматум правительству Латвии[637].

Не доверяя возможностям и способностям сотрудников советских посольств в быстром и решительном проведении линии Москвы, Сталин направил в Прибалтийские страны в качестве своих чрезвычайных уполномоченных, хотя они имели мандаты Президиума Верховного Совета СССР, таких деятелей, как А. А. Жданов (в Эстонию), А. Я. Вышинский (в Латвию) и В. Г. Деканозов (в Литву). Они были наделены, по существу, неограниченными полномочиями для беспощадного претворения в жизнь ультиматумов и уже тогда вели себя

как своеобразные советские генерал-губернаторы. Под их контролем и давлением во всех трех республиках произошла немедленная смена правительств.

«Охватывает буквально оторопь – до какого цинизма надо было дойти, чтобы позволить себе прямо-таки феодальный тон в разговоре с представителями суверенных государств, который взяли за норму Молотов и его подручные Деканозов, Вышинский, Жданов»[638], – отмечал В. Александров. Нельзя не согласиться с этой характеристикой методов сталинистской дипломатии того времени.

В Латвии было сформировано народное правительство, в состав которого по тактическим соображениям не вошли представители коммунистической партии. В первые же дни своего существования оно провело ряд таких политических и экономических мер, которые, по мнению некоторых латышских историков, означали начало «социалистической революции». Не без давления Вышинского был расторгнут договор о «Балтийской Антанте». Перед тем как 21 июля 1940 г. оставить свой пост президента Латвии, К. Ульманис скрепил своей подписью все законодательные акты народного правительства. После этого они вступали в силу.

В Литве при обсуждении ультиматума Советского Союза от 14 июня 1940 г. большинство членов правительства выступило за его принятие, и на следующий день находившийся тогда в Москве министр иностранных дел Урбшис сообщил об этом Молотову. Как только в страну стали вводиться новые контингенты советских войск, президент А. Сметона и ряд других государственных и военных деятелей выехали в Восточную Пруссию. Туда же эвакуировались и некоторые части литовской армии. Комиссия Верховного Совета Литовской ССР по изучению германо-советских договоров 1939 г. и их последствий в августе 1989 г. отмечала: «Части Красной Армии вместе с дислоцированными ранее подразделениями заняли главные стратегические центры и объекты, совершая этим оккупацию Литвы»[639].

Аналогичные события происходили и в Эстонии. Утром 19 июня в Таллинн прибыл Жданов. Через несколько часов он уже был на приеме у президента К. Пятса. О содержании их полуторачасовой беседы в деталях пока неизвестно. По выработанному Ждановым сценарию формирование нового правительства Эстонии должно было состояться в результате «всенародных уличных демонстраций». Соответствующее задание 20 июня было дано эстонскому коммунисту М. Унту, который поддерживал связь с советским посольством еще с 1932 г. В своей автобиографии, хранящейся в партархиве Института истории партии при ЦК КП Эстонии, он написал следующее: «18 июня 1940 г. получил приказ по телефону и телеграфу прибыть в Таллинн, что я сразу и сделал... Вечером 18 июня встретился с т. Бочкаревым, который спросил меня, согласен ли я быть министром внутренних дел. Ответил, что если мне доверяют, то я выполню это задание. 19 июня я дважды встречался с т. Ждановым и, кроме этого, с т. Бочкаревым. 20 июня два раза встречался с тт. Ждановым и Бочкаревым и вечером того же 20 июня т. Жданов поручил мне организовать в течение ночи митинг и демонстрацию 21 июня... В течение ночи все приготовления были проведены как в Таллинне, так и в провинции, и 21 июня состоялась демонстрация и захват власти»[640].

Здесь Унт, конечно, преувеличивает свои достижения в организации демонстраций в провинции. В действительности они были гораздо скромнее. Из 33 городов республики митинги состоялись в 12, а в Таллинне в митинге на площади Вабадузе участвовало до 5 тыс. человек, включая, как отмечают эстонские источники, и рабочих советских военных баз и граждан СССР. Кроме них на площади присутствовали советские воинские подразделения с танками. На следующий день об этом сообщила «Правда»[641].

В день демонстрации к президенту прибыли Жданов, советский полпред К. Никитин и другие работники посольства. Они потребовали образовать новое правительство во главе с И. Варесом, что и было сделано.

3. «Революции» на марше

Факты свидетельствуют, что многие трудящиеся во всех Прибалтийских республиках действительно приветствовали образование народных правительств, связывая с ними возможность демократизации общественной жизни, улучшения материального положения народа, а бедные крестьяне рассчитывали получить землю. Коммунисты надеялись, что новые правительства будут содействовать реализации их программных требований по социалистическому переустройству общества.

Как же эти процессы протекали в разных республиках? Н. Андресен, назначенный в новое правительство Эстонии министром иностранных дел, рассказывал, что 20 июня 1940 г. Жданов вызвал его и Х. Хабермана (позже он стал заместителем министра внутренних дел) в свою резиденцию и, познакомив их со списком предполагаемого народного правительства, попросил высказать свое мнение. Выслушав их, Жданов внес в список некоторые уточнения. В правительство вошли три деятеля культуры, по одному активисту-общественнику, бизнесмену, ученому и военному, три члена Государственной думы. Ни один из них в тот момент не состоял в компартии Эстонии[642].

Вот как в своем отчете описывал сложившуюся ситуацию советский полпред К. Н. Никитин: «Приезд тов. Жданова и директива из Москвы о недопустимости пассивного отношения к полицейским расправам резко изменили дело. На всех фабриках и заводах развернулись широкие собрания, продолжавшиеся по всей Эстонии всю ночь с 19 на 20 июня. Правительство Лайдонера – Юримаа воочию убедилось, что ему не удастся сохранить никаких позиций, так как слух, что советское правительство само участвует в организации правительства Эстонии, проник во все самые глухие углы и везде встретил сочувственный отклик, но в некоторых головах он преломился совершенно неправильно. Часть людей не поняла нашей политики, смену правительства расценила как революцию и в демонстрацию 20 июня внесла элементы Октября. 21 июня к 13 часам дня мы должны были ехать к президенту Республики К. Пятсу с представлением кандидата в премьер-министры И. Варес-Барбаруса. В 12 часов дня началась демонстрация. Рабочие шли дружно в ногу с пением революционных и советских песен: «Широка страна моя родная», «Катюша» и пр., несли свои старые профессиональные знамена. Из колонн, проходивших мимо советского полпредства, все время раздавались крики «Ура!», «Да здравствует тов. Сталин!». С балкона их приветствовал тов. Жданов»[643].

Далее в отчете описывалось, как собравшиеся у дворца президента Пятса демонстранты потребовали убрать правительство Лайдонера – Юримаа, дать свободу политзаключенным и создать условия для нормальной деятельности профсоюзов. Затем по своей собственной инициативе демонстранты разделились на три группы. Одна из них направилась к арсеналу, чтобы изъять оружие, другая – освободить из тюрьмы политзаключенных и третья – захватить почту, телеграф, полицейское управление и др.[644]

Именно в ходе этой демонстрации Жданов, Никитин и группа сотрудников полпредства явились к перепуганному президенту. «Предложенную нами кандидатуру в премьер-министры Иоганнеса Вареса (Барбарус), – сообщал далее полпред, – (президент. – М. С.) принял без возражений и испуганно повторял: «Только, пожалуйста, поскорее организуйте правительство и приведите все в порядок». Визит наш окончился не более чем в 8 минут. Оставшуюся часть дня мы посвятили окончательному формированию Эстонского правительства»[645].

Отчет советского полпреда в Таллинне – весьма красноречивый документ. Если оставить на совести автора его утверждения, что собрания развернулись «на всех фабриках и заводах», проходили «всю ночь» и по «всей Эстонии» и что слух об участии советского руководства в формировании нового правительства Эстонии «во всех глухих углах встретил сочувственный

отклик», то в остальном этот документ подтверждает, в какой степени грубо и противоправно советские власти вмешивались во внутренние дела суверенного и объявившего о своем нейтралитете государства.

По какому сценарию развертывались в те дни события в Риге, подробно осветил в докладе Молотову 3 июля 1940 г. советский полпред В. К. Деревянский. Он сообщал, что 17 июня в 2 часа дня в Ригу вступили передовые части советских войск. Население встретило их восторженно, с красными знаменами. Полиция пыталась разогнать встречавших. После вступления в Ригу советские войска быстро заняли вокзал, почту, телеграф, телефон, радио. Все передачи по радио, в том числе выступление президента Ульманиса, передавались только с предварительного разрешения советских властей.

Вечером 18 июня в Ригу прибыл Вышинский, который приступил к формированию нового правительства. Его главой стал проф. А. Кирхенштейн, о чем было объявлено 21 июня. В этот же день состоялась грандиозная демонстрация. Ее участники требовали устранения президента Ульманиса, организации советской власти и присоединения Латвии к Советскому Союзу. Как писал Деревянский, «от полпредства демонстрацию приветствовали тов. Вышинский и Деревянский»[646].

22 июня в Риге была опубликована декларация нового правительства. На следующий день состоялась еще одна демонстрация. Поводом для нее послужили похороны убитого 17 июня Пауля Криша. Правительство приняло постановление о разоружении айзсаргов. Учреждалась вспомогательная полицейская служба, состоявшая преимущественно из рабочих. Издано распоряжение, разрешавшее распространение советских изданий. Государственный аппарат очищался от сторонников Ульманиса, участвовавших в перевороте 15 мая 1934 г. В день вступления в Латвию советских войск перешла на легальное положение компартия – соответствующее постановление правительства было принято 30 июня[647].

В Литве 16 июня 1940 г. было объявлено, что правительство рассматривает отъезд за границу президента А. Сметоны как его отставку с поста президента. Далее было решено, что в соответствии со ст. 72 Конституции республики обязанности президента поручается исполнять премьер-министру А. Меркису.

В тот же день премьер-министр обратился по радио к народу. Он заверил, что прибытие новых советских военных частей направлено на обеспечение безопасности как Советского Союза, так и Литвы. Он заявил далее, что этот факт не должен задевать внутренние социальные, культурные и политические дела Литвы. Исполняющий обязанности президента призвал население не верить необоснованным слухам и смотреть в будущее с доверием[648]. Литовская армия, которой командовал генерал В. Виткаускас, не принимала участия в подавлении демонстраций и митингов.

На следующий день назначенный совет министров республики по предложению компартии возглавил Ю. Палецкис.

Итак, в течение нескольких дней во всех трех Прибалтийских республиках были образованы новые органы исполнительной власти. Началась подготовка выборов в законодательные органы.

В эти дни общественная и политическая жизнь в Прибалтике резко активизировалась. Динамика политической борьбы нарастала. По всей Прибалтике проходили организованные прежде всего левыми силами собрания и митинги, одобрявшие политику народных правительств, приветствовавшие Красную Армию и лично Сталина. Нет оснований сомневаться в том, что в такой ситуации многочисленные советские представители и командование контингента советских войск в Прибалтике в период подготовки и во время выборов вели себя далеко не пассивно и им были не безразличны их итоги. Трудно

оспаривать тот факт, что вступление в Прибалтийские государства советских войск, а также деятельность сотрудников органов безопасности и ряда других высокопоставленных советских эмиссаров не только предрешили падение господствовавших в этих странах режимов, но и активизировали деятельность как сил, руководимых компартиями, так и других сил оппозиции. Председатель профсоюза Тарту К. Ялак, выступая 21 июня на митинге, заявил: «Нам на помощь пришла Красная Армия. С ее помощью мы завоевали то, что имеем». А в речи 6 июля он вновь повторил, что победа завоевана благодаря Красной Армии[649].

Участники событий в Эстонии 21 июня рассказывают, что во время демонстрации на улицах Таллинна они видели советские броневики и группы советских военнослужащих. Колонну демонстрантов, следовавших к президентскому дворцу в Кадриорге, сопровождали советские броневики. Чтобы избежать провокации, охрана дворца, состоявшая из эстонских солдат, сдала оружие. Опасное вооруженное противостояние между демонстрантами с сопровождавшими их советскими броневиками и эстонской охраной возникло у тюрьмы на ул. Патарей. Как отмечается в эстонских источниках, в освобождении 27 политзаключенных участвовали не только демонстранты, но и три советских офицера, которые от директора тюрьмы «в корректной форме потребовали выдачи политзаключенных»[650]. В ряде мест избирательные участки охранялись советскими воинскими подразделениями.

По данным советского полпредства, в ночь на 20 июня демонстранты предприняли аресты, из рабочих избирались уполномоченные, которые поддерживали революционный порядок. Старики-рабочие записывались в гвардию и, вооруженные винтовками, вставали во главе патрулей. Имела место стрельба эстонских офицеров по советским военнослужащим. Советские войска разоружили эстонскую военную школу (400 человек). В ходе вооруженных стычек этой ночью погибли 3 человека рабочих эстонцев и ранены до 10 человек. Вечером 21 июня Жданов вызвал М. Унта и приказал ему прекратить революционные действия и разоружить рабочие дружины. В ночь на 22 июня в Таллинне был восстановлен порядок[651].

По воспоминаниям свидетелей и по данным, приводимым в официальных материалах, на митингах в Эстонии выступали командиры Красной Армии, советские военнослужащие находились в зале во время заседания Государственной думы. На состоявшемся 9 июля в Таллинне митинге Н. Андресен заявил: «Если на нашем сегодняшнем собрании выступает и представитель Красной Армии, то, мне кажется, это должно вам о чем-то говорить...»[652].

Из отчета советского полпреда позже стало известно, что перед демонстрантами выступал начальник политотдела корпуса Иванов, «который не понял совершившихся событий и решил революционизировать, произнес перед демонстрантами возбужденную речь», сильно подогревшую настроение демонстрантов, а «вмешавшиеся каким-то образом в среду демонстрантов броневики подкрепили это настроение»[653].

Вот какое требование 17 июня 1940 г. направил начальник военно-морской группы С. Кучеров помощнику военного министра Эстонской республики генерал-майору А. Траксмаа: «Для размещения личного состава Краснознаменного Балтийского флота и учреждений прошу дать распоряжение об освобождении следующих помещений: 1. Здание военного министерства. 2. Здание штаба военно-морских сил. 3. Морской экипаж и его жилые здания. 4. Управление дорог. 5. Таможня. 6. Здание офицерского собрания. 7. Здание префекта полиции. 8. 20 дач в Пирита и Нымме. 9. Казармы калевского батальона». Затем следует перечень передаваемых арсеналов, заводов, гостиниц, театров, кинотеатров, универмагов, гимназии, аэродрома и ряда жилых зданий в Таллинне. Кучеров также потребовал передать в его распоряжение всю артиллерию ПВО. Срок исполнения названных требований устанавливался два дня – к 24 часам 19 июня 1940 г.[654]

Случаи вмешательства работников советского полпредства и военных властей в политическую жизнь Латвии наблюдались в Риге и в других крупных городах республики. Так,

как 19 июня 1940 г., доносил полпред Деревянский, рабочие Либавы вышли на демонстрацию с красными знаменами, «я потребовал от латвийских властей не препятствовать мирной демонстрации и никоим образом не применять оружия. Не допускать полицейскими мерами раздражения народа. Обеспечить мирную обстановку прохождения демонстрации даны указания нашему командованию в Либаве»[655]. Через несколько дней Деревянский и Вышинский докладывали, что «весь порядок в городе обеспечивается нашими войсками»[656].

В одной из телеграмм 22 июня 1940 г. Вышинский жаловался, что новые министры Латвии не обеспечены надежными помощниками, что он занимается подбором кадров, и просил «прислать из Москвы 10–15 человек для расстановки по разным министерствам в помощь министрам»[657].

Вызывает недоумение, на каком основании 11 июля 1940 г. – за десять–пятнадцать дней до принятия народными сеймами Латвии и Литвы и Государственной думой Эстонии деклараций о провозглашении советской власти и о вступлении в состав СССР и за двадцать дней до сессии Верховного Совета СССР, принявшей соответствующий закон, – нарком обороны Тимошенко приказал сформировать управление Прибалтийского военного округа с дислоцированием в Риге и включить в этот округ войска, расположенные в Латвии и Литве, а войска, дислоцированные в Эстонии, включить в Ленинградский военный округ?[658]

Важно напомнить и о том, что перед выборами и во время выборов во всех Прибалтийских республиках стремление инкорпорировать их в состав СССР скрывалось от избирателей. Видимо, надежды на то, что население согласится с добровольной потерей своего государственного суверенитета, не было.

Но уже подспудно шли разговоры о возможности установления советской власти. Так, деятель рабочего движения в Эстонии Х. Хуберман в своих воспоминаниях подтвердил, что он и министр без портфеля Х. Круус на переговорах со Ждановым пытались выяснить, нельзя ли в Эстонии вводить не сразу советскую власть, а нечто аналогичное несоветскому демократическому государственному строю, существующему в Монголии. Поначалу Жданов отозвался об этой идее положительно и Х. Круус с Н. Андерзеном приступили к разработке конституции по монгольскому образцу. Но в дальнейшем эта идея не получила развития[659].

Выступая в телепередаче «Депутаты Государственной думы свидетельствуют» 7 декабря 1989 г., бывший зам. министра социальных дел Эстонии Лембит Люйс рассказал: «Это было за два дня до выборов. Неэме Руус (министр социальных дел) сказал мне, что в Эстонии не удастся установить народно-демократический строй по примеру Монголии. Он сказал, что нам следует войти в состав Советского Союза. Я спросил: «Как же это так вдруг? Ведь были выборы, была и избирательная платформа». Он ответил, что ничего нельзя сделать, таково требование Жданова, и мы не имеем возможности противостоять этому. Одно из двух: либо мы будем согласны, либо нам здесь придется очень плохо. Ситуация чрезвычайно усугубляется. Другого выхода сейчас нет. Позже я слышал, что перед заседанием Государственной думы ее члены были вызваны в ЦК, и там им разъяснили, что следует голосовать за установление советского строя и вступление в СССР»[660].

В Москве были удовлетворены развитием событий в Прибалтике, ведь все шло так, как и было предусмотрено. Однако с начала июля в связи с подготовкой выборов во всех республиках по единому сценарию, хотя каждая республика имела свои особенности, стали проявляться признаки радикализации общественной и политической жизни. Иногда принимались меры государственного принуждения. Из Москвы сюда зачастили всевозможные советники и комиссии. Имели место аресты по политическим мотивам. Глава правительства И. Варес и секретарь ЦК компартии Эстонии К. Сяре выступали 13 июля на митинге на площади Вабадусе с речами, в которых заверяли, что выборы создадут новую свободную

Эстонию и они не допустят создания колхозов[661].

В Латвии 4 июля кабинет министров принял постановление о новых выборах в сейм, хотя в соответствии с 81-й статьей действовавшей тогда конституции такое решение мог принять не исполнительный орган, а только предыдущий состав самого сейма. Для подачи списков кандидатов было оставлено всего 5 дней.

В связи с публикацией 5 июля постановления правительства о выборах в сейм в Риге состоялась демонстрация, участники которой несли портреты советских руководителей, а также большое количество лозунгов, как доносил Деревянский, с требованием присоединения Латвии к Советскому Союзу, установления в Латвии советской власти. «Были и такие не совсем политически грамотные лозунги, как, например, «Предоставить власть Сталину и Молотову». Митинг состоялся и перед зданием советского полпредства. На нем выступил с речью Вышинский. Отвергая призыв Вышинского принять активное участие в выборах в сейм, демонстранты кричали, что они не доверяют сейму, не нуждаются в выборах и требуют установления советской власти и немедленного присоединения к Советскому Союзу[662].

8 июля 1940 г., т.е. за несколько дней до выборов в Латвии, был опубликован список кандидатов латвийского «Блока трудового народа». Список кандидатов от блока, в который вошли буржуазные партии, к этому времени еще не был опубликован.

Скоропалительно, через девять дней после объявления постановления, состоявшиеся 14–15 июля выборы в сейм не были демократичными. В избирательные бюллетени могли быть внесены только кандидаты от «Блока трудового народа», тогда как в центральную избирательную комиссию было прислано 17 списков кандидатов от других партий и общественных организаций 5 избирательных округов. Возражавшие против такого порядка голосования подвергались репрессиям. Были, в частности, арестованы авторы «Призыва латышских демократов»[663]. Разве неясно, что наличие лишь одного списка, как это тогда практиковалось по всему Советскому Союзу, гарантировало стопроцентное избрание предложенных кандидатов! Нарушением принципов демократической избирательной системы было то, что председатели всех окружных избирательных комиссий, включая и центральную, были одновременно кандидатами в депутаты[664].

Что же касается предвыборной программы «Блока трудового народа», то некоторые ее положения заведомо вводили в заблуждение избирателей. Например, в программе не было сказано об установлении советской власти в Латвии и вхождении ее в состав Советского Союза, хотя через несколько дней после выборов, на которых Блок получил около 98% голосов и его представители на многочисленных митингах активно выдвигали именно это требование.

Народное правительство Литовской республики в своей декларации от 5 июля 1940 г. заявило, что оно хочет оздоровить политическую жизнь страны, разработать новый закон о выборах и, «учитывая неотложные государственные задачи, день выборов в народный сейм назначить на 14 июля 1940 г.»[665].

6 июля 1940 г., т. е. всего за восемь дней до выборов в новый сейм, «Союз трудового народа» Литвы опубликовал свою избирательную платформу. Она предусматривала: в области внешней политики – крепить дружбу с народами СССР и союз Литвы с СССР: в области внутренней политики – освободить трудящихся крестьян от недоимок по налогам, оказывать им безвозмездную помощь в получении земли, повысить зарплату рабочим и служащим, развивать народное образование, национальную культуру, обеспечивать полное равенство национальностей, свободу вероисповедания, свободу слова, печати, собраний, понизить квартплату. В документе разоблачались сторонники старого режима, которые «распускают всякие слухи о насилии над верующими, о принудительном закрытии костелов и предполагающейся будто бы обязательной организации колхозов»[666].

Анализ этого документа свидетельствует, что платформа «Союза трудового народа» не выдвигала лозунга о советизации страны и присоединении к СССР. Платформа дезориентировала избирателей и в вопросах церкви и колхозов, так как не прошло нескольких месяцев, как началось жестокое преследование священнослужителей и верующих и предпринималась попытка провести насильственную коллективизацию.

Требования об установлении советской власти, о вхождении республик в состав Советского Союза, о ликвидации частной собственности и ее национализации появились в коммунистической печати уже после объявления результатов голосования, и поэтому их нельзя рассматривать как требования всего народа, оформленные демократическим путем. Таким образом, стремление инкорпорировать республики в состав СССР скрывалось от избирателей. Они просто были введены в заблуждение[667].

Информация о ходе предвыборной кампании в Литве содержится в телефонограмме Деканозова и Позднякова в НКВД СССР 9 июля 1940 г. В ней указывалось, что сформированы все избирательные комиссии. 7 июля в Вильнюсе состоялась большая демонстрация. Основными ее лозунгами были: «Да здравствует 13-я Советская Республика!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и др. Состоялся обмен приветствиями между демонстрантами и представителями советского консульства и командования. Группа «Трудового союза» предложила список кандидатов в сейм. Он был одобрен собравшимися[668].

Поползли слухи о том, что тот, кто не будет участвовать в выборах и не будет иметь соответствующей отметки в паспорте, будет считаться врагом народа. Это вызвало беспокойство среди лиц немецкой и других национальностей, проживавших в Прибалтийских республиках. С другой стороны, утверждалось, что когда в Литву придут немецкие войска, то всем, кто будет иметь в паспорте отметку об участии в выборах, не поздоровится. Поэтому германский посланник в Каунасе Цехлин попросил министра иностранных дел Литвы В. Креве-Мицквичюса развеять подобные опасения среди 40 тыс. литовских граждан немецкой национальности и дать публичное разъяснение. Но министр отказался это сделать[669].

Что же касается обстановки в Эстонии, то создание нового правительства Жданов считал недостаточным для укрепления политических позиций Советского Союза и особенно для реализации его следующего шага – включения Эстонии в состав СССР. Дело в том, что в избирательной платформе «Союза трудового народа» Эстонии от 6 июля 1949 г. совершенно не говорилось о вхождении республики в состав СССР. В ней было лишь сказано, что «в области внешней политики – дружба между народами Эстонии и Советского Союза и тесный союз между Эстонской республикой и СССР». Точно так же формулировался этот пункт и в платформе «Блока трудового народа Латвии»[670].

Известно, что вопрос о возможности включения Эстонии в состав СССР в беседах членов нового правительства со Ждановым и работниками советского посольства имел место уже в конце июня – начале июля 1940 г. Как рассказал в 1955 г. Н. Андресен (его запись хранилась в партархиве Института истории при ЦК КП Эстонии), в одной из таких бесед он сказал Жданову, что для ориентировки на длительный период ему нужно знать, в течение какого времени эстонское руководство должно подготовить присоединение Эстонии к Советскому Союзу. «Жданов поправил меня – не столько языково, сколько по существу, сказав вместо «присоединение» «вхождение», подчеркнув тем самым метод присоединения»[671], – отмечал Андресен.

Для того чтобы выполнить эту задачу, необходимо было полностью заменить законодательные органы власти, т. е. провести выборы в Государственную думу. Но на конституционной основе этого добиться не удалось бы. Поэтому Жданов пошел на грубое нарушение основного закона республики, которое выразилось в следующем: выборы

проводились в девятидневный срок, что было явно недостаточно для основательной их подготовки; не предусматривался созыв второй палаты парламента; советские власти, включая и командование войск Красной Армии, вмешивались в избирательную кампанию.

В соответствии с указом президента Эстонской республики К. Пятса от 5 июля 1940 г. правительство в тот же день приняло противозаконное решение назначить выборы через 10 дней, т. е. 14–15 июля. Затем 9 июля, «чтобы избежать использования выборов в Государственную думу в целях, направленных против интересов Эстонской республики и эстонского народа», было дано также противозаконное распоряжение всем кандидатам в депутаты представить свою избирательную платформу не позднее 14 часов следующего дня[672]. Но это требование не относилось к кандидатам, выступавшим от «Союза трудового народа», поскольку их избирательная платформа официально уже была обнародована во всех средствах массовой информации[673].

10 июля Главный избирательный комитет принял инструкцию, которая еще больше ограничивала демократический характер избирательной системы и препятствовала свободному выдвижению любых кандидатов. Для поощрения отказа кандидатов в ней было сказано, что тот кандидат, который откажется от своего выдвижения, получит обратно свой залог в сумме 250 крон. Но и этого препятствия оказалось еще недостаточно, и Главный избирательный комитет присвоил себе право решать судьбу уже представленной платформы, если она «является голословной или откровенно направлена на обман избирателей»[674].

В ЦГАОР Эстонии хранится немало и других документов, свидетельствующих о недемократическом характере происходивших выборов. Имелись случаи повторного голосования граждан из других избирательных округов, участия военнослужащих, признания избирательным комитетом действительными бюллетеней, которые были неправильно заполнены, допуска к голосованию по истечении отведенного времени и другие нарушения.

Активную роль в становлении новой власти играли коммунисты. Они шли в авангарде левых сил. К лету 1940 г. компартия Латвии насчитывала около тысячи членов. Ее влияние распространялось преимущественно на рабочий класс городов. В сельских районах она проявляла значительно меньшую активность. Определенное влияние на массы оказывала компартия Литвы. Ее численность была выше, чем в Латвии и особенно в Эстонии. К осени 1939 г. компартия Эстонии насчитывала 130 членов. Наиболее активной в то время была партийная организация Таллинна, насчитывавшая более 60 членов. К лету 1940 г. в компартию Эстонии было принято еще 1200 человек.

В последующем численный состав компартий Прибалтийских республик вырос значительно и к началу 1941 г. составлял: в Литве – 2 486, в Латвии – 2 798 и в Эстонии – 2 036 членов[675]. Компартии имели некоторое влияние в профсоюзах и других рабочих организациях. Ее поддерживала и часть интеллигенции, которая вдохновлялась идеей социализма. Но это вовсе не означало, что все эти силы стремились к провозглашению советской власти и включению Эстонии в состав Советского Союза. Они требовали демократических свобод, повышения жизненного уровня трудящихся и образования нового правительства.

Академик А. Никонов – бывший секретарь ЦК КП Латвии, в июне 1940 г. работавший уездным старшиной в Даугавпилсе, – о выборах в сейм в своем уезде рассказывает следующее: «Все это, правда, проходило по известному сценарию: один список, безальтернативность, борьба за стопроцентную явку и т. д. Конечно, имело значение само присутствие Красной Армии. Но мы не сталкивались с фактами ее прямого вмешательства в выборы»[676].

Итоги выборов были таковы. В выборах в народный сейм Литвы приняло участие 1 386 569 человек, т. е. 95,51% всех имевших избирательное право. За кандидатов «Союза трудового народа» Литвы голосовало 1 375 349 избирателей, т. е. 99,19% участвовавших в

голосовании[677]. В выборах во II Государственную думу Эстонии приняло участие 591 030 граждан, или 84,1% общего числа избирателей. За кандидатов «Союза трудового народа» Эстонии проголосовало 548 631 человек, или 92,8% от числа голосовавших[678]. В Латвии в выборах участвовало 94,8% избирателей, т. е. 1 246 214 человек. За кандидатов «Блока трудового народа» голосовало 1 155 807 граждан, или 97,8% от общего числа проголосовавших[679].

После победы на выборах значительная часть левых сил стала настойчиво требовать в своих странах не только установления советской власти, но и вхождения в состав Советского Союза. Так, на состоявшейся в Таллинне 17 июля манифестации некоторые группы демонстрантов требовали вступления Эстонии в Советский Союз. Выступивший на митинге секретарь ЦК компартии Эстонии К. Сяре заявил, что победа на выборах убедительно продемонстрировала доверие эстонского народа к Советскому Союзу и лично И. Сталину.

Все последующие акции вновь избранных законодательных органов в Прибалтике, затрагивавшие коренные интересы стран, включая и сохранение их государственного суверенитета, которые должны были приниматься всенародным референдумом, проходили так же стремительно, как и предыдущие.

Уже на первом заседании народного сейма Латвии 21 июля была провозглашена советская власть, принята Декларация о вхождении Латвии в состав Советского Союза, декларировано образование Латвийской ССР, в Москву была направлена просьба о принятии Латвийской ССР в состав СССР. Сформированный сейм Литвы стал чутко прислушиваться к мнению советского посольства и лично уполномоченного Деканозова. Имея абсолютное большинство в сейме, депутаты от «Союза трудового народа» фактически отказались от декларированных ими обещаний. Так же поспешно, как и в Латвии, 21 июля были приняты Декларации о вступлении Литвы в СССР, о провозглашении в республике советской власти и другие документы, которые должны были быть поставлены на всенародное голосование. В июльские дни 1940 г. такие же события происходили и в Эстонии: выборы в Государственную думу, в которых безальтернативно победил «Союз трудового народа», и без какого-либо референдума провозглашение о вступлении Эстонии в состав Советского Союза.

Декларации всех трех республик поразительно схожи не только по духу, но и по стилю, с буквальным повтором целых абзацев. В Декларации Литвы прямо признавалось, что «теперь народ с помощью могучей Красной Армии сбросил ярмо сметоновских поработителей и установил в своем государстве Советскую власть»[680]. Может быть, такое совпадение текстов деклараций законодательных органов этих республик объясняется соответствующим решением совещания, которое провел в Таллинне 17 июля Жданов совместно с прибывшими Вышинским и Деканозовым?

Хотя проходившие в июле 1940 г. выборы, конечно же, были не образцовыми в смысле их демократичности, но все же нельзя не признать: высокий процент участия населения в выборах и абсолютная победа кандидатов «Блока (Союза) трудового народа» во всех республиках свидетельствовали о том, что избиратели выразили поддержку принципам социальной справедливости, которые содержались в предвыборных платформах левых сил. «Кризис завершился созданием просоветских правительств, действовавших в отпущенное им историей время на основе директив Москвы и ее представителей на местах» – так на основании архивных документов МИД СССР справедливо оценивает обстановку советский исследователь А. Г. Донгаров[681].

3–5 августа 1940 г. на VII сессии Верховного Совета СССР было принято решение о вхождении Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР[682].

Что же было решающим фактором в определении политического характера этих событий, в корне изменивших жизнь народов Прибалтийских республик?

Ответ на этот вопрос представляется непростым. Конечно, свою роль сыграли и классовые противоречия, и тревога за свою судьбу на фоне военных побед Германии в Западной Европе, и представление о Советском Союзе как о меньшем зле в сравнении с гитлеровской Германией. Но существовала еще одна причина, которую сформулировала в своем письме Президиуму Верховного Совета ЭССР 20 сентября 1989 г. ветеран партии, секретарь Государственной думы II созыва Ольга Лауристин: «Сталин обманывал и более мудрых, более опытных деятелей, чем были мы, эстонские коммунисты. Мы были обмануты и обманывали народ, но делали это не сознательно, не преднамеренно»[680].

Проведением выборов в законодательные органы Прибалтийских республик и принятием ими соответствующих законов советское руководство, казалось, должно было быть полностью удовлетворено. Оно добилось того, что новые правительства этих стран будут гарантированно выполнять все требования Москвы. Таким образом, поводы, вызвавшие в июне 1940 г. острую реакцию в Москве, были полностью устранены и можно было бы впредь уважать их суверенитет и не вмешиваться в их внутренние дела.

Но на деле все было иначе. Даже после выборов в новые парламенты представители Москвы продолжали диктовать им свою волю. Так, Вышинский из Риги передал в НКВД СССР 23 июля 1940 г. свои предложения о том, какие предприятия и в какой очередности национализировать. Он считал, что списки предприятий, подлежащих национализации, должны быть утверждены кабинетом министров только после одобрения их Москвой[684].

Новая власть придавала важное значение усилению своего влияния на армию. В июле 1940 г. во все воинские части национальных армий были назначены политические руководители, как правило, из членов рабочих организаций и левых политических партий. Эти армии как самостоятельная вооруженная сила существовали до августа 1940 г. Затем в течение сентября – декабря они были расформированы. Отдельные их части влились в регулярные войска Красной Армии, но большинство кадровых офицеров было уволено в отставку.

О настроениях, царивших в вооруженных силах Прибалтийских республик, бывший известный государственный деятель Латвии, социал-демократ Б. Калниньш сказал: «Приходилось выбирать между Гитлером и Сталиным. В основном все офицеры армии считали, что если уже приходится с кем-то идти, то лучше с русскими». И далее: «Я не ожидал, что советский штаб окажется настолько глуп, что ликвидирует три антинемецки настроенные армии»[685].

Реакция в странах Запада на события, протекавшие в Прибалтике до июля 1940 г., была однозначна. В июне 1940 г. 19 стран Запада сохраняли с Прибалтийскими странами дипломатические отношения, надеясь, что Советский Союз не пойдет дальше в своем вмешательстве во внутренние дела этих стран. Так, в момент образования 20 июня 1940 г. правительства проф. А. Кирхенштейна аккредитованные в Риге иностранные дипломатические представительства не высказывали какого-либо сомнения в его законности, признали его, так же как и большинство латвийских дипломатов за рубежом (за исключением посланников в Эстонии и Финляндии).

Как же реагировали в Берлине на советскую акцию в Прибалтийских республиках, акцию, которая на языке Молотова – Риббентропа нарочито туманно именовалась «политическим переустройством»?

Ответ напрашивается сам собой, если иметь в виду, что Германия, создав еще в августе – сентябре 1939 г. благоприятные условия для реализации советской акции, явилась таким образом ее соучастницей. Из секретного дополнительного протокола, подписанного 28 сентября 1939 г. Молотовым и Риббентропом, вытекало, что Германии было известно о тех шагах, которые правительство СССР намерено предпринять в Литве «для охраны своих интересов». Тогда же было согласовано, что небольшая часть литовской территории все же отходит к Германии[686].

Торг между СССР и Германией о дележе не принадлежавшей им земли продолжался и позже. Так, 13 июля 1940 г., когда Литва еще сохраняла свой государственный суверенитет, Молотов через Шуленбурга внес предложение, чтобы Германия отказалась от небольшой территории на юго-западе. При этом он сослался на прецедент, когда 23 августа 1939 г. советское правительство разрешило в пользу Германии вместе со всей Литвой и вопрос о Сувалкском выступе площадью в 8 200 кв. км.

Свою просьбу о передаче этой территории Литве, которая с конца сентября 1939 г. вошла в «сферу интересов СССР», Молотов обосновывал тем, что «разрешение этого вопроса Германией, в соответствии с просьбой Советского правительства, имеет для него при теперешних отношениях СССР с Литвой особый политический интерес»[687]. А этот «политический интерес» состоял в том, что Молотов, удовлетворяя национальные чаяния литовцев об объединении их исконной территории, которая через несколько дней все равно станет частью Советского Союза, убивал сразу двух зайцев. Речь шла о Вилькавишском уезде и о частях Мариампольского, Сеймского и Алитского уездов с населением 184 108 человек (на декабрь 1939 г.).

Разумеется, Молотов не рассчитывал на то, что этот вопрос будет разрешен «по-дружески», в духе договора «О дружбе и границе» от 28 сентября 1939 г. Естественно, он не удивился, когда 7 августа 1940 г. Шуленбург заявил ему: «Германское правительство считает, что отказ от этой территории представляет для него большую жертву (это в условиях, когда Гитлер прибрал к рукам половину Европы. –

М. С.), и ставит вопрос, какую компенсацию Советское правительство может предложить ему взамен этой территории»[688].

После тщательного изучения этого вопроса в Москве, которое продолжалось около недели, Молотов известил Шуленбурга, что территориальная компенсация без «морального и материального ущерба для СССР» невозможна. Кроме того, свое мнение он дополнил еще одним «веским» аргументом: «...всякое новое изменение официально объявленных границ между Германией и СССР дало бы пищу враждебным элементам для кампании о серьезных трениях между нашими странами и неустойчивости в их взаимоотношениях». Здесь же Молотов предпринял последнюю попытку избежать компенсации, сославшись на то, что Сувалкская область была уступлена Германии без какой-либо компенсации, и это «явилось выражением желания Советского Союза максимально пойти навстречу удовлетворению интересов Германии».

После того как вся аргументация была исчерпана, Молотов, «учитывая интересы и нужды Германии, связанные с обстановкой происходящей войны» (иначе говоря, желая содействовать победе Германии. –

М. С.), вынужден был согласиться за «уступаемый Советскому Союзу кусочек Литвы» в течение двух лет уплатить 3 860 тыс. золотых долларов».[689] При этом он счел уместным провести более чем странную в данной ситуации аналогию с продажей Америке русской Аляски, совершенной за вдвое большую сумму. Однако это сыграло с Молотовым злую шутку, так как немецкая сторона затребовала действительно вдвое большую сумму, и в соответствии с секретным протоколом, подписанным 10 января 1941 г., Советский Союз согласился уплатить 7 500 тыс. золотых долларов, равных 31 500 тыс. германских марок[690].

Таким образом, территория Литвы была расширена. Столицей республики стал город Вильнюс, благодаря чему было воплощено в жизнь историческое устремление литовского народа. Секретная сделка о продаже Германией участка литовской земли с осени 1939 г. готовилась и оформлялась без участия правительства, как считалось, «суверенной» республики. А позже советской и мировой общественности этот неправовой акт был стыдливо

преподнесен в виде «Договора между СССР и Германией о советско-германской границе от реки Игорка до Балтийского моря», подписанного Молотовым и Шуленбургом 11 января 1941 г.

Хотя договор был подписан, но демаркация этого участка границы на местности шла трудно и сопровождалась длительными дискуссиями, что раздражало обе стороны. Лишь 15 апреля 1941 г. генеральный секретарь НКВД СССР А. А. Соболев официально сообщил поверенному в делах Германии в СССР Типпельскирху, что СССР желал бы иметь линию границы, установленную конференцией послов 15 марта 1923 г., но готов признать границу, которая существует фактически в настоящее время[691]. Тем не менее окончательная демаркация границы состоялась месяц спустя – 24 мая 1941 г.[692] Это решение было, видимо, связано с тем фактом, что еще в начале мая 1941 г. главой советского правительства стал Сталин. К тому времени СССР полностью рассчитался за эту территорию поставками цветных металлов и золотом.

В ходе событий в Прибалтике Шуленбург неоднократно заверял Молотова, что Германия не будет вмешиваться в политические дела Прибалтийских государств, но настаивал на том, чтобы ее экономические интересы в этом регионе были обеспечены[693].

Из крупных держав Европы лишь Германия настойчиво рекомендовала Прибалтийским республикам смириться со своей участью. Так, статс-секретарь МИД Германии Вайцеккер в своем циркулярном письме всем дипломатическим миссиям Германии за рубежом от 17 июня 1940 г. предлагал учесть, что поведение России в Прибалтике касается только России и Прибалтийских стран. И далее: «Ввиду наших неизменно дружеских отношений с Советским Союзом у нас нет никаких причин для волнения, каковое нам открыто приписывается некоторой частью зарубежной прессы. Избегайте пространных высказываний»[694].

На следующий день Риббентроп получил донесение от Шуленбурга о его беседе с Молотовым. Советский нарком сообщил послу, что цель советских действий в Прибалтике состоит в том, чтобы положить конец интригам Англии и Франции, имеющим целью посеять недоверие между СССР и Германией. Далее он информировал гостя о направлении в Прибалтийские страны кроме аккредитованных полпредств еще и особых эмиссаров[695].

Прошел месяц, и 21 июля Риббентроп принял литовского посланника полковника К. Шкирпу, который жаловался на действия советских властей в его стране. 14 июля, отмечал посланник, они приказали провести фальсифицированные выборы. Компартия стала единственной легальной политической силой, на выборах существовал только один, приемлемый для нее список. Не желавших голосовать власти называли врагами народа. После выборов в стране была принята советская государственная система, что являлось нарушением советско-литовских договоров. Шкирпа по поводу «советской агрессии» выразил протест[696].

В последующие дни МИД Германии поочередно посетили посланники всех трех Прибалтийских республик и просили, чтобы Германия не признавала их новых правительств. Однако представители МИД Германии по поручению Риббентропа отклонили эту просьбу и посоветовали им воздерживаться от подобных просьб. Их ноты протеста были также отклонены. По этому поводу Ворман в меморандуме 24 июля 1940 г. сообщал следующее: «Сегодня я дружески вернул литовскому и латвийскому посланникам их ноты в связи с включением этих стран в состав СССР... В соответствии с инструкцией я не указал, что ноты им возвращены по распоряжению имперского министра иностранных дел. Эстонский посланник тоже хотел мне сегодня передать аналогичную ноту. Я просил его воздержаться от этого...»[697]

В отличие от Германии западные державы и США реагировали на события в Прибалтике весьма бурно. Галифакс, например, был убежден, что советское военное присутствие в

Прибалтике носит оборонительный характер. На заседании правительства 17 июня 1940 г. он говорил: «Не может быть сомнений, что за действиями России скрывается стремление усилить ее позиции против Германии, чьи военные успехи ей совершенно не нравятся». Однако позже, когда была установлена советская власть и встал вопрос о вступлении Латвии в состав СССР, государственный департамент США предпринял демарш. Исполняющий обязанности государственного секретаря С. Уэллес 23 июля 1940 г. заявил: «В эти последние дни подошел к концу тот извилистый процесс, в ходе которого политическая независимость и территориальное единство трех небольших Прибалтийских республик – Эстонии, Латвии и Литвы – были преднамеренно ликвидированы одним из наиболее могущественных соседей... Политика нашего правительства всем известна. Народ Соединенных Штатов против разбойничьих действий, независимо от того, осуществляются ли они с помощью силы или в виде угрозы силой»[698].

Соединенные Штаты, как и другие западные державы, не признали и поныне не признают советской аннексии Прибалтийских республик. В ноябре 1975 г. палата представителей конгресса США приняла резолюцию о том, что США, независимо от Заключительного акта, принятого в Хельсинки, продолжают признавать суверенитет и независимость Эстонии, Латвии и Литвы[699]. Тогда же, после Совещания в Хельсинки, президент Франции, премьер-министр Великобритании и канцлер ФРГ также заявили, что их подписи не означают никакого изменения в позициях их стран, не означают юридического признания перехода Прибалтики в состав СССР[700].

В условиях ясной позиции Соединенных Штатов Америки и некоторых других стран латвийские посланники в США, Великобритании и Германии не хотели сотрудничать с новым режимом. Правительства США и Великобритании отказались вернуть золотые запасы Латвии, хранящиеся в банках Нью-Йорка и Лондона, и арестовали 14 латвийских торговых судов, находившихся в то время в портах Атлантики[701].

Президент Рузвельт в «Приказе исполнительной власти №8484» от 15 июля 1940 г. запретил операции, затрагивающие собственность Прибалтийских республик и их граждан без лицензий, выдаваемых министерством финансов США. В связи с этим распоряжением Федеральный резервный банк США не выполнил телеграфных распоряжений литовского, латвийского и эстонского банков от 13 июля 1940 г. о перечислении в депозит Госбанка СССР золота, как официально утверждалось, «купленного» последним у банков Прибалтийских республик. По этому поводу советское правительство выразило протест[702].

12 августа 1940 г. США направили Советскому Союзу меморандум, в котором Прибалтийские республики назывались «оккупированными» странами, лишенными свободы распоряжаться своим имуществом. Вскоре в Каунасе, Риге и Таллинне были закрыты миссии США. А в США были задержаны несколько судов, принадлежавших Прибалтийским республикам. Правда, с конца года позиция США несколько смягчилась, а 8 января 1941 г. было даже отменено «моральное эмбарго»[703].

4. Новая власть действует

В дальнейшем вплоть до германской агрессии в июне 1941 г. события в Прибалтике развивались уже в рамках советской общественной и государственной системы. Советское правительство принимало необходимые меры для построения в Прибалтийских республиках «социалистического общества». В течение этого короткого периода оно в определенной мере содействовало экономическому, социальному и культурному развитию новых союзных республик. Часть их населения, как выяснилось к лету 1940 г., одобряла эти меры. Кроме

общих проблем все классы и социальные слои выступали за решение своих специфических задач. Для крестьянства ими являлась земельная реформа (в Латвии, например, в результате этой реформы 75 тыс. бедняков получили земельные наделы), аннулирование долгов. Для рабочих важно было устранить безработицу или предотвратить ее появление. Новая народная власть предприняла первые шаги по защите коренных интересов трудящихся, а затем эту работу широко развернула и советская власть. Поэтому часть трудящихся оказала ей свое доверие.

Но наряду с теми решениями советской власти, которые с одобрением воспринимались народом, были и такие, которые повергли в уныние даже давних и верных друзей Советского Союза. Так, осенью 1940 г. был осуществлен переход с местной валюты на общесоюзную с соответствующей системой цен. Результат сказался немедленно – произошло резкое снижение жизненного уровня трудящихся, особенно рабочих и служащих, что привело к ряду забастовок на предприятиях.

Крестьяне, еще вчера благодарившие советскую власть за землю, тоже стали роптать, когда в начале 1941 г. их обязали сдавать государству сельскохозяйственную продукцию по символическим ценам, причем размеры поставок часто превышали объем производства продуктов в хозяйствах.

Проводившиеся в первые же месяцы установления советской власти такие политические и социально-экономические меры, как земельная реформа, национализация крупных и средних промышленных, торговых предприятий, крупных домовладений и другие, осуществлялись в спешке, без серьезной психологической, политической и организационной подготовки, сопровождались нарушением элементарных прав людей, репрессиями, изъятием не только крупных и средних предприятий, но и предприятий мелких владельцев, которые также считались потенциальными противниками советской власти даже при отсутствии соответствующих доказательств.

В итоге этих мер только в Латвии владельцы и члены их семей, т. е. 15 процентов крестьянских хозяйств, 90 процентов промышленных и торговых предприятий, фабрик и заводов, немалое число домовладельцев, представителей творческой интеллигенции, техников, инженеров и духовенства, а также члены распущенных в июне 1940 г. политических партий и общественных организаций, уже к июню 1941 г. составили довольно влиятельную социальную базу того движения, которое в служебной переписке советских органов госбезопасности и в литературе получило наименование «бандформирований»[704].

Отмечая место советского фактора в событиях в Прибалтике, необходимо подчеркнуть, что особую роль играли советские органы госбезопасности. Так, по данным Комиссии Верховного Совета Эстонской ССР по выработке историко-правовой оценки событий в 1940 г., созданной в октябре 1989 г., следует, что «наряду с советским посольством и армией в преобразовании всего государственного аппарата и осуществлении сталинского режима террора в Эстонии активно участвовали советские спецслужбы»[705]. К аналогичным выводам пришли комиссии, созданные Верховными Советами и других Прибалтийских республик. 6 ноября 1940 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о временном применении уголовного, гражданского и трудового законодательства РСФСР на территории Литовской, Латвийской и Эстонской Советских Социалистических Республик. В нем, в частности, устанавливалось, что привлечение к уголовной ответственности за преступления, совершенные на территории этих республик до установления советской власти, должно производиться в соответствии с кодексами РСФСР. Не нужно быть юристом, чтобы понять, в каком вопиющем противоречии находился этот законодательный акт с мировой практикой судопроизводства до того, как в конце 1940 г. были приняты соответствующие указы республиканских Верховных Советов.

В октябре 1990 г. в «Известиях ЦК КПСС» была опубликована подборка новых документов из архива КГБ СССР, подтверждающая преступный характер многих действий советских

властей в Прибалтике. Так, 21 апреля 1941 г. НКВД – НКГБ СССР разработали положения о выселении ряда категорий граждан из республик Прибалтики. В них, в частности, определялось, что из принадлежавших им вещей и в каком количестве могут взять с собой выселяемые. Остальное имущество доверенные лица выселяемых обязаны были реализовать в течение 10 дней и затем выслать вырученные деньги на новое место жительства его владельцам[706].

12 мая 1941 г. нарком госбезопасности Литвы в своей докладной записке предлагал: с целью пресечения подрывной деятельности немецкой агентуры и литовской националистической контрреволюции арестовать и принудительно выселить «наиболее активную категорию лиц» из государственного буржуазного аппарата, контрреволюционных партий, руководящего состава самых реакционных фашиствующих организаций, фабрикантов и купцов, имеющих высокий годовой доход, русских белоэмигрантских формирований, лиц, подозреваемых в шпионаже, уголовников, а также проституток и притоносодержателей[707].

Через четыре дня уже более высокие инстанции – ЦК ВКП(б) и СНК СССР – приняли постановление о выселении «контрреволюционных элементов», и 14 июня 1941 г. в Прибалтике началась кампания арестов и массовая депортация[708].

Все эти противозаконные, сопровождаемые служебными злоупотреблениями, и довольно жесткие меры советских властей, призванные стабилизировать обстановку в оперативном тылу советских войск в преддверии возможной войны с Германией, на практике дестабилизировали ее, вызывали массовое недовольство населения. В итоге тысячи молодых людей, опасаясь репрессий и выселений, ушли в леса. Поэтому 15 июня НКГБ СССР дал указание: в случае выявления лиц, арестованных или сосланных неправильно, поставить вопрос об их освобождении. Указывалось также, что изъятию подлежит только оружие, валюта, золото, серебро и контрреволюционная литература, но не бытовые ценности[709].

Массовые репрессии, депортации и расстрел многих невинных людей лишь только потому, что они оказались «классово-неприемлемыми», явились настоящим геноцидом. Ведь, по некоторым сведениям, число высланных из Эстонии на спецпоселение в Сибирь составило НПО человек. По косвенным данным, эстонские власти установили, что из числа арестованных не менее 7500 погибло еще до начала Великой Отечественной войны либо на территории Эстонии, либо в местах лишения свободы на территории других советских республик. Кроме того, как считают, из числа высланных на спецпоселения погибло примерно 5 700 человек. После войны и реабилитации вернулось на родину 5 300 человек. Если иметь в виду, что на 1 января 1939 г. население Эстонии составляло 1 133 917 человек, то нетрудно представить масштабы сталинского геноцида в отношении этого малочисленного народа. Было также подвергнуто репрессиям 15 851 литовец, из них арестовано 5 664 человека и выселено 10 187 человек. Примерно 12 тыс. коммунистов и политэмигрантов из Литвы, проживавших в СССР, погибли в период репрессий 1937–1938 гг. только в роковую ночь с 14 на 15 июня 1941 г. из всех трех республик было депортировано около 40 тыс. человек.

В справке органов госбезопасности утверждалось, что всего было переселено 49 331 «литовец» (так на чекистском жаргоне тех лет именовались все народы Прибалтики), из них прошли переучет в 1948–1949 гг. 44 814 человек. Остальные умерли[710].

Во многих уездах местные советские и партийные органы вообще не знали, кого и на каком основании чекисты депортируют. Им также было непонятно, почему в первые дни гитлеровской агрессии была осуществлена мобилизация лошадей, но молодых людей из-за политического недоверия не призывали в Красную Армию. Поэтому гитлеровцам легко удалось организовать их для борьбы против советских войск[711].

В 1940–1941 гг. в Прибалтийских республиках были репрессированы многие известные

государственные, политические и общественные деятели, военные, чиновники, активная часть интеллигенции. Жертвами массового террора стали самые энергичные и активные, творческие и трудолюбивые представители народов этих стран. Так, 22 июля 1940 г. из Рижского замка по указанию Вышинского, при непосредственном участии посла Деревянского обманым путем с обещанием отправить в Швейцарию был вывезен в Советский Союз президент Латвии К. Ульманис. После войны стало известно, что он отбывал административную ссылку в Ставрополе и проживал по улице им. Молотова. Затем 4 июля 1941 г. он был арестован и до начала августа 1942 г. содержался в местной тюрьме. А сообщение о его смерти поступило уже из Красноводска, куда он был эвакуирован в связи с продвижением германских войск к Северному Кавказу[712].

В Литве были арестованы и тайно вывезены в глубь Советского Союза министр внутренних дел генерал К. Скучас, начальник департамента безопасности МВД А. Повилайтис и многие другие политические и государственные деятели вместе с их женами и детьми[713]. Ряд видных государственных к деятелей Латвии также были депортированы.

Трагедия народов Прибалтики станет еще более впечатляющей, если вспомнить, что 140 тыс. человек подверглись депортации в 1945–1949 гг. (в том числе 81 158 литовцев, 39 279 латышей и 19 520 эстонцев). Было также выселено 18 104 так называемых кулаков из Литвы и тысячи иеговистов из всей Прибалтики в 1951 г.[714]

Кстати, опыт депортации, приобретенный органами НКВД и НКГБ в Прибалтике, был использован позже, в годы Великой Отечественной войны, когда совершались массовые выселения целых народов – немцев Поволжья, калмыков, крымских татар и других[715]. Все эти факты неопровержимо свидетельствовали, что народы Прибалтийских республик в полной мере ощутили на себе жестокие сталинские репрессии.

Более чем странная оценка этой преступной акции со стороны советских органов безопасности давалась осенью 1990 г. Центром общественных связей КГБ СССР: «Обострившаяся подпольная борьба и нараставшая угроза военного нападения Германии на СССР привели к решению о массовой депортации «неблагонадежных элементов», которая была проведена 13–14 июня 1941 г. Депортация хотя и диктовалась объективно требованиями самообороны Советской власти, была осуществлена с типично сталинско-бериевскими извращениями и нарушениями законности».

Отдав весьма скромную дань разоблачению этих извращений, в последующем изложении авторы начисто их игнорируют и стремятся все же обосновать правомерность этих акций. Между тем именно этими акциями, как и всей своей деятельностью, советские органы госбезопасности в обстановке сталинского террористического режима несут главную ответственность за сложившуюся как до, так и после войны напряженную обстановку в Прибалтике. Ее отголоски сказываются и в наше время, полвека спустя. Авторам приведенных материалов так и не удалось доказать, что «вооруженное националистическое подполье» в Прибалтике стремилось «под маской независимости» ввергнуть свои страны в ярмо каких-то других государств[716].

К лету 1941 г. напряженность во внутривнутриполитической обстановке в Прибалтийских республиках продолжала сохраняться. Из-за невыполнения ряда предвыборных обещаний депутатами государственных органов, применения насилия и методов террора в осуществлении промышленного развития и проведении коллективизации, массовых депортаций населения советскими органами госбезопасности идея социализма и Советский Союз теряли среди трудящихся свою былую привлекательность.

Многие из тех, кто требовал установления советской власти по образцу Советского Союза, знали, по выражению академика А. Никонова, «лишь фасад советской действительности, искренне веря написанному и сказанному»[717].

С конца 1940 г. началось объединение внутренних и эмигрантских сил для борьбы против новой власти, укреплялись их контакты с немецкими разведывательными органами. Спасшиеся от депортации бежали в леса и создавали отряды так называемых «лесных братьев». Накануне фашистской агрессии они развернули против СССР вооруженную борьбу, устраивали диверсии и поджоги предприятий и советских учреждений.

Утверждения историков-марксистов из Прибалтийских республик о том, что их народы в период острого предвоенного политического кризиса связывали с вхождением в СССР свои надежды на лучшую жизнь, на мир и на сохранение своих наций перед лицом нашествия гитлеровской Германии, соответствует действительности. Эти надежды еще теплились в течение нескольких месяцев после вступления на их территории советских войск осенью 1939 г. Но позже они постепенно стали рассеиваться и летом 1941 г. исчезли совсем. Лучшей жизни – ни материальной, ни духовной – они не получили. Их мирное развитие также не было обеспечено – в течение нескольких недель после начала Великой Отечественной войны советские войска вынуждены были оставить территорию Прибалтики, на которую вступили войска вермахта. Установлением немецко-фашистской оккупации в Литве, Латвии и Эстонии начался новый акт трагической драмы в их новейшей истории.

Изложенные выше события 1939–1941 гг. в Прибалтийских странах независимо от того, проходили ли они эволюционным или революционным путем, действительно имели неординарный характер и заслуживают того, чтобы попытаться дать им политическую и правовую оценку.

Нарушение сталинским руководством норм международного права, элементарных прав человека, репрессии и особенно массовые депортации нанесли тяжелый урон народам Прибалтики. Эти действия советского руководства в те годы не ускорили построение социалистического общества в Литве, Латвии и Эстонии, а, наоборот, прервали естественные процессы прогрессивных социальных преобразований, скомпрометировали идею социализма.

Не подходят ли к сложившейся тогда в Прибалтийских республиках ситуации слова, сказанные президентом ЧСФР В. Гавелом, о том, что Чехословакии была навязана «тоталитарная власть, которая навела бюрократический «порядок» в живом беспорядке истории», в результате чего «история была забальзамирована»?[718]

В Прибалтийских республиках с лета 1940 г. начала действовать новая политическая власть. Констатация этого факта требует выяснения по крайней мере двух вопросов: во-первых, имела ли провозглашенная советская власть подлинно социалистический характер или она была копией той деформированной Сталиным модели «социализма», которая существовала тогда в Советском Союзе, и во-вторых, явилась ли эта власть результатом социалистической революции низов, возникшей на местной почве, или же следствием экспорта революции извне и выполнением директив сталинского руководства СССР.

На вопрос, как можно оценить обстановку в Латвии в 1940 г., бывший известный государственный деятель Латвии видный представитель латышской социал-демократии Б. Калниньш ответил: «Никакой революции не было. Коммунисты в большинстве своем были либо расстреляны в России, либо сидели в центральной тюрьме в Латвии. Когда меня назначили политическим руководителем армии, они сразу взбудоражились: Калниньша нельзя, он – меньшевик. Больше у них ничего не спрашивали. Все устроили Деревянский и Вышинский». Далее он заявил, что в 1918 г. была подлинная революция. В ульмановский период имели место и определенные положительные моменты, но от свободы Латвии и от того, что прокламировали в 1918 г., при Ульманисе мало что осталось[719].

Если события 1939–1941 гг. и признавать революцией, то следовало бы непременно уточнить, что это была революция, экспортированная советским руководством.

Довольно жесткую оценку событий лета 1940 г. в Литве дал секретарь ЦК компартии Литвы В. Балтрунас. На научной конференции, состоявшейся в Вильнюсе в июне 1989 г., он сказал: «...С научной точки зрения не соответствует исторической правде утвердившаяся в прежние годы трактовка событий, начавшихся в Литве, Латвии и Эстонии в середине июня 1940 г., как чисто местных социалистических революций. На самом деле решающее воздействие на дальнейший ход политических событий оказывали директивы сталинского руководства, которые усердно претворялись в жизнь чрезвычайными уполномоченными – В. Деканозовым, В. Вышинским и А. Ждановым. Они не только определяли состав народных правительств, но и наметили в неимоверно сжатые сроки характер выборов в парламенты трех республик, механизм включения трех государств в состав Советского Союза в качестве союзных республик»[720].

Иное мнение об этих событиях высказал руководитель бывшей коммунистической партии Литвы М. М. Бурокаявичюс. Он заявил в середине 1990 г., что с 1935 г. в стране начала складываться революционная ситуация. В первой половине 1940 г. она полностью созрела. Когда в середине июня 1940 г. было создано Народное правительство во главе с Ю. Палецкисом, мирным путем началась политическая революция. Бурокаявичюс считает, что она была социалистической по содержанию и одновременно антифашистской, антигитлеровской, а по форме – народной[721].

М. М. Бурокаявичюс также считает «странными» упреки в том, что выборы в июле 1940 г. «в Литве проводились в то время, когда в ней были дислоцированы по договору части Красной Армии». И далее он приводит пример с ФРГ, где после войны выборы проводились в условиях, когда на ее территории были размещены войска США, Великобритании и Франции. «Но мы не говорим, что выборы там недействительны, – утверждает автор. – Так почему такое негативное отношение к выборам в Народный сейм Литвы в 1940 году?»[722]

Из приведенного высказывания следует, что М. М. Бурокаявичюс не отрицает, что выборы проходили в условиях пребывания Красной Армии в республике. Он лишь считает «странным» утверждение об их недемократическом характере. Конечно, вывод М. М. Бурокаявичюса выглядел бы более убедительно, если бы он использовал фактические аргументы о положении в своей республике, а не метод сравнения с выборами, проводившимися в оккупированной Западной Германии. К сведению М. М. Бурокаявичюса, власти как западных союзников, так и Советского Союза на основе Потсдамских решений довольно активно вмешивались в политическую жизнь оккупированной Германии, включая и организацию выборов. Это делалось с целью воспрепятствовать профашистским элементам прийти к власти.

А какую же цель преследовали органы советской власти, непосредственно или косвенно вмешиваясь в избирательную кампанию неоккупированной, как считает М. М. Бурокаявичюс, Литвы?

Наибольшую сложность вызывает оценка вхождения Прибалтийских республик в состав СССР. Литвинов в ноте, переданной Шуленбургу, о потере самостоятельности малыми государствами, имея в виду Чехословакию, писал: «Трудно допустить, чтобы какой-либо народ добровольно соглашался на уничтожение своей самостоятельности и свое включение в состав другого государства, а тем более такой народ, который сотни лет боролся за свою независимость и уже двадцать лет сохранял свое самостоятельное существование»[723]. Эти слова, сказанные применительно к Чехословакии, могут относиться и к странам Прибалтики, присоединение которых к СССР было осуществлено почти одновременно с вхождением в состав Советского Союза Западной Украины и Западной Белоруссии. Однако следует учитывать и принципиальное различие при этом: вышеназванные территории являлись как бы частями Украины и Белоруссии, поэтому их присоединение к единокровным братьям в Советском Союзе по замыслу, но не по методам осуществления воспринималось в сложившихся условиях как естественное. Статус Латвии, Литвы и Эстонии был совершенно

иной – они являлись суверенными государствами, хотя и входившими в свое время в состав царской России, и потеря своей независимости была воспринята ими весьма болезненно.

Первый секретарь ЦК КПЗ В. Вяляс имел основание на XVI пленуме ЦК компартии Эстонии 7 декабря 1989 г. заявить: «Давайте называть вещи своими именами. Верховный Совет ЭССР заявил 12 ноября, что вступление Эстонии в состав СССР в 1940 году не отражало свободного волеизъявления эстонского народа. И эстонский народ всегда осознавал это, знали это и члены Государственной думы, принявшие в 1940 году решение... То, что каждый народ желает жить в условиях своей государственности, является столь неоспоримой, элементарной истиной, что для ее выяснения бессмысленно проводить съезды и референдумы»[724].

С правовой точки зрения такое судьбоносное для народов решение, как вступление их республик в состав СССР, должен был принимать сам народ путем референдума, а не парламенты, к тому же сформированные путем выборов с грубыми нарушениями демократии.

Было ли решение о вхождении Прибалтийских республик в состав СССР оптимальным в тех сложных условиях? Видимо, существовало иное, альтернативное решение. В частности, в этих странах по желанию их народов мог бы быть установлен народно-демократический строй при сохранении их государственного суверенитета. Они могли бы установить конфедеративные отношения с СССР, располагая при этом широкой автономией. При таком развитии событий был бы сохранен их государственный суверенитет, одновременно обеспечивались бы политические и военные интересы Советского Союза, так как на основе соответствующих договоров в Прибалтике дислоцировались бы крупные вооруженные силы.

В своем докладе на VII сессии Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. Молотов, конечно, высоко оценил «стремление» Эстонии, Латвии и Литвы войти в состав Советского Союза. Он заявил, что их вхождение в СССР обеспечит им быстрый экономический подъем и всесторонний расцвет национальной культуры, будет укреплена их безопасность[725]. Но все же главное внимание Молотов обратил на военно-стратегические выгоды для Советского Союза. Вхождение Прибалтийских стран в СССР дало прибавку населения в 6 млн. человек (Литва – 2 880 тыс. человек, Латвия – 1 950 тыс. и Эстония 1 120 тыс.). «Первостепенное значение для нашей страны, – говорил Молотов, – имеет тот факт, что отныне границы Советского Союза будут перенесены на побережье Балтийского моря. Вместе с этим у нашей страны появляются свои незамерзающие порты в Балтийском море, в которых у нас такая большая нужда»[726].

Конечно же, вхождение Прибалтийских республик в состав СССР следует рассматривать в контексте общей ситуации в восточноевропейском регионе, сложившейся в конце 30-х – начале 40-х годов. Но было бы неправомерно оправдывать таким образом те противоправные методы, которыми осуществлялась политика советского руководства в Прибалтийских республиках, включая и их вхождение в состав Советского Союза. Трудно согласиться с утверждением, что решение о вхождении в СССР получило поддержку Прибалтийских стран, потому что в этом они якобы видели надежную гарантию от угрозы фашистского порабощения. Народы Прибалтики видели определенную защиту от агрессии со стороны Германии только во вступлении советских войск в их страны осенью 1939 г., но никак не в событиях лета 1940 г.

Уместно поставить вопрос, действительно ли народы Прибалтики предпочли социалистический выбор существовавшему тогда буржуазно-демократическому строю? Видимо, большинство населения Прибалтийских республик не считали этот вариант самым оптимальным в сложившейся обстановке. Народы Прибалтики верили, что их нейтральный статус может обеспечить им возможность избежать как немецкой, так и советской оккупации. Они хорошо знали террористический характер оккупационного режима гитлеровцев. Что же

касается общественно-политического строя в СССР, то народы были достаточно информированы о нем, чтобы иметь реальное представление о том, какой «социализм» там построен или строится.

Оценивая политический характер тех процессов, которые происходили в Прибалтийских республиках летом 1940 г., нельзя признать убедительным тезис, будто «в рамках СССР в республиках сохранялась национальная государственность балтийских народов, хотя принципы этой государственности были серьезно деформированы под воздействием сталинской командно-административной системы»[727]. Но ведь никакая «национальная государственность» не может «сохраняться», если она «серьезно деформирована». К тому же сам Советский Союз не был правовым государством.

Своими действиями в Прибалтике СССР в одностороннем порядке нарушил всю систему договоров 1920–1939 гг., которая вытекала из права народов на свободное самоопределение и регулировала отношения между СССР и каждой из республик этого региона. В постановлении Верховного Совета ЭССР «Об историко-правовой оценке событий, имевших место в Эстонии в 1940 году», принятом 12 ноября 1989 г., отмечается что «внешнеполитические и военные акции, предпринятые сталинским руководством Советского Союза против Эстонской республики в 1940 году, квалифицируются как агрессия, военная оккупация и аннексия Эстонской республики», и делается вывод, что «включение Эстонии в 1940 году в состав Советского Союза не было правомерным»[728].

Не в полной мере выясненным остается вопрос, существовал ли в Прибалтике с 1939 г. статус оккупированных стран. По этому вопросу имеется три точки зрения. Сторонники первой считают оккупацией весь период пребывания в этом регионе советских войск начиная с сентября – октября 1939 г. Другие исследователи усматривают оккупацию с лета 1940 г., т. е. с прибытия крупных контингентов советских войск и последующего незаконного вступления Прибалтийских стран в состав Советского Союза. Наконец, третьи вообще отрицают наличие советской оккупации.

Вот как по этому вопросу высказался секретариат временного ЦК КПЛ (на платформе КПСС) в заявлении «О постановлении Верховного Совета Литовской ССР от 7 февраля 1990 года «О советско-германских договорах от 1939 года и ликвидации их последствий для Литвы»: «Рассуждения об «оккупации» и «аннексии» Литвы летом 1940 года несостоятельны и необоснованны, потому что советские войска были введены в Литву на основе договора и согласия обеих сторон. Советские войска не вмешивались во внутренние дела Литвы и не устанавливали оккупационного режима»[729].

Подобный разноречивый мнений объясняется не только различиями в политических взглядах авторов, но и тем, что в международном праве еще не выработаны критерии для определения такой категории, как оккупация. В XVIII – XIX вв. под оккупацией подразумевалось занятие территории, никому прежде не принадлежавшей. Наличие коренного населения при этом в расчет не бралось. Однако события XX в. и особенно первая мировая война, 30-е годы, вторая мировая война и первый послевоенный период значительно «обогатили» арсенал разнообразных форм господства воевавших стран на занятых ими территориях. К сожалению, эта практика еще не настолько обобщена, чтобы дать научно обоснованную дефиницию понятия «оккупация», ибо до сих пор она отягощена идеологизированными стереотипами.

Нас не может в полной мере удовлетворить определение термина «оккупация», данное, например, в Советской военной энциклопедии. В ней сказано, что военная оккупация «в международном праве – временное занятие вооруженными силами территории противника»[730]. Подобное определение не отвечает на вопрос, как же определить акцию страны, которая своими вооруженными силами заняла территорию соседнего государства не в условиях войны, а в мирное время, и эта акция сопровождалась аннексией.

Не все ясно и в отношении критериев, которыми характеризуется оккупация и в военное время. Возьмем практику немецко-фашистских агрессоров в годы второй мировой войны. Если за основу понятия «оккупация» взять факт ликвидации существовавшего до ее начала общественного и государственного строя в той или иной захваченной стране, то, строго говоря, оккупированной можно назвать лишь часть территории Советского Союза. Во всех остальных странах Европы тип общественного и государственного строя захватчиками был сохранен. Можно ли на этом основании отрицать наличие в них оккупации? Конечно, нет. То же касается и сохранения или ликвидации национальных правительств. Только в Советском Союзе и в Польше гитлеровцы и не пытались создавать марионеточные центральные правительства, хотя национальные местные власти существовали. В других же странах остались различные формы участия национальных органов в управлении. Значит, наличие или отсутствие прежнего строя или правительства не может быть единственным критерием для определения статуса оккупации.

Единственным и универсальным критерием не может служить и господство, установленное победителем путем вооруженной борьбы, военными действиями. При подобном варианте, например, Австрия не подпадает под категорию оккупированных стран. Тем не менее антигитлеровская коалиция признала за ней статус оккупированной страны, оккупация которой была осуществлена путем мирным, хотя и с угрозой применения насилия. Даже инкорпорация Австрии в состав рейха была осуществлена, казалось бы, «демократическим» путем – народным референдумом, но в присутствии войск вермахта.

Диапазон не только форм, но и существа видов оккупации расширится, если учесть, что в последние месяцы второй мировой войны и в послевоенные годы Советский Союз и другие государства антигитлеровской коалиции в побежденных странах: Германии (включая и Австрию), Италии и Японии – также осуществляли свои оккупационные функции, обусловленные решениями ряда международных конференций и находившиеся в полном соответствии с принципами международного права.

Таким образом, если этот исторический опыт экстраполировать на события в Прибалтийских странах, то трудно прийти к какому-то определенному научно обоснованному и международно-правовому заключению. Здесь обязательно следует учитывать политические соображения. Если за «образец» взять австрийский вариант, то можно признать наличие в странах Прибалтики тех или иных элементов оккупации, которые не исчезли и с их включением в состав Советского Союза. Но если иметь в виду более типичный для второй мировой войны немецко-фашистский вариант оккупации, который характеризовался такими признаками, как территориальное расчленение стран, полная ликвидация государственного суверенитета, экономический грабеж, бесправие народа, геноцид, отсутствие избранных свободным волеизъявлением населения демократических органов власти и наличие специфических оккупационных органов управления, то рассматриваемые в совокупности эти признаки к ситуации в Прибалтийских странах в 1939–1941 гг. в полной мере не подходят.

В этой связи в принципе понятен тезис Декларации по вопросу государственной независимости Эстонии, принятой на Республиканском собрании народных депутатов ЭССР всех уровней 2 февраля 1990 г. о том, что «после окончания второй мировой войны в соответствии с общепризнанными принципами Атлантической хартии в качестве самостоятельных государств были восстановлены все государства, оккупированные во время войны воюющими странами, – все, кроме трех членов бывшей Лиги Наций, трех Прибалтийских государств, одним из которых является Эстония». Понятно также и требование Декларации о том, что «никогда больше решения и соглашения великих держав не должны определять судьбу малых народов и государств»[731].

При определении военно-политического характера советской акции в Прибалтике в рассматриваемые годы следует признать, что это была аннексия, осуществленная сталинским руководством СССР в интересах расширения территории страны и получения

военно-стратегических преимуществ. Как известно, принятый в ноябре 1917 г. II Всероссийским съездом Советов Декрет о мире дал следующее определение аннексии: «Под аннексией, или захватом чужих земель, правительство понимает, согласно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет»[732].

В условиях современных коренных преобразований в СССР появились реальные возможности того, что народы Литвы, Латвии и Эстонии изберут сами приемлемые для них общественный строй и форму государственной власти. И они воспользовались этой возможностью. После длительной и упорной борьбы этих стран за свою независимость Государственный совет СССР на своем первом заседании 6 сентября 1991 г. вслед за 50 другими государствами мира признал независимость Латвийской Республики, Литовской Республики и Эстонской Республики. Как заявил министр иностранных дел СССР Б. Д. Панкин, «решение было принято единогласно с учетом конкретной исторической обстановки, предшествовавшей вхождению в состав СССР этих республик» (Известия. 1991. 7 сентября)

Напоминание о сложных и противоречивых событиях, происходивших в Прибалтийских республиках в 1939–1940 гг., и далеко не безупречном поведении в них тогдашнего советского руководства, как и любое другое напоминание о трагическом прошлом, должно быть не только его осуждением, но и предостережением о недопустимости повторения чего-либо подобного.

5. Батальоны переходят Днестр

Одновременно с военно-политической акцией на северо-западе – в Прибалтике – была осуществлена такая же акция и на юго-западе – в Бессарабии и Северной Буковине. При этом цель ставилась та же: присоединить эти территории к Советскому Союзу. Но предпосылки, содержание и особенно методы в «прыжке на юго-запад» существенно отличались от тех, что применялись в «прыжке на северо-запад».

Во-первых, если с молодыми Прибалтийскими республиками Советская Россия заключила мирные договоры и признала их полную независимость, то с Бессарабией дело обстояло сложнее. Пользуясь слабостью молодой советской власти в первые месяцы после Октябрьской революции, королевская румынская армия вторглась в Бессарабию. Несмотря на заверения румынского командования о временном пребывании войск в Бессарабии с целью «наведения порядка», румынские власти при поддержке своих сторонников в созданном в Кишиневе органе «Сфатул цэрий» вскоре провели акт о присоединении этой области к королевской Румынии вопреки принятой в Бессарабии декларации о ее вхождении в состав Российской республики.

Поскольку решение румынского правительства было принято без участия правительств РСФСР и УССР, они не признали его, а линию, проходившую по реке Днестр, считали не государственной границей, а демаркационной линией. Румынская оккупация Бессарабии затянулась на два десятилетия. Советское правительство на протяжении всего этого периода считало себя свободным в выборе времени и средств для решения проблемы Бессарабии.

Во-вторых, в отличие от суверенных Прибалтийских республик Бессарабия являлась частью

независимого румынского государства. Поэтому правительство СССР вело переговоры с румынским правительством в Бухаресте, а не с региональными властями в Кишиневе. К тому же, как указывают очевидцы, местное молдавское население встретило приход в 1918 г. бухарестских властей в сопровождении армии и жандармерии холодно, а то и просто враждебно. История освободительной борьбы молдаван в эти годы наполнена многими вооруженными выступлениями. Среди них особенно выделяются Хотинское (в 1919 г.) и Татарбунарское (в 1924 г.) крестьянские восстания, жестоко подавленные румынскими властями.

В-третьих, требуя решить советско-румынский конфликт из-за Бессарабии, советское правительство в своих действиях не нуждалось в каких-либо промежуточных этапах, вроде создания военных баз и временной дислокации контингентов Красной Армии. Речь шла о прямом возвращении этой территории Советскому Союзу без каких-либо условий и законодательного оформления.

Тем не менее в 20–30-е годы советское правительство не ставило в категорической форме вопрос о немедленном возвращении Бессарабии. Было ясно, что правящие круги Румынии, лавируя между западными державами и Германией, могли обратиться к ним за помощью и получить ее. Эта проблема могла быть решена только при коренном изменении международной обстановки и при иной расстановке политических сил в Европе. Такая ситуация наступила в 1939–1940 гг., когда ведущие державы Запада были заняты войной друг с другом, а возможные шаги Германии в пользу Румынии были заблокированы секретным протоколом, приложенным к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г. В этом документе одна из ведущих капиталистических держав Европы Германия, конечно, не забывая при этом и свои интересы, впервые, по существу, признала право Советского Союза на возвращение отторгнутой от него территории. Правда, в пункте третьем этого протокола было сказано несколько расплывчато: «Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии»[733]. Северная Буковина здесь не упоминалась. Как свидетельствуют документы о переговорах Молотова и Гитлера в Берлине 13 ноября 1940 г., на соответствующие и неоднократные упреки Гитлера и Риббентропа в том, что захват Советским Союзом Северной Буковины является нарушением советско-германских договоренностей, Молотов отвечал, что Буковина стала тем последним звеном, которого не хватало Советскому Союзу для объединения всех украинцев в одно государство. И переходя в контратаку, советский нарком заявил, что год назад в секретном протоколе Советский Союз действительно ограничивал свои требования только Бессарабией. Однако «в нынешней ситуации... Германия должна понять заинтересованность русских и в Южной Буковине. Но Россия не получила ответа и на этот запрос. Вместо этого Германия гарантировала целостность всей территории Румынии, полностью пренебрегая планами России в отношении Южной Буковины»[734].

Парируя, Гитлер с раздражением ответил высокому гостю что «даже если только часть Буковины останется за Россией, то и это будет значительной уступкой со стороны Германии». Далее он напомнил, что «в соответствии с устным соглашением бывшая австрийская территория должна войти в германскую сферу влияния»[735].

Из записи бесед в Берлине можно сделать вывод, что советское руководство при подготовке требований к Румынии консультировалось с Гитлером по поводу возможности присоединения к СССР всей территории Буковины, но поддержки не получило. Более того, Гитлер, предоставив гарантии территориальной целостности Румынии, вообще заблокировал реализацию этого советского намерения.

Обсуждая бессарабскую проблему, правительство Румынии, как и Советского Союза, постоянно консультировалось с Германией, выясняя ее позицию в случае обострения советско-румынских отношений, и, после того как советские войска вступили в Западную Украину и Западную Белоруссию, они действительно обострились. Уже 21 сентября 1939 г.

министр иностранных дел Румынии Г. Гафенку заявил, что «Польша и Румыния выполняли до сих пор функцию барьера против большевизма. Румыния не сможет впредь выполнять одна эту функцию...». В последующем Гафенку призвал западные державы помириться с Германией и объединиться с ней для совместного выступления против Советского Союза.

В начале декабря 1939 г., когда шла советско-финляндская война, Гафенку жаловался германскому посланнику в Бухаресте В. Фабрициусу, что Советский Союз имеет притязания на Бессарабию, а Болгария – на Добруджу. Он просил посла выяснить, сможет ли Германия удержать Россию от этого шага, и запугивал его тем, что большевизм, проникнув на Балканы, будет угрожать всей Европе[736].

В январе 1940 г. по случаю 22-й годовщины присоединения Бессарабии к Румынии в Кишиневе состоялось заседание министров с участием местной администрации. Вскоре Бессарабию посетил король, в связи с чем было заявлено, что, мол, и Одесса является исконно румынским городом. Румынская печать широко и с удовольствием расписывала англо-французские планы завоевания Кавказа.

Все эти провокационные акции, как справедливо квалифицировало тогда советское полпредство в Бухаресте, свидетельствовали о том, что румынское правительство было проводником комбинаций западных держав и возлагало большие надежды на организацию их похода против Советского Союза.

О планах Румынии свидетельствовала и концентрация в начале 1940 г. румынских войск в районах Бессарабии и Буковины, а весной того же года в стране демонстративно была проведена мобилизация более миллиона резервистов, увеличены военные расходы. Одновременно румынское правительство обратилось к Германии за помощью в создании линии укреплений вдоль Днестра. Таким образом, милитаризация Румынии шла полным ходом в предвидении военной акции со стороны Советского Союза.

В специальной директиве немецкому посланнику в Бухаресте статс-секретарь Вайцеккер посоветовал сообщить румынскому правительству, что Германия не располагает данными, которые свидетельствовали бы об агрессивных намерениях России в отношении Румынии. Вайцеккер сообщил также, что у Румынии нет оснований претендовать на Бессарабию, которая до 1918 г. принадлежала России, и поэтому советское правительство имеет право не признавать присоединение этой области к Румынии[737].

На последовавшие затем новые тревожные запросы румынского правительства относительно возможности советской агрессии Риббентроп 8 февраля 1940 г. еще раз повторил, что положение Румынии его не беспокоит и что он не предвидит никакой русской агрессии[738].

О намерении советского правительства практически реализовать свой «интерес» к Бессарабии было впервые высказано на сессии Верховного Совета СССР 29 марта 1940 г. Молотов тогда заявил: «У нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного спорного вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя и никогда не ставил вопрос о возвращении Бессарабии военным путем»[739].

Заявление Молотова вызвало серьезное беспокойство в правящих кругах Бухареста. Как на следующий день заявил германскому посланнику В. Фабрициусу и особо уполномоченному Германии К. Клодиусу премьер-министр Г. Татареску, в речи Молотова нет прямых выпадов против Румынии, но все же обстановка требует от Румынии дальнейшего вооружения. Он поблагодарил Германию за продажу Румынии трофейного польского вооружения и просил повлиять на Москву, чтобы она не претендовала на Бессарабию. Германские представители ответили, что германо-румынские отношения будут зависеть от того, как Румыния будет выполнять свои экономические обязательства перед Германией[740].

Через несколько дней такую же озабоченность румынский посланник в Берлине Р. Круцеску высказал и Вайцзеккеру. Но тот изложил личную точку зрения: бессарабский вопрос для России будет по-прежнему существовать, но он не будет решаться ни в настоящее время, ни в ближайшем будущем[741].

В эти дни в Румынии сохранялась напряженная обстановка, на демаркационной линии было отмечено несколько провокаций, пропаганда и официальные лица предупреждали об угрозе для Румынии, исходящей от Советского Союза. В Бессарабии был усилен полицейский террор. 19 апреля 1940 г. коронный совет Румынии, в состав которого входили все бывшие премьер-министры, все члены тогдашнего правительства и высший генералитет, под председательством короля Кароля II высказался против добровольного возврата Бессарабии Советскому Союзу, предпочитая пойти даже на военный конфликт с ним[742].

Потеряв всякую надежду на серьезную поддержку со стороны Англии и Франции, в Бухаресте рассчитывали теперь только на Германию. Король Карол II неоднократно высказывал германским дипломатам мысль о том, что для ведения войны Германия крайне зависит от румынской нефти. Поэтому она должна быть заинтересована в том, чтобы Румыния не была вовлечена в любой военный конфликт. Король пригрозил, что в случае русского наступления все нефтедобывающие и нефтеперегонные предприятия будут взорваны (соответствующие предварительные меры уже были приняты), а сам король эмигрирует за границу. По мнению одного из германских дипломатов, находившихся в Румынии, М. Киллингера, для продолжения борьбы против Советского Союза румынский король может присоединиться не к Германии, а к западным союзникам[743].

Король и его приближенные использовали любую возможность, чтобы продемонстрировать свои дружеские чувства к Германии, восторгались ее победами в войне с Англией и Францией и постоянно подчеркивали, что только Германия в состоянии предотвратить попытки СССР занять Бессарабию. Но германские дипломаты, следуя указаниям из Берлина, успокаивали румын, заверяя их в том, что Москва не имеет намерения применить силу в решении бессарабского вопроса.

Особенностью внешней политики правящих кругов Румынии с весны 1940 г. была ее полная переориентация на гитлеровскую Германию. 29 мая 1940 г. между Румынией и Германией был подписан договор («нефть – оружие»), по которому за поставки нефти Германия взяла на себя миссию обеспечить румынскую армию современной боевой техникой и вооружением[744]. Этим документом фактически было установлено военное сотрудничество и предоставлено место Румынии в гитлеровском блоке.

Как доносил в Берлин посланник Фабрициус 29 мая 1940 г., в разговорах с ним румынский премьер-министр и другие члены кабинета предлагали Германии сотрудничество не только в экономической области, но и в любой другой по желанию германской стороны. Но для этого правительство Румынии хотело бы знать, как правительство Германии представляет себе в будущем обстановку на юго-востоке Европы. А маршал двора в одной из бесед заявил, что король сейчас уже не говорит о нейтралитете Румынии. Вся надежду он возлагает на Германию[745].

По поводу часто ставившихся румынской стороной вопросов о том, что предпримет Германия в случае «агрессии советской России» против Румынии, 1 июня 1940 г. Риббентроп заявил, что эта проблема Германию не интересует, поэтому она должна беспокоить только румынское правительство[746].

Пока в румынских кругах шла дискуссия о том, как поступить в случае советского ультиматума, Москва постепенно форсировала события, хотя подготовка к решению вопроса о Бессарабии велась весьма тщательно. В ней приняли участие высшее политическое руководство страны. Наркомат иностранных дел, Наркомат обороны и другие

заинтересованные ведомства. Как докладывал 22 июня 1940 г. в Берлин Шуленбург со ссылкой на беседу с итальянским посланником в Москве А. Россо, до последнего времени Молотов не считал бессарабский вопрос актуальным. Лишь недавно он заявил, что советское правительство желало бы разрешить его в срочном порядке, но мирным путем[747].

26 июня 1940 г. советское правительство предъявило правительству Румынии ноту, в которой в ультимативной форме потребовало возвращение Бессарабии.

В связи с обострением обстановки, вызванной ультиматумом Советского Союза Румынии, румынский посол в Берлине обратился к статс-секретарю Вайцзеккеру с вопросом, смогла бы Германия быть, во-первых, посредником в советско-румынском конфликте и, во-вторых, согласна ли Германия в случае советско-румынской войны удерживать Болгарию и Венгрию от вмешательства в нее. Информировав Риббентропа об этих предложениях Вайцзеккер сообщал, что он заверил посла в заинтересованности Германии в румынской нефти и указал, что именно Англия выдала Румынию в руки России[748].

В эти дни Молотов неоднократно напоминал Шуленбургу о намерении советского правительства теперь уже срочно и мирным путем решить бессарабскую проблему. Вместе с тем во время беседы 23 июня 1940 г. он выразил надежду, что Германия не только не будет мешать этой акции, но и поддержит ее. В ответ Шуленбург сказал, что решение советского правительства оказалось для Германии неожиданным, ибо раньше оно не обсуждалось[749].

На следующий день посол в Москве получил от Риббентропа инструкцию о позиции Германии по бессарабскому вопросу: 1) Германия стоит на почве московских договоренностей, поэтому к бессарабскому вопросу она не проявляет никакого интереса. Нужно только позаботиться о судьбе проживающих в Бессарабии около 100 тыс. этнических немцев. Германия имеет намерение переселить их на собственную территорию, как это было сделано с волынскими немцами; 2) притязание советского правительства на Буковину составляет для Германии нечто новое. Прежде Буковина была частью Австрийской империи и была заселена немцами. Поэтому Германия заинтересована в их дальнейшей судьбе; 3) остальная территория представляет для Германии очень сильный экономический интерес, особенно что касается нефти и хлеба. Поэтому Германия, как неоднократно напоминалось советскому правительству, весьма заинтересована в том, чтобы этот регион не оказался театром военных действий; 4) при всем понимании решения советского правительства Германия в соответствии с московскими договоренностями настаивает на том, чтобы советское правительство совместно с правительством Румынии достигло мирного разрешения бессарабского вопроса. Германия выражает готовность повлиять на правительство Румынии в духе удовлетворения интересов СССР[750].

Срочность решения этой проблемы, как и Прибалтийской, была вызвана в первую очередь крупными военными успехами Германии на западе и неожиданным для советского руководства быстрым поражением Франции. Пока все германские войска были заняты борьбой на западе, Сталин стремился извлечь максимальную пользу из советско-германских договоренностей для осуществления своих территориальных приобретений в Восточной Европе.

В связи со складывавшейся международной обстановкой через несколько дней после официальной капитуляции Франции советское руководство решило ликвидировать затянувшийся конфликт между СССР и Румынией, причем не только в связи с возвращением Бессарабии, но и с передачей Советскому Союзу Северной Буковины, хотя эта проблема прямо не была связана с конфликтом по поводу Бессарабии.

Как же возникла северобуковинская проблема?

Буковина – это историческое название территории, расположенной в восточной части Карпат.

Коренным населением Буковины были восточнославянские племена. На протяжении нескольких веков местное население находилось под игом татар, венгров, а с начала XVI в. до русско-турецкой войны 1768–1774 гг. – под игом турок. После чего эта территория стала владением Австрийской империи. Проживавшие здесь украинцы, румыны, представители других национальностей совместно боролись против социального и национально-религиозного гнета австрийских оккупантов.

В годы первой мировой войны на территории Буковины шли ожесточенные бои между русскими и австрийскими войсками. После поражения Германии и Австро-Венгрии в этой войне Буковина в ноябре 1918 г. была оккупирована румынскими войсками и военное положение здесь сохранялось до 1940 г. Особенно активно против румынских оккупантов выступало население Северной Буковины, расположенной до реки Серет, где большинство составляли украинцы. Правительство Советской Украины не признало румынской оккупации Буковины и заявило, что оно использует все средства, чтобы освободить ее от румынского ига.

Такова была предыстория события, которое произошло 26 июня 1940 г. В этот день Молотов вручил румынскому посланнику в Москве Р. Дэвидеску заявление советского правительства, в котором говорилось: «Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем Правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром». Далее в заявлении предлагалось вместе с Румынией немедленно приступить к решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу. Одновременно советское правительство указывало, что этот вопрос органически связан с вопросом о передаче СССР «той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава»[751].

На коронном совете, состоявшемся 27 июня, против принятия советского предложения решительно выступил бывший премьер-министр профессор Н. Йорга, а также представители администрации Бессарабии и Буковины. Но их позиции были сильно поколеблены, ибо западные державы, особенно недавно капитулировавшая Франция, уже не могли оказать Румынии никакой помощи. В тот же день к назначенному сроку премьер-министр Г. Татареску дал принципиальное согласие «приступить немедленно, в самом широком смысле, к дружественному обсуждению с общего согласия всех предложений, исходящих от советского правительства»[752]. Это была попытка затянуть решение вопроса, с тем чтобы выиграть время для консультаций с другими, как считали в Бухаресте, заинтересованными странами, в том числе и с Германией. Но поскольку Германия еще 23 июня 1940 г. была извещена правительством СССР о своих намерениях в отношении Румынии и согласилась с ними, то, учитывая это обстоятельство, германский уполномоченный в Румынии Киллингер заявил о незаинтересованности Германии в бессарабском вопросе и дал ясно понять королю, что «уступка Советскому Союзу будет иметь временный характер»[753].

Чтобы устранить сложившуюся неопределенность, содержащуюся в ответе Румынии, Молотов в тот же день, т. е. 27 июня, в ультимативной форме потребовал от Бухареста ясного ответа. Посланник Дэвидеску ответил, что его правительство принимает все советские условия, после чего ему было сообщено, что в течение четырех дней, начиная с двух часов дня по московскому времени 28 июня, румынские власти должны очистить территорию Бессарабии и северной части Буковины и за этот же период советские войска займут эти территории. 28 июня они вступают в Черновцы, Кишинев и Аккерман. На королевское правительство возлагалась ответственность за сохранность всего оставляемого имущества, для чего создавалась смешанная советско-румынская комиссия[754]. В то же время король через германского посланника обратился к Гитлеру с просьбой гарантировать румынские границы и прислать в Румынию военную миссию[755].

Ровно в назначенное время 28 июня южная группа советских войск под командованием

генерала армии Г. К. Жукова перешла Днестр и вступила в Бессарабию и Северную Буковину. Войска двигались в двух эшелонах: в первом находились подвижные части – танковые и кавалерийские, во втором – стрелковые дивизии.

Румынские войска имели приказ организованно отходить. Однако многие солдаты, особенно из местных жителей, предпочитали бросать оружие и расходиться по домам. Имели место и случаи, когда советские войска разоружали отставшие румынские части. Много оружия было оставлено румынами на складах. Как докладывал начальник генштаба Румынии 27 июня 1940 г., эвакуация населения и войск проходила в Бессарабии стихийно, многие материальные Ценности были оставлены советским войскам[756]. Всего было изъято 52 704 винтовки, 4 480 пистолетов, 1 071 ручной и 346 станковых пулеметов, 40 минометов, 258 орудий, около 15 млн. винтовочных патронов, 54 309 гранат, 16 907 мин, 73 320 снарядов и другое оружие[757].

В обращении советского командования к местному населению говорилось: «...пришел великий час вашего освобождения из-под ига румынских бояр, помещиков, капиталистов и сигурацны». К вечеру 30 июня 1940 г. вся территория Бессарабии была освобождена и по рекам Прут и Дунай государственная граница СССР была восстановлена. Одновременно северная часть Буковины перешла к СССР, а южная осталась в составе Румынии. В целом эти территории составляли 51 тыс. кв. км с населением до 4 млн. человек[758].

Созданная 28 июня в Одессе смешанная советско-румынская комиссия довольно оперативно решала спорные вопросы, возникавшие в связи с эвакуацией румынских войск. Так, удовлетворительно для обеих сторон был решен вопрос о передаче вооружения и военного имущества в руки советских военных властей.

Местное население встречало советских воинов как своих долгожданных освободителей. Молдаване и украинцы рассказывали о притеснениях со стороны румынских властей на оккупированных территориях. В городах и селах проходили многочисленные митинги.

29 июня в Кишинев прибыли секретарь ЦК КП(б)У Н. С. Хрущев и маршал С. К. Тимошенко. Вскоре на освобожденные территории стали прибывать железнодорожные составы с сельскохозяйственной техникой для помощи крестьянам. Восстанавливались транспорт, торговля. 7 июля из Одессы в Аккерман прибыли первые торговые суда с мукой, крупой и другими продуктами[759].

Активно создавались советские органы власти и партийные органы. С этой целью временно были расширены полномочия Молдавского обкома партии, Верховного Совета и Совета народных комиссаров Украины. Из России и Украины прибыли свыше 5 тыс. партийных и советских работников, специалистов народного хозяйства[760].

3 июля Политбюро ЦК компартии Украины утвердило председателей и членов уездных исполкомов Советов и уездных партийных комитетов. Создавались местные органы власти и партийные органы в городах и волостях. Всего же на территории Бессарабии было создано 1 048 сельских, 11 поселковых, 6 городских, 42 волостных и 6 уездных исполкомов Советов, где было занято 8 тыс. сотрудников[761].

Но восстановительный процесс протекал с большими трудностями. Румынское правительство чинило всяческие препятствия возвращению бессарабцев из Румынии на родину, потворствовало издевательствам над ними. В связи с этим 13 и 15 июля советским правительством ему были сделаны соответствующие представления. По данным на 26 июля, на родину возвратилось 149 974 бессарабца. Но эвакуация продолжалась[762].

В начале июля 1940 г. была организована кампания с требованием создать Молдавскую Советскую Социалистическую Республику. Везде проходили митинги и собрания. 10 июля ЦК КП(б)У и Совнарком Украины обратились с соответствующим предложением в Верховный

Совет СССР[763].

По решению VII сессии Верховного Совета СССР (2 августа 1940 г.) была образована Молдавская Советская Социалистическая Республика. В тот же день Указом Президиума Верховного Совета СССР Северная Буковина, преобразованная в Черновицкую область, а также Хотинский, Аккерманский и Измаильский уезды были включены в состав УССР[764]. 4 ноября 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была установлена новая граница между УССР и МССР. После разрешения этого вопроса территория МССР составляла 33,7 тыс. кв. км с населением около 2,7 млн. человек, из них 2/3 составляли молдаване.

В начале февраля 1941 г. в МССР была принята новая конституция, сформированы высшие органы власти и управления. Молдавия провозглашалась социалистическим государством рабочих и крестьян. Она добровольно вступила в состав СССР. В Конституции отмечалось наличие многоукладной экономики. Не предусматривалось никаких правовых ограничений для граждан. Этим актом было юридически завершено формирование молдавской государственности как союзной республики. Но начавшаяся вскоре Великая Отечественная война прервала развитие государственных институтов республики.

С середины августа 1940 г. и до начала войны советские власти стали активно проводить национализацию земли, промышленных предприятий, транспорта, средств связи и др., при этом насаждались антидемократические порядки, существовавшие тогда по всей стране.

Отношения между СССР и Румынией, энергично входившей в орбиту германского господства, оставались напряженными. И прежде всего из-за споров по вопросу о точной демаркации государственной границы. Участились провокации с румынской стороны, облеты границы румынскими самолетами. Острые разногласия возникли, например, при определении пограничной линии на участке Северной Буковины и особенно в дельте Дуная, где не было установлено, по какому же из нескольких протоков главного рукава Дуная – Килийского гирла – должна проходить граница[765]. В свою очередь Антонеску жаловался Гитлеру на то, что на протяжении двух месяцев из-за саботажа советских представителей не может работать пограничная комиссия, что советские власти создают на границе пустяковые конфликты, обвиняя при этом румын[766].

Новый румынский посланник в Москве Гафенку, сменивший 10 августа Дэвидеску, особенно настаивал на возвращении Румынии некоторых районов, которые, по его мнению, никогда не входили в Северную Буковину.

В румынской и германской печати распространялись сведения, будто Гафенку в августе 1940 г. во время венских переговоров об арбитраже по Трансильвании выдвинул предложение о создании советского протектората над Румынией, после чего, как указывалось в печати, «положение румынской делегации в Вене стало невыносимым»[767]. Советское правительство обычно опровергало эти слухи.

Как явствовало из обзора военно-политической ситуации, составленного румынским генеральным штабом 26 августа 1940 г., угроза вторжения в Румынию, по его мнению, существовала практически со всех сторон. Считая наиболее опасным восточное стратегическое направление, со стороны Советского Союза, генштаб предлагал активно оборонять горные дефиле в районах Фокшаны – Бузэу и Галац – Бузэу, для чего потребуется максимум 10 пехотных и 3 кавалерийские дивизии. Для отражения атак объединенных русско-болгарских сил в Добрудже потребуется 2 пехотные дивизии и 1 кавалерийская бригада. Для удержания фронта против венгров потребуется 13 пехотных и 1 кавалерийская дивизия[768].

В связи с назначением 6 сентября 1940 г. генерала И. Антонеску главой правительства и

фактическим диктатором («кондукэтором») страны в практическую плоскость был поставлен вопрос о направлении в Румынию представительной немецкой военной миссии для оказания помощи в реорганизации румынской армии. Об этом вскоре Риббентроп проинформировал Молотова[769].

В начале октября 1940 г., после присоединения Румынии к Тройственному пакту и получения ею соответствующих гарантий, Германия по просьбе румынского правительства дала согласие направить в Румынию кроме военной миссии еще несколько войсковых соединений для обучения румынской армии и, как было заявлено Гитлером, для защиты нефтяных районов страны от возможной агрессии со стороны Англии[770]. Первые их подразделения появились в стране 12 октября 1940 г., и к весне 1941 г. они имели численность около 200 тыс. человек[771] (вместе с войсками, предназначенными для нападения на Грецию, в Румынии находилось 2 танковые и 7–8 других дивизий, крупные силы авиации и другие войска под командованием фельдмаршала Листа)[772].

Когда Типпельскирх проинформировал Молотова о целях этих войск в Румынии, тот с улыбкой заметил, что в настоящее время Англия имеет другую заботу, нежели нападать на Румынию[773].

На этом завершился «прыжок на юго-западе».

В последующие месяцы советско-румынские отношения продолжали ухудшаться. На территории Румынии создавались германские авиационные базы, гитлеровцы обосновались в черноморских портах. Военно-фашистская клика И. Антонеску присоединилась к Тройственному пакту, фактически прекратились торгово-экономические отношения с Советским Союзом, обсуждались конкретные меры военного сотрудничества Румынии с Германией на случай войны. В мае 1941 г. правящие круги Румынии уже стали требовать «общей границы между Румынией и Германией» и не довольствовались «возвратом» Бессарабии и Северной Буковины, требуя присоединения новых советских территорий.

Советское правительство оказало моральную поддержку Болгарии, которая потребовала от Румынии возвращения Южной Добруджи. В Москве были явно недовольны решением Румынии ввести в страну германские войска для «защиты нефтеносного района Плоешти и обучения румынских войск».

Вместе с тем Советский Союз пошел на заключение 26 февраля 1941 г. с Румынией Договора о торговле и мореплавании и Соглашения о товарообороте и платежах. Правда, эти договоренности не получили полной реализации. В июне 1941 г. в качестве союзника гитлеровской Германии Румыния вступила в войну против СССР.

Какую же политическую и правовую оценку в свете вышеизложенного следовало бы дать советской акции по присоединению к СССР Бессарабии и Северной Буковины? В вопросе о судьбе Бессарабии прослеживается поразительное сочетание разных аспектов. Одни из них вытекают из факта непризнания советским правительством румынской оккупации Бессарабии и необходимости восстановить справедливость. Другой же аспект непосредственно связан с согласованными действиями Германии и Советского Союза по перекраиванию территории Восточной Европы.

Учитывая сложность и противоречивость этой проблемы, ее необходимо рассматривать в двух плоскостях: политическое содержание советской акции и методы ее осуществления. По политическому содержанию мера советского правительства была направлена на устранение исторической несправедливости в отношении Бессарабии, бывшей составной части Советской России, и ее трехмиллионного народа – молдаван, украинцев и представителей других национальностей. В международно-правовом плане румынская оккупация Бессарабии была незаконной и поэтому она не была признана Советским Союзом. Кроме того, между

СССР и Румынией не существовало договора о ненападении или другого документа, который удерживал бы советское правительство от применения военной силы с целью устранения этой несправедливости.

Несколько по-иному следовало бы рассматривать политическое содержание советской акции в Северной Буковине, территория которой к 1918 г. была частью Австро-Венгерской монархии и никогда не входила в состав ни царской, ни Советской России. Поэтому советское правительство в своем заявлении от 26 июня 1940 г. поступило честно, когда сформулировало свое требование применительно к Бессарабии как ее «возврат», а к Северной Буковине – как ее «передачу» Советскому Союзу. В пользу этой «передачи» приводились следующие аргументы: общность исторической судьбы с Советской Украиной, общность языка и национального состава и, наконец, самый любопытный довод – необходимость возместить тот «громадный ущерб, который был нанесен Советскому Союзу и населению Бессарабии (?!) 22-летним господством Румынии в Бессарабии»[774].

Разумеется, эти «доводы» не соответствовали нормам международного права и не являются состоятельными. Если бы они часто применялись в межгосударственных отношениях, то войны из-за пограничных споров стали бы постоянным способом их решения.

Советское руководство не сочло также нужным поставить вопрос о воссоединении Бессарабии и передаче Северной Буковины Советскому Союзу на народный референдум. При этом оно ссылалось на то, что подобный референдум якобы уже состоялся более 20 лет назад и что этот вопрос поставили перед советским правительством советские и партийные органы Молдавской АССР, а не население самой Бессарабии. Судьба Северной Буковины была также решена без участия ее населения, что тоже противоречило императивным нормам международного права.

Таковы политические и международно-правовые аспекты советской акции в Румынии.

Что же касается внутригосударственного права, то в этом отношении сталинское руководство СССР по отношению к новым своим гражданам допустило не только грубейшие нарушения их прав, но и явные преступления.

Вступившие на эти территории вслед за регулярными войсками Красной Армии войска и органы государственной безопасности СССР развернули против местного населения массовый террор, осуществлялась кампания недоверия к местным кадрам. Политические репрессии охватили в те годы от 67 тыс. до 89,5 тыс. человек. Это были не только молдаване, но и украинцы, русские, евреи, представители других национальностей[775]. Люди гибли в тюрьмах, в концлагерях, были депортированы – в Сибирь, в Казахстан и на Урал. Присланные в Бессарабию и Северную Буковину из России и Украины тысячи государственных чиновников и партийных функционеров верой и правдой насаждали здесь сталинские «порядки».

Глава VII. Противостояние

1. «...Если завтра война»

С весны 1940 г., после подписания мирного договора с Финляндией, Советский Союз вступил

в особый период своей предвоенной истории. Он продолжался до 22 июня 1941 г. Это было время (особенно после разгрома Франции в июне 1940 г.), когда стало проявляться охлаждение советско-германских отношений, что, в свою очередь, вызывало серьезную озабоченность советского руководства. Чувствовалось дыхание приближающейся большой войны, что должно было вынудить Сталина принимать срочные оборонительные меры.

Нельзя не признать того факта, что к началу второй мировой войны СССР обладал мощной экономической базой для обороны страны, созданной не только благодаря энтузиазму советских людей в годы предвоенных пятилеток, но и в значительной мере за счет дешевого рабского труда миллионов узников тюрем и лагерей и безудержной государственной сверхэксплуатации народа. Сталин считал, что предвоенная обстановка требовала еще большего усиления командно-административного метода управления народным хозяйством и всей жизнью страны.

Подобные меры дали свои плоды: в 1940 г. в СССР производилось около 50 млрд. кВтч электроэнергии, добывалось нефти более 30 млн. т, угля – около 170 млн. т, выплавлялось стали 18 млн. т, имелось около 60 тыс. металлорежущих станков[776]. Даже учитывая неточность приведенных данных, все же можно утверждать, что по объему промышленного производства СССР в то время стоял на одном уровне с другими промышленно развитыми странами мира, а по некоторым показателям даже опережал их. Одновременно создавалась солидная база и для военного производства.

Что же касается развития сельскохозяйственной сферы, то здесь успехи были меньшими, чем в промышленности, но тем не менее значительными. Так, валовой сбор зерна составил в 1940 г. почти 100 млн. т, хлопка-сырца – более 2 млн. т, мяса (в убойном весе) – около 5 млн. т и т. д.[777] Данные предыдущих лет были ниже.

Признанием в мире пользовалась советская наука, особенно ее теоретические области. В 1939 г. в Ленинграде был заложен циклотрон, а в феврале 1940 г. на заседании в Академии наук И. В. Курчатов сделал важный доклад «О проблеме урана». В конце того же года Курчатов и Ю. Б. Харитон внесли предложение о строительстве атомного реактора. В годы войны это осуществить не удалось. Реактор стал работать лишь в первые послевоенные годы.

В целом к началу второй мировой войны Советский Союз являлся крупной индустриальной державой, но после германской оккупации практически всех стран Европы и использования их промышленного потенциала он стал заметно слабее Германии по многим показателям. Это была важная, но не единственная причина его отставания. Сказывались и последствия сталинского режима, в частности, аресты многих ученых и хозяйственных работников.

Международная обстановка 1939–1940 гг. потребовала от коммунистической партии значительных усилий для морально-политической подготовки советских людей к защите отечества. Вопреки официальному оптимизму относительно «дружбы» с Германией советские люди интуитивно чувствовали приближение военной опасности именно со стороны Германии. В закрытых документах и выступлениях на этот факт обращал внимание и Сталин.

Опасность большой войны со стороны фашизма в какой-то мере отодвигала на второй план опасность «внутренней войны» сталинского руководства против собственного народа. К тому же ее масштабы населению были неизвестны. Коммунистическая партия небезуспешно стремилась сплотить рабочих, крестьян, интеллигенцию, граждан всех национальностей, с тем чтобы защитить национальную и государственную независимость страны, сохранить те «социалистические» завоевания, которые, как тогда считали, были достигнуты в 20–30-е годы.

Следует отметить, что многие советские люди верили тогда коммунистической партии и

поддерживали ее. Постоянно росла ее численность[778]. Большинство советских людей еще не возлагало на партию и лично на Сталина всю полноту ответственности за развернувшийся тогда террор.

В центре идеологической деятельности ВКП(б) стояло в то время воспитание советского патриотизма и готовности к вооруженной защите родины. С этой целью широко пропагандировались революционные и героические традиции народов СССР, успехи Красной Армии. Печать публиковала материалы о героизме советских воинов в боях против японских милитаристов у озера Хасан и реки Халхин-Гол. В 1940 г. военное издательство опубликовало двухтомник воспоминаний «Бои в Финляндии». В нем приводились примеры героических подвигов советских солдат и офицеров во время советско-финляндской войны. Но крупных политических обобщений не делалось, ибо они неизбежно должны были привести к осознанию несправедливых целей, которые преследовало в этой войне сталинское руководство, и к выявлению подлинных виновников ее развязывания.

Коммунистическая партия справедливо считала, что важным фактором укрепления могущества Советского Союза является дружба его многочисленных народов. Однако здесь имелись как достижения, так и просчеты и даже преступления, связанные со сталинским террором не только в России, но и во всех других республиках.

Решающее значение в тот период имело, конечно, укрепление Советских Вооруженных Сил. В условиях продолжавшейся на Западе войны, в ходе которой противоборствующие стороны обогащались определенным боевым опытом, советскому командованию важно было изучать и использовать его в своих интересах. Также не менее важным было проанализировать свой собственный опыт, приобретенный в боях с японцами и особенно в ходе советско-финляндской войны.

Несмотря на предпринятую в СССР после заключения договора 23 августа 1939 г. пропагандистскую кампанию, призванную повернуть общественное мнение в сторону восприятия необходимости «дружественных» отношений с Германией, советские военные круги все же занимали особую позицию. Они по-прежнему рассматривали Германию как своего главного противника. Со временем эта позиция приобретала устойчивые формы, особенно со второй половины 1940 г., когда даже руководящие деятели стали говорить об этом публично, но на закрытых собраниях.

В новых планах стратегического развертывания Красной Армии, разрабатывавшихся генштабом с сентября 1940 г. по май 1941 г., учитывалось, что Германия вместе со своими союзниками сможет выставить против СССР 230–240 дивизий, около 11 тыс. танков и свыше 11 тыс. самолетов. В «Соображениях по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», подготовленных в мае 1941 г., предлагалось на западном направлении сосредоточить 79% всех соединений Красной Армии[779]. Однако под влиянием Сталина и в военных кругах господствовало мнение, что до победы над Англией (а это может произойти не ранее 1942 г.) Германия не нападет на Советский Союз.

Именно в таком духе выступал 5 мая 1941 г. на приеме по случаю выпуска слушателей военных академий Сталин. В материалах о Германии, разработанных в конце мая 1941 г. и предназначенных для руководящих работников политорганов Красной Армии, также, в частности, подчеркивалось, что Германия является «главной силой капиталистического окружения, непосредственно противостоящей СССР» и «опаснейшим врагом нашей Родины», угрожающим ее безопасности[780].

В организационном укреплении Вооруженных Сил СССР важное значение имел принятый 1 сентября 1939 г. Закон о всеобщей воинской обязанности. В 1940 г. и до начала войны продолжался перевод армии и флота на кадровую основу. Тогда был упразднен институт

военных комиссаров и введено единоначалие. В мае 1940 г. были установлены генеральские и адмиральские звания, а в ноябре – новые звания для рядового и младшего начальствующего состава.

Приведенные факты свидетельствуют, что не в полной мере справедливо утверждение, будто история отвела советскому народу слишком мало времени для укрепления обороноспособности. Это было бы верным, если взять за точку отсчета начало второй мировой войны. Но ведь народ отдавал львиную долю своего труда обороне на протяжении двух предшествующих десятилетий. А подготовку СССР к защите в случае войны по масштабам и интенсивности в 30-е годы можно сравнить лишь с милитаризацией всей жизни в Германии после 1933 г.

При реализации мобилизационных мероприятий встретились серьезные трудности, связанные с недостаточной материальной базой для обеспечения вновь формируемых соединений, особенно танковых и авиационных. В связи с массовыми репрессиями ощущалась катастрофическая нехватка офицерских кадров. Надо было также соблюдать секретность, чтобы не спровоцировать противника.

Такова была внутривнутриполитическая обстановка в Советском Союзе накануне гитлеровской агрессии.

Не менее сложный и противоречивый характер имела и внешняя политика, которую проводило сталинское руководство в последние предвоенные месяцы. С одной стороны, Сталин и его окружение клялись в верности ленинским принципам внешней политики, и прежде всего принципу миролюбия и мирного сосуществования стран с различным социальным строем. Но с другой стороны, совместное с Германией расчленение Польши, агрессия против Финляндии, присоединение Бессарабии, Северной Буковины и особенно Прибалтики привели к резкому ухудшению отношений с западными странами.

С лета 1940 г. становилось совершенно очевидным, что после военных успехов в Европе Германия в меньшей мере нуждалась в советском нейтралитете. После падения Парижа генерал Кестринг пришел к выводу, что это событие «вынудит Советский Союз задуматься о необходимости идти с Германией вместе, а не воевать»[781].

После поражения Франции Сталин действительно знал определенно, что Германия будет постепенно отходить от своей заинтересованности в нейтралитете Советского Союза. И, казалось, он должен был искать пути для реанимации отношений с Англией – единственной страной, воевавшей против Германии и не собиравшейся складывать оружия. Тем более что новое британское правительство во главе с У. Черчиллем предприняло решительные шаги в этом направлении. В частности, Сталин мог бы воспользоваться тем, что 25 июня 1940 г. через британского посла С. Криппса Черчилль направил ему первое личное послание с предложением улучшить отношения между обеими странами[782]. Предупреждая Советский Союз о том, что он может остаться «слушать музыку» в одиночестве, Черчилль, разумеется, заботился о британских интересах, которые в данном случае не совпадали с целями Сталина остаться нейтральным и оттянуть начало войны. Советское руководство внешне проявило готовность к нормализации отношений с Англией. Однако на послание Черчилля Сталин не ответил. Более того, он распорядился срочно передать Шуленбургу информацию о беседе с Криппсом[783].

Несколько месяцев спустя взгляды Сталина на советско-германские и советско-английские отношения стали меняться. В беседе с Криппсом в сентябре 1940 г. он недвусмысленно заявил, что СССР заинтересован не быть вовлеченным в войну с Германией и что единственная реальная угроза Советскому Союзу исходит именно от Германии. И тем не менее советское руководство в это время продолжало углублять внешнеполитическую изоляцию своей страны. Оно старалось любыми средствами успокоить общественное мнение

и, по существу, вводило в заблуждение советских людей относительно подлинного в то время характера советско-германских отношений. Так, в августе 1940 г. по случаю первой годовщины советско-германского договора «Правда» еще раз пыталась доказать, что этот якобы важнейший документ в истории международных отношений нашей эпохи, поворотный пункт в истории страны являлся решающим вкладом в обеспечение безопасности Советского Союза.

В новом 1941 году, когда советское руководство уже доподлинно знало о подписании Гитлером «плана Барбаросса», по-прежнему нормально развивались экономические отношения между обеими странами. На одном из межведомственных совещаний 4 февраля 1941 г. Шнурре с удовлетворением докладывал, что Советский Союз не только, как и прежде, разрешает германский транзит стратегических товаров из Ирана, Афганистана и стран Дальнего Востока, но и сам предоставляет ценное для Германии сырье и прежде всего продукты питания.

Однако в политическом отношении, несмотря на усилия руководства СССР максимально выиграть время, советско-германские отношения продолжали ухудшаться. 1 марта 1941 г. Шуленбург известил Молотова о вступлении германских войск в Болгарию и о переговорах об ее присоединении к Тройственному союзу. Это известие вызвало недовольство советского руководства, для которого, по мнению Шуленбурга, Болгария имела особое значение[784]. О наличии серьезных разногласий с Советским Союзом впервые откровенно сообщил Риббентроп японскому министру иностранных дел Мацуоке 28 марта 1941 г. Он, в частности, заверил гостя, что в случае советской агрессии против Японии Германия окажет ей немедленную помощь. Риббентроп, который всего несколько месяцев назад убеждал Молотова присоединиться к союзу Германии, Японии и Италии, теперь заявил, что подобный союз с СССР абсолютно невозможен, как невозможно соединить воду с огнем, поскольку Советский Союз не отказался от своей глобальной экспансии. Мацуока с этим выводом полностью согласился[785].

О настроении, царившем в те дни в высших сферах Берлина, свидетельствует, в частности, запись беседы Гитлера с Шуленбургом 28 апреля 1941 г. Гитлер сказал тогда, что интриги России на Балканах и концентрация ее войск в Прибалтике направлены против интересов Германии и не могут быть терпимы. Но Шуленбург попытался выразить свою «300-процентную уверенность в том, что эти советские меры направлены только на обеспечение безопасности СССР. Если мы для достижения какой-то цели направляем одну дивизию, – говорил посол, – то русские – десять, чтобы иметь абсолютную гарантию. Я не верю, чтобы Россия когда-либо напала бы на Германию».

В подтверждение своей уверенности Шуленбург привел слова Сталина, сказанные на вокзале во время проводов Мацуоки: «Я не для того присягнул странам оси, чтобы сотрудничать с Англией и Францией. Если я не присоединился к Англии и Франции в 1939 г., когда они были сильны, то тем более я не присоединюсь к ним в настоящее время, когда Франция разгромлена, а Англия понесла тяжелое поражение». Комментируя эти слова, Шуленбург выразил уверенность, что Советский Союз готов предложить выгодные для Германии концессии, а в следующем году может предоставить до 5 млн. т зерна[786]. Выслушав мнение Шуленбурга, Гитлер на прощание, как утверждает Г. Хильгер, сказал: «И еще одно, граф Шуленбург, я не предполагаю вести войну против Советского Союза»[787].

Однако еще осенью 1940 г. в высших эшелонах власти в Берлине активно обсуждались политические аспекты предстоящей войны против СССР. 12 октября 1940 г. Гитлер известил командующих видами вооруженных сил о своем решении отменить все приготовления к высадке на Британские острова, но воздушные налеты на английские города продолжать. Внимание германского руководства все больше обращалось к Востоку.

Планы гитлеровской Германии в отношении Советского Союза вскоре нашли свое отражение

в «плане Барбаросса». Когда мы говорим о «плане Барбаросса», который характеризуют вероломство, авантюризм, особая агрессивность и человеконенавистничество, мы, конечно, имеем в виду не только непосредственно тот документ, который был подписан Гитлером 18 декабря 1940 г. Речь пойдет о всей системе подготовительных мероприятий Германии, направленных на обеспечение успеха агрессии против Советского Союза и предпринимавшихся задолго до декабря 1940 г. В этом смысле «план Барбаросса» вошел в историю как синтез всех экономических, политических, военных и идеологических мер, предпринятых гитлеровской Германией для разгрома Советского Союза, ликвидации его общественного и государственного строя, физического уничтожения большого числа советских граждан.

Напомнить мировой общественности об этом плане крайне важно. Ужасов минувшей войны не испытало на себе более половины современного человечества. Молодое, точнее, новое поколение должно знать не только то, чем завершилась архитяжкая борьба народов против фашизма, но и как готовилась гитлеровская агрессия против других стран, в том числе и против Советского Союза.

«...Наш батальон прибыл в г. Перемышль 14 июня 1941 года. Солдаты спрашивали: «Почему нас перебросили на границу с Россией, когда существует советско-германский пакт о ненападении?» Ходили различные слухи. В частности, говорили, будто через русскую территорию немецкие войска будут переправляться на Ближний Восток. В связи с этим России якобы был предъявлен соответствующий ультиматум. Однако большинство полагало, что мы прибыли сюда для того, чтобы на р. Сан строить «восточный вал». Но о войне с «дружественной» Россией не думал никто, а тем более о том, что ее начнет именно Германия.

18 июня 1941 года командиров батальонов уведомили о том, что через несколько дней начинается операция против России в соответствии с «планом Барбаросса». Три дня прошли в напряженном ожидании важного события. Однако на той стороне реки все было тихо. В три часа утра 22 июня по мосту в немецкий Перемышль прошел товарный поезд из России, а в 3 часа 30 минут мы начали артиллерийскую подготовку»[788].

Так бывший офицер вермахта Г. Киссель в своих мемуарах описывает последние минуты перед вторжением на советскую землю.

22 июня 1941 г. открылась новая страница в истории нашей страны. Великая Отечественная война в корне изменила весь ход второй мировой войны и явилась началом конца гитлеровской Германии.

Одним из наиболее важных и актуальных вопросов истории минувшей войны является вопрос о причинах гитлеровской агрессии против Советского Союза. В этой связи некоторые западные авторы, в частности в ФРГ, выдвинули тезис о так называемом превентивном, т. е. предупредительном, характере войны со стороны Германии. Если бы Германия не напала на Советский Союз 22 июня, утверждают они, то Советский Союз напал бы на нее 23-го. О превентивном характере войны против СССР говорил сам Гитлер 22 июня 1941 г. Видно, он неплохо усвоил урок, преподнесенный в свое время О. Бисмарком прусским парламентариям. Обращаясь к ним, «железный канцлер» сказал: «Беда тому государственному деятелю, который в наше время не изыскивает причину для начала войны, причину, которая бы и после войны продолжала оставаться убедительной»[789]. Жаль только, что Гитлер не прислушался к другим словам Бисмарка, относящимся к России.

Однако подавляющее большинство современных немецких ученых в целом объективно излагает причины, ход и исход второй мировой войны. В 1984 г. историк Г. Шрайбер, проанализировав многие периодические издания ФРГ за «юбилейные» 1951, 1961, 1965, 1971 и 1981 годы, пришел к выводу, что этот тезис не находит места на страницах серьезной

печати и что «операция Барбаросса» рассматривается в ней однозначно, как агрессивный акт со стороны нацистской Германии. Ведется дискуссия лишь о мотивах, побудивших Гитлера принять решение о нападении на СССР[790].

Свою позицию по этому вопросу четко изложил известный западногерманский военный историк А. Хильгрубер. В капитальном труде «Стратегия Гитлера. Политика и военные действия 1940–1941 годов», переизданном в 1982 г., он писал: «Из совокупности нашего повествования со всей ясностью следует, что в случае с нападением Гитлера на Советский Союз о превентивной войне в традиционном смысле этого понятия – то есть военных действиях, предпринимаемых для упреждения действий противника, готового к нападению или уже начавшего таковое, путем собственного наступления, – не может быть и речи. Более того, захват европейской части России в целях создания Германской империи в континентальной Европе был еще с середины 20-х годов «великой целью» Гитлера, к которой он со времени своего «взятия власти» в 1933 году последовательно стремился, несмотря на все тактические повороты своей политики»[791].

Такого же мнения придерживается и президент ФРГ Р. фон Вайцзеккер. В выступлении 8 мая 1985 г. и во многих других он недвусмысленно заявлял, что Германия 22 июня 1941 г. напала на СССР и это обязывает Немецкий народ отказаться от прежних «образов врага» и примириться с народами Советского Союза. «23 августа 1939 года, – говорил Вайцзеккер, – был заключен германо-советский пакт о ненападении. Дополнительным секретным протоколом предусматривался раздел Польши. Этот договор был заключен с тем, чтобы позволить Гитлеру вторгнуться в Польшу. Руководство Советского Союза в то время полностью осознавало это. Каждому политически мыслящему человеку того времени должно было быть ясно, что германо-советский пакт Гитлера означал вторжение в Польшу, т. е. начало второй мировой войны. Это не умаляет вины Германии, что касается начала второй мировой войны. Советский Союз был согласен с войной между другими народами, чтобы поживиться частью ее плодов. Но инициатива войны исходила от Германии, а не от Советского Союза»[792].

Известный немецкий военный теоретик XIX в. К. Клаузевиц как-то сказал, что войну не начинают до тех пор, пока не выяснят ее цели и средства для их достижения[793]. Какие же цели в войне против Советского Союза преследовал германский фашизм?

Официальные планы Гитлера относительно Советского Союза впервые были сформулированы в его речи с изложением правительственной программы, которую он произнес перед командующими видами войск рейхсвера 3 февраля 1933 г. Тогда было заявлено, что одна из важнейших задач Германии в области внешней политики состоит в завоевании жизненного пространства на Востоке с целью его решительной германизации[794]. Эта программа получила характер государственной политики гитлеровской Германии и нашла свое воплощение в конкретных внутривнутриполитических и внешнеполитических мероприятиях. 31 июля 1940 г. в летней резиденции Гитлера Бергхофе состоялось крупное военное совещание, на котором обсуждались мероприятия, связанные с нападением на Советский Союз. Гитлер тогда заявил: «Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. Вывод: в соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Срок – весна 1941 года»[795].

Через несколько дней в генеральном штабе сухопутных войск на основе одобренного военным совещанием плана была составлена директива №21. 18 декабря 1940 г. она была утверждена Гитлером, а вся операция получила кодовое наименование «план Барбаросса» по прозвищу воинственного немецкого императора Фридриха I, жившего в XII в.

Основная идея антисоветской войны в «плане Барбаросса» формулировалась так: «Находящиеся в западной части России войсковые массы русской армии должны быть

уничтожены в смелых операциях с глубоким продвижением танковых частей. Следует воспрепятствовать отступлению боеспособных частей в просторы русской территории... Конечной целью операции является отгородиться от азиатской России по общей линии Архангельск – Волга»[796].

В зимние месяцы 1941 г. на основе общей директивы разрабатывались планы по видам вооруженных сил и группам армий и уточнялись мероприятия по управлению в будущем оккупированными советскими территориями. С этой целью было создано Восточное министерство во главе с А. Розенбергом.

Характерная особенность «плана Барбаросса» состояла в том, что военно-стратегические задачи находились в тесной связи с интересами крупных германских монополий и полностью соответствовали их планам экономического порабощения советского народа. Экономические цели фашистской агрессии состояли в том, чтобы захватить материальные ресурсы Советского Союза и поставить их на службу германским монополиям. «Задача состоит в том, – говорил Геринг на совещании по «восточному вопросу» в феврале 1941 г., – чтобы изъять из новых восточных районов самое большое количество сельскохозяйственных продуктов, сырья, рабочей силы». А Геббельс писал в эти дни, что «это ... война за пшеницу и хлеб, за обильно накрытый стол к завтраку, обеду и ужину... война за сырье, за каучук, за железо и руды»[797].

Мероприятия по превращению Советского Союза в сырьевой придаток германских монополий были разработаны в специальном документе, имевшем кодовое название «Ольденбург». Более детально они были сформулированы в так называемой «Зеленой папке» Геринга.

2. Двигатель войны набирает обороты

Итак, принципиальное решение о нападении на СССР было принято в июле 1940 г. С тех пор все усилия гитлеровской верхушки были направлены на всестороннее осуществление этого решения. Прежде всего усиленно разрабатывались и проводились в жизнь программы перевооружения вермахта.

Характерным моментом на подготовительном этапе агрессии против СССР, т. е. со второй половины 1940 г., была исключительная секретность предпринимаемых гитлеровцами мер, на что особо обращалось внимание в «Директиве по дезинформации противника» в феврале 1941 г. Ни одна война прошлого не готовилась так скрытно, как гитлеровская агрессия против Советского Союза. Если вторжению в Австрию, Чехословакию и Польшу предшествовали открытые подстрекательские кампании против намеченной жертвы, то война против СССР готовилась по-иному. В отношении советского народа Гитлер не рассчитывал на его моральное подавление еще до начала боевых действий. Поэтому надежда возлагалась на внезапность нападения и молниеносность дальнейшей вооруженной борьбы.

Важной составной частью подготовки агрессивной войны против Советского Союза была тщательно разработанная система дезинформации, которую гитлеровцы широко развернули с конца 1940 г. В этом отношении большое значение имели уже упоминавшееся приглашение В. М. Молотова в Берлин на переговоры о глобальном разделе сфер влияния, распространение мифа о «советско-германской дружбе», инспирирование слухов о возможности приезда в Берлин И. В. Сталина, демонстративное приглашение СССР в апреле 1941 г. на Лейпцигскую ярмарку и др.

С такой же дезинформационной целью верховное командование вермахта стремилось к тому, чтобы советская разведка рассматривала концентрацию войск на Востоке как якобы

меру оборонительную, связанную с необходимостью их «обмена и отдыха».

Несмотря на эти и другие меры дезинформации, советские полпредства в Германии и в других странах, а также разведывательные органы СССР постоянно информировали об истинных намерениях гитлеровского руководства и даже определяли примерный срок агрессии. Небезынтересно отметить, что всего через 11 дней после принятия Гитлером «плана Барбаросса» (18 декабря 1940 г.) благодаря усилиям немецких антифашистов этот факт и основные замыслы плана стали известны советской разведке. Соответствующее предупреждение было получено даже от Шуленбурга. По некоторым данным, в Москву были переданы 84 предупреждения о намечавшейся агрессии Гитлера против Советского Союза[798]. Однако Сталин считал их провокационными.

Одни лишь Соединенные Штаты в первой половине 1941 г. по официальным каналам неоднократно предупреждали Москву о грозящем нападении Германии на Советский Союз. 1 марта 1941 г. госсекретарь США Уэллес сообщил об этом Лозовскому. 15 апреля это же повторил посол Штейнгардт. Тогда же он заявил, что в случае беды США помогут Советскому Союзу. 24 мая он же предупредил Вышинского, но тот отверг слухи о возможной войне. 5 июня Штейнгардт снова сообщил Лозовскому о сосредоточении немецких войск на границе с СССР и что в ближайшие две-три недели может произойти кризис.

Все эти предупреждения вызывали не только недоверие со стороны советского руководства, но и обвинения американцев в попытках спровоцировать советско-немецкий конфликт. Более того, в середине мая 1941 г. совершенно непонятно, по каким причинам, было введено ограничение для свободного передвижения американских дипломатов по Советскому Союзу. Сразу же последовали ответные меры и со стороны американских властей.

По поводу странных советских мер Штейнгардт 5 июня в беседе с Лозовским заявил, что его удивляет: в ближайшие две-три недели Советский Союз будет переживать величайший в своей истории кризис, а он не хочет укреплять своих отношений с Соединенными Штатами[799].

При анализе международной обстановки накануне вторжения гитлеровцев в Советский Союз неизбежно возникает вопрос: как же гитлеровский генеральный штаб, зная, что германских генералов во все времена беспокоила опасность войны на два фронта, мог решиться пренебречь советами и Бисмарка, и Шлиффена, и Люддендорфа, и других германских стратегов? Да и сам Гитлер в книге «Майн кампф» также писал, что война на два фронта, против Востока и Запада одновременно, была бы фатальной ошибкой.

Представляется, что решающим фактором было то, что Советский Союз являлся самым серьезным препятствием на пути завоевания мирового господства фашистской Германией. Как свидетельствует бывший офицер генерального штаба сухопутных войск Г. Грейнер, 29 июля 1940 г. один из сотрудников штаба спросил генерала А. Йодля, не откладывается ли в связи с войной против Советского Союза вторжение в Англию, на что Йодль ответил, что с «падением России можно будет сделать Англию более податливой к миру»[800]. По утверждению других приближенных Гитлера, он неоднократно высказывал убеждение в том, что с разгромом Англии Россия будет продолжать борьбу, но с капитуляцией России Англия незамедлительно запросит мира[801]. Это означает, что война против СССР стала важнейшей составной частью планов гитлеровской Германии по установлению мирового господства.

Все эти факты свидетельствуют о том, что хотя в своей принципиальной основе стратегия Гитлера исходила из недооценки военного могущества Советского Союза, однако фашистская клика весьма тщательно готовилась к войне против СССР. Используя всю свою военную мощь, гитлеровские стратеги стремились добиться молниеносной победы в войне, ибо они знали, что затяжной борьбы германская экономика не выдержит.

Заключение

Итак, анализ событий, происходивших в один из самых драматических периодов европейской истории – конца 30-х – начала 40-х годов – в Центральной и Восточной Европе позволяет прийти к выводу, что крутые виражи во внешней политике, подчас непредсказуемые, ведущих держав, в том числе и Советского Союза, привели к серьезным изменениям в расстановке политических сил, к деформации всей международной обстановки и в конечном итоге – к войне.

«Не было в истории XX столетия обстановки более сложной, запутанной, более отягощенной многочисленными страхами, предчувствиями надвигающейся драмы, чем та, которая сложилась между осенью 1938 и концом лета 1939 г. Не делалось еще за столь короткий срок столько рискованных шагов в политике, столько ошибок, столько неверных прогнозов и вместе с тем не было сказано столько многозначительных слов. Новейшая история не знала такой всеобщей отчужденности, враждебности и подозрительности, такого антиинтеллектуализма в политике, как в период от Мюнхена до начала войны»[802] – так оценивает обстановку того времени известный советский историк и политолог профессор Д. М. Проэктор.

Решающее значение в возникновении именно такой ситуации в международных отношениях, несомненно, имел Мюнхен. Его участники – Германия, Италия, Англия и Франция – несут главную ответственность за то состояние Европы, которое уже давно определяется понятием «предвоенный политический кризис».

Что касается внешней политики Советского Союза, то его руководство во главе со Сталиным на протяжении почти двух десятилетий исходило из тезиса о наличии угрозы со стороны капиталистического окружения. Хотя если иметь в виду наших непосредственных соседей, то никто из них в конце 30-х годов не был готов и не имел намерения воевать против Советского Союза.

В чем же было существо внешнеполитического курса советского руководства и конкретных акций советской дипломатии в 1939–1941 гг.? Этот вопрос, как никакой другой, и поныне вызывает немало споров, и необходимо признать, что ответ на него связан далеко не с самой светлой страницей нашей истории.

Позиция советского руководства в сложившейся ситуации носила весьма противоречивый, неоднозначный и в стратегическом плане недальновидный характер. В ней сочетались предпринятые еще в середине 30-х годов попытки обуздать агрессора и ограничить его захватнические устремления с явным сговором с ним впоследствии в интересах достижения своих собственных великодержавных целей.

Историческое значение для антифашистских сил в их борьбе за предотвращение второй мировой войны могли бы иметь начавшиеся летом 1939 г. политические и военные переговоры между Англией, Францией и Советским Союзом. Но позиция англо-французских партнеров формировалась под влиянием происходивших в СССР ранее судебных процессов, которые заметно ослабили командный состав Красной Армии, в силу чего, по мнению Запада, «военная союзоспособность» СССР не заслуживала внимания. Советская дипломатия своей негибкой и неоправданно жесткой позицией также не содействовала успеху переговоров.

В начавшейся вскоре войне советское руководство предприняло ряд таких рискованных шагов, которые приводили к нарушению нейтрального статуса Советского Союза.

Перед своим отъездом «в отпуск» 31 декабря 1939 г. посол Великобритании Сидс заявил Молотову: «Когда мы прервали летом наши переговоры, то я сказал себе, что СССР предпочитает не пакт с нами, а нейтралитет. К сожалению, в печати и даже в официальных выступлениях этот нейтралитет стал находить такое выражение, которое несколько ранит Англию. Так, например, Советский Союз снабжает воюющую Германию»[803].

К сожалению, британский посол был прав. Советский фактор имел тогда активный характер, играл важную, а временами и решающую дестабилизирующую роль в международных отношениях. В 1939 г. советское руководство во главе со Сталиным предало забвению демократические традиции внешней политики СССР, накопленные в 20-х – первой половине 30-х годов, когда Советский Союз разоблачал фашистскую диктатуру, выступал за единство действий демократических сил.

Одним из самых крупных просчетов советского руководства, и прежде всего лично Сталина и Молотова, было заключение ряда договоров с гитлеровской Германией и участие СССР на их основе в разделе Восточной Европы на сферы влияния. Прежде всего это относится к договорам, заключенным 23 августа и 28 сентября 1939 г. Как сами договоры, так и их претворение в жизнь были грубым нарушением императивов международного и советского права. В политическом плане они нанесли непоправимый удар по международному престижу Советского Союза, задержали развертывание массовой освободительной борьбы народов оккупированных Германией стран, затормозили образование единого антифашистского фронта стран и народов, дезориентировали деятельность мирового коммунистического движения, всех друзей СССР за рубежом. В военно-стратегическом плане эти договоренности предоставили Гитлеру захватить почти всю континентальную Европу, не опасаясь удара с Востока. В моральном плане партнеры по переговорам, пытаясь обмануть друг друга, свои народы и мировую общественность, длительное время скрывая от них наличие секретных протоколов, поступали безнравственно. Так же безнравственна была попытка оправдать средства достижения своих великодержавных устремлений благими целями, как поступали Сталин и Молотов в акциях в Польше, в республиках Прибалтики и Финляндии.

Вопреки утверждениям некоторых исследователей, советско-германские договоренности не создали эффективного заслона гитлеровской агрессии против Советского Союза. Наоборот, если до 1939–1940 гг. от Баренцева до Черного моря существовал ряд государств, служивших своеобразным буфером между Германией и СССР, то накануне Великой Отечественной войны возникло непосредственное противостояние их вооруженных сил. С августа 1939 г. до июня 1941 г. наши дела шли от плохих к худшим. Страна растеряла своих возможных союзников в Восточной Европе во имя сближения с Германией. Между тем отношения с ней также развивались не лучшим образом. Престиж советского руководства в глазах мировой демократической общественности особенно пал во время переговоров Молотова с Гитлером и Риббентропом в Берлине осенью 1940 г. В ходе этих переговоров советское руководство даже дало согласие на определенных условиях присоединиться к агрессивному Тройственному пакту.

Особое место в действиях советского руководства в рассматриваемый период занимает его неспровоцированная агрессия против Финляндии. Целью этой агрессии было не столько добиться небольшой передвигки границы в районе Ленинграда, сколько реально включить в свою сферу интересов страну, стратегическое положение которой имело, по мнению Сталина, Молотова и Ворошилова, «жизненно» важное значение для СССР. В военном плане более многочисленные и технически лучше оснащенные советские войска, конечно же, победили мужественно оборонявшуюся финскую армию. Но в морально-политическом отношении Советский Союз потерпел крупное поражение. Перед всем миром «социалистическое» государство предстало как агрессор.

На основе тех же советско-германских договоренностей и при дипломатическом и военном

содействии гитлеровской Германии советское руководство присоединило к СССР ряд соседних стран и территорий от Балтийского до Черного моря. Причем мнение народов игнорировалось. Таким путем претворялась в жизнь концепция партийной и советской верхушки о необходимости постепенного увеличения числа советских республик. С точки зрения международного права может быть оправдано лишь возвращение Бессарабии, незаконно оккупированной румынскими войсками в 1918 г.

Никакая сложная международная обстановка того времени не могла служить оправданием того грубого вмешательства во внутренние дела республик Балтии, которое практиковали представители Советского Союза, их ультимативных требований и применения террористических методов в политической борьбе.

У воинственных римлян была в почете формула: «Укорачивай свое оружие, но удлинй свои границы». Но ведь то был век пики и щита, а не современных гаубиц и межконтинентальных бомбардировщиков. Эту разницу уже показала вторая мировая война и события первых недель Великой Отечественной войны. «Значительно уступавший Красной Армии по численности и сопоставимый с ней по техническому оснащению вермахт всего в несколько дней преодолел территории, из-за обретения которых перед войной велись такие сложные дипломатические игры, стоившие стране морального престижа, обернувшиеся окончательным расколом антифашистских сил» – такую горькую, но справедливую оценку обстановки того времени дал журнал «Международная жизнь» в 1990 г.[804]

Весь трагизм ситуации, сложившейся тогда на присоединенных к СССР территориях, как и позже, с 1944 г., в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы, состоял в том, что советские люди выполняли крайне противоречивую миссию. Если воины Красной Армии освободили народы этих стран от фашистского ига и создали щит безопасности, хотя, как оказалось, весьма ненадежный, то те, кто шел вслед за регулярными войсками, по воле советских лидеров беспощадно устраняли даже предпосылки для рождения демократических обществ, навязывали народам тоталитарные режимы, разворачивали массовый террор, олицетворением которого стала система тюрем и концлагерей. Масштабы этого тоталитаризма были бы меньшими, если бы в данном процессе не участвовали внутренние силы этих областей и стран и прежде всего компартии, которые нередко «плясали быстрее, чем позволяла музыка». За сложившуюся драматическую ситуацию они также должны нести свою долю ответственности.

Один из лидеров партии левых эсеров Мария Спиридонова утверждала, что террор, который применяла ее партия до революции, был средством борьбы угнетенных и стремящихся к свободе масс. Но «красный террор», применявшийся большевиками после того, как они завоевали власть, – это ничем не оправданный террор победителей против своего народа[805]. Действительно, в «терроре победителей», устроенном советскими органами безопасности на присоединенных к СССР территориях, как и вообще во всей стране, решительно не было никакой политической необходимости. Он был порожден волей лично Сталина и его ближайшего окружения, чтобы держать народ в страхе и на нем укреплять свою единоличную власть.

Международное преступление особой тяжести было совершено советскими органами госбезопасности в отношении 15 тыс. польских военнопленных офицеров и полицейских в Катыни, Харькове и в других местах, а руководители сталинской дипломатии сделали все возможное, чтобы дезинформировать по этому вопросу советских людей и мировую общественность. На протяжении более полувека это преступление обременяло отношения между советским и польским народами, было их общей болью. Лишь в последнее время историческая правда восстановлена, что является большим вкладом в нормализацию отношений между нашими соседними странами и народами.

После побед вермахта на Западе весной и летом 1940 г. советские руководители стали

осознавать реальную опасность, нависшую над Советским Союзом со стороны Германии, потому что с тех пор Гитлер уже в меньшей мере нуждался в услугах Сталина. На основе принятого «плана Барбаросса» Гитлер предпринял тщательную и всестороннюю подготовку к войне с Советским Союзом, которая, как он считал, станет для него решающим событием на пути к достижению мирового господства. Расчет строился прежде всего на внезапности нападения и на полном разгроме советских вооруженных сил в течение нескольких недель. Руководство СССР со своей стороны также принимало решительные и подчас жестокие меры применительно к своему народу, чтобы во всеоружии встретить врага. Но удалось ему это лишь частично.

22 июня началась Великая Отечественная война советского народа. В первые недели и месяцы войны обнаружились все экономические, политические и дипломатические промахи и просчеты, а также последствия преступлений Сталина и его окружения, имевшие место в предыдущие годы. Лишь благодаря, духу, стойкости и жертвам советских людей враг был изгнан с территории Советского Союза, а затем совместными усилиями с народами антигитлеровской коалиции окончательно разгромлен. На сей раз советский фактор имел решающее значение в спасении человечества от коричневой чумы. Естественно возникает вопрос: почему же в трагической ситуации предвоенных лет Советский Союз не сыграл в международной жизни конструктивной роли в деле предотвращения войны?

К концу 30-х годов в Советском Союзе была построена такая модель «социализма», которая характеризовалась тоталитарными, командно-административными методами руководства. Принятию взвешенных решений в международных делах мешала концепция, исходившая из ложного представления о Советском Союзе как «осажденной крепости». В таком случае для Сталина было естественным рассматривать все окружающие эту «крепость» страны как вражеские.

Могло ли советское руководство, опираясь на подобную концепцию, трезво отличать действительных врагов от мнимых? Могло ли оно реально рассчитывать на понимание со стороны соседних народов и на честное сотрудничество с ними? Разумеется, нет.

В основу философии обеспечения безопасности страны советское руководство положило идею исключительной приоритетности военного могущества, несмотря на то, что само оно постоянно подчеркивало роль экономической мощи, морально-политического единства народа, гибкой и осторожной внешней политики правительства. Более того, Сталин стремился добиться военного паритета не с какой-либо одной страной, а со всем «империалистическим лагерем», хотя ясно было, что это утопия чистой воды.

Сталинская внешняя политика в предвоенные годы стала одной из причин неоправданных жертв советских людей. Она и в послевоенные годы, вызывая «синдром страха», представляла собой «бомбу замедленного действия», создавшую наряду с другими факторами кризисные ситуации в ряде стран Восточной Европы, да и в некоторых республиках Советского Союза.

Теперь мы открыто признаем и понимаем причину того, почему особенно в западных областях страны и в Прибалтике не так уж мало советских граждан встречали немецких захватчиков хлебом-солью, почему германскому командованию удалось создать антисоветские воинские формирования, которые по численности не уступали отрядам советских партизан, действовавшим в тылу врага.

Мы также знаем, что для Западной Украины и Прибалтики май 1945 г. еще не означал мира и обретения свободы, а был лишь одним из рубежей братоубийственной гражданской войны, длившейся до 1952 г., принесшей новые страдания и смерть. И все это происходило тогда, когда во всех других странах уже давно умолкли пушки и люди радовались свободе и жизни.

Завершая размышления о событиях предвоенного времени, особенно о таком его стержневом акте, как советско-германский пакт о ненападении, автор не может не прийти к выводу: не будь рокового 23 августа 1939 г., возможно, не было бы и рокового дня 22 июня 1941 г.

Начатая в 1985 г. перестройка в области международных отношений привела к окончанию «холодной войны». Большая заслуга в успешном развитии этого процесса принадлежит Советскому Союзу и его дипломатической службе. В 1990 г. произошло объединение Германии, что подвело черту под итогами второй мировой войны, привело к устранению «блокового» мышления, создало исключительно благоприятные условия для мужественного признания ошибок и преступлений прошлого, для трезвого осмысления роли советского фактора в предвоенном политическом кризисе. Сама логика перестроечного процесса в Советском Союзе формирует негативное отношение к советско-германским договоренностям 1939–1941 гг. и другим внешнеполитическим актам сталинского руководства.

В настоящее время внешняя политика Советского Союза вносит свой весомый вклад в реализацию новой формы безопасности. Она направлена на то, чтобы безопасность военная не шла в ущерб экономической и социальной защите населения, ибо государство сильно прежде всего благосостоянием своих граждан.

1

См.: Правда. 1989. 24 и 28 декабря.

2

См.: Известия. 1989. 27 декабря.

3

Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. М., 1990. Т. 1. С. 31.

4

Там же. С. 7.

5

См.: Тухачевский М.Н. Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 258–259; ЦАМО СССР, ф. 32, оп. 11302, д. 20, л. 84; XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенограф. отчет. М., 1939. С. 273.

6

Троцкий Л.Д. Портреты. Сборник. Нью-Йорк, 1984. С. 69.

7

Там же. С. 94–95.

8

Правда. 1989. 24 декабря.

9

Akten zur deutschen aliswartigen Politik (далее – ADAP). Serie D. Band V. S. 27.

10

См.: Hilger G. Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918–1941. В., S. 256.

11

Read A., Fischer D. The deadly embrace: Hitler, Stalin and the Nazy – Soviet Pact, 1939–1941. L., 1988. P. 51, 59.

12

См.: ADAP. Serie D. Band VI. S. 221–222.

13

См. ibidem.

14

XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1939. С. 11–13. (Выделено мной. –

М. С.)

15

См.: ADAP. Serie D. Band VI. S. 1, 46.

16

См.: Hofer W. 1939–1989: 50. Jahre Hitler-Stalin-Pakt//1.9.39. Europaer erinnern sich an den Zweiten Weltkrieg. Zurich, 1990. S. 128.

17

См.: 1939. An der Schwelle zum Weltkrieg. Die Entfesselung des Zweiten Weltkrieges und das internationale System. B., N.Y., 1990. S. 197.

18

Центральный государственный архив Советской Армии (далее – ЦГАСА), ф. 33987, оп. 3, д. 1234, л. 57; История дипломатии. М., Л., 1945. Т. 3. С. 664–665.

19

Parliamentary debates. House of Commons. Official report. L., 1939. V. 345. Col. 2415; Hitchens M. Germany, Russia and the Balkans: Prelude to the Nazi-Soviet Non-aggression Pact. N.Y., 1983. P. 42.

20

См.: The Times. 6.4.1939.

21

СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938–август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С. 258.

22

Год кризиса 1938–1939. Т. 1. С. 331.

23

Там же. С. 413–414.

24

Там же. С. 10.

25

См. там же. С. 382–386.

26

ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1235, лл. 11–12.

27

Там же, лл. 27–29.

28

Троцкий Л. Д. Портреты. С. 90.

29

См.: Pietrow B. Stalinismus, Sicherheit, Offensive. Das Dritte Reich in der Konzeption der sowjetischen Aussenpolitik 1933 bis 1941. Kassel., 1983. Band 2. S. 131.

30

См.: Gnedin J. Das Labyrinth. Hafterinnerungen eines fuhrenden Sowjetdiplomaten. Vorwort von Andrej Sacharow, Freiburg, 1987. S. 115, 126.

31

См.: ADAP. Serie D. Band VI. S. 346–347.

32

ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1235, лл. 86–87.

33

Там же, л. 43.

34

Восстановление Советской власти в Латвии и вхождение Латвийской ССР в состав СССР. Документы и материалы. Рига, 1987. С. 102.

35

См.: Год кризиса 1938–1939. М., 1990. Т. 2. С. 31–35.

36

См. там же. С. 119.

37

См.: Кертман Л.Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. М., 1990. С. 511.

38

Подробно см.: К истории заключения советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г. (документальный обзор)//Новая и новейшая история. 1989. №6. С. 9–13.

39

См.: Правда. 1939. 29 июня.

40

См.: Whaley B. Codeword «Barbarossa»: L., 1973. P. 228.

41

Международная жизнь. 1987. №11. С. 150.

42

Jakobson M. Diplomatie im Finnischen Winterkrieg 1939–40. Wien, Dusseldorf, 1970. S. 106.

43

Ahmann R. Nichtangriffspakte: Entwicklung und operative Nutzung in Europa, 1922–1939. Baden-Baden., 1988. S. 625.

44

См.: ADAP. Serie D. Band VI. S. 154.

45

См.: Батлер Дж. Большая стратегия. М., 1959. С. 70.

46

Год кризиса 1938–1939. Т. 2. С. 140.

47

См. там же. С. 145.

48

См.: ADAP. Serie D. Band VI. S. 845.

49

См.: Год кризиса 1938–1939. Т. 2. С. 168–174.

50

См.: ADAP. Serie D. Band VII. S. 190.

51

Известия. 1939. 27 августа.

52

См.: Naval Review. 1952. No 3. P. 252–254; Год кризиса 1938–1939. Т. 1. С. 15.

53

Год кризиса 1938–1939. Т. 2. С. 228–229.

54

Churchill W.S. The second world war. V. 2. P. 119.

55

См.: Год кризиса 1938–1939. Т. 2. С. 158; ADAP. Serie D. Band VI. S. 882.

56

См.: Год кризиса 1938–1939. Т. 2. С. 162.

57

См. там же. С. 183.

58

См. там же. С. 185.

59

См. там же. С. 209.

60

См. там же. С. 229.

61

См. там же. С. 231.

62

См.: Международная жизнь. 1989. №9. С. 97–99.

63

См.: Год кризиса 1938–1939. Т. 2. С. 270; ADAP. Serie D. Band VII. S. 95, 125.

64

См.: Год кризиса 1938–1939. Т. 2. С. 180.

65

ADAP. Serie D. Band VII. S. 125, 131.

66

См.: Международная жизнь. 1989. №9. С. 104–111.

67

См.: ADAP. Serie D. Band VII. S. 139–140.

68

См.: Год кризиса 1938–1939. Т. 2. С. 278–279.

69

Там же. С. 316.

70

См.: Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза. 1936–1939. М., 1987. С. 328.

71

См.: Вопросы истории. 1990. №7. С. 85.

72

См.: Коммунист. 1989. №12. С. 98.

73

Год кризиса 1938–1939. Т. 1. С. 20.

74

Там же. Т. 2. С. 312.

75

Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 447.

76

См.: 1.9.39. Europaer erinnern sich an den Zweiten Weltkrieg. Zurich, 1990. S. 135.

77

См.: Внешняя политика СССР. Сборник документов. М., 1946. Т. IV. С. 443.

78

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева//Вопросы истории. 1990. №7. С. 86.

79

Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1951. С. 11.

80

Год кризиса 1938–1939. Т. 2. С. 321.

81

ADAP. Serie D. Band VIII. S. 96.

82

Irving D. Hettlers Krieg 1939–1942. Die Siege. Munchen, Berlin, 1983. S. 75.

83

См.: Внешняя политика СССР. М., 1946. Т. 2. С. 449.

84

См. там же. С. 452.

85

Правда. 1989. 25 мая.

86

См.: Hilger G. Op. cit. S. 295.

87

См.: Известия. 1941. 11 января,

88

ЦГА СССР, ф. 500, оп. 3, д. 249, лл. 95–100.

89

Там же, л. 173.

90

См.: ADAP. Serie D. Band VIII. S. 120, 122.

91

См. *ibid.* S. 120.

92

См. *ibid.* S. 605.

93

См.: Год кризиса 1938–1939. Т. 2. С. 404–405.

94

См.: Read A., Fischer D. The deadly embrace: Hitler, Stalin and the Nazy-Soviet Pact, 1939–1941. Z., 1988. P. 442.

95

См.: Московские новости. 1989. 7 мая. С. 9.

96

Ahmann R. Op. cit. S. 628.

97

См.: ADAP. Serie D. Band XI 2.S.800.

98

См. ibid. S. 891–892.

99

Churchill W.S. Op. cit. V. III. P. 326.

100

См.: Правда. 1940. 3 сентября.

101

См.: Мюллерсон Р.А. Советско-германские договоренности 1939 г. в аспекте международного права//Советское государство и право. 1989. № 9. С. 107.

102

См.: Год кризиса 1938–1939. Т. 2. С. 271–273, 278, 302.

103

Известия. 1939. 1 сентября,

104

ADAP. Serie D. Band VIII. S. 10.

105

Симонов К. Указ. соч. С. 78.

106

Там же. С. 79.

107

Применительно, в частности, к Чехословакии подробно см.: Марьина В. В. Чешское общество о советско-германском пакте 1939 г. и начале второй мировой войны//Вопросы истории. 1990. № 7. С. 18–31.

108

Новый мир. 1965. № 12. С. 101.

109

См.: Проблемы мира и социализма. 1989. № 11. С. 87.

110

Год кризиса 1938–1939. Т. 2. С. 315.

111

Там же. С. 322.

112

См. там же. С. 322, 405.

113

ADAP. Serie D. Band VII. S. 236.

114

Троцкий Л.Д. Портреты. С. 86–87.

115

См.: Год кризиса 1938–1939. Т. 2. С. 333.

116

См.: ADAP. Serie D. Band VII. S. 184, 242.

117

Год кризиса 1938–1939. Т. 2. С.323.

118

См.: ADAP. Serie D. Band VII. S. 264–265.

119

Известия. 1939. 1 сентября.

120

ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1237, л. 379.

121

См.: Правда. 1939, 1 сентября,

122

Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 210.

123

См.: ADAP. Serie D. Band VIII. S. 12, 225–226; АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 4, л. 49, 72.

124

См.: Pietrow B. Op. cit. S. 179.

125

См. *ibid.* S.180.

126

См.: ADAP. Serie D. Band VIII. S. 246–247, 282, 290–309; Read A., Fischer D. Op. cit., p. 432.

127

См.: Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 459.

128

См.: Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 474; ADAP. Serie D. Band VIII. S. 360–361.

129

Архив внешней политики СССР (АВП СССР), ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 4, л. 50.

130

См.: ADAP. Serie D. Band VII. S. 424.

131

См.: Внешняя политика СССР. М., 1946. Т. IV. С. 453.

132

Международная жизнь. 1989. № 9. С. 137.

133

См.: Popovic N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi u drugom svjetskom ratu (1941–1945). Belgrad, 1988. S. 28.

134

См.: Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 543–545, 547–549.

135

Read A., Fischer D. Op. cit. P. 577.

136

ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1237, л. 413.

137

См.: Hofer W. Op. cit. S. 130; Schafranek H. Zwischen NKWD und Gestapo. Auslieferung deutscher

und österreichischer Antifaschisten aus der Sowjetunion an Nazideutschland 1937–1941. Fr. a M., 1990, S. 124; Коммунист. 1991. №3. С. 66.

138

См.: Foreign relations of the USA. Diplomatic papers. 1940. Wach,, 1959. V. 1. P. 83–84.

139

Жюгджа Р. В августе 39-го//Советская Россия. 1988. 24 августа.

140

Правда. 1989. 28 декабря.

141

Троцкий Л.Д. Портреты. С. 71.

142

Там же. С. 71.

143

ADAP. Serie D. Band VIII. S. 468.

144

См.: Eichholz D. Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939–1945. B., 1971. S. 223.

145

См.: Троцкий Л.Д. Портреты. С. 102.

146

См.: Gorlitz W. Der deutsche Generalstab. Geschichte und Gestalt. 1657–1945. Fr. a M. S. 494.

147

Hitchenn M. Op. cit. P. 265.

148

См.: Ковалев Ф., Ржешевский О. Так начиналась война//Правда. 1988. 1 сентября.

149

См.: Hermes Handlexikon. Synchronopse des Zweiten Weltkrieges. Dusseldorf, 1983. S. 48.

150

См.: Правда. 1989. 24 декабря.

151

См.: Документы и материалы кануна второй мировой войны 1937–1939 гг. М., 1981. Т. 1. С. 241, 257.

152

См.: Известия ЦК КПСС. 1989. №7. С. 28; Литературная газета. 1988. 26 октября.

153

Гнедин Е. Из истории отношений между СССР и фашистской Германией. Документы и современные комментарии. Нью-Йорк, 1977. С. 45.

154

Комсомольская правда. 1988. 24 августа; см. также: Молодежь Эстонии. 1989. 19 августа.

155

Подробно см.: Материалы «круглого стола»//Вопросы истории, 1989. № 6. С. 3–32.

156

Международная жизнь. 1990. № 2. С. 142.

157

Там же.

158

Prispevky k dejinam KSC. 1967. No 3. Str. 389–390.

159

Большевик. 1939. №20. С. 2.

160

Там же. С. 3–4.

161

Известия. 1940. 10 ноября.

162

Известия. 1940. 11 ноября.

163

ADAP. Serie D. Band IX. S. 87; см. также: Hilger G. Op. cit. S. 298.

164

См.: Irving D. Op. cit. S. 141.

165

ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1305, л. 375.

166

Churchill W.S. Op. cit. V. II. P. 511.

167

ADAP. Serie D. Band VII. S. 191.

168

ADAP. Serie D. Band IX. S. 43.

169

См.: ADAP. Serie D. Band XII. S. 161.

170

Churchill W.S. Op. cit. V. II. P. 463.

171

ADAP. Serie D. Band X. S. 253.

172

Ibidem.

173

ADAP. Serie D. Band XI 1. S. 450.

174

См. ibid. S. 453.

175

Ibid. S. 454.

176

См. ibid. S. 457.

177

См.: ADAP. Serie D. Band VIII. S. 496.

178

ADAP. Serie D. Band XI 1. S. 459.

179

Ibid. S. 460.

180

Ibid. S. 466.

181

Ibid. S. 471.

182

См. ibid. S. 474.

183

См. ibid. S. 474–475.

184

См. ibid. S. 475.

185

Ibid. S. 478.

186

См.: ADAP. Serie D. Band XI 2. S. 495–499.

187

См. ibid. S. 597–598.

188

См. ibid. S. 597–598.

189

См. ibid. S. 721–722.

190

См. *ibid.* S.934.

191

См. *ibid.* S. 951–952.

192

Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. М., 1973. Т. I. С. 735.

193

ADAP. Serie D. Band XII 2. S. 887–888.

194

См.: Hermes Handlexikon. Synchronops des Zweiten Weltkrieg. Dusseldorf, 1983. S. 86–87, 97.

195

См.: ADAP. Serie D. Band XI 2. S. 487.

196

См. *ibid.* S. 536.

197

Schmidt P. Statist auf diplomatischer Buhne. Bonn, 1949. S. 525.

198

См.: ADAP. Serie D. Band XI 2. S. 817.

199

См.: Serie D. Band XII 2. S. 557.

200

Churchill W.S. Op. cit. V. III. P. 325.

201

Ibid. V. II. P. 511.

202

Аргументы и факты. 1988. №23. С. 4.

203

1939 год. Уроки истории. М., 1990. С. 353.

204

Churchill W.S. Op. cit. V. III. P. 315.

205

См.: ADAP. Serie D. Band VIII. S. 62.

206

Внешняя политика СССР. Сборник документов. М., 1946. Т. IV. С. 448.

207

Piekalkiewicz J. Hitler und Stalin zerschlagen die Polnische Republik, Berisch Gladbach. 1982. S. 172.

208

Дипломатический словарь. М., 1986. Т. III. С. 273–274.

209

Известия. 1938. 26 сентября.

210

См.: Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 396.

211

См.: Kriegsausbruch 1939. Beteiligte, Betroffene, Neutrale. Munchen, 1989. S. 51.

212

См. там же. S. 52.

213

См.: Piekalkiewicz J. Op. cit. S. 44.

214

См.: ADAP. Serie D. Band VII. S. 206–207.

215

См.: 1.9.39. Europaer erinnern... S. 151.

216

Фуллер Дж.Ф.С. Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М., 1956. С. 78.

217

ADAP. Serie D. Band VII. S. 302.

218

См. *ibid.* S. 318.

219

Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 445.

220

ADAP. Serie D. Band VIII. S. 4.

221

См.: Piekalkiewicz J. Op. cit. S. 127.

222

ADAP. Serie D. Band VIII. S. 27.

223

См. ibidem.

224

Ibid. S. 47.

225

ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1235, л. 80.

226

Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1968. Т. I. С. 87.

227

Там же, С. 108.

228

Там же. С. 111.

229

Там же. С. 116.

230

Там же. С. 123.

231

См.: ADAP. Serie D. Band VIII. S. 35, 44.

232

См.: Партийно-политическая работа в боевой обстановке. М., 1940. С. 8, 141.

233

См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. М., 1960. Т. I. С. 247.

234

ADAP. Serie D. Band VIII. S. 35.

235

Ibid. S. 54.

236

Ibid. S. 60.

237

См. ibid. S. 60.

238

Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 448.

239

См.: Международная жизнь. 1989. №8. С. 19.

240

См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. М., 1960. Т. I. С. 249.

241

См.: Wojskowy Przegląd Historyczny. 1989. No 4. Str. 2.

242

Jurga T. U kresu II Rzeczypospolitej. W-wa, 1979. Str. 451.

243

См.: Zeszyty Historyczne. H. 50. Bd. 2. P., 1979. Str. 181ff, 193f.

244

Симонов К. Указ. соч. С. 80–81.

245

Правда. 1989. 24 декабря.

246

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. I. С. 249.

247

См.: Irving D. Op. cit. S. 64.

248

См.: Rawski T., Stapor Z., Zamojski J. Wojna wyzwolenca narodu polskiego w latach 1939–1945. W-wa, 1966. Str. 168.

249

См.: Madajczyk Cz. Polityka III rzeczy w okupowanej Polsce. W-wa, 1970. Т. I. Str. 28.

250

Сандалов Л.М. Пережитое. М., 1966. С. 44.

251

См.: Piekalkiewicz J. Op. cit. S. 233.

252

См. ibid. S. 245.

253

Wojna obronna Polski 1939. W-wa, 1979. Str. 691.

254

См.: Суворов А. Брестская крепость: когда был первый бой – 22 июня 41-го? Нет, гораздо раньше//Литературная газета. 1989. 20 сентября.

255

См.: Piekalkiewicz J. Op. cit. S. 258.

256

См.: Большевик. 1939. № 20. С. 5.

257

См.: Rawski T., Stapor Z., Zamojski J. Op. cit. Str. 179.

258

См.: Polski czyn zbrojny w II wojnie swiatowej. Wojna obronna Polski 1939. W-wa, 1979. Str. 853.

259

См. ibid. Str. 853.

260

Большевик. 1939. №22. С. 45.

261

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XXI. М., 1932. С. 210–211.

262

Большевик. 1939. №18. С. 6.

263

Большевик. 1939. №13. С. 74.

264

См.: Курс международного права. М., 1966. С. 199.

265

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, Т. I. С. 121–122.

266

Гальдер Ф. Военный дневник. Т. I. С. 108.

267

См. там же. С. 111, 114.

268

См.: Abshagen K. Canaris. Patriot und Weltburger. Stuttgart, 1950. S. 209.

269

См.: ADAP. Serie D. Band VIII. S. 81–82.

270

См. *ibid.* S. 101.

271

См. *ibid.* S. 101, 124.

272

См.: Madajczyk Cz. Op. cit. B. 1. Str. 54.

273

См.: Piekalkiewicz J. Op. cit. S. 225.

274

См.: Krummacher F.A., Lange H. Krieg und Frieden. Munchen, 1970. S. 394.

275

Гальдер Ф. Военный дневник. Т. I, С. 126.

276

См. там же. С. 127.

277

ЦГАСА, ф. 33987, оп. 1, д. 1175, л. 37.

278

См.: 1.9.39. Europaer erinnern sich... S. 156.

279

Piekalkiewicz J. Op. cit. S. 199.

280

См.: Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 449–450.

281

См.: Encyklopedia II wojny swiatowej. W-wa, 1975. Str. 404.

282

См.: Piekalkiewicz J. Op. cit. S. 274; ADAP. Serie D. Band VII. S. 400–408.

283

См.: Wojskowy Przegląd Historyczny. 1989. No 4. Str. 3.

284

Симонов К. Указ. соч. С. 81.

285

См.: Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 28.

286

См.: История Белорусской ССР. Минск, 1977. С. 358.

287

См.: История Украинской ССР. Киев, 1969. Т. 2. С. 480.

288

См.: Радянська енциклопедія історії України Київ, 1972. С. 267.

289

См.: История Белорусской ССР. Минск, 1961. Т. 2. С. 403.

290

См.: Бугай М.Ф. Депортації населення з України (30–50-ті роки)//Український історичний журнал (УІЖ). 1990. № 10. С. 34.

291

См.: Бугай М. Ф. Указ. соч. С. 35.

292

Там же. С. 37.

293

1.9.39. Europaer erinnern sich... S. 162.

294

Turleska M. Rok przed Kleska. W-wa, 1969. Str. 176.

295

Подробно см.: В.С.Парсаданова. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг.//Новая и новейшая история. 1989. №2. С. 28–30.

296

Львовская правда. 1990. 16 декабря.

297

Мюллерсон Р.А. Советско-германские договоренности 1939 г. в аспекте международного права//Советское государство и право. 1989. №9. С. 107.

298

Подробно см.: Международная жизнь. 1990. №5. С. 116–117.

299

См.: Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 52.

300

См.: Международная жизнь. 1990. № 5. С. 123.

301

См.: Московские новости. 1990. 6 мая.

302

См.: ADAP. Serie D. Band VIII. S. 724.

303

См.: Korbonski St. Polskie panstwo podziemne. Prewodnik po Podziemiu z lat 1939–1945. P., 1975. Str. 149.

304

См.: Wojskowy Przegląd Historyczny (далее – WPH). 1989. No 4. Str. 217.

305

См.: Lidova demokracie. 1990. 24. srpna.

306

См.: Kot St. Listy z Rosji do generala Sikorskiego. L., 1955. Str. 107.

307

См. ibidem.

308

См.: Swiatek R. The Katyn forest. Panda Press. L., 1988. P. 7.

309

См.: WPN. 1989. No 4. Str. 217–218.

310

См.: Miesiecznik literacki. 1988. No 7. Str. 85.

311

См.: Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. 1m Auftrage des auswärtigen Amtes auf Grund urkundlichen Beweismaterials zusammengestellt, bearbeitet und herausgegeben von der deutschen Informationstelle. B., 1943. S. 18–27.

312

См.: ADAP. Serie D. Band V. S. 579–580.

313

См.: Miesiecznik literacki. 1988. No 7. Str. 107.

314

См.: Armia Krajowa w dokumentach. L., 1973. T. 2. Str. 491–492.

315

См.: Новое время. 1990. 13 апреля. С. 38.

316

См.: Odrozenie. 1989. 18. lutego.

317

См. ibidem.

318

Ibidem.

319

См.: Абаринов В. Катынский лабиринт. М., 1991. С. 121–122.

320

См.: De Montfort H. Le massacre de Katyn. Crime russe ou crime allemand? P., 1969. P. 42.

321

См.: Kowalski W.T. Walka dyplomatyczna o mieste Polski w Europie (1939–1945). W-wa, 1966. Str. 224.

322

См.: Korbonski St. Op. cit. Str. 152.

323

См.: Правда. 1952. 3 марта.

324

См.: Miesięcznik literacki. 1988. No 7. Str. 95.

325

См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1958. Т. 1. С. 119–120.

326

См. там же. С. 126–127.

327

ADAP. Serie D. Band V. S. 721–722.

328

См.: Miesięcznik literacki. 1988. No 7. Str. 93.

329

См.: Zbrodnia katynska w swietle dokumentow. L., 1962. Str. 174.

330

Miesięcznik literacki. 1988. No 7. Str. 102.

331

Ibid. Str. 103.

332

См. ibidem.

333

См.: Die Hassell – Tagebücher 1938–1944. B., 1988. S. 361, 365.

334

См.: Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. S. 14.

335

WPH. 1989. No 4. Str. 225.

336

См.: Новое время. 1990. № 16. С. 37.

337

См.: Сообщение специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катинском лесу военнопленных польских офицеров. М., 1944.

338

См.: WPH. 1989. No 4. Str. 225.

339

Известия. 1990. 14 апреля.

340

См.: Новое время. 1990. 13 апреля. С. 37.

341

Верт А. Россия в войне 1941–1945. М., 1967. С. 480.

342

См.: Правда. 1944. 12 февраля.

343

См.: Правда. 1952. 12 марта.

344

ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 2, д. 391, лл. 43–46.

345

Там же, д. 8, лл. 36–37.

346

См.: Новое время. 1990. 13 апреля. С. 38.

347

Подробно по этим проблемам см. статью Ю.Зори и Н.Лебедевой «1939 год в нюрнбергском досье» (Международная жизнь. 1989. №9. С. 124–137).

348

См.: De Montfort H. Op. cit. P. 188.

349

Heydecker J., Leeh J. Der Nurnberger Prozess. Bd. 2. Koln, 1985. S. 374.

350

Szczesniak A.-L. Katyn. Tlo historyczne, fakty, dokumenty. W-wa, 1989. Str. 154.

351

См.: Правда. 1952. 3 марта.

352

См.: Lidova demokratie. 1990. 31. srpna: Szczesniak A.-L. Katyn. Relacje, Wspomnienia, Publicystyka. W-wa, 1989. Str. 9.

353

См.: Dagens Nyheter. 13.2.1948; Szczesniak A.-L. Katyn. Relacje, wspomnienia... Str. 12.

354

См.: Московские новости. 1990. 13 мая.

355

См. там же.

356

См.: Rolicki J. Edward Gierek: Prerwane dekada. W-wa, 1990. Str. 160–161.

357

См.: Odrodzenie. 1989. No 7. Str. 37; Przegląd powszechny. 1989. No 5; WPH. 1989. No 4.

358

См.: Madajczyk Cz. Dramat katynski. W-wa, 1989.

359

См.: Bibliografia katynska. Opr. M.Herz./WPH. 1989. No 4. Str. 235, 237–263.

360

См.: Московские новости. 1990. 13 мая.

361

См.: Lista katynska. Jency obozow Kozelsk, Ostaszkow, Starobielsk. Zaginieni w Rosji Sowieckiej. Opr. Ad. Moszynski. L., 1982. Str. 7.

362

См.: Военно-исторический журнал. 1982. № 2. С. 67–73; 1990. № II. С. 27–34; 1990. № 12. С. 30–44.

363

См.: Новое время. 1990. 13 апреля. С. 38.

364

См.: Szczesniak A.-L. Katyn Relacje, wspomnienia. publicystyka. Str. 11–13.

365

См.: Московские новости. 1990. 22 апреля.

366

Вопросы истории. 1990. №7. С. 173.

367

См.: Московские новости. 1990. 25 марта.

368

Правда. 1988. 13 ноября.

369

См.: Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 50–57.

370

См.: Trybuna ludu. 1989. 13. pazdernika.

371

Правда. 1990. 14 апреля.

372

Там же.

373

Военно-исторический журнал. 1990. № 6, С. 48.

374

См.: Международная жизнь. 1990. №5. С. 121–124.

375

Там же. С. 125.

376

См.: Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 54.

377

См.: Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. S. 16.

378

См.: WPH. 1989. No 4. Str. 217.

379

См.: Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. S. 17.

380

См.: WPH. 1989. No 4. Str. 217.

381

Московские новости. 1989. № 32. 6 августа.

382

См. там же.

383

См.: Международная жизнь. 1990. №5. С. 130.

384

См.: Московские новости. 1990. № 19. 13 мая.

385

The Goebbels diaries. L., 1948. P. 276.

386

См.: Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. S. 35, 75.

387

См. ibid. S. 42.

388

Правда. 1990. 15 апреля.

389

Внешняя политика СССР. Сб. документов. М., 1946. Т.IV. С. 466.

390

См.: Die Welt. 1979. 8. Dezember.

391

Центральный государственный архив Советской Армии (далее – ЦГАСА), 37977, оп. 1, д. 366, лл. 24, 53.

392

См.: Jakobson M. *Diplomatie im Finnischen Winterkrieg 1939–40*. Wien, 1970. S. 37.

393

Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV (1935–июнь 1941 г.). М., 1946. С. 243.

394

Jakobson M. *Op. cit.* S. 33.

395

См.: Tanner V. *The Winter War. Finland against Russia 1939–1940*. Stanford, California, 1957. P. 4–12.

396

См.: Jakobson M. *Op. cit.* S. 18, 21.

397

См. *ibid.* S. 18, 21.

398

См.: ADAP. Serie D. Band VI. S. 57–58.

399

Мерецков К. А. На службе народу. Страницы воспоминаний. М., 1969. С. 177.

400

См. там же. С. 177.

401

ЦГАСА, ф. 33987, оп. 4, д. 366, л. 134.

402

См.: Мерецков К. А. Указ. соч. С. 178.

403

См.: 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968. С. 230.

404

См.: Симонов К. Указ. соч. С. 442–443.

405

Известия. 1939. 30 марта.

406

См.: Чугунов А. И. Граница накануне войны. Из истории пограничных войск 1939–22 июня 1941 г. М., 1985. С. 10.

407

См. там же. С. 18.

408

См. там же. С. 22.

409

См.: Донгаров А. Г. Правительство Куусинена: эпизод советско-финляндской войны 1939–1940 годов//Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1989. №22. С. 74.

410

Вопросы истории. 1990. № 10. С. 188.

411

См. Jakobson M. Op. cit. S. 123–125.

412

Ibid. S. 49.

413

ЦГАСА, ф. 37977, оп. 1, д. 232, лл. 8, II, 14, 19.

414

См.: Jakobson M. Op. cit. S. 143.

415

Jakobson M. Op. cit. S. 147.

416

См. *ibid.* S. 139.

417

См.: Jakobson M. Op. cit. S. 161.

418

Большевик. 1939. №20. С. 8.

419

См.: Большевик. 1939. №20. С. 10.

420

ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1240, л. 51.

421

Правда. 1939. 3 ноября.

422

Там же.

423

См.: Jakobson M. Op. cit. S. 169.

424

Аргументы и факты. 1988. № 39. С. 6.

425

См.: Вопросы истории. 1990. № 5. С. 36–37.

426

См.: Jakobson M. Op. cit. S. 171.

427

См. *ibidem*.

428

Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 465.

429

ЦГАСА, ф. 25888, оп. 13, д. 30, л. 6.

430

См.: Мерецков К. А. Указ. соч. С. 182.

431

Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 463–464.

432

Там же. С. 464–466.

433

Большевик. 1939. № 22. С. 2.

434

Вопросы истории. 1990. № 5. С. 37.

435

Троцкий Л. Д. Портреты. С. 72.

436

Документы внешней политики СССР. М., 1970. Т. XVI. С. 390–392.

437

ЦГАСА, ф. 25888, оп. 11, д. 17, л. 194.

438

Караев Г. Разгром белофинского плацдарма 30 ноября 1939 г.– 13 марта 1940 г. Л., 1941. С. 37.

439

Там же. С. 37.

440

Известия. 1939. 27 и 29 ноября.

441

ЦГАСА, ф. 25888, оп. 14, д. 2, лл. 1, 3, 4, 6, 14.

442

См.: Василевский А. Дело всей жизни. М., 1975. С. 96; Советская военная энциклопедия. М., 1979. Т. 7. С. 419.

443

ЦГАСА, ф. 37974, оп. 1, д. 235, лл. 1–2.

444

См.: История второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. Т. 3. С. 362.

445

ЦГАСА, ф. 25888, оп. 14, д. 2, л. 7.

446

Там же, ф. 37977, оп. 1, д. 595, л. 78.

447

См.: Московские новости. 1989. 3 декабря.

448

Огонек. 1989. №30. С. 11.

449

ЦГАСА, ф. 37977, оп. 1, д. 233, л. 99.

450

ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1376, л. 26.

451

Jakobson M. Op. cit. S. 204.

452

Огонек. 1989. №30. С. 11–12.

453

ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1396, л. 58.

454

ЦГАСА, ф. 37977, оп. 1, д. 233, л. 68.

455

ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1378, лл. 225–226.

456

Мерецков К. А. Указ. соч. С. 185.

457

Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 191.

458

Симонов К. Указ. соч. С. 444.

459

См.: О трагедии в Катыни//Международная жизнь. 1990. №5. С. 120.

460

См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945, М., 1960. Т. 1. С. 266.

461

XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1934. С. 226.

462

ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1380, л. 223.

463

См.: Мерецков К. А. Указ. соч. С. 180.

464

См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 1. С. 269–270.

465

Suomen Kuvalenti. 17.11.1989. S. 53–55.

466

ЦГАСА, ф. 40442, оп. 1, д. 1875, л. 117.

467

Jakobson M. Op. cit. S. 235.

468

ЦГАСА, ф. 31983, оп. 3, д. 165, л. 57.

469

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева//Вопросы истории. 1990. №9. С. 84.

470

См.: Manninen O. Suomi loisessa maail mansodassa. Suomen Historia. 7. Espoo. 1987. S. 414.

471

ЦГАСА, ф. 40442, оп. I, д. 1873, л. 339.

472

ЦГАСА, ф. 25888, оп. 13, д. 30, л. 6.

473

См.: Мерецков К. А. Указ. соч. С. 189.

474

Огонек. 1989. №30. С. 11.

475

См.: Jakobson M. Op. cit. S. 194.

476

См.: Барышников Н. И., Барышников В. Н. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1985. С. 22–23.

477

См.: Jakobson M. Op. cit. S. 198.

478

См.: Московские новости. 1989. 3 декабря; Read A., Fischer D. Op. cit., p. 406.

479

См.: Донгаров А. Г. Война, которой могло не быть/Вопросы истории. 1990. № 5. С. 38–39.

480

Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1989. № 22. С. 74.

481

См.: Большевик. 1939. № 22. С. 4–10.

482

См.: Московские новости. 1989. 3 декабря.

483

См.: Большевик. 1939. № 22. С. 6–7.

484

Там же. С. 7.

485

Огонек. 1989. №30. С. 11.

486

Большевик. 1939. №22. С. 8.

487

Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 468–469.

488

ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1380, л. 3.

489

См.: Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 470.

490

См.: Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1989. Дек. № 22. С. 76–77.

491

См.: Независимая газета, 1991. 3 января.

492

Большевик. 1939. №22. С. 64.

493

Там же. С. 87.

494

См.: Jakobson M. Op. cit. S. 206.

495

ЦГАСА, ф. 33987, оп. 1, д. 1301, л. 92.

496

См.: League of Nations. Appeal by finish Government. Geneva, 1939. Dezember. P. 1.

497

См.: ADAP. Serie D. Band VIII. S. 423.

498

Известия. 1939. 16 декабря.

499

ADAP. Serie D. Band VIII. S. 117–119.

500

См. *ibid.* S. 188, 194.

501

См. *ibid.* S. 198.

502

См. *ibid.* S. 209.

503

См. *ibid.* S. 388.

504

См. *ibid.* S. 398.

505

См. *ibid.* S. 482.

506

Ibid. S. 437.

507

См. *ibid.* S. 679, 680.

508

См. *ibid.* S. 609, 613.

509

См. *ibid.* S. 667–668.

510

См.: Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Band 4. München, N.Y., L. P. 1987. S. 68, 72.

511

ADAP. Serie D. Band VIII. S. 555–556.

512

См. *ibid.* S. 718.

513

Гальдер ф. Военный дневник. М., 1968. Т. 1. С. 204.

514

См.: Jakobson M. *Op. cit.* S. 214.

515

ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1370, л. 2.

516

Там же, д. 1235, лл. 130–131.

517

См.: Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 г.–июнь 1941 г. М., 1959. С. 110–121.

518

См.: Jakobson M. Op. cit. S. 231.

519

Цит. по: Московские новости. 1989. 3 декабря.

520

АВП СССР, ф. Обзор, оп. 24б, п. 8, пор. 3, л. 96.

521

ЦГА СССР, ф. 519, оп. 3, д. 18, л. 10.

522

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 4, л. 88–90.

523

ЦГАСА, ф. 33987, оп. 1, д. 1301, л. 8.

524

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 Т. 1. С. 271.

525

ADAP. Serie D. Band VIII. S. 423.

526

См.: Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 494–496.

527

См.: Jakobson M. Op. cit. S. 305.

528

Кекконен У. К. Финляндия и Советский Союз. М., 1975. С. 222.

529

См.: Барышников Н.И., Барышников В.Н. Указ. соч. С. 41–42.

530

Цит. по: Московские новости. 1989. 3 декабря.

531

Троцкий Л.Д. Портреты. С. 94.

532

Симонов К. Указ. соч. С. 87.

533

См.: ADAP. Serie D. Band VIII. S. 494.

534

Линия Паасикиви. Статьи и речи Ю.Е.Паасикиви. 1949–1956. М., 1958. С. 73.

535

Кекконен У. К. Финляндия и Советский Союз. С. 35.

536

Там же. С. 112

537

См.: Линия Паасикиви. С. 56.

538

Кекконен У. К. Указ. соч. С. 233.

539

Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 199.

540

ЦАМО СССР, ф. 81, оп. 11624, д. 296, лл. 9–37.

541

ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1391, лл. 100–109.

542

ЦГАСА, ф. 32, оп. 11309, д. 15, лл. 94–98.

543

ЦГАСА, ф. 25888, оп. II, д. 17, лл. 194–196, 199.

544

Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 210.

545

Симонов К. Указ. соч. С. 444.

546

Mannerheim G. Muistelmat. II. Helsinki, 1952. S. 225.

547

См.: ADAP. Serie D. Band VIII. S. 510–511.

548

См. *ibid.* S. 494–495.

549

Altrichter H., Becker J. *Op. cit.* S. 179.

550

См.: Известия. 1933. 17 декабря.

551

См.: Osteuropa 13 (1937–1938). S. 709.

552

См.: Altrichter H., Becker J. *Op. cit.* S. 190.

553

См. *ibid.* S. 192.

554

Международная жизнь. 1990. № 2. С. 146.

555

См.: Altrichter H., Becker J. Op. cit. S. 196.

556

Ibid. S. 186.

557

Тихомиров В. Внешняя политика Советского Союза. М., 1940, С. 9.

558

Большевик. 1939. № 19. С. 57.

559

Год кризиса. 1938–1939. Т. II. Документы и материалы. М., 1990. С. 105.

560

Атмода. 1990. 2 января.

561

Известия. 1939. 18 сентября.

562

См.: Полпреды сообщают... Сборник документов об отношении СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г.– август 1940 г. М., 1990. С. 191.

563

См.: Советская Россия. 1988. 24 августа.

564

См.: Кичихин А.Н. Советские немцы: откуда, куда и почему?//Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 29.

565

Полпреды сообщают... С. 10, 13.

566

Там же. С. 26.

567

Там же. С. 13, 45.

568

Там же. С. 3.

569

См.: Советская Россия. 1989. 12 ноября,

570

См.: Восстановление Советской власти в Латвии и вхождение Латвийской ССР в состав СССР. Документы и материалы. Рига, 1987. С. 75.

571

Полпреды сообщают... С. 47.

572

Там же. С. 59.

573

См.: Известия. 1939. 27 сентября.

574

См.: Московские новости. 1990. № 31. 5 августа. С. 15.

575

См.: Myllyniemi S. Die Baltische Krise. Stuttgart, 1979. S. 59.

576

См.: 1940 год в Эстонии. Документы и материалы. Таллинн, 1989. С. 56–57.

577

См.: Полпреды сообщают... С. 72.

578

Там же. С. 76.

579

Там же. С. 76–77.

580

Там же. С. 77.

581

См. там же. С. 86.

582

См.: Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 453–455.

583

Известия. 1939. 19 октября.

584

Полпреды сообщают... С. 99.

585

См.: ADAP. Serie D. Band VIII. S. 87.

586

См.: Полпреды сообщают... С. 58–59.

587

См.: Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 456–458.

588

См.: ADAP. Serie D. Band VIII. S. 27.

589

См. *ibid.* S. 43.

590

См.: Полпреды сообщают... С. 29–30.

591

Полпреды сообщают... С. 31.

592

Урбшис Ю. Литва в годы суровых испытаний. 1939–1940. Вильнюс, 1989. С. 105.

593

Полпреды сообщают... С. 348.

594

См. там же. С. 48.

595

См. там же. С. 56.

596

См.: ADAP. Serie D. Band VII. S. 60.

597

См. *ibid.* S. 58.

598

См. *ibid.* S. 65–66.

599

м.: Полпреды сообщают... С. 159.

600

См. там же. С. 269.

601

1940 год в Эстонии. Документы и материалы. С. 87.

602

См.: Полпреды сообщают... С. 135.

603

См.: Мерецков К. А. Указ. соч.

604

См.: Полпреды сообщают... С. 49.

605

Международная жизнь. 1990. №2. С. 142.

606

См.: Полпреды сообщают... С. 235.

607

См.: 1940 год в Эстонии. Документы и материалы, С. 16.

608

См.: Полпреды сообщают... С. 500.

609

См. там же. С. 5.

610

См. там же. С. 123, 138–140, 144.

611

Там же. С. 144.

612

См.: Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 12–13.

613

См.: Полпреды сообщают... С. 147–152.

614

Там же. С. 150.

615

ЦГАСА, ф. 33988, д. 378, л. 144.

616

Вечерний Таллинн. 1989. 25 сентября.

617

1939. An der Schwelle zum Weltkrieg. S. 342.

618

ЦГАСА, ф. 33988, оп. 3, д. 374, л. 102.

619

Полпреды сообщают... С. 188.

620

См.: Полпреды сообщают... С. 246.

621

Там же. С. 248.

622

См. там же. С. 340.

623

См.: Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 507–508.

624

См.: Советская Россия. 1989. 12 ноября.

625

См.: 1939. An der Schwelle zum Weltkrieg. S. 336.

626

См.: ADAP. Serie D. Band XII. S. 36.

627

См.: Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 510.

628

См. там же.

629

См.: Московские новости. 1990. №18. С. 6.

630

ЦГАСА, ф. 33988, оп. 3, д. 376, л. 302–305.

631

См. там же, л. 53.

632

См.: 1940 год в Эстонии. Документы и материалы. С. 20.

633

Read A., Fischer D. Op. cit. P. 467.

634

См.: Восстановление Советской власти в Латвии и вхождении Латвийской ССР в состав СССР. Документы и материалы. С. 110.

635

Известия. 1990. 23 июня.

636

Вечерний Таллинн. 1989. 2 ноября.

637

См.: Атмода. 1990. 2 января.

638

Международная жизнь. 1990. №2. С. 142.

639

Курьер. 1989. 16–31 августа.

640

1940 год в Эстонии. Документы и материалы. Таллинн, 1989. С. 111–112

641

См.: Правда. 1940. 22 июня.

642

См.: Советская Эстония. 1989. 28 сентября.

643

Полпреды сообщают... С. 432–433.

644

См. там же. С. 433.

645

Там же. С. 433.

646

Там же. С. 446–447.

647

См. там же.

648

См. там же. С. 394–395.

649

См.: Советская Эстония. 1989. 29 сентября.

650

1940 год в Эстонии. Документы и материалы. С. 132.

651

См.: Полпреды сообщают... С. 434.

652

1940 год в Эстонии. Документы и материалы. С. 150.

653

Полпреды сообщают... С. 433.

654

См.: 1940 год в Эстонии. Документы и материалы. С. 110–III.

655

Полпреды сообщают... С. 405.

656

Там же. С. 419.

657

Там же.

658

См. там же. С. 462–463.

659

См.: Советская Эстония. 1989. 28 сентября.

660

1940 год в Эстонии. Документы и материалы. С. 153.

661

См.: Советская Эстония. 1989. 29 сентября.

662

См.: Полпреды сообщают... С. 457–458.

663

См.: Атмода. 1990. 2 января.

664

См. там же.

665

Полпреды сообщают... С. 451.

666

Там же. С. 453–455.

667

См.: Восстановление Советской власти в Латвии и вхождение Латвийской ССР в состав СССР. Документы и материалы. С. 136–137; Полпреды сообщают... С. 453–454; Советская

Эстония. 1989. II октября.

668

См.: Полпреды сообщают... С. 459.

669

См.: Полпреды сообщают... С. 465.

670

См.: Восстановление Советской власти в Латвии... С. 135.

671

1940 год в Эстонии. Документы и материалы. С. 115.

672

Там же. С. 139.

673

См. там же. С. 142.

674

Там же. С. 140.

675

Очерки истории Коммунистической партии Латвии. Часть 2. Рига, 1966, с. 444; Советская Эстония, 1989 г., 29 сентября; Очерки истории Коммунистической партии Эстонии. Часть 3. Таллинн, 1970 г., с. 12: Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии. Восстановление Советской власти. М., 1978 г., с. 395.

676

Никонов А. Полвека вместе. Как дальше? // Коммунист. 1990. №. С. 49.

677

См.: Полпреды сообщают... С. 473.

678

См. там же. С. 474.

679

См.: Восстановление Советской власти в Латвии... С. 172.

680

Правда. 1989. 21 июня.

681

Аргументы и факты. 1990. 16–22 июня. С. 8.

682

См.: Седьмая сессия Верховного Совета СССР 1 августа – 7 августа 1940 г. Стенографический отчет. М., 1940. С. 93–94, 98–100.

683

1940 год в Эстонии. Документы и материалы. С. 23.

684

См.: Полпреды сообщают... С. 491.

685

Атмода. 1990. 29 апреля.

686

См.: ADAP. Serie D. Band VIII. S. 129.

687

Полпреды сообщают... С. 465.

688

Там же. С. 500.

689

Там же. С. 504.

690

ADAP. Serie D. Band XI 2. S. 889–890.

691

См.: ADAP. Serie D. Band XII 2. S. 526.

692

См. *ibid.* S. 526–725.

693

См.: Полпреды сообщают... С. 472.

694

ADAP. Serie D. Band IX. S. 492.

695

См. *ibid.* S. 496.

696

См.: ADAP. Serie D. Band XI 1. S.

697

Ibidem.

698

Kitchen M. Op. cit. P. 32; 1940 год в Эстонии. Документы и материалы. С. 160.

699

См.: Public Papers of the Presidents of the United States Gerald Ford. 1975. Book 2. Wash, 1977. P. 1032.

700

1940 год в Эстонии. Документы и материалы. С. 168–169.

701

См.: Восстановление Советской власти в Латвии... С. 178.

702

АВП СССР, ф. Обзор, оп. 246, п. 8, пор. 3, л. 108–112.

703

Там же, л, 141.

704

Известия ЦК КПСС. 1990 г., №11, с. 113.

705

Советская Эстония. 1989. 11 октября.

706

См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 134.

707

См. там же. С. 132–133.

708

См. там же. С. 134.

709

См. там же.

710

См.: Вечерний Таллинн. 1990. 16 мая; Советская Литва. 1989. 8 июня; Коммунист. 1991. №3. С. 111.

711

См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 134.

712

См.: Атмода. 1990. 29 апреля.

713

См.: Роковые годы. С. 72.

714

См.: Аргументы и факты. 1989. 30 сентября – 6 октября. С. 8.

715

См.: Кичихин А.Н. Советские немцы: откуда, куда и почему?//Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 34–35.

716

С. Кузнецов, Б. Нетребский. Под маской независимости/документы о вооруженном и националистическом подполье в Латвии в 40–50-х гг. // Известия ЦК КПСС. 1990, №11, с. 112–115.

717

Никонов А. Указ. соч.//Коммунист. 1990. № 14. С. 51.

718

Коммунист. 1990. № 10. С. 116.

719

См.: Атмода. 1990. 29 апреля.

720

Советская Литва, 1989. 8 июня.

721

См.: Правда. 1990. 20 июля.

722

Там же.

723

СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Документы и материалы. М., 1971. С. 242.

724

Советская Эстония. 1989. 8 декабря.

725

Полпреды сообщают... С. 493–494.

726

Там же.

727

Там же. С. 6.

728

1940 год в Эстонии. Документы и материалы, С. 3.

729

Правда. 1990. 24 февраля.

730

Советская военная энциклопедия. Т. 6. М., 1978. С. 35.

731

Советская Эстония. 1990. 3 февраля.

732

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 14.

733

Год кризиса. 1938–1939. Т. 2. С. 321.

734

ADAP. Serie D. Band XI 1. S. 471.

735

Ibidem.

736

См.: ADAP. Serie D. Band VIII. S. 391.

737

См. idid. S. 420.

738

См. ibid. S. 593.

739

Шестая сессия Верховного Совета СССР. 29 марта – 4 апреля 1940 г. М., 1940. С. 40.

740

См.: ADAP. Serie D. Band IX. S. 41–42.

741

См. *ibid.* S. 50.

742

См.: Новиков Н.В. Воспоминания дипломата. Записки 1938–1947. М., 1989. С. 40.

743

См.: ADAP. Serie D. Band IX. S. 135.

744

См.: Fall Barbarossa. S. 28.

745

См.: ADAP. Serie D. Band IX. S. 382.

746

См. *ibid.* S. 404.

747

См. *ibid.* S. 547.

748

См.: 23 August 1944. Documente 1939–1943. V. 1. Bucuresti, 1984. P. 84.

749

См. *ibid.* P. 76–77.

750

См. *ibid.* P. 79–80.

751

Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 515–516.

752

Там же. С. 516.

753

Колкер Б. М., Левит И.Э. Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сентябрь 1939 г. – июнь 1941 г.). М., 1971. С. 110.

754

См.: Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 510–517.

755

См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. I. С. 281.

756

ЦГА СССР, ф. 491, оп. 1, д. 1, л. 2.

757

См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. Т. I. С. 282.

758

См.: История второй мировой войны. 1939–1945. Т. III. М., 1974. С. 371.

759

См.: Очерки истории Коммунистической партии Молдавии. Кишинев, 1981. С. 254.

760

См. там же. С. 254.

761

См.: История Молдавской Советской Социалистической Республики. Кишинев, 1969. С. 356.

762

См.: Известия. 1940. 28 июля.

763

См.: Правда. 1940. 11 июля.

764

См.: Седьмая сессия Верховного Совета СССР 1–17 августа 1940 г. Стенографический отчет. М., 1940. С. 183–185.

765

См.: Новиков Н. В. Указ. соч. С. 43–44.

766

См.: ADAP. Serie D. Band XI 2. S. 909.

767

Известия. 1940. 14 сентября.

768

См.: 23 august 1944. V. 1. P. 95.

769

См. *ibid.* P. 117, 129.

770

См.: ADAP. Serie D. Band XI 2. S. 826.

771

См.: Deutschland im Zweiten Weltkrieg. B. 1. S. 431.

772

См.: Fall Barbarossa. S. 28.

773

См.: 23 august 1944. V. 1. P. 138.

774

Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 515–516.

775

См.: Вечерний Кишинев. 1989. 8 июля.

776

См.: История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 3. М., 1974. С. 376.

777

См.: СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Стат. сборник. М., 1970. С. 82–91.

778

См.: История КПСС. М., 1970. Т. 5. Кн. 1. С. 77.

779

См.: Военная мысль. 1964. № 3. С. 72.

780

ЦАМО, ф. 32, оп. 11306, д. 88, л. 45.

781

Pietrow B. Op. cit. S. 190–191.

782

См.: История второй мировой войны 1939–1945. Т. III. С. 142–143.

783

ADAP. Serie D. Band XI/I. S. 300.

784

См.: ADAP. Serie D. Band XII/I. S. 150, 177.

785

См. *ibid.* S.336

786

См.: ADAP. Serie D. Band XII/2. S. 556.

787

Hilger G. Op. cit. S. 306.

788

Kiessel. Gefechte in Russland 1941–1944. Darmstadt, 1956. S. 10.

789

Bismark O. Die gesammelten Werke. Berlin, 1928. Band 10. S. 104.

790

См.: «Unternehmen Barbarossa». Der Deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941: Berichte, Analysen, Dokumente. Hrsg. von G.R. Uebershar, W. Wette. Paderborn, 1984. S. 27–28.

791

За рубежом. 1988. №36 (1469). С. 18.

792

Das Geheimniss der Versöhnung. Bonn, 1985. S. 5.

793

См.: Hildebrand K. Vom Reich zum Weltreich: Hitler, NSDAP und koloniale Frage 1919–1945. München, 1969. S. 94.

794

См.: Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowjetunion (1940/41). Berlin, 1970. S. 53.

795

Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1969. Т. 2. С. 80.

796

Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. М., 1958. Т. 2. С. 559–560.

797

Ферстер Г., Гельмерт Г., Отто Г. и Шниттер Г. Прусско-германский генеральный штаб 1640–1965. К его политической роли в истории. М., 1966. С. 304,

798

Whaley B. Codeword «Barbarossa». Z., 1973. P. 2.

799

АВП СССР, ф. Обзор, оп. 246, п. 8, кор. 3, л. 156–162.

800

Greiner H. Die Oberste Wehrmachtführung. 1939–1945. Wiesbaden, 1951. S. 289.

801

Bucheil G. Hitler der Feldherr. Die Zerstörung einer Legende. Rastatt/Baden, 1958. S. 178.

802

Прозектор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989. С. 179.

803

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 4, л. 167.

804

Международная жизнь. 1990. № 10. С. 57–58.

805

См.: Родина. 1990. № 5. С. 52.